

2018

Николай Нарингов

**Сибирь
КАК КОЛОНИЯ**



Сибирь как колония //Издательство Ю. Мандрики, Тюмень, 2000
ISBN: 5-93020-076-9
FB2: ООО «Издательство Баско», 24.01.2014, version 1.0
UUID: 00oFBTools-2014-1-24-15-17-49-1335
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Михайлович Ядринцев

Сибирь как колония

Н.М. Ядринцев. Сибирь как КОЛОНИЯ

*Колонии посвященного общества,
утверждающиеся в безлюдной и мало-
населенной стране, скорее всякого дру-
гого человеческого общества двигают-
ся к богатству и благосостоянию.
Адам Смит*

От автора

Посвятив большую часть жизни изучению края интересного, но малоизвестного, мы решились соединить в одно целое все наши наблюдения и плоды литературных работ о Сибири, чтобы дать картину современной жизни нашего Востока, поучительную для русского общества. Ежели склад народной жизни в европейской России вызывает ныне особое внимание, то не менее интереса может представить проявление той же жизни русского народа на обширных окраинах среди новых условий и новой обстановки. Несомненно, что здесь, среди девственной приро-

ды, характер того же населения должен проявляться оригинальнее и самобытнее. Передать некоторые черты из жизни этого края и познакомить с ним ввиду недостатка сочинений и существования смутных представлений о Сибири было нашей целью.

Мы имели в виду рассеять предубеждение и ложное понятие о нашем Востоке, сложившееся по его печальному прошлому, и показать, что этот край мог бы при лучших условиях быть страной довольства, богатства и счастья.

Наши владения на Востоке и обширные пространства Сибири получают особое значение теперь, когда поднимается «переселенческий вопрос», на котором сосредоточено одинаково внимание правительства и общества. Русский народ стремится сиздавна проложить тропу в Сибирь, и ввиду чувствуемой потребности переселений этот край несомненно будет играть в будущем еще большую роль. Избыток населения и потребность в земле не только не ослабляют, но постепенно будут возрастать, и поэтому места, свободные для переселений, будут цениться более и бо-

лее. Малонаселенные земли, по выражению Литтре, призваны играть огромную роль в будущности человечества.

Мы имели в виду рассмотреть положение Востока именно с этой точки зрения. Затем мы не могли не коснуться того этнологического процесса и всех изменений, какие совершаются в обстановке новой страны. Необходимо изучить все особенности ее, влияние на человека, все оригинальные проявления быта для того, чтобы составить понятие об условиях человеческого существования здесь. Наконец в этой стране мы видим зарождающееся общество, в котором проявляются те же человеческие стремления, постепенно формируются кости и мускулы живого организма, совершается промышленный и культурный рост, пробуждаются гражданская жизнь и духовные потребности, которые требуют удовлетворения.

Конечно, трудно было дать полную картину жизни и всех оттенков ее ввиду разнообразия племен и народностей, раскиданных на обширнейших в мире пространствах. Но мы старались хоть отчасти обобщить добытые эт-

нографические наблюдения в различных местностях края, сознавая, что подробная научная разработка еще впереди. Наши очерки имеют скорее в виду возбудить любознательность и интерес к изучению Востока. Имея перед собой наступающее трехсотлетие исторического существования края, мы считали не бесполезным представить некоторые итоги, познакомить с насущными потребностями и с вопросами, выступающими в его жизни.

Касаясь современного положения Сибири, рядом с исследованиями в своих текущих литературных работах мы должны были часто давать ответы на немолчные запросы жизни, поэтому тон нашего изложения не всегда является объективным и спокойным; но едва ли мы заслуживаем упрека в том, что, приходя на зов жизни, мы стремились ответить на него всеми силами души и полагали здесь весь жар своего сердца. Принадлежа к поколению, стремившемуся сознательно отнестись к нуждам своей родины и быть ей полезным, мы старались внести посильную дань в изучение ее вопросов, веруя, что другие поколения, одушевленные тою же любо-

вью, выполняют последующие задачи гораздо полнее и лучше нашего.

1881–1882 гг.
С.-Петербург.

Русская народность на Востоке

I.

Естественные и географические условия Сибири. — Климат и топография. — Естественные богатства. — Удобства жизни. — Реки как пути сообщения. — Будущность края в условиях географического положения. — Расположение русского населения, его распространение. — Отношение к инородческому элементу. — Взаимные влияния. — Вырождение и результат смешения. — Культурное влияние. — Пропорция русского населения к инородческому. — Средства сохранения национальности и свойств высшей расы.

Немного найдется стран, представляющих столько нового, оригинального и любопытного, как в естественноисторическом, так и этнологическом отношениях, подобно нашей

восточной окраине, и в то же время едва ли существует страна, о которой бы соотечественники знали менее и имели более смутные и неопределенные понятия. Несмотря на то, что уже три столетия, как край этот приобретен русскими и более полутора столетия открыт для исследования науки[1], несмотря на то, что первейшие светила европейской учености, как Гумбольдт, Ледебур[2], Эренберг, Розе[3], Бернард Котта и другие, удостоили его исследованиями и оставили здесь свои блестящие имена, несмотря на то, что со временем Мессершмидта и Палласа в Сибири пребывало множество путешественников и экспедиций; Гмелин, Георги, Клапрот, Кастрен изучали здесь азиатские народности, а в последнее время география Азии, и в том числе Сибири, освещена великими трудами Риттера; несмотря на это, познания о Сибири весьма слабо проникли в русское общество. Многие доселе верят еще, что громадная площадь, лежащая к востоку от Урала, представляет негостеприимную пустыню с суровым климатом, вечными зимами, неудобную для культуры и страшную для жизни. Это предубежде-

ние невежества доселе тяготеет над злосчастною страной.

Отдаленность края, его нетронутость, подавляющая природа, могучее проявление стихий и трудность борьбы с природою в новых местах, как и сознание бессилия, чувствуемое не подготовленным для борьбы человеком, в связи с мифом о неизвестном и таинственном, всегда устрашающем, действительно заставляли видеть в этом крае нечто негостеприимное, но эти предубеждения день ото дня разрушаются жизнью, и несомненно придется когда-нибудь пожалеть, что наше незнание помешало оценить настоящее значение столь богатого края для государства.

Поэтому, приступая к описанию жизни и истории распространения русского населения на Востоке, мы считаем нелишним хотя бегло познакомить с географическими и топографическими условиями нашего Востока по современным данным.

Пространство Сибири от Урала и до Восточного океана и от южных степей, входящих в состав края, до Ледовитого океана, т. е. между 45° и 77° северной широты, определя-

ется ныне в 245700 кв. миль, или 11885400 кв. верст, причем должно сказать, что все исчисления дают только приблизительное понятие о величине территории за неприведением в известность всех земель на этом огромном протяжении[4]. Во всяком случае должно признать, что территория азиатской России, или Сибири, превосходит европейскую Россию вместе с Финляндией и Царством Польским более чем вдвое; мало того, она занимает пространство большее, чем вся Европа, составляет четвертую часть Азии, превосходит Австралию и немного менее половины Африки. Такое протяжение территории заставляет приравнять ее скорее к частям мира, чем к областям государства. Одна из губерний, далеко не самая большая, — за Уралом, Томская, составляет 18 % всей России, превосходит Великобританию в 2 1/2 раза, Пруссию — в 3 раза, Францию — в 1 1/2 раза. Эта губерния равняется 15688 кв. милям, но рядом с нею Тобольская занимает уже 25749 кв. миль.

Все протяжение Западной Сибири равно 2964649 кв. верстам и Восточной Сибири 8654000 кв. верстам. Такая часть мира едва ли

может похвастаться когда-либо излишнею и ненужною для человечества. Раскидываясь от Полярного круга до среднеазиатских степей, эта страна заключает все климаты — от вечных полярных льдов до среднеазиатских жаров, от безжизненной тундры и ледяных пустынь с ископаемыми мамонтами, усеявшими своими костями побережья Ледовитого моря, до цветущих благословенных уголков у подножия Алтая, до роскошных оазисов Чуйской долины и озера Иссык-Куля, до берегов поражающего южною растительностью Амура. Эти изменения в климате сопровождаются самыми причудливыми изменениями природы с самой разнообразной флорой и фауной. Таким образом, только разве часть Сибири в широтах полярного холода, под 70°, может быть признана суровой по климату и труднодоступной для жизни, но и это можно признать, только игнорировав тот факт, что торговцы и промышленники уже основали здесь свои фабрики и что здесь сиздавна существует значительное инородческое население со своим промыслом. Что касается средней и южной Сибири, то она обладает умеренно-

стью климата, не уступающей средним губерниям России; мы не говорим уже о тех уголках, дышащих южной природой, которым может позавидовать Малороссия и которые влекут ныне к себе целые потоки русского крестьянства.

Все, что можно сказать, — это то, что континентальный климат Сибири обладает крайними переходами от суровых зим к жаркому лету, но это жаркое, почти тропическое лето вознаграждает человека за леденящий мороз, как яркие цветы Сибири награждают за бледные покровы зимы.

Для человека, привыкшего к климату Восточной России, зимы Сибири не кажутся более тягостными. Вскрытие рек в апреле и замерзание в октябре и ноябре не представляет ничего необыкновенного[5]. Напротив, в различных широтах Сибири, как доказывает сама жизнь, легко акклиматизовывается самое разнообразное по привычкам население, начиная с малоросса и бессарабца, кончая архангельцем; малороссы при этом выбирают более южные степи Сибири. Вообще же полоса между 60° и 45° представляет слишком до-

статочно простора на огромном протяжении в 8000 в., чтобы найти место для жизни и вернуть известную культуру[6].

Природа и топография Зауралья представляет крайнее разнообразие. На большом протяжении здесь чередуются равнины, степи, огромная лесная полоса и наконец на юге и востоке проходят несколько значительных горных хребтов, придающих многим местностям Сибири горный характер. Степи средней Сибири весьма отличаются от среднеазиатских и киргизских степей; так называемая барабинская, ишимская и кулундинская степи составляют не что иное, как равнины, покрытые роскошной травяной растительностью и усеянные березовыми рощами, плодородие которых изумило академика Миддендорфа. Некоторые степи можно назвать пампасами Сибири, среди них помещаются огромные водные бассейны вроде озера Чаны, занимающего 2910 кв. верст, окруженного массой других второстепенных озер. Озера эти усеяны табунами сибирской дичи. К югу степи покрыты солеными озерами.

Благодаря обширным пастбищам на севе-

ре и юге Сибири в ней пропитывается, по последним сведениям, только в одной западной половине 11249900 голов скота, в том числе 2703300 лошадей, 93500 оленей, 170500 верблюдов, 1606000 рогатого скота и 5679300 баранов. При этом верблюды, 1300000 лошадей, 700000 рогатого скота и 4200000 баранов приходится на киргизскую степь, а остальное — на земледельческую полосу. Если мы прибавим к этому половину такого количества скота в Восточной Сибири, мы поймём, что скотоводческие богатства Сибири замечательны и превосходят австралийское скотоводство, считавшее недавно до 10000000 голов скота.

Лесная полоса Сибири, начинающаяся с 57° с.ш., простираясь к северу, представляет сплошные урманы и тайги. Северная тайга сменяется к югу в Кузнецком и Бийском округах Томской губернии так называемой «чернью».

Эти девственные леса изобильны вековыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойных деревьев, а в южной черни — береза, тополь, осина и даже липа увеличивают разнообразие; множество

ягод, кустарники, как таволга, жимолость, аргай, и другие породы прибавляют растительность, а дикий хмель и вьющиеся растения, обвивая эти леса лианами, напоминают кущи девственной Америки.

Лесная площадь Западной Сибири в 11 округах Томской и Тобольской губерний считается в 56 миллионов десятин, не считая лесов Семипалатинской и Акмолинской областей, имеющих около 1 миллиона десятин. Такое количество превышает пространство казенных лесов трех крупных северных губерний России, Олонецкой, Вологодской и Пермской, имеющих только 55000000 десятин. Мы не говорим о лесах Восточной Сибири и Амура, превышающих приведенные цифры более чем вдвое.

На юге Сибири обилие рек, падающих с высоких гор в плодоносные долины, составляет ирригацию этой местности. В то же время долины Бухтармы или часть Забайкалья и Амура пользуются благословенным климатом.

Цветущая альпийская растительность здесь покрывает луга и склоны гор, благопри-

ятствуя развитию скотоводства и пчеловодства, которые представляют ныне уже богатые задатки жизни. Многие горные местности Алтая и Минусинского края по своей живописной природе не уступают Швейцарии, а течение Иртыша в горах напоминает Рейн. Горный район одной Западной Сибири равняется пространству пяти европейских Швейцарий и представляет несравненно более разнообразия. В ней те же альпийские озера, величественные водопады и вершины гор, увенчанные облаками и вечным снегом[7]. На юге Сибири, в Катунских альпах, находится свой Монблан, не менее живописный, со спускающимися в долину глетчерами. Горы Сибири достигают высоты 10 и 12 тыс. футов над поверхностью моря. Хлебопашество на них простирается до высоты 4000 ф. Обращаясь вообще к полосе, доступной для земледелия, мы не можем не признать, что ввиду протяжения Сибири полоса эта не может быть незначительной. Почвенные условия в большинстве крайне благоприятны. Десять округов Тобольской губернии и почти вся Томская, исключая северные части Нарымского округа,

находятся в земледельческой полосе; точно так же и значительная часть Енисейской, Иркутской губерний и всё Забайкалье. Земледелие распространяется ныне в степях и горных местностях Сибири, где азиатские народы сиздавна употребляют орошение.

Почва Сибири по своей тучности не требует удобрения. Брем выразился, что настоящее золото Сибири — это её чернозем. Урожаи на девственной почве огромны.

Таких способных к хлебопашеству земель Министерство Государственных Имуществ высчитало в Западной Сибири 660915 кв. в., или 69465866 десятин, или 32,4 % общего пространства, а в Восточной Сибири 1612390 кв. верст, или 167890110 десятин. Несмотря на этот поверхностный расчет, одни цифры поражают воображение. По сведениям казенных палат, в числе крестьянских наделов пахотных земель к 1878 г. в Тобольской губернии было 5773272 дес. и вдвое более в Томской.

Но русское население ежегодно еще завоевывает множество земель из-под лесов, и земледельческое пространство все более расши-

рывается. Приняв во внимание эту земледельческую полосу Сибири, мы должны признать, что в будущем здесь может найти пропитание население в несколько десятков миллионов, и Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения европейской России.

Огромные расстояния и континентальная замкнутость Сибири мешали долго её открытию и сообщениям с ней.

Морские берега её долго были недоступны, береговой континент беден расчленениями, но с другой стороны, внутренние пространства богато наделены озерами и реками. Некоторые озера, как Байкал, составляют род внутреннего моря, оно равняется 576 кв. м. Озер величиною от 300 до 10 миль считается 17.

Что касается рек, то они еще более представляют удобств сообщения, и по ним сыздавна двигалась колонизация.

Сибирь обладает четырьмя первоклассными речными бассейнами, которые могут уподобиться только величине американских рек; три из них текут с юга на север и могут облег-

читать обеспечение продовольствия бесплодному северу произведениями юга. С другой стороны — огромные реки богатством притоков составляют сеть водного сообщения между западом и востоком. Совокупность всех четырех бассейнов, обнимая 152500 кв. миль, то есть $\frac{3}{5}$ всей азиатской России, показывает, что рано или поздно предоставится возможность обнять речным сообщением большую часть Сибири, от Якутска и Восточного океана до Камско-Волжского бассейна, и от Туруханска и Обдорска до Минусинска, Кяхты, Бийска, Зайсана и Уссурийского края. Ничтожность волоков давно возбуждает мысль о соединении небольших промежутков каналами; таких волоков на всем протяжении насчитывается не более двух.

Эти же волоки могут быть легко соединены ныне железными дорогами[8].

Сами моря, как Ледовитый океан, являются не столь недоступными, судя по последним экспедициям Норденшельда и опытам сношений Европы с Сибирью. Точно так же есть основание надеяться, что побережья Амура не всегда будут пустынными и торговля на Во-

сточном океане получит оживление.

Что касается южных границ Сибири, отделенных от азиатских государств хребтами Тянь-Шаня, Алтая и Саян, как и среднеазиатскими пустынями, то нельзя сказать, чтобы сообщения с Азией не были доступны чрез них, хотя они и способствовали изолированию Сибири в древнее время. Намеченные уже русскими торговые тракты в Китай, Монголию и Туркестан при условиях новейшей цивилизации могут только совершенствоваться; поэтому азиатские государства не могут считаться для нас более чуждыми.

Такое географическое положение азиатской России, смыкающейся с одной стороны с европейским миром и соприкасающейся с другой — с внутренней Азией, не может не указывать в будущем важной политической и культурной роли, которая намечается её исторической жизнью.

Все будет зависеть от того, насколько русское население на Востоке сумеет овладеть своим положением и развить свои внутренние общественные силы. По естественным и экономическим произведениям Сибирь давно

заслуживала внимание и обладает дарами природы в завидной степени.

До сих пор её богатства в виде пушнины, дорогих мехов, золота и минералов не всегда расчетливо эксплуатировались и, исчезая бесследно из страны, не создали прочной местной промышленности, но такое положение не всегда будет продолжаться.

Без сомнения, этому краю предстоит еще промышленное развитие, причем его естественные богатства будут открываться более и производительность увеличиваться.

Природные и естественные условия края таким образом открывают нам богатую страну вместо безжизненной пустыни. После того, как четырехмиллионное население, раскинувшись в различных широтах, создало здесь начало оседлости и формируется в гражданское общество, едва ли придет кому-либо в голову отвергать здесь возможность жизни. Напротив, обширные потоки колонизации и увеличивающееся влечение русского населения на Восток указывают, что ей предстоит когда-нибудь играть весьма важную роль в будущем. Вот почему на поло-

жение Востока, его жизнь, состав населения, его насущные нужды и потребности более, чем когда-либо, предстоит обратить внимание.

Рассматривая по этнографической карте распространение русского населения восточной окраины, от Урала к Восточному океану, мы видим следующую картину: по югу всей Сибири, тотчас по переходе через Урал, вплоть до границ верхней Тунгуски, впадающей в Енисей, тянется сплошная лента русского населения; эта сплошная масса занимает пространство между Верхотурьем и Троицком, Тобольском и Петропавловском, суживающееся между Тарой и Омском и несколько расширяющееся между Томском и Бией; далее, в Енисейской же губернии, по рекам, впадающим в Енисей, около Нижнеудинска она резко обрывается. Остальное пространство — пустыня; только по течению рек в этой пустыне тянутся еще тонкие красные нити населения по Оби, Енисею, Лене до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва разветвляясь кое-где в паутину, как, например, к Вилюйску, или с Амура по правой стороне Усури и

к Николаевску. Остальное пустынное пространство отмечено кое-где разбросанными крапинками и гнездами, как бы пикетами русской народности. В сущности, это распределение можно сравнить сдвигающейся на Восток колонной; сначала сплошной, потом суживающейся, наконец, совершенно теряющейся в пустыне, как теряется река в песчаной степи; неприятеля здесь изображает отесняемый по ту и другую сторону инородец; армия эта ведет ожесточенную борьбу с природой; она намечает дороги, наводит мосты, рубит леса, и её разведчики, часто удаляясь далеко вперед, не успевают оглянуться, как леса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются, и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдаленная от прочего населения.

Кругом этого русского населения и между ним по пустыням расположены инородцы, остатки финских[9] и тюркских племен. На этнографической карте — по обе стороны красной ленты русского населения — пустыни Сибири отмечены этими азиатскими инородцами. Мы видим здесь самые разнообраз-

ные типы туземцев, примыкающих с юга и севера к русскому населению. Прежде всего тотчас за Уралом встречается с русскими племя вогулов, далее сибирские татары, потомки Маметкула; севернее — остяки, самоеды, тунгузы, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, гиляки; к югу окружают русских киргизы, алтайцы-калмыки, сойоты, буряты, корейцы, китайцы, а на западе — сарты и узбеки Туркестанского края.

Некоторые из этих инородцев, несмотря на то, что своими поселениями занимают обширные пространства, довольно малочисленны в сравнении с русскими, как тунгузы, чукчи, камчадалы; некоторые же — киргизы, буряты — составляют довольно значительное сплошное население, представляющее все задатки крепкого и прочного существования. В общей же сложности все инородцы, окружающие русское племя, своею численностью немного уступают русским.

Колонна русского населения прошла, как мы сказали, в середине, она раздвинула инородцев. Некоторые из них остались еще почти неприкосновенными, другие совершенно

исчезли; есть и такие, которые перемешиваются с русскими или уцелели в самой середине, окруженные русским племенем. Несмотря на свое преобладание и расовое превосходство, русская народность не могла, однако ж, поглотить инородцев, не смешиваясь с ними, не купив свою победу слитием, т. е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом. Смешение это происходило и происходит по преимуществу там, где русское население теснее сталкивается с инородческими племенами и где оно уступает численностью, т. е. преимущественно по окраинам своей колонны.

Воспринимая инородцев по сторонам, русское население в середине быстро всасывает, претворяет их и поглощает. Поэтому только около самых границ мы встречаем резкие инородческие помеси, а в середине идет уже сплошной слой русского племени, переваривший и переработавший уже смешанные элементы.

Такие ассимиляция и смешение с инородцами русского населения, закинутого за Урал около трех столетий назад и медленно осве-

жаемого притоками колонизации, не могли не наложить особой печати на тамошнее население. Мы знаем, что такая ассимиляция, смешение между расами, происходили у многих народов, и когда-то русское население смешивалось и претворяло в себя инородческие элементы и по сию сторону Урала. Теперь оно претворяет их за Уралом, и пред нами живой анатомический разрез старой исторической картины.

До сих пор о подобных изменениях народностей, о перерождении их под влиянием природы, новой обстановки и, наконец, о соединении в новые типы при смешении с чуждыми расами, существовали различные мнения и строились гипотетические теории, которые, правда, дают приблизительное объяснение процесса, каким шло формирование народности, но не могут достаточно осветить некоторых подробностей этого процесса. На нашем Востоке происходит один из подобных процессов, чрезвычайно важный и интересный для исследователя — этнографа и историка. Кроме того, мы можем здесь, так сказать, по живым следам, проследить, какими

средствами обладает русское население на Востоке для сохранения своей расовой самобытности, а также каковы сила и значение нашего колониционного движения.

Путешественники-этнографы дают довольно ясное понятие о том, как меняются характер и склад жизни населения на Востоке под влиянием новой обстановки. «Чувствительную разницу замечаете вы, — пишет один из них, — когда из середины России перенесетесь чрез Уральский хребет и очутитесь где-нибудь на равнинах Иртыша и Оби или на холмистых берегах Томи: другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но тем не менее почувствуете. Затем едете до Красноярска и далее по Енисейской губернии — и новых особенностей уже не встречаете и, только вступив в Иркутскую губернию и еще более приближаясь к г. Иркутску, встречаете новый тип. Преобладание черных волос перед русыми, черные или карие с томным выражением глаза, значительно выдающиеся скулы, широкий нос — все эти признаки очень ясно указывают на примесь монгольской расы[10].

Другой автор так рисует довольно наглядную картину сохранения и изменения славяно-русской народности в различных географических и этнологических сферах её колониционного распространения: «В Западной Сибири, особенно по центральной географической линии колониционного распространения русского населения от Урала до Енисея, славяно-русская народность, по-видимому, не подверглась резко заметным изменениям. Но и здесь такие наблюдательные путешественники, как Эрман, Кастрен и другие, замечали некоторые вариации или оттенки в национальном типе и характере туземного русского населения. Особенно заметны физические и нравственные особенности в русско-сибирском населении Приалтайского и Северно-Поморского края, с одной стороны, в верховьях Иртыша и Оби, а также по рекам Таре, Тоболу и другим, вблизи татар, киргизов и алтайских калмыков или бурутов-теленгитов, а с другой — в низовьях Оби и за северо-восточным склоном Урала, в прежнем средоточии вогуличей, обско-приморских самоедов и остяков. По Иртышу и Оби многие ясачные остяки и

вогулы, вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения». Точно так же во многих западносибирских деревнях, бывших некогда «ясачными татарскими селениями», в настоящее время живет совершенно обруселое или переродившееся смешанное потомство татар и русских[11].

Таким образом, смешение и перерождение на Востоке совершалось двумя путями: при посредстве кровного родства и примеси к русской народности инородческого элемента, а также вследствие восприятия самими инородцами русского языка, образа жизни, смешения с русскими, а затем полного слияния и исчезновения среди русской народности. Такое смешение происходит на Востоке с очень давнего времени, под влиянием различных исторических обстоятельств. Оно началось немедленно по завоевании Сибири, может быть, потому, что как завоеватели, так и завоеванные в ту эпоху стояли на довольно близком уровне культуры и развития. Происхождение большей или меньшей массы такого

смешанного населения в Западной Сибири по географическим и историко-географическим условиям было неизбежно. Просматривая даже немногие сибирские акты первой половины XVIII века, мы и в них находим довольно указаний на ближайшее и непрерывное бытовое общение и физиологическое смешение русских с азиатцами, в особенности с татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкие, бухарские и киргизские купцы постоянно приезжали с товарами в Тобольск и Ирбит, разъезжали и проживали по другим сибирским городам и по деревням партиями человек по 170 и более, имели здесь своих дружков. Многие из них селились в сибирских городах и деревнях, принимали русскую веру и женились на русских. По словам Миллера, «многие из бухарского народа поселились в сибирских городах».

Сибирские казачьи команды нарочно отправляются в улусы или юрты калмыцкие и киргизские, чтобы, по словам актов, захватывать в полон калмыцких и киргизских баб, девок и ребят, и сибирская губернская канцелярия «взятую добычу людей отдавала им в

раздел». Многие русские покупали киргизских и калмыцких девушек и мальчиков; нередко сами урянхайцы или калмыки дарили русским старшинам и сержантам близлежащих сибирских крепостей «баб и девок и ребят калмыцких, круглых сирот», особенно в голодные годы. Таким образом, в состав населения западносибирских городов и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другие инородцы, которые, принимая русскую веру и женись на русских женщинах, постепенно русели: одни из них находились в услужении и на работах у своих хозяев, другие обучались разным ремеслам и записывались в цехи и т. п. Такой способ обрусения калмыков и других племен утвержден был высочайшим указом от 16 ноября 1737 г. Русские, в свою очередь, женились на киргизках, калмычках и других. С другой стороны, и в самые центры поселений или кочевьев сибирско-азиатских племен невольно вносился большой или меньший контингент русского племени и тем способствовал образованию и выделению обруселых поколений. Русские частью попадались в плен, а частью и сами

добровольно уходили в кочевья калмыков и киргизов и там нередко женились. Так, например, в кошах калмыцких находились, между прочим, русские яицкие казаки, женатые на калмычках. Иногда беглые русские солдаты укрывались у киргизов и женились на киргизских женщинах. У калмыцких родоначальников, зайсанов или нойонов, русских пленных находилось человек по 25; некоторые были мастерами, устраивали заводы для плавки серебра, меди и литья пушек. Еще больше, кажется, было русских женщин в плену у калмыков и киргизов.

Вообще, по свидетельству исторических актов, с начала XVII века славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подвергалась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами, и особенно с вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже в первой четверти XVII века физиологическое смешение первых русских колонистов с азиатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужным прекратить или ограничить этот

естественноисторический организационный процесс. Точно так же в первой половине XVIII века митрополиты тобольские нередко вопияли против такого же беззастенчивого смешения русских с женщинами вогулицкими, остяцкими, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вот вследствие такого физиологического смешения с разными сибирскими азиатскими племенами славяно-русская народность и в западносибирском русском населении, естественно, более или менее подверглась некоторым изменениям в самом своем физическом типе, усвоила некоторые признаки или оттенки физического очертания татарского, киргизского, калмыцкого, остяцкого и вогульского. Эти новоприобретенные особенности замечены были уже в прошлом столетии. «В них (т. е. в жителях Западной Сибири), — писал еще Татищев[12], — довольно в лице смуглых, калмыковатых и довольно от природы смешанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смешение с азиатскими инородцами, конечно, должно было сильнее отразиться на окраинах. В середине, как замечают исследователи, русское население еще остается

ся чистым, но на севере, например в Обдорском или Березовском краях, смешение русских колонистов с остяками, самоедами и татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев. Кастрен нашел в этом крае русских, совершенно смешавшихся с самоедами. Наиболее любопытные данные в позднейшее время по этому предмету дала туруханская экспедиция, которая, кроме наглядных наблюдений, делала различные анатомические и краниологические измерения. Север Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусские торговые и промышленные ходоки, вышедшие преимущественно из уездов Холмогорского, Устюжского и Вологодского. Вместе с русскими поселялись там и зыряне. Впрочем, главная масса переселенцев состояла из русских. Физиологическое смешение малочисленного русского населения с разными туземными племенами в Туруханском крае началось с первого десятилетия XVII века и более или менее продолжается и до сих пор. В начале русской колонизации все инородческие племена Туруханского края бы-

ли, по выражению актов, «не мирны», т. е. возмущались против русских служилых, торговых и промышленных людей. Потом, после усмирения немирных племен, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились более или менее мирные торгово-промышленные отношения. И вместе с тем началось более тесное бытовое сближение и физиологическое смешение русских и инородцев, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, заметить, что в Туруханском крае физиологическое, или брачное, смешение русского племени с инородческими племенами, по-видимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяков, вероятно, слишком низкая степень развития в них домохозяйственных способностей и привычек и отталкивающая неопрятность этого племени, а относительно других инородцев их наибольшая изолированность от русских, недоступность вследствие их уединенности и разбросанности в тундрах и лесах. При всем том, хотя и поодиочное и медленное, но неизбежное, непрерывное и повсеместное смешение инородцев с русским

населением и в Туруханском крае составляет существенный исторический или этнологический факт. Начиная с Верхнеимбацка (63° с.ш.) до Дудинки (69° с.ш.) простирается область племенной метисации сравнительно более слабой или менее заметной. С Дудинки же по низовью Енисея и за Тундрой, по уверению туруханского миссионера священника Доброхотова и долго находившихся там казаков, представляется настоящая область смешения или, как говорят туруханские казаки, «смешицы» племен. Как ни мало заметно смешение русских с остяками и другими азиатцами в имбацких пределах, но «мы, — говорит г. Щапов, член туруханской экспедиции, — даже при самом скором проезде от Верхнеимбацка до Туруханска (63°–65° с.ш.), еще не задаваясь вопросом о смешении русских с туземными племенами, видели уже несколько примеров русскоинородческой метисации, резко бросавшихся в глаза. Так, в Верхнеимбацке один поселенец из духоборцев женился на остячке и до ранней смерти её прижил с нею пять детей с смешанным русско-остяцким обликом». На низу Енисея и

за Тундрой русские, по недостатку своих женщин, еще чаще женятся на инородках или, как говорят туруханцы, на «азиятках». Туруханские казаки, долго жившие там вахтерами при хлебных магазинах, единогласно утверждали этот факт. Вот слово в слово их рассказ: «На низу — народ смешица: русские берут азияток, азиятцы берут русских женщин. За Тундрой тоже; самоеды женятся на тунгузках и долганках, долганы (помесь тунгузов с якутами) и тунгузы берут и самоедок, и тунгузок, и якуток; русские всех берут — и самоедок, и тунгузок, и якуток, и долганок, и юраток, и остяток. Дальше до Анбары — тоже народ все смешица; долганы, якуты и крестьяне, друг у друга берут баб». Так, по общему наблюдению самих туруханских жителей, русское население в их крае довольно сильно смешивается с инородческими племенами. Точных и подробных статистических сведений об этой метисации, конечно, в туруханском «отдельном управлении» нет да и собрать их чрезвычайно трудно. Но и за отсутствием общих числовых показаний представленные нами факты, при всей их отрывочно-

сти и неполноте, с полной достоверностью и достаточной убедительностью подтверждают то общее заключение, что и на севере Енисея, и по сторонам его славяно-русская народность постоянно более или менее смешивалась и смешивается с туземными азиатскими племенами.

Такое же смешение с инородцами мы находим и далее на Востоке. «Если мы взглянем на русскую народность в Якутской области, — сообщает журнал Сибирского отдела географического общества, — то увидим и там, быть может, еще более поразительный пример ее физического и психического видоизменения. Здесь в видоизменении ее опять действовали вместе физико-географические и этнологические края. Русские колонисты, при их малочисленности в сравнении с туземным якутским населением, неизбежно и невольно должны были утратить свою национальную самобытность и устойчивость, и во всем, заодно с якутами, подчиняться местным физико-географическим и этнологическим условиям. И вот они почти совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным сме-

шением и образовали своеобразную, смешанную якутско-русскую народность. Черты лица и всего физического строения русского или обрусевшего и смешанного якутско-русского населения почти вполне усвоили признаки племенного типа якутов. Природные якутские уроженцы, проживающие в Иркутске и сами в своем лице довольно заметно представляющие облик природных, чистых якутов, так характеризовали нам физический тип обруселых якутов и русских, происшедших от смешанных якутско-русских браков: «Народ этот более сухощавый, как и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не так, как настоящие якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистых, природных якутов, черные, даже «светят», и жестки, а у обруселых якутов или у якутских русских весьма темно-русы и менее жестки, но нередко бывают также и очень черны и жестки. Беловолосых или рыжеволосых вовсе нет ни между чистыми якутами, ни между обруселыми. Глаза у обруселых якутов и у природных якутских русских жителей больше походят на глаза природных чистых якутов, чем на глаза

российских поселенцев, но менее узки, чем у китайцев или монголов. У обруселых якутов, равно как и у давнишних, природных русских якутских жителей, скулы несколько выпуклы, но менее, чем у природных, чистых якутов; нос плосковатый, но «не чрезвычайно». Якутки красивее буряток, и потому русские сплошь и рядом берут их за себя замуж. Оттого природные якутские русские жители, представляющие четвертое, пятое или шестое туземное смешанное поколение, по наружности нисколько не разнятся от якутов или весьма мало в чем разнятся».

Но если мы находим смешавшееся и почти превращающееся в инородцев русское население на севере Сибири, поглощение которого могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобной же бедностью и недостатком русского элемента оно не может быть объяснено на юге, куда русское население подошло к инородцам, так сказать, сплошную стеною. А между тем здесь совершаются те же явления, как на севере: русские смешиваются с тунгузами, якутами, бурятами. Смешение населения здесь происходит

также двумя путями: обрусением некоторых инородцев, браками их с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в среду русскую; точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к инородческому.

В юго-восточной Сибири, говорят известия сибирского отдела, в верховьях Ангары до Братского порога, особенно в верховьях Лены до р. Илги, по р. Иркуту, в окрестностях Байкала и во всем Забайкалье до Амура, славяно-русская народность подверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь в изменении ее главным образом действовали не столько физико-географические, сколько этнографические условия, не столько климат, почва или вообще физическая экономия края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгузским племенем. Самое характеристическое явление в этнографической организации восточносибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женив-

шиеся на русских женщинах или иногда на крещеных бурятках и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских улусов. Они частью поселены в особых селениях или деревнях, частью рассеяны по русским селам, деревням и даже городам. Так называемые «ясачные селения» большей частью целиком населены одними «ясачными», т. е. оседлыми и обруселыми бурятскими поколениями. Таких селений, например, в Балаганском округе 13, в Верхоленском — 7; едва ли не больше всего их в Забайкальской области. Другие ясачные водворены вместе с русскими крестьянами в русских селениях. Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина — из обруселых бурят или ясачных.

Вот эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, так называемые «ясачные» и «оседлые инородцы», во всей наглядности представляют нам самый типичский пример видоизменения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с азиатским племенем, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на пред-

ставителя этого ясачного, бурятско-русского населения Восточной Сибири и сравнить его с родоначально-русским типом или с болгаром, чехом, сербом, поляком, чтобы увидеть, до какой степени видоизменился чистый славянский тип в этом восточносибирском ясачном населении, вошедшем в состав русской народности и год от году пополняющемся новыми поколениями, привходящими в состав его из бурятского и тунгузского племен. Но и помимо ясачных селений везде в Иркутской губернии, и особенно в Забайкальской области, постоянно совершается естественноисторический процесс местного этнологического видоизменения русской народности, вследствие постоянного сожительно-бытового смешения русского населения с бурятским племенем. Вероятно, многие, а местами, быть может, и большая часть крестьян, которые, числясь под этим именем в ревизских сказках и церковных ведомостях, живут вместе с ясачными в одних селениях, не что иное, как «выродки» (по туземному сибирскому выражению), или потомки более древних ясачных, живших еще в XVII и XVIII столетиях, а теперь

уже совершенно слившихся с русским населением или мало-помалу перешедших в состав и категорию сословия крестьян или же разночинцев, купцов и мещан. Иначе ничем нельзя объяснить, например, таких сплошь и рядом встречающихся явлений, как брацковатый[13] тип многих из старинных уроженцев так называемых чисто русских крестьянских сел и деревень, и, в частности, часто встречающийся, особенно в Нерчинском крае, в духовенстве и его потомстве. Эрман также описывает, как замечательную местную этническую особенность, почти повсеместное распространение в русском населении города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятского типа. В самом городе Иркутске, не только в простонародье, но и в среднем сословии, он встречал множество лиц, как мужчин, так и женщин, которые поражали его своим монголобурятским обликом. А в Забайкальской области он сплошь и рядом видел мещан, купцов и особенно крестьян и казаков, почти совершенно обурятившихся по наружности, языку и быту[14]. Доктор медицины Шперк, долго занимавшийся медико-топографиче-

скими исследованиями и наблюдениями в Восточной Сибири, в забайкальских казаках также заметил сильное изменение русской народности под влиянием бурятской крови. «Забайкальский казак, — говорит он, — это смесь русского выходца с забайкальским бурятом; в наружности бурятский тип даже значительно преобладает: кровная помесь с бурятами имела влияние и на черты лица, и на все физическое строение тела, и на самую психическую сферу забайкальских казаков [15]. В некоторых прибайкальских деревнях, например, в Алацах, в 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившие в России при Суворове. Они, по словам Мартоса, переженились здесь на бурятках и уже имели (около 1827 года) взрослых детей. При первом взгляде на взрослое поколение тотчас видно нечто общее с характеристикою монголов. То же замечено было уже давно Палласом.

Подобное же слитие с инородцами мы замечаем во всей Сибири, как в восточной, так и в западной; но Западная Сибирь до сих пор исследована менее.

В некоторых местах Сибири жители прямо называют себя *смешицей*, смешанным народом, вырожденками. «Из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит, — пишет Паллас, — род *мулатов*, которые имеют несколько монгольское обличие и черные или очень темные волосы, но в то же время правильные и приятные черты лица; они известны под именем *карымов* или *карымок*». Таким образом, потомки, происходящие от подобной помеси, получили даже областное местное название. Мы уже говорили о смешанной расе, образовавшейся от смешения якутов с русскими; обратимся теперь к остяцким карымам.

Вследствие физиологического смешения с северо-енисейскими азиатскими племенами, преимущественно с остяками[16], физическое строение русского туруханского населения, естественно, более или менее подверглось некоторым весьма заметным изменениям. В физиономии русского туруханского населения сплошь и рядом проглядывают черты обличья остяцкого, юрацкого, тунгузского, самодского и якутского. Дети от браков корен-

ных, природных русских туруханцев с остячками сохраняют общие черты остяцкой наружности, большую или меньшую выпуклость скул, смуглый цвет лица, черные, жесткие волосы, общую сухощавость телосложения при несколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорциональность частей в общей структуре тела. А дети от браков новоприхожих русских поселенцев с остячками более принимают черты русского облика, белый цвет лица, светлые волосы, большую стройность и крепость телосложения, но все-таки несколько разнятся от чистокровных русских людей. Здесь даже русские, не смешавшиеся с инородцами, в последующих поколениях изменяют склад тела и становятся несколько похожи на инородцев, особенно на остяков. У многих русских, особенно у мещан туруханских, цвет волос, лица и всей кожи на теле, а также сложение костей лицевых, плечевых и ножных почти совершенно такие же, как у остяков. Оттого они, подобно остякам, при довольно низком росте, более или менее сутуловаты, коренасты, с плечами широкими, большей частью толстошеи, часто с за-

метно кривыми и довольно массивными ногами, выглядывают, подобно остякам, несколько исподлобья.

Такой же новый тип встречается и в ясачных селениях от смеси бурят с русскими. «В большей части ясачных селений в настоящее время живут уже по преимуществу почти совершенно обруселые бурятские поколения. В них сначала поселены были крещеные буряты, женатые большей частью на русских женщинах. Теперь в них живут их дети и внуки, женатые также на русских или ясачных и обруселых из буряток женщинах. По наружности, при поверхностном взгляде, эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя с первого же взгляда кажутся и отличными, отменными чем-то от них. Цвет лица и кожи у обруселых потомков первоначальной русско-бурятской помеси становится иссмугла-белым или смугловатым; у женщин, при черных волосах и бровях, часто значительно более или ярче окрашен, чем у мужчин; волосы делаются более мягкими, по большей части сохраняют черный цвет, но иногда быва-

ют и темно-русые; узкость глаз и выпуклость щек или верхней части скул, хотя и не вполне, но значительно уменьшается, у мужчин является даже борода, хотя большей частью, и даже почти всегда, небольшая, короткая, редкая. Все эти изменения окончательно или наиболее выразительно обозначаются во втором, но большей частью в третьем поколении. Но, с другой стороны, нередко в третьем, четвертом и даже дальнейших коленах бывает хотя и неполная, но весьма заметная реверсия или довольно резко бросающееся в глаза возвращение к признакам бурятского прародительского типа. И вообще, во всех тех смешанных поколениях, которые первоначально произошли от смешения бурят с русскими женщинами и русских с женщинами бурятскими или ясачными и потом от времени до времени подвергались повторному скрещиванию с бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный тип, который представляет собой более или менее однородные характеристические признаки, но не вполне или не во всех отношениях сходные с признаками родоначальных, пра-

родительских типов — славяно-русского и монголобурятского. Во всех этих поколениях более или менее сохраняется черный цвет волос на голове, свойственный бурятам, большая или меньшая суженность или как бы сшитость глазных век с правой стороны и левой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоноготость или выдающаяся в разные стороны изогнутость коленной части ног, походка с большим или меньшим перекачиванием с боку на бок и часто довольно подвижная, живая. Наконец, борода большей частью бывает, как мы сказали, короткая и редкая или жидкая и нередко проявляется даже стремление к безбородости».

Точно такие же типы образуются от помеси с тунгузами, коряками около Охотска, с березовскими остяками, киргизами и т. д. Все эти помеси носят общий характер монгольского или финского типа; в Западной же Сибири подобный отпечаток в физиономии называют калмыковатостью. В казачье войско Западной Сибири входило много различных

рас в виде выкращенных пленников: кроме сибирских инородцев, на семипалатинский рынок привозились на продажу рабы из каракалпаков, бухарцев, индийцев и проч. Поэтому у сибирских казаков нет общего типа, как, например, у уральских; в сибирском войске замечается необыкновенное разнообразие, и, по словам одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто русскую кровь по широкому и крутому лбу — таковы фамилии, происшедшие от драгун, записавшихся в казаки, и от малолетков. Есть типы необыкновенно красивые, может быть, происходящие от бухарцев; но много широкоскулых физиономий, обличающих монгольское происхождение; последние, кажется, преобладают. Встречаются иногда странные типы: так, один тип подходил вполне под описание гунна, приведенное Миль-Эдвардсом; другой тип напоминал китайца до такой степени, что казаки звали его «чюрчют» (по-киргизски — китаец). При смешении русским передаются инородческие черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смуглый цвет лица и волос; зато инородцы получают русские черты,

смягчающие резкие отступления низшей расы.

Смешанный тип так распространен в Сибири, а в некоторых местах, при недостатке великорусского чистого населения, достиг даже такого господства, что чистый великорусский тип считается за нечто исключительное и также получил местную кличку «маганый». Маганый — это белокурый пришелец с великорусским типом, противоположность метису-карымму. Когда хотят их отличить, говорят: «Это маганый, это — карым». Сибирская девушка говорит, например: «Я не люблю маганого, я люблю карыма».

Своеобразный, полуинородческий тип карыма не представляет резкого безобразия, некоторые находят его даже красивым в европейском смысле. Вот, например, отзыв одного из этнографов: «Вообще едва ли мы ошибемся, — говорит он, — если скажем положительно, что в общем составе или результате, как мужчины, так и женщины, происшедшие путем смешения русского племени с бурятским, представляют собой часто довольно красивый физический тип или облик, несколько

похожий на тип греческий или иногда цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, похожий на тип итальянский». Очень может быть, что такое сходство получается в силу южного отпечатка, который носят на себе инородцы. Подобные отзывы о помеси с инородцами в крайних своих сравнениях с итальянками и гречанками, может быть, и грешат некоторой преувеличенностью, но указания, что тип этот находят вообще не неприятным, подтверждается таким беспристрастным судьей, как Паллас. Он говорит, что карымы обладают «правильными и приятными чертами лица». Тип этот во всяком случае может считаться если не особенно красивым, то привлекательным или, в крайнем случае, не безобразным[17].

Постепенное смешение с инородцами не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на Востоке. Так, у местного населения образовалось даже особенное расположение к бракам с инородцами. «Благосостоятельные русские сельские жители, — говорит Паллас, — а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай

выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, кровь которых, по их уверению, горячее крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям креститься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Расположение к бракам с иностранками на восточной окраине замечается не у одних простолюдинов, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встречается и в более требовательных насчет красоты условиях. Вот что говорят по поводу этого «Известия Сиб. отдела Г. О.»[18]: «Брацковатый, или бурятский, тип и обличие появляются постоянно в сибирских туземно-урожденных родах казачьих, мещанских, купеческих и чиновничьих. Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках, а новокрещеные буряты — на русских женщинах, и поколения их опять сливаются с русским населением, принося с собою в народный склад его более или менее своеобразные особенности». И далее:

«достойно замечания, что даже в половом подборе русско-сибирский вкус более или менее согласуется со вкусом бурятским и нередко *пленяется* бурятским идеалом женской красоты». Обольщение инородческой красотой явилось на Востоке настолько же чисто физиологическим процессом, насколько и проявлением сердечного чувства. Забайкальский поэт Баульдауф стихами изобразил истинную историю одного русского, влюбившегося в тунгузку. Русский полюбил ее за дикую смелость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззаветно свое сердце. Идеал инородческой красоты поэт передает следующими стихами:

*«...он пожирает
Очами чудные красы.
Тунгузки черные власы
Кругом повиты оргуланом (повязка);
Он, разукрашенный маржаном,
На стройном девственном челе
Горит, как радуга во мгле.
В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный ургуй (сибирский полевой цветок)*

Манит любовь и поцелуй».

В другом стихотворении, посвященном бурятке, поэт вспоминает о бедной инородке, подарившей участием его, больного и одинокого, среди пустынной степи, он с признательностью говорит о ее самоотвержении. По всей вероятности, не раз подобные чувства играли роль в привязанностях русского человека, закинутого на далекий Восток. В одной русской песне, распространенной в Сибири, поется, как добрый молодец долго блуждал по пустыне, пока не нашел «полоняночку», т. е. инородку. Любовь руководит фатально красивой буряткой, уходящей из семьи, чтобы соединиться с бедным русским парнем, как и чувствами нередко вполне развитого русского и обладающего тонким эстетическим чутьем. Таинственный голубой цветок любви отыскивается во всех широтах, русский находил этот «милый цвет» также и в «Даурии пустынной и угрюмой».

Вкус к инородческому типу сильно развит в современной Сибири. Приятный тип, происходящий от последовательной метисации, великорусская национальность на Востоке да-

же предпочла своему и отдала ему все свои симпатии. «Несколько черноватый или смуглый цвет лица, — говорит автор этнографического исследования, — сибирякам, по-видимому, нравится более, чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих местах Сибири, особенно восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный» и употребляется как бранное слово, тогда как слова «черномазый халзан, карым или карымочка» употребляются, как мы слышали, как слова ласкательные или любезно-шутливые, например, относительно детей или девиц. Блондины, рыжие и краснолицые великороссы поэтому не в ходу в Сибири, и местный вкус ставит идеалом красоты брюнетов. Это подтверждается, например, следующим наблюдением. Раз в Иркутске, в одной мещанской семье, переселившейся из окрестностей Байкала, несколько девушек, природных русских сибирячек, рассматривали картину, изображавшую преимущественно монгольские или китайские лица. Когда они сообщали друг другу свои мнения о том, которые лица, мужские и женские, казались им «хорошенькими», то

оказалось, что все это были такие лица, которые по преимуществу или даже с особенной типичностью выражали собой чисто азиатский, монгольский или китайский тип: узкие глаза, плоский нос, широкие и толстые скулы и прочее, только при большей пропорциональности и округленности общего очертания лица. Лица, смахивающие несколько на черкесов, татар или цыган и греков, казались им «страмными».

При такой склонности сибирского русско-го населения к слиянию с инородцами необходимо заняться исследованием, к каким последствиям, как физическим, так и нравственным, приводит это слияние. Необходимо исследовать, какие дурные последствия происходят от смеси с расой низшей, более слабосильной и развивавшейся в крайне скудных естественных условиях. Таковы изменения в росте, силе и в потере многих культурных черт и инстинктов. Этнографические наблюдения доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смешении с северными инородцами. Физиологическое смешение русского туруханского

населения с туземными азиатскими племенами весьма заметно сопровождалось некоторыми изменениями в его росте. Нет сомнения, суровый туруханский климат и скудное питание составляют собственную причину общей малорослости природных туруханских жителей. Но несомненно и то, что и постоянное, из поколения в поколение переходившее смешение русских с остяками и другими туземными инородцами оказывает не менее существенное влияние на уменьшение роста русских туруханских поколений. В средней и особенно южной части Енисея и климат благоприятнее, и русское население, по-видимому, более свободно от примеси инородческой крови. Там и население выше ростом. Из русских жителей Туруханского края туземные уроженцы, казаки и особенно мещане, у которых не отцы только, но и деды, и прадеды родились в Туруханском крае, ростом, с одной стороны, немного выше туземных остяков и тунгузов, с которыми они от времени до времени смешивались посредством брачных союзов, а с другой стороны, ниже южносибирских русских жителей и новоприхожих из

России поселенцев. Средний рост остяков енисейских и байхинских — 2 аршина 1 вершок, самые высокие из них достигают до 2 аршин 5 вершков, у русских жителей Туруханского края средний рост 2 аршина 3 вершка, высший — 2 аршина 5 1/2 вершков. Жители южных частей Енисея уже выше ростом, даже казаки туруханские, у которых отцы или деды родились где-нибудь южнее в Сибири, ростом до 2 аршин 6 вершков. Точно такое же влияние производит смешение с северными расами и на понижение силы. Физическая, мускульная сила русского туруханского населения также, по-видимому, несколько понижалась, частью вследствие неудовлетворительного питания, а частью и вследствие смешения его с такими слабосильными инородцами, как остяки, тунгузы и прочие. У верхнеимбацких остяков, по собственному их сознанию, самый сильный человек легко поднимает только 5 пудов. По сознанию байхинских остяков, у них самый сильный поднимает 6 пудов и весьма редко 7 и 8 пудов, средней силы байхинский остяк поднимает только 4 пуда, так же, как и юрак. Русские объясняют ма-

лосилие остяков тем, что они мало питаются хлебом, а больше едят рыбу, порсу, изредка пробавляясь зимой мясом, например, оленьим, медвежьим и больше всего беличьим. Но и сами русские туруханские жители большей частью немного сильнее остяков. Из 12 туруханских мещан и казаков, при нас поднимавших с возов на плечи и переносивших в амбар кули с мукой на расстояние не более 2 сажень, человек 10, помоложе, могли сами поднять с воза на плечи и нести в амбар куль пудов в 5 или 6. Некоторые могли поднимать и пудов 7 тяжести. Вообще же почти все эти 12 человек, хотя в неодинаковой степени, но с большим или меньшим трудом и усиленным напряжением поднимали и переносили кули пудов в 5 и 6. Особенно слабее силой оказывались, по-видимому, те природные русские уроженцы Туруханского края, у которых и телосложение, и обличие наиболее представляли оттенки остяцкой породы. Вообще, по всей северной долине Енисея, между 61° и 65° с.ш., сколько мы могли разузнать, средней мерой силы считается способность поднятия 6 пудов, и сами «низовые» енисейские жители

сознаются, что они малосильнее «верховых» русских жителей. В селе Ворогове (61° с.ш.) один 60-летний старик нам говорил: «Низовой народ, мы так полагаем, силой против верхового не будет. Мы полагаем, говядина силы придает человеку: вот на приисках верховые живут на говядине и поднимают по 8 пудов, а мы, как едим одну рыбу, то с трудом поднимаем и 6 пудов». Сами русские туруханские жители сохраняют предание, будто прежде, особенно вначале, когда отцы их пришли из России, они были сильнее, а нынешние поколения совсем измельчали и обессилели.

Самая выгодная сторона новой расы, происшедшей от смешения, — это уменьшение плодовитости. Плодовитость русского смешанного туруханского населения ослабела в сравнении с плодовитостью великоруссов, частью под влиянием сурового полярного климата, недостаточного питания и усиленного напряжения рабочей энергии в упорной борьбе с дикой природой, а частью и вследствие унаследования более слабой плодовитости путем смешения русских с остяками, тунгуза-

ми и другими северносибирскими инородцами. Русская туруханская женщина несколько плодовитее женщины остяцкой, но значительно менее плодovита в сравнении с женщиной южносибирской или великорусской (особенно в зажиточных семьях). По словам нижнеимбацких остяков, у них женщина никогда не родит более восьми детей, такая плодовитость составляет редкое исключение, обыкновенно же они рожают не более четырех и даже трех детей. Несколько южнее, у верхнеимбацких остяков, женщина родит иногда даже девять детей. Байхинские остяки-самоеды уверяли нас, что прежде женщина родила у них до десяти детей, и это было самое большое число рождений, ныне же из 43 остяков только у одного жена родила восемь детей. Русские туруханские женщины рожают больше, чем инородческие, но меньше, чем русские женщины в более умеренных и теплых полосах России, в среде иной этнической метисации и при других, более благоприятных условиях скотоводческого и земледельческого способа пропитания. Вообще, производительность русских женщин, не только по

мере удаления в сферу сурового полярного климата, но и по мере усиления русско-инородческой метисации, все более и более ослабевает, частью вследствие климатического влияния, частью вследствие наибольшего расхода силы на трудное добывание пищи и других средств жизни, а частью и вследствие физиологического смещения русского населения с наименее плодовитыми племенами, каковы остяки, тунгузы, самоеды и другие северо-азиатские племена. В частности, от браков русско-остяцких метисов рождается всех детей, сколько мы узнали, шесть, семь и, самое большее, девять. Такие последствия, вместе с уменьшением роста и силы, конечно, должны считаться печальной утратой лучших национальных и расовых черт русской народности, они выражают собой понижение и вырождение высшей расы. Факт этот заслуживает серьезного внимания.

Мы имеем основание, однако, думать, что не везде и не со всеми инородческими племенами метисация производит ослабление плодовитости. При наших исследованиях мы видели примеры, где потомки русских, смешан-

ных с инородцами, весьма размножились. Так, по ревизским спискам мы проследили нарастание населения в кумышской инородной управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии. Ныне же потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Инородцы кумышской инородной управы притом совершенно выродились и утратили инородческий тип, то же замечается на быстренской управе Бийского округа.

Любопытно было бы проследить, какие изменения происходят при смешении в отдельности с каждой из туземных народностей Сибири национального русского типа, чтобы судить о тех или других наследственных последствиях. Как мы видим, помеси с низшими северными инородцами ведут к прямому ущербу, но, может быть, этот факт имеет место только при смешении с северными инородцами, а при смешении с другими последствия происходят другие, не столь опасные и ведущие к совершенному вырождению расы. Затем необходимо определить, какие изменения в типе потомков, происходящих от мети-

сации, можно считать неважными, и какие ведут к ослаблению физической организации, силы и способностей. Известно, что уменьшение роста не всегда сопровождается уменьшением силы, известны национальности низкорослые, но приземистые, коренастые и плотные, отличающиеся значительной силой. Точно так же инородцы-дикари обладают при низкорослости иногда замечательной ловкостью, гибкостью, проворством, например, буряты в борьбе, и так далее. Любопытно поэтому знать, переходят ли к русским при смещении подобные способности. В умственном и духовном отношении точно так же, не все инородческие расы лишены способностей; нередко они отличаются замечательным развитием их. Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоумие и относиться к ним презрительно. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах: «Прекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как кочев-

ники, немного требующие, якуты производят мирные завоевания даже русской народности, т. е. объякучивают русских. Своими склонностями, хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, напомнили Миддендорфу жидов. Народ, который таким образом умеет господствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки у этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности». Точно так же замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самым веселым юмором. Интересно исследовать, насколько подобные способности отражаются на русских при физиологическом слиянии. При смешении рас обыкновенно замечается закон, по которому при слитии с новыми народностями присоединяются и некоторые новые качества, не бывшие в прежней расе. Как ни поверхностны этнологические наблюдения на нашем Востоке, но и здесь замечается, что некоторые особенно изощренные способности, выработанные инородцами в условиях

их местного быта, передаются и русским. Так, тунгузы известны, например, своей зоркостью. Когда один путешественник в Сибири следил за затмением спутников Юпитера при помощи телескопа, инородец видел простым глазом и объяснял, как большая звезда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишет о них: «Тунгузы чрезвычайно зорки и чутки, но тем тупее у них обоняние. В стрельбной из луков они метки. В местах, где они кочуют, им знакомо почти всякое дерево, всякий камень и проч. Следы зверей узнают на утоптанном мхе, траве или просто по знакам на голой земле, где посторонний человек никак не может заметить ничего особенного. Когда хотят иметь свидание в других местах, то место умеют отыскивать так точно либо делают пальцем на снегу или на земле такие чертежи, что непременно где надо сойдутся». И туруханские тунгузы обладают такой же зоркостью, остротой и приметливостью органа зрения. «Они знают в лесах, — говорил про чепагирских тунгузов один туруханский казак (Кандин), ходивший вместе с ними «лесовать», — знают каждый хребет, каждый ка-

мень, каждое дерево. Им заприметна всякая узя, всякая чуть заметная дорожка в лесу, они узнают след всякой лыжи, белки, волка. По следу на земле или на снегу, продавленному лодыжками медведя или волка, узнают, сердитый или нет медведь, опасный или нет для их оленей, хитрый или нет волк. Своих они узнают по разным следам лыж, по размашке шагов, по кругам по снегу, по заломам на деревьях, по сучьям, набросанным на дорогу, по обтоптаным на снегу следам. Каждая баба узнает след лыж своего мужа. Есть такие зоркие тунгузы, что видят далеко, с хребта на хребет, с камня на камень, за 7 верст пересчитывают стадо диких оленей, стреляют и никогда не простреливаются мимо».

«Русские, — сообщает этнографическое исследование Щапова, — вследствие скрещивания с остяками и тунгузами приобрели, хотя и в слабой степени, те же их особенности. Так, они усвоили замечательную способность тунгузов — особенную утонченность зрения. Точно так же и русские туруханские уроженцы, особенно низовые, «затундренные», отличаются такой же зоркостью и приметливо-

стью. Они приобрели эту особенность частью вследствие усиленного употребления органа зрения, какое необходимо обуславливается у туземных зверопромышленников блужданиями по лесам и тундрам, а частью, быть может, и вследствие унаследования этого свойства от тунгузов, путем физиологического смещения с ними. Несмотря на то, что на низу Енисея и за тундрой страшные пурги и метели заносят и без того едва проторенные, чуть видные дороги, и нередко случаются там так называемые галлюцинации пустыни и снежная слепота, какую пришлось испытать Миддендорфу, природные низовые и затундренные жители никогда не сворачивают, не уклоняются с дороги и не заблуждаются, тогда как новоприхожие поселенцы нередко теряются без вести в тундре, не имея возможности никуда убежать. Природные низовые и затундренные жители примечают и узнают дорогу по так называемым ими «кычам» или по расположению куржаков и заиндевелостей на деревьях, по наклонению, или, как там говорят, «прилежанию травы» на тундре, по направлению конусообразных сторон, за-

струг или сугробов и суметов снега и т. п.». В доказательство этого приводится следующий пример: «Раз Кирьян Евдокимов Иевлевский, крестьянин за Толстым Носом, с Толстого Носа ехал домой, ниже, в Коргу, взял да нарочно оставил дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, может ли он ездить в темную дорогу, в пургу. Приехал домой да и послал сына найти флягу. «А в котором ветру ты ее оставил, по какому ветру ехать?» — спросил сын. — «Поезжай, как знаешь, как глаза научат». Поехал сын и в темноте разглядел и нашел фляжку».

Из сделанных доселе наблюдений таким образом оказывается, во-первых, что славянская раса при смешении своем с инородцами весьма нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела понижение в своих качествах, отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности, а также заимствует некоторые положительные

качества в изоциренных способностях и ощущениях. Каковы бы ни были новые положительные качества, приобретаемые расой, другая сторона явления дает, однако, известное предостережение и указывает на необходимость принять какие-либо меры против понижения славянской расы в Сибири.

Из наших личных наблюдений и исследований по этому предмету мы вывели, что восприятие и преобладание инородческих признаков зависит от числа русских и инородцев и численного преобладания того или другого племени, как и процентного отношения в той или другой местности. Так, на севере в Березовском, Туруханском крае и на Лене встречается чаще вырождение и обынородчивание русских и понижение расы, чем в средних округах Сибири. Преобладание на севере инородцев выражается в 354—445 % над русскими, а в середине Сибири — от 3 % до 16 % на русское население.

Далее смешение с различными племенами и расами дает различные последствия. Наименее выгодные в этом случае смешения с наиболее низшими расами и индифферентны

или выгодны с равными и высшими.

К наиболее низшим инородцам в Сибири по типу, культуре и образу жизни могут быть отнесены: остяки, самоеды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгузы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т. п. Это низшие представители финской и монгольской расы.

К более высшим: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть оседлых алтайцев, как кумондинцы, кузнецкие черневые татары, вогулы, зыряне.

Смешение с последними отражается меньшими изменениями в типе и понижением расы, в качественном достоинстве. Мы не могли не обратить внимание, что культура и образ жизни, который ведут инородцы, весьма способствуют расовым особенностям и различиям. Поэтому все племена, переходящие к высшей культуре, изменяют свои качественные способности. Истина, может быть, не вполне доказанная, но подтверждающаяся некоторыми научными соображениями и отдельными наблюдениями. В деле смешения культурная сторона инородцев дает себя чувствовать. Указанные высшие типы сибирских инород-

цев обладают и более развитой культурой. Очень не мудрено, что по мере повышения в культуре и образе жизни остальных низших племен поднимется несколько самая раса и смешение будет иметь менее невыгодных сторон.

Но если славяно-русская национальность при сближении и слитии на Востоке с инородцами была часто бессильна сопротивляться физическим и физиологическим изменениям, подчиняющимся законам метисации, то любопытно взглянуть на сохранение ею культурных черт и традиций, принесенных из-за Урала, которыми должны измеряться ее нравственная высота и культурная устойчивость населения. Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отстаиванием собственных культурных качеств от инородческого влияния, и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при всяком сближении, здесь не могло не произойти взаимодействия и, вместе с передачей инородцам кое-чего русского, усвоения и многого инородческого.

Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измеряться только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, миросозерцании, веровании и языке. Русские принесли с собой, конечно, то и другое. Культурные черты русской национальности были, без сомнения, выше инородческих, — вот почему она должна была бы, мало того, что отстоять свою культуру, но и привить ее к среде низшей. Влияние русской народности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие, т. е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на Востоке составляет несомненный факт. При этом, конечно, играл роль тот уровень развития, которым обладала русская раса за Уралом, точно так же, как и многие другие внешние условия. Тем не менее этнографические исследования' убеждают нас, что здесь русские теряли очень часто вместе с типом и

свои характеристические признаки, нравы, обычаи, веру и даже язык — словом, утрачивали свою национальность. С кем бы они ни сталкивались — остяки, тунгузы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали. Особенно заметное обывородчение русской расы мы замечаем, конечно, на окраинах. С самого момента завоевания обнаружилась уже склонность русских к подражанию многим инородческим обычаям. Затем, при совместной жизни с инородцами, заимствованные привычки получили еще большее развитие.

Многие точные изыскания свидетельствуют, что подобное обывородчивание происходило уже в XVII и XVIII столетиях. Прежде всего, имело место отатаренье русских и полигамия[19] среди русского населения. «Вообще, как ясачные, крещеные полуобруселые татары, так и смешавшиеся с ними русские, — сообщает в географическом журнале, — долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастной чувствительностью и непокорностью православно-церковным русским нравам и

обычаям. По свидетельству одного документа 1746 года, как русские пленных киргизов крестили, так киргизы русских «обасурманивали»[20]. Как киргизы и калмыки, принимая русскую веру, принимались и за хлебопашество, так иногда беглые солдаты, по свидетельству одного рапорта 1748 года, «принимали киргизскую веру и стада овечьи пасли». При заметной склонности русского сибирского населения подражать азиатцам иногда сами сибирские начальники находили необходимым или полезным усвоить некоторые азиатские обычаи, например, калмыцкие, и вводить их в быт русского населения. Вообще, по примеру киргизов и калмыков и сообразно с местными условиями климата и степей, западносибирское и особенно приалтайское русское население больше сделалось скотоводческим, чем земледельческим, обзавелось, посредством вымена у киргизов и калмыков, большими табунами лошадей и стадами рогатого скота, даже большей частью вело полукочевой образ жизни, постоянно перемещаясь из одного места поселения на другое. В самом земледелии русские усвоили некоторые

приемы коренных туземных азиатцев.

Вследствие тех же исторических условий русское население до последнего времени обнаруживает подобные же свойства. И теперь русские, в отношении усвоения ими иностранных обычаев и отступления от национальной культуры, стоят почти в том же положении, как и их предки. Отзывы путешественников, ученых и этнографические отчеты, которые дают нам записки ученого общества, представляют нам картину, даже более безотрадную, чем можно было предполагать. Вот, например, свидетельство Кастрена о русском обдорском населении: «Обдорские жители, представляющие разнородную помесь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитого океана, и дух их окован узами, которые так же крепки, как этот лед, который оцепеняет сердце природы в их теперешнем отечестве. Оковы эти — грубость, невежество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, с хорошими инстинктами, с невинными чувствами и добросердечностью, но при этих прекрасных, добрых и благородных чертах, к

несчастьем, встретил я у этих же людей так много отвратительного, так много звериной грубости, что, наконец, я их менее люблю, чем соболезненно оплакиваю... Русская колонизация началась здесь (в обской тундре) столетие назад, большая же часть колонистов утвердилась здесь в последние 30 лет. Коренные жители этой страны — остяки и самоеды. Как у них, так и у русских, совершенно им уподобившихся, нет никаких умственных интересов, хотя сколько-нибудь выходящих из ряда обыденной остяцко-самоедской жизни. В своем образе жизни, даже в способе питания, русские здесь уподобились туземным остякам и самоедам. Когда я в первый раз приехал в Обдорск и вошел в дом одного мещанина, переселившегося сюда из Тобольска, я нашел всю его семью сидящую на полу и пожирающую сырую рыбу, которую сам хозяин дома разрезывал на части. Образованнейший житель города хвастался тем, что в течение целого полугодия ел одно сырое мясо. Проживавший там поляк, хороший повар, живший прежде в Петербурге, жаловался, что его искусство приносит ему мало пользы в Обдор-

ске, так как люди здесь живут по-самоедски. Одежда у русских здесь такая же, как у самоедов и остяков. Многие из них схожи с самоедами и в том, что держат более или менее многочисленные олени стада. Наконец, русские жители Обдорского края стали так же дики, боязливы, как туземные остяки и самоеды. Живет здесь одна старинная русская фамилия. Их праотец во время войны Петра Великого с королем шведским изменил царю и бежал в этот отдаленный уголок света, чтобы здесь избавиться от напасти. Сочлены, сродники этой фамилии не хотели иметь со мной никакого сообщения. Встретил я их на улице, в расстоянии на выстрел, так они побежали и заперлись у себя дома. С таким же страхом и неприязненностью принимала меня и большая часть прочих жителей города, которым я казался опаснейшим пройдохой в коммерческих сделках». Наконец, вместе с умонастроением и понятиями остяков, самоедов и татар, березовские и обдорские русские жители усвоили и много слов остяцких, самоедских и отчасти татарских. Так, например, в одном Березовском крае из 78 местных русских слов,

записанных г. Абрамовым, до 28 слов остяцких и татарских. Подобные черты приводятся о столкновении и взаимодействии нашим с бурятами: «Сообразно с большей или меньшей физической ассимиляцией и умственный склад русского населения в дауро-монгольской, а равно и в верхоленской стране во многих отношениях весьма заметно приспособился к умонастроению монголо-бурятского племени и усвоил немало его умственных и нравственных качеств». Паллас, сказав о физиологическом смешении забайкальского русского населения с бурятским племенем, замечает, что «вследствие этого смешения русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа[21]. Шперк также замечает: «Кровная помесь забайкальских казаков с бурятами имела влияние не на одни черты лица и физическое строение тела, она обнаруживается и в психической сфере. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака в Забайкалье. В результате вышло, что казак сделался более зверопромышленником и пасту-

хом, чем домовитым человеком и хлебопашцем». Вследствие этого скотоводство нигде в Восточной Сибири так не развито, как в забайкальских степях. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски «яргачи» — козлиные или тарбаганьи шубы, у которых на груди нашиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку шеи, так что пола покрывает грудь. У бурят русские заимствовали умение или обычай выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурят русские переняли обычай и искусство делать у ножей черешки костяные, по бурятскому образу, по тому же образцу они стали делать разные вещи, относящиеся к конской сбруе — стреножники, узды и прочее. Подражая бурятам, русские приучают, посредством стреноживания, по всем правилам бурятского наезднического искусства, самых диких лошадей останавливаться вдруг,

куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурят они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские. Подобно бурятам, русские «сидят арака» — вино, только не из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив при том и бурятские названия этих орудий. По примеру бурят, русские готовят «секшу», т. е. варят кровь животного и, смешивая кровяной сверток с жиром, едят с таким же удовольствием, как и буряты. Подражая бурятам, русские научились искусно есть полусырое мясо из-под ножа, разрезывая его у самых губ снизу. Казаки обыкновенно «бросают в воду целого барана, в большой котел, скипятят кое-как и едят, сидя кругом, поджав под себя ноги по-бурятски и по-бурятски же разрезая куски мяса ножом у самого рта, под нижней губой. Подобно бурятам, русские, за неимением трубки, курят из земли, выкапывая ямку и вкладывая в нее какую-нибудь дудку от растения, соломинку и т. п.». Мало того, в самом умонастроении, в понятиях и верованиях забайкальское рус-

ское население значительно ассимилировалось с бурятами. Например, почти все забайкальские казаки и крестьяне, и мещане, у которых отцы и деды родились уже там и многие предки были бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замечено не только в отдаленной глуши Забайкалья, в средоточии монголо-бурятского населения, но и в окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, например, в селениях Култуке, Тунке и др., где, по словам одного миссионера, русские держат даже и бурятских идолов, истуканов или божков на вышках своих домов и там шаманствуют тайком. В Нерчинском округе русские лечатся у шаманов, к шаманам обращаются с просьбой пошаманить, когда потеряют какую-нибудь вещь. Согласно с бурятами, русские отправляясь в путь, на половине дороги кладут что-нибудь на дерево — деньги или хоть волосок с головы, в благодарность за то, что благополучно проехали до половины дороги.

Наконец, множество слов монголо-бурятского языка вошло в состав русского языка,

которым говорят казаки и крестьяне, так, в сборнике слов русского наречия Нерчинского округа, составленном одним тамошним священником, записано 96 слов чисто-монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием и бессознательно произносимых как коренные славянские слова.

Как в Забайкальской области, так и в Верхоненском крае русское население значительно ассимилировалось с туземными бурятами и тунгузами. По рекам Илге и Тутуре, особенно в селениях, находящихся в вершинах этих рек, крестьяне, подобно местным тунгузам и бурятам, более занимаются звероловством, чем хлебопашеством. Во всех селениях Верхоненского округа крестьяне, подобно окружающим их бурятам, завели так называемые по-бурятски «утуги», или особые загороди за огородами и гуменниками или позади селений, десятин от 2 до 4 и более, частью для пастьбы в нем телят, но главным образом для кошения лучшего, так называемого «утужного» сена, состоящего преимущественно из пырья. Подобно бурятам, богатые кре-

стьяне имеют обычай держать, сверх надобности, более или менее многочисленные табуны лошадей и стада коров и овец, которые, как и у бурят, «ходят на воле» или пасутся в степях без пастуха. Наконец, подобно бурятам, многие русские крестьяне, особенно в прежнее время, имели обычай строить хотя на одном дворе два дома: летний и зимний; зимняя изба называлась «зимовьем» и как бы соответствовала зимникам, или зимним избам бурят.

В некоторых домашних изделиях русские также усвоили бурятские образцы. Например, форма колес у телег, и особенно одноколок, «крюк», устройство трубиц у них, а также большие деревянные чашки грубого изделия, халбагаи, или большие деревянные ложки, деревянные ганзы или трубки, берестяные чуманы и т. п., все это принято от бурят и отчасти от тунгузов. Некоторые русские даже нарочно нанимали ясачных из бурят работников для деланья колес по образцу бурятскому и продавали эти колеса русским на телеги: их хорошо раскупали и расхваливали. В обыденной жизни русских крестьян Верхотенско-

го округа также немало привычек и обычаев, схожих с бурятскими. Они, подобно бурятам, не брезгают есть мясо вонючее, с червями; убивая скотину, тут же варят в котле начиненные кровью кишки и едят их. Подобно бурятам, и крестьяне варят «саламат» из сметаны с мукой. Подобно бурятам, они едят большей частью без вилок и ножей, из деревянных чашек, подобных бурятским и делаемым нередко бурятами. В одежде русских жителей Ленского края также кое-что перенято от бурят или тунгузов. Подобно туземным, отдаленным от Иркутска бурятам, и русские ленские жители в значительной степени отличаются диковатостью и тупостью. При всяком внезапном и новом впечатлении они «дивуются» и как бы с дикарской рефлексивностью, всплескивая руками и разиня рот, восклицают: «А-а-а! ах! Ой, дивоньки!» или совершенно по-бурятски: «Ай-нохой, ай-нохой!». Когда ссыльные поляки стали делать в верхоленских селах колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то местные жители, по словам одного ленского жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «Диковинка,

калбазы какие-то стали делать, сапоги косые, хитро!». Как буряты, по словам Болдонова, побывши в городе, с диким удивлением рассказывают, как о диковинках, о хороших домах, о хороших экипажах и лошадях, обо всем, что видели на базаре, в лавках и магазинах и т. п., так и ленские крестьяне, изредка бывая в «Иркутском», как они выражаются, тоже все-му там «дивуются». При грубости и дикости русские жители Верхоленского округа, наравне с бурятами и тунгузами, отличаются высшей степенью азиатской лени и неподвижности. «Говоря о хозяйстве верхоленских крестьян, — замечает Шперк, — нужно сознаться, что при грязи и бедности, совершенная апатия к разумному хозяйству так и проглядывает на каждом шагу, показывая совершенное отсутствие стремления к улучшению его». Подобно бурятам и тунгузам, многие ленские мужики, особенно «низовые», сваливают всю тяжелую работу на баб. Наконец, и в умственном отношении русские жители Верхоленского округа значительно освоились с бурятами и тунгузами. И здесь многие крестьяне верят в шаманство и нарочно ездят в

бурятские улусы шаманить по бурятской лопатке, когда кто занеможет в семье или потеряется что-нибудь. В русском наречии ленских жителей также немало слов бурятских и тунгузских, как и в забайкальском. Они также говорят, например: адали (подобно), га-лахай (крапива), качирик (двухгодовалый бычок), нохой (собака) или нох-нох-нох! (скликанье собак) и т. п. В самом русском языке они выговаривают некоторые буквы как буряты, например, букву с как ш: вместо «Семен», говорят «Шемен», вместо «все» — «вше» и т. д.

То же явление замечается и при столкновении русской народности с якутами. Соотносительно с физическими изменениями, и в умственном складе якутско-русской народности можно подметить более или менее значительные отклонения от славяно-русского умственного типа. Воспитание молодых поколений, происшедших из смеси русских с якутами, их понятия, нравы и язык — все подверглось преобладающему влиянию якутской народности. «О воспитании детей здесь заботятся мало, — пишет Врангель о русских жителях города Якутска, ребенка с малолетства от-

дают обыкновенно какой-либо якутке, которая, вскормив посылно и по крайнему своему разумению, года через два или три возвращает воспитанника, конечно, уже несколько объякученного, родителям, дома он дорастает и, научившись несколько грамоте у священника или причетника, посвящается постепенно в таинства сибирской торговли пушным товаром или определяется в писцы какого-либо присутственного места, для достижения чинов, на которые и в Якутске бываюи крайне падки. Таким первоначальным воспитанием здешнего юношества объясняется с первого взгляда странным кажущееся явление, что даже в несколько высшем кругу общества якутский язык играет почти столь же главную роль, какую французский в обеих наших столицах. Это обстоятельство крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обеде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почтеннейшего духовенства, чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так испещрена фразами из

якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабое участие». Гартвиг, основываясь на словах Мидцендорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: «Якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязавшего победителям свои обычаи и язык, народа, не только не подвергнувшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске, или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние уроженцы), несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники — якуты, все няньки — якутки и даже богатый русский пушной торговец нередко женится на якутке». Не менее поразило Мидцендорфа, что, вступив в Якутскую область, он встретил русских только по происхождению, а по образу жизни совершенно объякутившихся, даже трудно было бы в земледельческой, первоначально русской колонии Амгинской найти проводника, говорящего по-русски. Точно так же удивило Миддендорфа, что в пустыне

между Якутском и Охотском не только тунгузы и их жены говорили чисто по-якутски, но и в самой прислуге путешественника находился тунгуз, не понимавший другого языка, кроме якутского. Ни один русский на задумается вступить в брак с якуткой. В домашнем быту русское якутское население во многом ассимилировалось с туземными природными якутами. Дома в селах строятся «на вкус якутский», как выражался один беседовавший с нами русский якут, проживающий в Иркутске. В домах на якутский лад поделаны сплошные лавки от стены до стены из целых, «четвероугольно» обделанных и вместе сплоченных бревен наподобие нар, с аршин ширины.

Наконец, и русский язык в Якутском крае подвергся значительному влиянию языка якутского. Большинство окрестного населения Якутска хотя и знает русский язык, но довольно плохо, и говорит по-якутски. Еще более поразительные данные представляют нам ученые исследования об одичании и об инородчении Туруханского края. Еще в 1814 году смотритель туруханских поселенцев Да-

выдов справедливо заметил о русских жителях верховых станков Туруханского края: «По замечанию моему, в 18-ти зимовьях зимовщики поступками своими более походят на азиатцев». И действительно, как свидетельствуют записки сибирского отдела, туземные или природные русские туруханцы и в психическом отношении довольно выразительно разнятся не только от великоруссов, но и от других юго-восточных сибиряков. Недаром они и сами представляют юго-восточную и юго-западную Сибирь другой, несколько чуждой или этнографически отличной страной и называют ее «Русью»: «мало ли чего у вас там, на Руси, не по-нашему, лучше», — говорил один туруханский мещанин, по виду похожий на остяка, когда у нас зашла речь о Южной Сибири. Природные русские туруханцы до того чувствуют себя чуждыми прочим местностям Сибири, что, запуганные молвой об упразднении города Туруханска и о переселении их на юг, они хотят лучше переселиться еще дальше на север, на низ Енисея, чем, например, в Минусинский край. Как остяки, которым мы советовали переселиться ку-

да-нибудь в южные края Сибири и заняться земледелием, наотрез отвечали нам: «Нет, душе неохотно, сердцу неугода», — так и русские туруханские мещане на тот же совет энергически возражали нам: «Мы неподходячи туда, нам неохотно оставить свое место, где родились, да и не умеем взяться за тамошние работы». Вообще, при всем, заметно отличающем их добродушии, простосердечии и откровенной общительности, при ближайшем, простом и кротком обращении с ними, они обнаруживают, однако ж, подобно остякам и тунгузам, некоторую недоверчивость, боязливость, скрытность и лукавство в отношении новоприезжих «из Руси», особенно на людей чиновных они поглядывают диковато, как бы исподлобья, отвечают на вопросы как будто нехотя, желая поскорее отделаться от них. Далее, вследствие давнишнего смешения и сожителства с инородческими племенами, коренные русские туруханцы, естественно, унаследовали вместе с инородческой кровью множество инородческих свойств и привычек. Образ жизни их во многом походит на образ жизни туземных остяков, самоедов,

якутов.

Подобно остякам и другим туземным инородцам, они любят есть сырую рыбу, летом, во время рыболовства, живут в чумах отдельными семьями. В домашнем употреблении у них немало тунгузских и особенно остяцких принадлежностей или изделий, вроде «потакуя» — кожаного саквояжа тунгузского, или вроде «ытов» — берестяных корзинок в 1 1/2 четверти длины и в четверть ширины, вроде «унтиев» — берестяных ведер для носки воды, или «бальтий» — из бересты согнутых, круглых и низеньких шкатулок для ниток, иглок и прочего. Подобно бродячим инородцам, тунгузам и затундренным самоедам или долганам, и русские поселенцы или посадские города Туруханска до 20-х годов нынешнего столетия предпочитали бродячий образ жизни зверопромышленника оседлой городской жизни. Многие туруханские мещане «отходили» на низ Енисея, за тундру, для зверопромышленничества и, подобно тамошним инородцам, жили разрозненно в так называемых «отъезжих зимовьях», похожих на тунгузские «голомы». В начале нынешнего столе-

тия за тундрой было до 26 таких отъезжих зимовий. Вообще, склонность к бродячему быту пересиливала в туруханских мещанах великорусскую народную склонность к городской, промышленной оседлости.

В умственном складе и понятиях природных русских туруханских жителей также много сходного с примитивным мирозерцанием туземных остяков, тунгузов, юраков и самоедов. Справедливость, впрочем, требует заметить, что природный здравый смысл у них, вообще, развит достаточно, есть сметливость, находчивость в трудных обстоятельствах жизни. В рассказах своих и беседах с нами они обнаруживали довольно смышлености, остроумия и наблюдательности. Но при всем том и ум их заметно поддавался влиянию туземных азиатских понятий. В низовьях Енисея русские придерживаются даже некоторых инородческих суеверий: за образами, например, на божницах держат «инородческих истуканчиков» или божков и занимаются вместе с туземными инородцами шаманством. Как тунгузы туруханские, проникнутые фанатическим страхом таинственных

сил природы, поклоняются, например, высоким горам и приносят в жертву им белку, соболя, горностаю или лисицу, чтобы эти высокие горы не задержали их, так и русские туруханские казаки и промышленники некогда со страхом проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгузке, так называемой «Цапаниной Сопки» и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище Цапан не задержал их лодки, клали на берегу у горы несколько соболей, белок и прочее.

Наконец, вследствие смешения с разными туземными племенами русское население Туруханского края приобрело и некоторые лингвистические особенности. Местное, областное наречие его усвоило немало вариаций и отличий под влиянием языков остяцкого, тунгузского и прочих. В Туруханске некоторые казаки и мещане умеют говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих языках — на якутском, самоедском и тунгузском. Наконец, самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повы-

шения и понижения голоса в речи, характер вокализации у русских туруханских уроженцев отличаются, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как и у остяков. Например, подобно остякам, они вместо букв *ч*, *ш*, *ж* и *р* выговаривают *с*, *з* и *л* или *рл* и т. п. Говорят: «Посел осень большой дождь, в избе сыпко зарко, бедняски худо зивут, мерлой альсин» и т. п.

Не менее русские подвергались инородческому влиянию и в других местностях, как, например, в Западной Сибири, на границе киргизской степи, где казаки, мало того, что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникли даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города совершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухтарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду и т. п.

Подобную же азиатскую окраску приобретает, как говорят, и русское население в Туркестанской области. Что касается влияния русских на инородцев, то нет сомнения, что и это обратное влияние действовало довольно

ощутительно. Такому обрусению особенно подверглись буряты, которые при смешении с русскими усваивают земледелие, начинают жить оседло, принимают русский язык и веру. Точно так же мы видим якутское население, не только перешедшее к русской культуре, языку, совершенно обрусевшее, но и сделавшееся самым промышленным и способным населением Восточной Сибири. Зато некоторые инородческие национальности не только туго поддаются влиянию русской культуры, но решительно подчиняют ее себе. В этом случае мы видим, так сказать, различную упругость и стойкость рас, которые замечены и во многих национальностях. Есть национальности, которые способны необыкновенно быстро перейти к другой культуре, верованиям, языку, как, например, зыряне, вогулы, но есть и такие, которые отстаивают свою национальность веками, как, например, евреи. Точно так же и в среде азиатских народностей любопытно сделать подобную этнографическую классификацию. Рядом с этим многое в жизни наших инородцев зависит от их объема, численности, плотности, в какой

они живут и соприкасаются с русским населением, от высоты их культуры, свойств религии и способности сливаться с другими расами.

Склонность к смешению и слитию русских в Сибири обнаруживается, по нашим наблюдениям, наиболее и совершается легче с финскими племенами и тюркскими, причем с новокрещенными из язычества более чем с переходящими из магометанства, которых число очень невелико. Скрещивание и полное смешение целых волостей, как и вырождение инородцев замечается среди вогулов, алтайских черновых татар в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах, где находится совершенно выродившаяся кумышская инородная управа.

Помеси с киргизами, монголами, тунгузами и т. п. также попадают, но составляют менее обычное явление.

Определить в точности все физиологические, психические, как и культурные метаморфозы русского населения, совершающиеся в различных местностях на нашем Востоке, точно так же, как и выяснить законы метиса-

ции, предстоит, без сомнения, дальнейшим этнографическим изысканиям, но и собранные уже ныне данные дают некоторый материал для некоторых социологических выводов. Первое, к чему можно прийти, — это к тому, что если русские, в силу своего расового и культурного превосходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и повлияли на инородцев поднятием их расы при помощи метисации, передачей им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным влиянием, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных чертах. Понижение и отступление это было временами в такой степени сильно, что уподобило их совершенно инородцам. Мы видим, что смешение, как и бытовое сожителство нашего населения на Востоке с инородцами отразилось не одним физиологическим изменением, как следствием метисации, но и выразилось в духовном и нравственном родстве с азиатскими племенами, в перемене воззрений, нравов и образа

жизни. Из приведенных примеров видно, что в общем русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину, они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, наконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий. Все эти явления одичания нашего населения уже теперь дают себя чувствовать. Постоянное заимствование от инородцев входит в обычай вообще русского населения за Уралом и влияет на весь его склад. Многие незаметно вошло в нравы, иное смешалось с предрассудками, с мифологией и демонологией русской, третья находится в сыром виде и путается с русскими обычаями, как часто полуазиатский костюм с русской рубахой. А это дает нам повод заключить, что расовая устойчивость русских на Востоке далеко не так прочна, как предполагалось, что русские во многих случаях склонны были скорее подчиняться инородцам, чем над ними господствовать, и что они более заимствовали от ино-

родцев, чем передали им. Все это наводит на вопросы: надо ли считать наше слитие и метисацию с инородцами при настоящих условиях выгодными для русской национальности? Что будет, если на таких же условиях она будет продолжаться в будущем? И каковы должны быть предприняты меры, чтобы избавиться от тех невыгодных последствий, которые ныне обнаруживаются? Подобные вопросы имеют тем более жизненное значение в нашей истории, что метисация с инородцами на Востоке далеко не представляет явления отжившего, законченного; она только еще начинается, и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем охватить русское население на всем Востоке. В самом деле, мы видим на Востоке русское население среди значительного количества инородцев, стоящего перед ним стеной. Население это еще нетронутое, сближение с которым не проникло еще внутрь, все эти народности верны своему языку, национальности и полудикому образу жизни. Более развивающиеся сношения, самое просвещение инородцев и обращение между русскими должно повести в будущем

непрерывно к усилению метисации и взаимного влияния. Взглянем же на контингент русских на Востоке, который должен одержать верх в своей национальности.

По произведенным нами исследованиям в западной части Сибири, русское население находится в следующем отношении к инородческому:

	Инородцев	Русских
В Тобольской губернии	74220	1121259
В Томской губернии	67971	930914
В Акмолинской области	335103	110469
В Семипалатинской области	472656	49883

Таким образом, отношение это в различных областях и округах является далеко не равномерным; так, в двух южных областях мы видим инородческое население преобладающим. Точно так же в частностях распределение по округам в двух губерниях показыва-

ет весьма различные проценты[22] инородческого населения, как-то:

В округах:

Березовском 445,90%

Сургутском 345,67%

Тобольском 16,92%

Тюменском 9,34%

Туринском 6,72%

Тарском 7,06%

Ялуторовском 3,05%

В Томской губернии, округах:

Кузнецком 16,48%

Бийском 12,89%

Томском 7,94%

Мариинском 2,42%

Каинском 1,83%

Барнаульском 0,56%

Из этого видно, что в северных округах Тобольской губернии инородцы превосходят русских в числе, в южных округах Томской губернии они составляют видный процент. Точно то же мы видим на окраинах Енисейской и Иркутской губерний.

В Туруханском крае, Минусинском округе и Забайкалье число инородцев весьма значи-

тельно и в некоторых местах господствует над русским элементом. Это неравенство увеличивается всё более к Востоку — в Якутской области, на Амуре и на Камчатке. Наконец, в Западной Сибири с юга примыкает еще огромный инородческий район — Туркестан. Поэтому уступающее численности русских инородческое население в Сибири обновляется новыми силами с нашими завоеваниями на Востоке. В общем по этнографическому составу племен согласно счету, приводимому г. Венюковым, численность всех инородцев с оренбургскими киргизами на нашем Востоке равняется 4515736 д. Между тем, русская национальность может считаться никоим образом не более 4800000.

Перевес этот, при неравномерном распределении, нельзя не признать весьма слабым. Такое огромное число инородцев, воздействующих на русскую национальность и, так сказать, могущее ослабить ее расовые и культурные качества, невольно заставляет задуматься о том, насколько необходимо обеспечить ее от ослабления и поглощения постоянным обновлением и подкреплением высшей расы

путем колонизации.

С другой стороны, мы видим, что сближение и слитие русских с инородцами является неизбежным и неотразимым в силу физиологического влечения. Ограждение искусственными мерами от этой метисации и затруднения, делаемые ей, едва ли приведут к цели, да и едва ли рациональны, так как мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а сближению с ними; культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости. При таком положении нам остается рассмотреть только те шансы, при которых сближение это может быть наиболее благоприятным для русской расы ввиду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен перевес качественный, кроме количественного, в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливается высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население. Какими культурными и умственными средствами обладало русское население в прежнее время — это

легко себе представить, если мы припомним, какими явились за Урал русские несколько столетий назад, в среду чуждых народностей, и как низок был их нравственно-умственный уровень.

Представителем нашей колонизации на Востоке был русский крестьянин. Он явился сюда без всяких знаний, без могущественных научных и технических средств и сил для борьбы с природой, суровым климатом, физическими преградами. Население за Уралом, сверх того, было изолировано, оно находилось без всякого сообщения десятки лет в лесах и тундрах, оторвавшись от земледелия, оно было поставлено в звероловческую среду и само переходило к скотоводству, звероловству и рыболовству. Даже независимо от инородцев, оно, таким образом, отступало от культуры и дичало. Можно удивляться, как при таких ничтожных средствах русский народ еще мог сделать то, что он сделал, т. е. проходил моря, степи и льды, проложил повсюду пути, основался и удержал огромную территорию, в два раза большую, чем занятая всем русским народом. Положив основание

повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым.

Какими слабыми культурными и умственными средствами обладает русское население среди инородцев до настоящего времени — это видно из многих свидетельств путешественников и ученых. Вот некоторые выдержки из того же географического журнала. О Нижнеколымске сообщает, например, один автор:

«Не только в городе, но и во всем Нижнеколымском крае замечается полное отсутствие грамотности. Нет ни одной школы. Местное начальство и священники относятся к этому делу с полным равнодушием; до сих пор не сделали ни одного шага к образованию народа. Все занятие детей нижнеколымцев состоит в том, что с утра до вечера, в буквальном смысле, гонять собак; неприличную

брань они употребляют на каждом шагу. Понятно, какие плоды происходят от такого воспитания и для нравственного, и для умственного развития населения; невежество и грубейшие пороки — отличительная черта местных жителей. Почта получается три раза в год, читать положительно нечего: нет ни книг, ни журналов, ни газет». То же сообщает г. Кастрен об Обдорском крае: «В Обдорске не нашел я ни одной книги, кроме сибирского регламента, ни одной ежедневной газеты, кроме тех, какие дамы в потемках сочиняют, никакого собрания естественных предметов и древностей, хотя для всего этого там могли бы быть значительные собрания. Из числа христиан я не мог найти там ни одного индивидуума, который был бы занят иным интересом, чем тот, как бы получить бесчеловечный процент. Другого ничего нельзя и ждать от людей, которые чужды утех и наслаждений цивилизованной жизни и у которых одно только на уме — как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца. Такие поступки, правда, де-

лают их счастливыми, но вследствие этого большая часть из этих искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться в зверскую грубость» (Известия сибирского отдела).

Не лучше положение и Туруханского края, по описанию Третьякова и других позднейших посетителей. Но не одни глухие окраины и тундры находятся в таких условиях. Отсутствием умственных и просветительных средств отличаются вообще все провинции на Востоке. Как самые отдаленные, они были поставлены в самые худшие условия в этом отношении; как на местности отдаленные, мы не обращали на них внимания. Чем далее к Востоку, тем просвещение менее развито. Чем, значит, ближе сталкивается русское население с инородческим, тем меньшими орудиями для борьбы оно снабжается. В этих отдаленных провинциях нет умственных центров, нет ученых обществ, могущих развивать потребность к знанию, единственное ученое общество — географический отдел — страдает таким недостатком и умственных, и материальных средств, как свидетельствуют

его отчеты, что не только может удовлетворить своим обширным задачам науки на Востоке, но едва поддерживает свое существование. Точно так же на отдаленном Востоке мы не встречаем и других учреждений, могущих поддерживать высшее образование, сделать его представителем европейской цивилизации и содействовать расовым преимуществам, помощью поднятия умственного уровня.

А при таких умственных средствах едва ли можно надеяться на культурные завоевания и цивилизацию дикарей, окружающих нас. При отсутствии этих средств наша передовая колонна цивилизации, врезавшаяся среди инородцев за Уралом и идущая совершать завоевание, становится похожа на отряд пионеров, высланных вперед прочищать дорогу без кирок, топоров, лопат и других инструментов.

Единственным залогом и умственного, и социального преобладания русского населения должно быть его высшее культурное развитие. «Чтобы выдержать борьбу, — пишет один из ученых географического общества, —

и в то же время исполнить культурную миссию относительно превосходящего и поставленного в лучшее положение инородческого населения, нужно иметь достаточный запас существенного развития, энергии и вообще нравственной силы» (Известия сибирского отдела, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 51). «Прогресс будет еще больший, если вы дадите русскому населению школу», — говорит в другом месте путешественник. Чем более играет роль физиологическое вырождение и понижение расы, тем более должно быть гарантировано повышение культурное. Если просвещение и цивилизация составляют естественное право человечества, то здесь оно имеет особое значение, как единственное спасение народности. Понятно, какие заботы и усилия необходимы здесь, чтобы поднять население на высшую степень развития и дать ему, так сказать, нравственный перевес. Надо помнить, что от умственных и просветительных средств будет зависеть и судьба нашего существования на Востоке.

Областной тип русской народности на Востоке

II.

Народно-областной тип и этнические условия его образования. — Последствия видоизменений под влиянием природы, климата, питания и смешения с инородческим элементом. — Характер сибиряков. — Определение его Екатериной II. — Физический тип, изменения в языке. — Умственный склад и уровень способностей. — Изменения великороссийского характера. — Взгляд на природу. — Предания. — Суеверия. — Любознательность и стремление к новизне — Индивидуализм. — Промышленный характер. — Сибирская крестьянская община. — Процесс народного творчества в условиях новой жизни.

Колонизация Сибири есть факт далеко не завершившийся, а потому произнести над ним какой-нибудь решительный приговор было бы слишком смело, тем не менее некоторые черты и особенности этой колонизации и теперь знакомят нас с теми явлениями,

которые уже сложились окончательно при данных исторических условиях. Мы хотели только выяснить в нашей первой главе, что соприкосновение и метисация русского населения с инородческими племенами на громадных пространствах Сибири сопровождались не только изменением физиологических и общественных свойств прошлого племени, но отчасти и совершенным его поглощением. Русская колония не только усваивала физический тип и психические особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Изменения эти не составляли отдельных и случайных фактов, но отразились на всей массе русского населения на Востоке. Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обынородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространялось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип. На образова-

ние этого нового этнографического типа, как в физическом строении, так и в нравственных признаках, указывают последние этнографические исследования восточносибирского отдела Географического Общества. «Обобщая все изложенные нами выше факты физиологического смещения в Сибири славяно-русского племени с разными североазиатскими, — говорят «Известия сибирского отдела Географического Общества», — мы приходим к тому общему выводу, что, во-первых, в физическом типе своем сибирское русское население путем скрещивания с туземными азиатскими племенами, по-видимому, стремится образовать несколько своеобразный народно-областной тип, не разделяющий в одинаковой степени признаков родоначальных рас славяно-русской и азиатско-инородческих. Общей, наиболее выдающейся в настоящее время характеристической чертой ее физического типа, по-видимому, представляется особенный преобладающий тип, если можно так выразиться, брюнетический, отпечатлевающий в себе однородное, но в то же время и заметно-своеобразное выражение по-

меси славяно-русского племени со смуглыми, черноволосыми североазиатскими племенами. Конечно, все эти отличительные признаки физической структуры русского сибирского населения еще не выразились резко, не установились в строго очерченный, всеобщий, однородный физический тип; в очертаниях его часто встречаются большие или меньшие реверсивные уклонения, вариации и вообще неустановившиеся черты. Это естественно и неизбежно среди только что начинающейся, разнородной помеси народонаселения, при слиянии разнообразных племенных элементов. Но, несмотря на то, все-таки повторяем, уже и в настоящее время в сибирском населении более или менее заметно стремление к образованию, путем скрещивания и местных физико-географических и этнологических условий, *однородной и несколько своеобразной областной народности*». Итак, вот один из новых фактов, подмеченных нашей этнографией: изменение великорусской народности на Востоке во всем ее составе. Конечно, это изменение происходило не от одной метисации и воспринятая ино-

родческой крови русским племенем: оно также обуславливалось другим пришлым элементом, наконец, климатом и многими другими физическими влияниями. Такие же изменения, под влиянием новой природы и ее особенностей, мы видим в истории колонизационного движения у других народов. Антропология и этнографическая география немало приводят этому примеров. Физические условия имели влияние на вырождение европейцев в Абиссинии и Аравии. В Австралии признаки, свойственные англичанам, начинают изменяться с первого поколения, как удостоверяет Кунингам. Медики давно доказали это физическое видоизменение англосаксонской расы под влиянием новой, чуждой ей среды.

Броссер, известный своей наблюдательностью и обширным изучением, свидетельствует о значительных изменениях типа англичан в Америке в типе янки. «Не особенно много времени нужно на то, — говорит он, — чтобы установить значительную разницу между типом настоящего англичанина и англичанина-переселенца в Америку». Нет со-

мнения, что в этом отношении русские колонизаторы Сибири не могли составлять исключения из общего правила.

Сибирский климат, сухой и континентальный, отразился на физической организации сибирского населения. Сила этого влияния хорошо доказана Дезором. Влияние сухого континентального климата отражается в различных видоизменениях анатомического и физиологического строения, так и в дыхательных органах, строении желез, замеченном слабом развитии их и т. п. Замечено, что сухой климат влияет также на всю жизненную обстановку. Дома весьма быстро становятся годными для жизни после постройки вследствие быстрого высыхания, в сибирских жилищах нет сырости, несмотря на то, что здесь весьма часто моют полы и стены, хлеб скоро делается черствым, тысячи других мелочных обстоятельств не могут не составить особенность жизни[23].

Кроме чисто географических условий, на пришлую расу должны были воздействовать и другие особенности колонизируемого края, как, например, пища. Новейшие исследова-

ния ясно доказали, что в некоторых местностях Сибири, особенно в Охотском и Гижигинском крае, а также Амурской области, русское население под влиянием местной диеты или образа питания подвергается очевидным изменениям в самих пищеварительных органах. К таким изменениям надо отнести приспособленность желудка местных жителей к очень медленному прохождению экскрементов через кишки, вследствие питания рыбой и мясной пищей исключительно, чем питаются по преимуществу на Востоке. (Исследования Шперка и «Известия сибирского отдела», т. III, № 5, 1873 г., стр. 249).

По сделанным доселе наблюдениям, пища, которой питается сибирское население, и в том числе крестьянство, состоит в преобладании и разнообразии мучных блюд. В Сибири, в хлебородных полосах, питаются более пшеничным хлебом, который вытесняет ржаной, далее — преженики, шаньги, пироги, оладьи составляют у многих ежедневную принадлежность пищи. Пироги всевозможных родов — с мясом и рыбой, иногда цельно запеченной, а также пельмени в огромном коли-

честве, — составляют любимые кушанья сибиряков. Мясо, благодаря изобилию скотоводства, во многих местах составляет видную часть питания и доступно крестьянству. Во многих местах Сибири создан обычай при каждом удобном случае по нескольку раз в день находить предлог для еды; сибирский чай сопровождается всегда «прикусками», т. е. пирогами и прочим. У крестьян существуют завтраки, паузины, ужины и т. д. Чай вошел в общее употребление среди всех сословий и употребляется в большом размере, как и вино. Все это если и способствует с одной стороны хорошему питанию, дородству сельского населения, с другой стороны — в городской жизни и зажиточных классах порождает чрезмерное употребление яств и создало преобладание животного-питательных наслаждений вместе с тяжеловатостью и медленностью психических отправления.

Все эти разнообразные влияния новой природы, взятые вместе, не могли, конечно, не изменить несколько физической организации типа и не придать психических отличий «русско-сибирскому» населению. Подобное

областное отличие в местных жителях было замечено еще в половине прошлого столетия, и императрица Екатерина II сделала этнографическую характеристику русского населения на Востоке: «Как естественные произведения, растения и животные, так и люди в России и Сибири, — говорит она, — не схожи ростом и лицом; сибиряки *смуглы*, самые восточные из них *похожи на китайцев* (на монголов); русские, например нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками. На берегах Волги жители рослы и стройны; белокурые ярославские красавицы не имеют никакого сходства с сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы славут сутягами, галичане славут простыми и прямодушными. Сибиряки умны, любознательны и предприимчивы». (XVIII век, М. 1869 г., кн. IV, стр. 440–442). Как бы ни была поверхностна эта характеристика, но она доказывает тот же факт, что новообразующаяся сибирская народность — природная ветвь славянорусского племени — вследствие колонизации подверглась уже

значительному изменению своего родона-
чального типа. Но, кроме изменений, так ска-
зать, физиологических и этнографических, са-
мые бытовые формы, занятия и нравы русско-
го населения должны были получить особый
оттенок. Изменения эти произошли даже в
языке, который, по замечанию г. Ровинского,
представляет некоторые особенности в новом
областном говоре. «Сибирское наречие, ко-
нечно, произошло от северо-русского, — пи-
шет г. Ровинский, — но двухсотлетняя разъ-
единенность с коренной Россией, совершенно
иные естественные условия жизни и иные
условия исторические, вместе с разнообраз-
ными столкновениями со множеством других
народностей, о которых в коренной России не
имеют и понятия, дали ему развитие вполне
оригинальное. Распространенность и устой-
чивость говора Восточной Сибири, имеющие-
го свою особую фонетику, много особенных
грамматических форм, отчасти особенное
словообразование и своеобразный способ вы-
ражения, со словарем более чем в 3000 чисто
местных слов, неизвестных в общем русском
языке, дают ему полное право занять место в

ряду с остальными наречиями России». (Замечания и словарь сибир. нареч.; Извест. сиб. отд., т. IV, 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востоке слагается новый этнографический тип, с которым нас хорошо знакомят исследования г. Ровинского и статьи г. Щапова, напечатанные в «Известиях сибирского отдела Геогр. Общ.». Мы постараемся коснуться тех выводов, к которым пришли эти почтенные исследователи. Физиологическая помесь с инородческим элементом, влияние новых физических и исторических условий, как мы сказали, не могли не отразиться и на психической природе русской народности. Она неизбежно должна была приобрести новые инстинкты и новые склонности, а потому и развитие способностей должно было принять новое направление; нет сомнения, что это своеобразное развитие в будущем приобретет еще большее значение. Вот какие приговоры и обобщения, между прочим, сделаны о способностях и оригинальных психических проявлениях областного населения Востока. В духовно-физической организации его прежде всего замечается больше, чем в

развитии европейско-российского народонаселения, проявление разных резких изменений и уклонений физиологических и патологических, прогрессивных и регрессивных. Они обусловлены многими неблагоприятными обстоятельствами при первоначальном заселении страны и первых столкновениях с другими расами, а также невыгодным естественным подбором. На них-то ученое исследование и останавливает свое главное внимание.

Путешественник, посетивший Сибирь, на каждом шагу поражается резкими контрастами и хаотическим смешением всевозможных противоречий и крайностей; он замечает в сибирском населении, с одной стороны, более или менее замечательные умственные дарования, с другой стороны — микроцефалов, кретинов, идиотов или вообще «дурачков», как говорят в Сибири, а также карликов с недостаточным нервно-мозговым развитием. Такие крайности и видоизменения то в ту, то в другую сторону очень понятны при помеси различных народностей, при внесении самых разнообразных элементов и признаков пра-

родителей. Вместе с этим известны и некоторые местные патологические проявления уродств в данной местности, еще не объясненные и, может быть, находящиеся в связи с климатом и неблагоприятными физическими условиями. К таким явлениям относятся, например, в Верховенском округе и некоторых местах Восточной Сибири развитие зобов и сопровождающего их кретинизма и идиотизма.

Зобатость начинает проявляться вообще с началом половой зрелости. Одна статья из местных свидетельств представляет нам несчастное положение сибирской девушки, тщательно скрывающей свое уродство перед замужеством (газета «Сибирь»). Зобатость в некоторых местах Сибири стремится сделаться наследственной органической особенностью всех жителей данной местности. Доктор Кашин, производивший исследования на Лене, свидетельствует, что зоб распространяется и разносится даже по селениям, где прежде его не было. «Мы убеждены, — пишет он, что существующая здесь эндемия зоба будет иметь непременно своим последствием пе-

рерождение туземного населения и прогрессивное увеличение числа кретинов, если только не обратят внимание на уничтожение вредных местных условий[24]. Кроме зоба, в некоторых местностях Сибири замечаются и другие патологические явления, так, например, «икота», «порча», составляющие какие-то нервные припадки и господствующие между крестьянством Западной Сибири. Юродивые и дурачки, выродившиеся идиоты, предвещатели и ведуны встречаются в каждом сибирском городе.

К другим причинам местного быта, влияющим неблагоприятно на рождение и здоровье, развитие населения, относят наши этнографы разные болезни, заносимые пришлым населением. В этом отношении играет роль громадный прилив ссыльного люда, приносящего с собой из русских тюрем и арестантских и физическую хилость, и нравственную испорченность.

Вот что говорит по этому поводу г. Шапов: «Нам кажется, рождение уродов, идиотов, дураков и т. п. в Сибири в значительной степени зависит от беспорядочности полового под-

бора и неправильности половых отношений, обусловливаемых преобладанием ссыльных преступников, испорченной нравственности и с разными физическими пороками, численным неравенством полов в Сибири, а также сильным развитием проституции, соединенной с безобразным пьянством» и т. п. О неправильности полового подбора, нередко проявлявшегося и в браках, в Сибири сложилась даже особая пословица: «Платье на грядке, урод на руке». К числу постоянных патологических явлений, подтачивающих организм сибирского населения, надо отнести и занесение сифилиса в Сибирь партиями ссыльных и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное его распространение между местными жителями[25]. В Сибири, говорят очевидцы, есть деревни, сплошь зараженные, целые инородческие племена охвачены этой болезнью[26]. Понятно, что в отдаленных и глухих местах население, предоставленное самому себе, без медицинских средств, где в целые районы и округа не заглядывал ни один доктор, болезнь может охватить население и принять страшное развитие, она может пере-

ходить из поколения в поколение, и никто её не будет знать. При суровом, холодном климате, при скудном питании рыбой, при лишениях, простудах, при той жизни, какой живут инородцы и крестьяне, болезнь эта быстро распространяется, осложняясь другими местными недугами. Доктор Соколов при исследовании Березовского края и местных инородцев находил, например, такие осложнения скорбута, сифилиса, простуды и прочего, что невозможно было уже отличить одно патологическое явление от другого и принять те или другие медицинские средства. Все это, нет сомнения, должно подрывать в самом корне народное здоровье, отзываться как на физическом вырождении сибирского населения, так и на понижении его умственного уровня. Но такие явления мы считаем случайными и предотвратимыми, если бы на них было обращено большее внимание.

Обратив внимание на отрицательные явления, этнография останавливается и на положительных чертах русского областного населения на Востоке. В физическом отношении оно довольно крепко сложено и здорово, хотя

не всегда обладает высоким ростом и толщиной. Сибиряк «приземист и коренаст», как говорят о них. В развитии чувств и восприимчивости впечатлений сибиряк выработал, а отчасти и получил наследственно от инородца многие изощренные способности, как, например, чуткость слуха и зоркость, примеры которых мы привели в первой главе. Этими особенностями сибиряк обязан окружающим его громадным тундрам, пустыням и лесам, где ему приходится встречаться лицом к лицу со всевозможными препятствиями и опасностями, наблюдать и замечать их, охранять и защищать себя. Относительно даровитости и ума русского населения факты свидетельствуют, что сибиряки не глупы. Исследователи ссылаются уже на замечание Екатерины, что сибиряки «вообще умны, любознательны и предприимчивы», и в заключение приводят примеры, что из сибирского населения выходили более или менее ученые и писатели, как Словцов, Батеньков, Пассеки, Менделеев, Чугунов, Корсак, Полевой, Бобровников, Елисеев, Потанин, Бонзаров, Валиханов и прочее. Немало также на Востоке и даровитых само-

родков, выходящих из среды народа.

Не отрицая даровитости сибирско-русского населения, мы, однако ж, должны заметить, что самая необходимость приискивать доказательство в пользу его указывает на не особенно лестное мнение до сих пор вообще о народности. Доказательства эти похожи на те, которые обыкновенно приводятся в пользу негров и женщин; для всякого другого человеческого общества они должны были бы показаться несколько обидными. Однако приводимые примеры в пользу даровитости сибирско-русского населения убеждают нас в том, что пробуждение и развитие сибирского таланта совершалось до сих пор только на другой почве и в другой социальной среде. Пожалуй, сибирско-русское население и даровито, но оно поставлено в такие печальные условия, что выдающаяся умственная сила, подавленная в своей среде, должна была непременно вырваться из нее и бежать из этого края. О психических особенностях сибирского населения этнографы сообщают следующее: «Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и

нравственных черт или особенностей, более или менее заметно отличающих его как от психического настроения великорусского или малороссийского народа, так и от умонастроения сибирских инородческих племен, с которыми оно смешиваюсь и смешивается. Сравнивая, во-первых, вообще мыслительную способность ссыльных великорусских и малорусских поселенцев Сибири с природными сибирскими — туземными сибирско-русскими — поколениями, можно заметить, правда, что русский или, как говорят в Сибири, «российский» человек, преимущественно городской, более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него умственный кругозор большей частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные взгляды и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большей примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых. Сибиряк, наоборот, первобытнее. Ум его менее развит и гибок. Логические приемы его мышле-

ния менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великорусса — какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато в сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение... Оттого сибиряки менее мистичны и религиозны, чем российские люди. Сибиряки в большинстве случаев совершенно чужды мистицизма; они, так сказать, более улитаристы и материалисты, чем мистики и идеалисты», — заключает этнография свое исследование. Итак, при всей неразвитости и некультуривированности ума в сибиряке замечаются признаки реалистического направления мысли. Эта черта характера проявляется и в языке. Словоцов подметил, что «сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, к сожалению, темноват, по привычке пропускать глаголы, ожив-

ляющие мысль». При рассудочности и практическом взгляде умонастроение сибиряков в значительной степени отличается еще юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни в практике, ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлениях обыденной «просмешливости» (пересмеивании), выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, нередко в простых и грубых формах. Следы местного умонастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великорусский народ; оно руководствуется более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, простонародье смотрит весьма свободно, говорит г. Щапов, в Иркутске и вообще в Сибири, на «свободные», или гражданские браки. Великорусские раскольники для объяснения этих браков усиливаются создать свое религиозное воззрение, пишут об этом церковные догматические сочинения, а народ в Сибири руководствуется в этом отношении непосредственными влечениями

чувства и страсти. Самый раскол в Сибири прививается скорее своими рационалистическими сторонами. То же самое применяется по отношению к социальным явлениям. Ум великорусса отличается историко-традиционным воспитанием, а ум сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. «В умственном складе великорусского человека более отразилось влияние, пишет г. Щапов, — продолжительного, исторического, тысячелетнего опыта и отчасти влияние европейски образованного класса. В умонастроении сибиряка более отпечатлелось влияние дикой сибирской природы». Это умонастроение характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частью, — говорит г. Щапов, — забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания или былины великорусского народа, даже большую часть великорусских народных верований или суеверий, примет и обрядов увеселительных. Среди великорусского народа, даже в сфере такой суровой,

неприветливой природы, как природа Олонецкого края, гг. Рыбников[27] и Гильфердинг находили множество «сказателей», любивших рассказывать старинные былины русского народа, а в Сибири едва ли есть где-нибудь такие «сказатели». Наконец, самая песня, не только малороссийская, но и великорусская, какая занесена была переселенцами с Днепра, Волги или Северной Двины и Камы, в Сибири почти забыта или поется несколько своеобразно, как-то уныло, монотонно, более низкими тонами, с меньшими вариациями голоса, или даже несколько похожа на песни татар или бурят в степи, или на «христорадную, милосердную песнь» арестантских партий. «По сию пору мне не удалось не только у семейских, — пишет г. Ровинский, — но вообще у сибиряков найти ни одной оригинальной песни, кроме нескольких сложенных ссыльными. Все их песни занесены из России и содержанием своим совершенно неподходящие к ним; поэтому при их оригинальных недостатках они искажаются еще больше их перенимателями и являются совершенно бессмысленным набором слов». (Изв. сибир. отд.

имп. Геогр. Общества, т. IV, № 3, Иркутск, 1873 г.). Зато местная этнография замечает, что в сибирское население, даже в среду простолюдинов, проникло более песен из образованных слоев. Здесь часто поются романсы, взятые из печатных песенников.

Относительно взглядов сибиряка на природу один из наблюдателей чрезвычайно метко сделал следующее определение: «Достоинно замечания, что мирозерцание сибирского простого народа в сферах, не столь непосредственно связанных с практической жизнью, взгляд на природу и ее силы резко отличаются от понятий народа европейской России, как будто старинные эпические представления, некогда там сложившиеся, улетучились из голов переселенцев во время их пути в Сибирь: коренной сибиряк смотрит на природу, как на мертвую массу, не населяет ее лешими, русалками и даже никогда не задумывается, на чем земля стоит».

То же повторилось и с историческими преданиями. Сибиряк не задумывается и не подзревает своего кровного родства с коренным русским человеком; напротив, он считает се-

бя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности. Это забвение о своем происхождении приводит сибиряка к забавному толкованию даже известных ему исторических фактов, касающихся жизни первоначальных русских колонизаторов: так, в отдаленных местах Восточной Сибири предполагают, что Ермак, пришелец из России, покорил прадедов, исконных русских обитателей Сибири, и привел их на подданство царю, или что в старину буряты делали набеги на русских коренных обитателей Сибири, чтобы выгнать их из домов и овладеть землей, всегда принадлежавшей русским[28]. Сибиряк забыл не только вынесенную из России, но и собственную историю. Это отсутствие исторических традиций объясняется постоянными приливами и смешением населения, его разнородностью, как и отдаленностью от центра истории. Все это положило на сибиряка печать известного индифферентизма. В истории после Петра оно редко принимало участие в общей судьбе государства, сами события сюда доносились

смутно и нередко вели к недоразумениям, как, например, внезапный бунт тарских жителей, не признавших акта о наследии Петра I. Народные волнения, как пугачевский бунт, едва коснувшись западных частей, дошли до Сибири в смутных преданиях и рассказах.

Войны, государственная жизнь не возбуждали здесь особого патриотизма. Во время Отечественной войны 1812 года в Иркутске были построены триумфальные ворота, говорит предание, для приема Наполеона; исторические торжества не возбуждали особенного воодушевления. Недавно один забайкальский город отказывался чем-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраине где-нибудь устраивались собрания и читались натянутые спичи в память заслуг Ломоносова, то это были демонстрации только заезжего образованного сословия, в которых сибирское население играло пассивную роль. Пристрастия к историческим лицам, к историческим рассказам здесь не замечается. Память Ермака мы находим уважаемой только в Тобольской губернии, где предание более уцелело. В других местах оно менее напоми-

нается.

Это не то, что Малороссия и Украина, столь богатые своими воспоминаниями и так нежно лелеющие их. Русская общественная жизнь далека от сибиряка и только иногда доносится до него в неясных отголосках. Вот почему путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом.

Кроме того, этнографической чертой местного населения является некоторая грубость и диковатость, как бы общая с инородцами. Диковатость эта, конечно, происходит и оттого, что население восточных окраин совершенно замкнуто в своей полудикой сфере; оно живет вдали от центров просвещения и цивилизации, в своей захребетной и затаежной лесной глуши, среди некультивированной сибирской природы, где нет почти никаких источников для умственного развития и интеллектуальных интересов.

Но в этой диковатости нельзя не заметить проблесков смелой любознательности и пытливого ума. Вот отзыв аббата Шаппа о сибиряках: «Сибиряки дики и вместе с тем любопыт-

ны». Он приводит пример, как в одном доме при его появлении «четыре или пять женщин мгновенно спрятались за какую-то занавеску, но потом мало-помалу они «приручились». Жители сначала дичились астрономических опытов путешественника, а потом начали с любопытством смотреть на них. Так принимают всех путешественников в глухих местах Сибири: жители сначала дивуются на них, но потом выказывают самую живую любознательность и участие к ним. Но в то время, когда некоторые, как дикари, в Сибири удивлялись термометру, сибиряк же Неверов, едва узнав употребление его, производит в Якутске 26 лет метеорологические наблюдения, которым отдал честь даже Миддендорф. «Диковатость, соединенная с любопытством, замечается и в других местностях Сибири», — прибавляет этнографическое свидетельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходит и в настоящую любознательность, в быструю переимчивость. Черту эту так характеризовал один иркутский мещанин г. Щапову: «Наш брат сибиряк, когда увидит в первый раз какую-либо машину, дивится, но

потом любопытствует узнать, в чем в ней сила, как она сделана и как действует. На первый взгляд, — прибавил мещанин, — конечно, оно диво — хитрая машина; но как рассмотришь в ней все части, что к чему приделано, что чем действует, в чем сила, так и сам можешь сделать такую машину, и диковинки тут не будет никакой». В сибирской жизни, бедной впечатлениями, за неимением предметов, могущих удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всяким неожиданным зрелищам и часто проявляется суетным и легкомысленным образом: ходят смотреть покойников, выбегают на улицу при всяком шуме и проч. Вероятно, театр когда-нибудь будет иметь огромный успех в Сибири. В низшей среде народа этот инстинкт любознательности проявляется массою самоучек и самородков, о которых также упоминает г. Щапов.

Диковатость и отчужденность сибирского населения понемногу пропадает и ныне далеко уже не везде чувствуется. Даже в глухих местах путешественников встречает живое и бойкое население, поражающее своеобразием

стью. «Обитатели Барабы (степь Тобольской губернии), — пишет Гельмерсен, — прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльных, преумножающиеся новыми переселенцами. Они, по-видимому, крепки, ловки, зажиточны. Их обращение свободно и непринужденно, при этом они показывают чувство собственного достоинства и сознание силы. Они нас с первого же раза убедили в справедливости мнения, что сибиряки европейскую Россию и русских принимают за чужеземцину или иностранцев и говорят так, как мы о западноевропейских странах.

Если сибиряк русскому, который посещает его гостеприимный дом, говорит дружелюбно: милостивый государь, вы русский (при этом он обыкновенно употребляет слова *российский*), то этим он не хочет сказать, что вы земляк, а напротив, хочет этим обозначить противоположность себе, как сибиряку». (Beitrdge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. St-Pet. 1848. Вднд. 14).

Некоторая самоуверенность, гордость и сознание особенностей своего областного типа и до сих пор господствует в коренном сибир-

ском населении. Так, все старожилы новых переселенцев называют «российскими». В своих объездах по Сибири мы также почти не встречали дикости и замкнутости населения, напротив, среди него все чаще встречаются черты общительности, развязности и известной бывалости. Эти черты замечены нами даже на глухих трактах, где население жило, по-видимому, отчужденно. Таким образом, в местном населении совершается известная метаморфоза, и оно делает известные успехи в своем развитии и мирозерцании. Это объясняется тем, что если, с одной стороны отдаленность, отсутствие обмена, соседства иногородцев, жизнь в лесах и отсутствие культурных влияний и способствовали диковатости и грубости населения, то с другой стороны были и другие влияния.

На почве Сибири совершается постоянный приток нового населения переселенцев и ссыльных, которые не могли не изменять нравов. При торговом движении, при промышленной жизни, обуславливающей движения, население в Сибири более подвижно, более имеет случаев насмотреться на людей.

Сибирь — страна бывалых людей. Сперанский, столкнувшись с сибирским обществом, заметил, что это «страна донкихотов», здесь можно встретить людей, бывавших и в Камчатке, и на Амуре. Сибирский крестьянин искаживал с обозами от Иркутска до Москвы. Затем жизнь населения не могла оставаться в застое. Сибирь пережила уже несколько культур: звероловную, земледельческую, золото-промышленную и торговую. Мы наталкивались на типы крестьян в глухих деревнях, где атрибуты недавнего звероловческого промысла висели рядом с представителями позднейших занятий. «Мы занимались ямщичиной и с купцами водились, теперь торговлей лесом сами занимаемся», — говорил крестьянин-земледелец, отец которого был зверолов-промышленник.

Надо заметить, что восприимчивость сибирского населения была живее, и оно могло благодаря свободной жизни и довольству совершать легче прогресс в материальном отношении и обстановке жизни. Быстрое восприятие новых культурных черт, всяких нововведений, как и усвоение новых привычек,

совершается поэтому необыкновенно быстро в Сибири. Этим объясняются весьма быстрые перемены в образе жизни сибирского населения, не скованного никакой традицией. Всякая новизна, всякое культурное заимствование, раз оно пришлось по нутру и обольстило, жадно воспринимается и проходит в массу. Живая непосредственная любознательность, как и любопытство дикаря, оказывают одинаковую услугу. Всякое культурное заимствование и обычай цивилизации в Сибири разливается шире в массе населения и делается общим достоянием.

В Сибири нет монополизирующего за собою культурную жизнь сословия, и сибирский крестьянин, как и средний класс населения, поэтому ведет себя непринужденно и развязно. Сибирский крестьянин чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будет пить чай, есть и свободно вести с вами речь. Это меняет обхождение с простым народом самих приезжих в Сибирь. До известной степени, при добрых отношени-

ях, такое общение практикуется между начальствующими и народом. Даже приезжий кровный господин (seigneur) в Сибири должен сделать уступку купечеству, мещанину и крестьянину, если он захочет с ними сблизиться, как бы это ни оправдывалось уступкой «обычаям дикарей». Нет предмета роскоши и комфорта, нет вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предмет для сибирской массы. Всякий крестьянин сознает, что он все может приобрести, были бы средства. Поэтому сибирскому крестьянину доступны сюртук и картина, книги, счеты, стенные жирандоли, гардины и зеркала, украшающие дома торговых крестьян. В сибирской жизни торговое сословие, золотопромышленники и первейшие богачи постоянно выходят из крестьянского сословия и гордятся мужичьим происхождением. Бывшие крепостные крестьяне, явившиеся в Сибирь, делались видными капиталистами, занимали почтенную роль в обществе и только впоследствии выкупались и получали вольную[29]. Сибирское чиновничество, постоянно зависимое в материальном отношении и не составляю-

щее особого класса, нередко выходящее из тех же низших слоев, имеет общение только с мещанами и купцами, уездное же — с сельской мужичьей аристократией; поэтому сибирское общество, не отделяемое перегородками, составляет однородную массу, где жизнь и обмен ее свободен. Все это не может не поднимать уровень жизни крестьянства.

Мода всецело господствует в Сибири и покоряет население. Пиджаки, жилеты, фуражки составляют принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей, и сапог для него — постоянная обувь. У женщин сарафан составляет рабочий костюм, большинством носится блуза и шерстяное платье, вязаные воротнички, чулки и ботинки. Такие костюмы мы видели в деревнях Бийского округа у потомков новоселов или переселенцев, то есть «лапотников», основавшихся в Сибири не более 50 лет. Мы не говорим о селах на пути золотых приисков, где крестьянин и рабочий бросает деньги. Трудно представить себе, до чего достигают исключительные заимствования и переимчивость. Иногда разбогатевший кре-

стьянин заводит себе богатые экипажи, делает бал для чиновников, выписывает вино. «Сибирское простонародье отличается увлечением ко всему новому в своей одежде и вообще в домашней обстановке, — пишет Щапов. — Даже в деревнях можно видеть шиньоны, кринолины, бурнусы со стеклярусом, сюртуки, часы с цепочками; в домах — зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цветы в цветниках и проч. Нет ни одного сибиряка, который бы, подобно великорусскому староверу, отворачивался, как от чертовщины, от папирасы, сигары, чаю или кофе и т. п.».

Мода и щегольство сибирских простолюдинов у русских крепостников, приезжавших в Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населения. Один киренский исправник формальной бумагой жаловался на роскошь костюмов, так как в одной деревне на ярмарке он видел на крестьянках «драповые кофточки последней парижской моды в 35–40 рублей, башмаки рублей в 8, *лакированные галоши*» и проч. и просил принять меры против пагубного разврата. В среднем классе подобная склонность к моде выра-

жается в подражании великосветской жизни. Сибирское торговое сословие бреет бороды и носит немецкие сюртуки. Европейские танцы не только проникли в мещанскую, но и в крестьянскую среду. Конечно, в умственной сфере усвоение нового уже менее имеет простора, и у сибиряков менее для этого пищи, но все-таки в этом отношении сибиряки, пишет г. Щапов, по-видимому, восприимчивее и любознательнее, по крайней мере, староверческой массы великорусского народа. Менее неделимым является просачивание взглядов, идей, но тем не менее развитие сибирских простолюдинов не могло не поражать многих. Примером служат отзывы Флеровского о сибирском крестьянине.

Нет круга идей, в котором бы он не ориентировался при помощи здравого смысла. Многие из низшего класса усваивали в Сибири грамотность, развивали себя и приобретали начитанность. Еще в половине прошлого столетия, по свидетельству путешественника Фалька, около Тобольска жили ямщики Черепановы, из которых один составил замечательную сибирскую хронику-летопись, сде-

лав свод из многих исторических сочинений, а брат его занимался живописью. Многие из подобных зажиточных крестьян имели библиотеки, интересовались наукой. Сибирские раскольники сносились с отдаленнейшими своими братьями.

Таким образом, даже крестьянский ум работал над своим развитием. Характер подобных явлений, представляя оригинальную сторону сибирской жизни, должен был останавливать внимание путешественников, сопоставляющих контраст косности и отупения, в котором пребывало и вырождалось до последнего времени крепостное крестьянство России. Эти метаморфозы населения и различные изменения его на сибирской почве не могут не броситься в глаза; они доказывают как способности к умственному прогрессу вообще при условиях свободы обмена, так и ту быстроту, с которой может идти культурное развитие русского племени при благоприятных условиях.

Если в Сибири существуют места, где население остается диковатым и отсталым, сохраняя следы замкнутой жизни, то всеми ознако-

жившимися с Зауральем признается ныне как факт, что вообще сибирское крестьянство по привычкам и развитию стоит выше своих собратьев в европейской России, живших под другими условиями.

Прежняя жизнь в лесах и пустынях Сибири, как и борьба с природою, если отражалась, с одной стороны, отступлением от культуры, одичанием и огрублением, черты, которые отмечены этнографами, то то же население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала решимость, отвагу, неустрашимость и дала в силу опыта долю самоуверенности, которые отличают сибирского охотника. Тип этого охотника и зверолова, отличающегося замечательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидетельствованы известным сибирским знатоком охотничьих нравов Черкасовым, сделавшим многочисленные наблюдения в сибирской тайге[30]. Он не мог не отнестись с полным уважением к качествам сибирского зверовщика при самых убогих его

средствах и оружии. Этот охотник, зная обычаи разных зверей, обладает неустранимостью в борьбе с медведем, быстротою в беге за оленем и сохатым, находчивостью при скитаниях в лесах. Мы сами видели типы горных охотников и крестьян в Алтае, которые не могли не поразить нас своим богатырским сложением, умением ориентироваться в лесу и замечательно меткой стрельбой из своих винтовок. Образцом неустранимости и отваги является горное население беглых русских крестьян, известных под именем каменщиков[31].

К числу качеств, воспитанных в новой стране русским населением, точно так же принадлежит предприимчивость. Непочатые богатства края, увлечение звероловством, соболевание, белкование, открытие руд и приисков, впоследствии торговля и промысловые предприятия благодаря свободе пользоваться промыслами развили этот дух предприимчивости. У первых пионеров он питался завоеваниями и походами — все сибиряки в это время были землепроходцами. Затем этот дух проявлялся в искании богатств по пустыням.

До половины пропитого столетия русское население находилось еще в движении и постоянно кочевало. Впоследствии тот же дух предприимчивости воскрес во времена золотопромышленности. Сибирь в это время кишела открывателями, героями и выдвинула многие имена, присвоив им титул «наполеонов тайги». Так называли известного открывателя золота Мошарова. Этот дух предприимчивости выражался среди крестьянства в колонизационных попытках самого отважного свойства: в занятии мест на границах и за границами Китая, точно так же в некоторых смелых морских предприятиях, торговле на островах, проложении путей в степях, хождении с караванами и т. д. К сожалению, предприимчивость торгового и промышленного населения часто руководствовалась жадностью к наживе, что деморализовало, развращало население, точно так же, как жизнь в лесах и охота не могли не создать рядом с твердостью характера некоторой загрубелости, бесчувственности. Зверолов впоследствии легко охотился на инородца и на ссыльного, факт этого «паляничанья» и охота на «горбунов»

[32] составлял темную сторону старинной Сибири. Жажда наживы повела от открытия богатств к взаимному хищничеству. Таковы были обратные результаты выработанных свойств, которые при других условиях культурного развития могли бы проявиться более блестяще и плодотворно.

Нам остается еще указать на одну черту местного характера, точно так же отмечаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское население на Востоке, признают «наклонность к простору, воле и равенству». Действительно, нельзя отрицать, что жизнь колонии при известном просторе, при вольнонародной колонизации, свободе в отыскании промыслов и главное — отсутствии в Сибири крепостного права не могла не наложить на население своего отпечатка. Сибирское население с виду является поэтому менее забитым, подавленным, более независимым. Этого нельзя не видеть даже в низших классах. Но, с другой стороны, по наблюдению тех же исследователей и этнографов, были и другие влияния, которые далеко не способствовали воспитанию независимо-

сти характера. Находились наблюдатели, которые, разбирая психические свойства сибирского населения, говорили, что оно не менее низкопоклонно, раболепно, угодливо перед высшими, как грубо и дерзко с равными и посторонними.

Административный произвол воевод и чиновников должен был действовать на местное население подавляющим образом, говорят эти исследователи. Нигде чиновник не пользуется такой властью, как в Сибири, располагая имуществом и состоянием людей; нигде не существует менее обеспечения и гарантий для личности. Законности в Сибири почти не существовало. «Вековой административный гнет до Сперанского стоил крепостного права». Поэтому запуганное общество и личность далеко не могли сохранить здесь независимости и воспитать чувства человеческого достоинства; в доказательство приводят, что нигде нет таких заискиваний, угощений, унижения, как в Сибири, а потому выставляются лезть, хитрость, лукавство и скрытность сибиряков. Итак, с одной стороны, штрихами сибирского характера рисова-

лись грубость и дерзость, лукавство и унижение — свойства раба. Но с другой — они далеко не могут быть единственной характеристикой сибирской жизни, складывавшейся не совсем благоприятно. Сибирь много терпела от административного и воеводского произвола; но он все-таки не мог подавить всей жизни и самое давление на личность было другого характера, чем крепостной феодальный гнет. Сибирский крестьянин о гнете в экономической сфере, в смысле ограничения пользования благами природы, не имеет даже понятия. Когда сибирскому крестьянину рассказывают о крепостном праве, о стеснениях в земле, он не верит и почти не может составить представления о жизни в этих условиях. Свобода пользования различными благами укоренила в нем известное мирозерцание о присущем ему неотъемлемом праве на жизнь и распоряжение известными благами. Административный произвол разнился от крепостного права тем, что в убеждениях народной массы он не входил как сознание его неизбежности, необходимости и законности. Напротив, это административное

распоряжение судьбою личности рассматривалось, во-первых, как явление, от которого можно защититься, откупиться, спрятаться, наконец, против которого можно протестовать, бороться. Все население убеждено было в незаконности таких порядков и искало средств защиты против них. Во-вторых, сибирское население не постоянно жило под давлением чиновного произвола, но временами у него были просветы. Историки, подобно Щапову, придававшие огромное значение сибирскому чиновному произволу, упускали из виду многие другие социальные явления в истории Сибири, где проявлялась борьба и известная самодеятельность народного духа. В первое время, избегая гнета крепостного и воеводского, русский человек спешил бежать в Сибирь, ища здесь «своей воли». При свободе колонизации вначале этот дух успел все-таки немного отдохнуть и внедриться. Когда явился воеводский произвол и казенная регламентация, население отчасти продолжало отодвигаться на окраины, искать на них убежища старой свободе, кроме того, оно проявило жизненную борьбу против самовластия. Весь-

ма крупным фактом, выросшим на сибирской почве, явилась борьба городов и городского начала против административного. Эти черты борьбы можно видеть в эпоху начала XIX столетия, когда городские общества достаточно созрели и сплотились, чтобы показать свою силу. Трескин и Пестель употребили все усилия, как видно из истории этого времени, чтобы подавить независимость и оппозицию этого городского начала. Щапов, разбирая историю этого времени в своем очерке «История сибирского общества в XIX столетии» (Записки сиб. отдела), находил в этом только борьбу возникающей буржуазии и богатых классов, сочувствуя подавлению ее административной властью Трескина, но это воззрение едва ли исторически правильно. Когда буржуазия соблюдала свои выгоды, она шла в союзе с произволом и в стачке с ним. Но когда произвол переходил всякие границы, городское начало стремилось отражать общий протест масс, принцип известной независимости, общественной безопасности, требование гарантий личности и имущества, принцип дорогой и необходимый для жизни каждого

отдельного члена, независимо от привилегий и сословности. Этот характер деятельности не раз проявлялся в сибирских городских обществах и лежит доселе в сословиях сибирского населения. Точно так же сибирское население заявляло себя попытками искания законности и справедливости. Сибирь была страной челобитчиков, истцов и даже прославлена за страну «ябедников». Донос на злоупотребление и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба не дешево обходилась — она стоила многих жертв местному населению[33]. Но тем не менее искание правосудия, законности, правды волновало сибирское общество и проявлялось при каждой ревизии; оно получило еще большую силу и уверенность со времени, когда некоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересов населения. Это сопоставление высшей правды местному произволу и до сих пор живуче в массе населения. Доказательством служат весьма частые жалобы и протесты, слышащиеся из Сибири на местные неурядицы. Таким образом, в истории и жизни сибирского населе-

ния можно найти немало и других черт, указывающих на известную живучесть народного духа. Конечно, всевозможные испытания, произвол, царствовавший в стране отдаленной, единственный способ защиты — подкуп, не могли не деморализовать местного характера, — отсюда замечаемые в нем свойства раболепия и заискивания. Но эти психические черты, имея свое оправдание в тяжелой жизни, далеко не принадлежат всем слоям народа в одинаковой степени.

Приводимые в примере сибирского раболепия обеды, угощения и подкупы властей, получившие в последнее время замаскированный вид пожертвований с благотворительными целями, практикуются, правда, и доселе в Сибири, но они касаются известных классов торговцев, монополистов, кулаков и мироедов, всегда находящихся в дружбе с исправниками и составляющих комплот[34] против остального населения. Что касается массы народа, то ей не всегда под силу эти угощения и заискивания, она лишена материальной возможности к этому, а потому ей суждено не столько заискивать и угощать,

сколько молча выносить и терпеть. Слабому естественно лукавить, а угнетенному скрывать горечь в душе своей. Печать сибирского молчания, как и замкнутость населения в себе, точно так же при подобных условиях являются весьма понятными. Это плод исторического раздумья. Вот те объяснения, которые могут быть приведены для освещения указанных свойств местного населения.

К другим чертам, характеризующим население восточных окраин и отмеченным исследованиями, относится индивидуалистический промышленный дух местного населения, стремление к наживе и преобладание материальных интересов над общественными. Развитие этих своекорыстных, узких и эгоистических мотивов среди сибиряков ярко отмечено и развито историком Щаповым и беспощадно бичуется им[35]. «Русское население, развивая в себе умственную и нравственную смелость, предприимчивость и стремление к обзаведению, к устройству, наконец, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Ум сибиряка всецело поглощен материальной наживой,

его увлекают только текущие практические цели и интересы. Этот холодный расчет и корыстные страсти подавили в населении всякое идеальное настроение и даже общественность». «У сибиряка нет того, так сказать, социологического умонастроения, — пишет г. Щапов, — нет тех общинноустроительных идеалов и стремлений, какими отличается великорусский народ, по крайней мере в раскольничьем старообрядческом самоустройстве, вроде общинного самоустройства секты «общих» или духоборцев за Кавказом. Оттого к сибирскому населению не прививаются никакие общественные идеи и уставы. Как у простого народа в Сибири нет ни религиозного, ни метафизического идеала, так и у самого общества не существует стремления к идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востоке, это общество по преимуществу индивидуалистическое; таким его воспитала бродячая жизнь и разрозненность в лесах и степях, нажива и утрата прежних социальных связей в новой стране».

В доказательство этого индивидуалистического направления приводится весьма много

примеров из современной жизни Сибири и ее склада. У сибирского общества нет других целей, кроме своекорыстных и приобретательных, говорят исследователи. Это арена вечной борьбы и погони за богатством. Деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни. Тип сибирского кулака и сибирского монополиста «чумазо-го», нажившего миллион, грубого, невежественного, чванного своими связями с местными взяточниками, питающего убеждение, что нет ничего в мире, что бы он не мог купить и подкупить, производит отвратительное впечатление на нового человека. Тип этот грубый и бессердечный недоступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности. Такие чумазые кулаки побывали даже в Европе и Америке, приобретали там внешний лоск, но оставались неизменными эксплуататорами и кабалителями какого-нибудь дальнего Забайкальского края, угнетателями на приисках, тиранами и мошенниками родной страны. Эти выродки, производя отталкивающее впечатление, кла-

ли позор на все сибирское население. За грехи и преступления этих людей ныне целая народность заклеямена беспощадным приговором. Едва ли, однако, по этим вырождакам местной среды должно заключать о целом населении. Индивидуалистический и промышленный дух должен рассматриваться в общей жизни населения, но не в одних частностях.

Можно обвинять население в увлечениях, односторонности, можно сознавать его падение, но едва ли можно отрицать в нем обыкновенные свойства человеческой природы и способность к возрождению лучших человеческих чувств. Нет извращенного существа, нет падшего человека, на дне души которого не нашлось бы истинных чувств и проявлений инстинктов добра. Иначе, нет души, где не было бы Бога. Тем менее можно отвергать задатки жизни, возможность пробуждения лучших стремлений и высших чувств в целом обществе, хотя это было бы отчужденное, забытое, горемычное общество, подобное обществу сибирскому.

Указывая различные проявления жизни на Востоке и последствия индивидуалистиче-

ского промышленного духа, исследователи и наблюдатели отметили давно весьма крупное явление современной жизни в Сибири — это необыкновенное развитие промышленного и торгового класса и стремление его к монополии и преобладанию точно так же, как развитие мироедства, кулачества и кабалы в крестьянском населении.

Сибирская деревня представляет два типа: разжившихся кулаков и находящихся в зависимости у них и в долгу бедных крестьян[36]. Погоня за наживой, промышленный дух, пробуждающийся среди крестьян, давление богатых и разрозненность сил бедняков вызывает ныне серьезные опасения. С точки зрения исследователей почему-то составилось убеждение, что явление кулачества, мироедства и кабалы свойственно исключительно Сибири и вызывается особенностью местного характера жителей, за что сибирское общество и подвергалось таким ожесточенным обличениям и филиппикам, какие отразились в статьях Щапова по поводу отсутствия высших чувств у сибиряков.

Едва ли здесь можно, однако, все свали-

вать на один характер и испорченность сибирского населения, как на качества врожденные и неизменные. Причины общественных явлений должны быть исследованы глубже. Посвятив отдельное исследование истории кабалы и монополии в Сибири, мы должны заметить, что это явление было вызвано торговой зависимостью и особенностями, где население врассыпную кинулось в борьбу, стремясь приобретать и накапливать. Это явление возникло благодаря той свободе и простору, которые представляла Сибирь для приобретения материальных благ, как и одинаковой возможности всего населения преследовать их достижение. Словом, то, что в других местах выпадало на долю исключительных привилегированных классов, то в Сибири разлилось в массу. Явление это обязано новой стране и демократическому складу общества, где большее число лиц пустилось в погоню за наживой. Что кабала и монополия нашла себе более простора, более почвы и благоприятных условий для развития в Сибири, зависело не от характера общества, а от его незащитности и отсутствия гарантий против эксплуа-

тации. Мироед, кулак и промышленник в Сибири нашел союз с царствовавшим здесь беззаконием и выразил гнет резче и бесцеремоннее. Сибирский кулак «Колупаев» и «Разуваев» (по Щедрину) действовал в союзе со взяточником-чиновником и находил в нем поддержку, защиту и средство для давления на массу населения.

Промышленный дух и неправильное распределение богатств в колониях и новых землях выражается резче, чем где-либо. Американское общество также обвиняется в этом промышленном духе и индивидуалистическом характере, что, однако ж, не мешало его гражданскому процветанию. Этот индивидуалистический дух, погоня за приобретением, борьба, неправильный захват, кулачество и мироедство выступает ныне в массе одинаково и в жизни России. Сибирь испытала его только ранее.

Развитие индивидуальных страстей и промышленный характер следует за периодом опеки и феодализма, когда жизнь масс имела более экономического равенства, но в то же время была более подавлена. Таково было по-

ложение феодальной Европы и крепостных масс в России; в Сибири свободное население вступило ранее в период индивидуальной погони за приобретением. Этот период продолжается до тех пор, пока не выступят у народов вновь социальные общественные интересы и не образуется утраченная связь и солидарность. Прежняя крепостная крестьянская община в Сибири потеряла свою связь, но тем не менее в своем развитии жизнь масс стала выше. Опыт индивидуалистической жизни, пережитый в новой стране, однако не мог не выразиться, как всегда, весьма дурными последствиями и явлениями, результаты которых хорошо сознаются. Нельзя сказать также, чтобы это воспитание индивидуальной жизни прошло бесплодно. Оно закалило местный характер, приучило к труду, самостоятельности и самодеятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложение, а развитие. Недостатки современного склада сибирского общества с его разрозненностью, с его своекорыстными приобретательными мотивами, с господством промышленного класса монополистов, кулаков, мироедов и кабалою

бедного населения хорошо чувствуются местным населением, сознается и образованными людьми края. Путешественники — не первые открыватели этого явления. Вопрос состоит в том, чтобы создать противовес этому влиянию и вернуть общество к нормальным путям человеческого развития. Русское население в новой стране, если временно стало на почву хищничества, взаимной борьбы и утратило свою солидарность, то ему не заказаны пути в будущем снова сомкнуться. Русская поземельная крестьянская община не располагается за Уралом, как думают, а только слагается.

Что касается вообще обвинений сибирской крестьянской общины в стремлении к индивидуализму, то мы должны отложить свой приговор до окончательного исследования характера этой общины. Сибирская земледельческая община доселе не имела еще своего исследователя. Покойный Щапов сделал опыт исследования жизни верхоленской крестьянской общины, но здесь этот обличитель сибирского индивидуализма нашел одинаково черты, доказывающие сплоченность об-

щин и замечательную способность к ведению общественных дел. Другой весьма наблюдательный исследователь, автор замечательных по глубине мысли и богатству данных о сибирской общине статей[37], не отрицая в ней индивидуалистических черт, характеризует ее следующим образом. «Мне кажется, что она имеет особенности довольно оригинальные, — пишет он. — И эти особенности произошли от ее исторического происхождения. Сибирскую общину нельзя сравнивать ни с древней русской общиной — новгородской, ростовской, рязанской и проч. земель, ни с более новой, производной, так сказать, северной общиной в земле Двинской, в Вятской и Пермской областях. Первая древняя община у славян (т. е. новгородцев), древлян, радимичей и проч. была вервью, волостью, погостом, была, одним словом, территориальной общиной. Она распалась на деревенские общины уже позднее, в неизвестный период времени, может быть, в XII или XIII веках и в силу политических и финансовых причин. Община северная в Двинской, Вятской, Пермской землях была, вероятно, сразу деревен-

ской. Но произошла она путем выселения вольницы. Эта вольница, иногда однодеревенская, иногда разnodеревенская, шла *артельно*, занимала небольшое артельное место на Двине, по Каме широкой, по хребтам, в лесу и занятую местность разрубила, разметывала, делила по разметам, по жеребью. Естественно, что такая община, происшедшая из артели, сохраняя основной принцип личной силы, как меры завладения, тем не менее имела сильную альтруистическую закваску, была сильна чувствами симпатии и солидарности. Совсем не то сибирская община. Территориальной родовой она никогда не была, как община древнерусская. Не была основана она и артелями вольницы. Она была и осталась тем, чем представляли себе славянофилы русскую общину — *продуктом семьи*». Факт происхождения однородных общин в Сибири от разросшейся семьи был замечен почти всеми исследователями Сибири — Щаповым, Равинским[38], но факт происхождения разносоставных общин еще подлежит исследованию.

Другой автор об общинном землевладении

Сибири (Сибирь, 1877 г., № 20 и 21) подтверждает такое историческое происхождение сибирских общин. Земли было много. Каждый крестьянин брал себе добровольно столько земли, сколько хотел и мог обработать за платимый им оброк. Поэтому каждый смотрел на взятый им участок, как на наследственный; по мере расположения семьи участок рос и превращался в селение. Отсюда в Сибири многие деревни населены сплошь однофамильцами. Точно так же к основанной заимке, которая представляет форму совершенно частного хозяйства, приселяются другие лица, и образуется целая община, в которую входит и первоначальный хозяин места. Земля *вольная и земская* до тех пор, пока ее много. Как скоро пашни начинают сближаться и переселенцы или многосемейные захотят расширить хозяйство, сейчас обнаруживаются права общины, и являются на сцену условия *общинного владения*, пишет автор. Мир делит ближайшие пашни и луга; в Сибири и ныне уже в большинстве переделывают покосы и т. д.

«Таким образом, — прибавляет исследова-

тель, — общинное землевладение в Сибири, не будучи приведено в форму какого-либо положения, является началом живым, развивающимся сообразно нуждам и условиям самой общины». Раз мы признаем как факт и допустим развитие этого общинного инстинкта в сибирской общине и постепенного его развития вместе с формированием общины, мы должны признать, что она сумеет при помощи того же народного инстинкта уберечь себя от разложения. Будущее историческое развитие этой общины и лучшее сознание своих интересов, конечно, гарантирует ее от преобладания в ней своекорыстных стремлений отдельных личностей.

Могущество монополистов и мироедов в Сибири не может быть долговечно и далеко не покоится на прочном и непреложном промышленном фундаменте. Сибирские беззакония и старые формы суда его поддерживают, но новые условия административной и гражданской жизни, конечно, положат известный предел незаконной наживе и обману. Историк Щапов, раскрывая печальное направление, господствующее в сибирском обществе,

указывает прежде всего спасение в гуманитарном воспитании. Другой исследователь говорит: «Пример Северной Америки и Сибири доказывает, что одно богатство не может создать настоящее человеческое общество, его нужно цементировать учреждениями, которые бы воспитали в нем человечность». «Страшно за общество, — продолжает тот же мыслитель, — в котором маклаковщина хочет обратиться в народную теорию, хочет залечь основанием жизни».

Несомненно, в силу этой сознаваемой односторонности развития и для сибирского населения, несмотря на господствующий индивидуальный характер наживы, также найдется выход. Этот выход найдется в тех же общечеловеческих духовных качествах, которые присущи всякому обществу.

В этом отношении надежды возлагаются на ту же общину, утратившую свою связь и солидарность только на первых порах, при завоевании пустыни. Вот эти надежды, выказываемые стороною, не питающею столь мрачного взгляда на будущее сибирского общества.

Община может не только выполнить экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцию края, и образовать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и недостатка коллективного духа. Современная сибирская община имеет олигархический характер; она состоит из богатых крестьян, мироедов и бедных, находящихся в экономической зависимости от первых; здесь, как и в старой Сибири, задатки под будущий труд ставят рабочих в кабалу; богатые мужики уплачивают за бедных подати в виде задатка на разные работы. Эти люди составляют почти особое сословие в общине. Сословие это вызвано как существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обращающей богатого крестьянина в поруки или даже в сборщика податей, и безденежьем в стране, производимым неправильным балансом торговли Сибири и торговой зависимостью. Обращение общины в чисто фискальный орган по податным делам сопровождалось лишением ее всех других функций — суда и само-

управления. Волостное «согласие» — так называется сходка в Сибири — обратилось в одну пустую форму; волостные писари, которые должны бы подчиняться и отвечать перед выборными чинами, превратились в крестьянское начальство; такое положение дел тем хуже, что писари не ответственны за свои злоупотребления; отвечают безграмотные и часто неповинные выборные чины; от этого злоупотребления остаются безнаказанными, и выборное начало не приносит никакой пользы.

Улучшение положения общины — самая первая потребность сибирского края. К сожалению, она до сих пор задвигалась другими стремлениями. Улучшив ее положение, на нее можно возложить отправление тех трех функций, для которых теперь придумываются новые органы.

Так, община может заменить проектируемых землевладельцев в скоплении богатства и образовании народного капитала. Если у современной общины богатство плывет из рук, то это еще не свидетельствует, что у нее не будет желаний и способностей удержать его в

своих руках, когда будут изменены мертвящие ее условия. Освобожденная от них община не уступит землевладельцам в стремлении к скоплению богатства, да притом и стимул этого стремления будет нравственнее, чем конкуренция, основанная на борьбе; место этой зависти займет здесь заботливость об общем добре. Что это чувство присуще крестьянской общине, можно видеть на том, как крестьяне строят свои церкви, как они сколачиваются на иконостас, на колокол и с каким наслаждением слышат, как первый удар колокола разнесется на далекое пространство от деревни, как потом крестьяне любят показывать свою церковь и передавать историю ее постройки. А любовь крестьян к своим полям? Абсентеист-земледелец не способен так любить свои поля, потому что без насилия нравственности не может смотреть с чувством самодовольства на поля, обработанные батраком. Разве эта любовь крестьян не может быть перенесена с полей и церкви на школы, на общественные машины и проч.? Только этим путем может земледелие быть улучшено и может образоваться капитал в

стране без тех жертвований, какие сопряжены с землевладельческой культурой. Община одна способна водворить в Сибири рациональное хозяйство. Что же касается до нареканий общины в застое, которым отличалась ее жизнь до настоящего времени, то справедливы ли эти нарекания? Можно ли от общины, в течение трехсот лет безжалостно эксплуатируемой на все лады, требовать того же, что можно требовать от нового немногочисленного класса людей, выделенного из населения и освобожденного от подобной эксплуатации?

Наконец, третья роль общины заключается в охране себя от монополистов; и эта функция может найти опору в чувстве самосохранения, которое очень сильно в общинах; протекционный характер всегда отличал общину с самых древних времен, община относилась недоверчиво к каждому иноземцу; каждая община имела своего торговца, которому только и доверяла; это и до сих пор сохранилось в таких захолустьях, как Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохранения в общинах, можно видеть на старейшей и зна-

чительнейшей русской общине, известной под названием уральского войска. Правда, эта старая отчужденность и протекционизм разгораживали общины высокими стенами, делали их безучастными друг к другу; в то время, как одну общину судили, пытали и сажали на кол, другая уськала и тюкала: «Коловичи, коловичи! Колом в дворянство жаловали!» — сознание солидарности интересов являлось только во время общего несчастья. Но против этого узкого консерватизма, ведущего к неподвижности, есть средство — коалиция общин, при помощи которой они сознают единство интересов и в обыкновенное спокойное время.

Изучение жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнению, должно привлечь по преимуществу пытливость и силы молодого поколения в Сибири. В настоящее время мы относительно ее в совершенном невежестве, мы вовсе не знаем ее исторического значения; между тем если бы мы познакомились с ней ближе, мы увидели бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имеет большое историческое значение[39].

Сибирское крестьянство находится в вечной блокаде от штрафного бродяжеского населения — до 20000 бродяг находятся в постоянном движении по Сибири; они грабят, воруют и обманывают сибирского мужика, «панкрутят», как сами они выражаются; занимаются разнообразнейшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина к наживе и к фальшивым деньгам и его суеверие; развращают, насилуют и уводят их жен; сифилис, разврат и отсутствие добросовестности в промышленности невозможно искоренить в Сибири, пока будет существовать штрафная колонизация. И эта картина, вероятно, была прежде вдесятеро сильнее и была бы и теперь сильнее, если бы крестьянская община не выказала удивительной способности к самозащите и любви к честному и тяжелому труду. Земская полиция в Сибири была бессильна и незаметна; чиновники терпели и игнорировали существование этого зла в стране.

И вот крестьянская община приняла миссию дисциплинирования многочисленного бродяжеского контингента на себя; меры, ко-

торые она употребила, были круты, но не другие меры принимала и сама администрация, когда только являлось у нее желание сократить зло, хотя в ее руках и были возможны другие, более гуманные средства, тогда как в руках крестьянской общины грубая самозащита — было единственное средство избавления; поэтому винить ее за жестокость было бы несправедливо. Таким образом, в крестьянстве выработалась система отношений к бродяжничеству, которая отличается единством на всем пространстве от Нерчинска до Иртыша. Крестьянство создало обычное право, создало разные обязательства, стесняющие бродяг и служащие предупредительной мерой против катастроф, и имело в себе физическую силу постоянно поддерживать в бродягах уважение к этим обстоятельствам[40].

Не менее интересна и другая миссия, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, — это ассимиляция новоселов. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются от туземщины непрерывной критике и иронии, сопровождаемыми и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как

пахать землю, какие сделать уступки ее девственности, насколько и когда быть благосклонными к бродягам и когда жестокими, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее, как следующее же поколение считает уже себя коренными сибиряками и на новоселов смотрит с иронией.

Этих одних примеров достаточно, чтобы видеть, какое историческое значение имеет крестьянская община для Сибири.

Несмотря на то, что при своем переселении на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительных влияний, что могла прийти к разложению и потерять свой кооперативный дух, несмотря на тягость фискально-монопольной эксплуатации естественных богатств ее, не оставлявших ей никаких сбережений, она все-таки составляет в стране почтенный трудолюбивый элемент, в котором лежат прочные задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный простор для деятельности частного лица

в Сибири был так велик, что не было никакого повода к ограничению деятельности одного лица обществом; конкуренция и эксплуатация человека человеком пользовались такой свободой, как в стране с сильным индивидуалистическим характером. Перешедши через Урал, русская община, подобно леднику, переваливающему через скалу, разбилась на куски, но потом пластическая сила начинает склеивать разрозненные обломки. С уплотнением населения община начинает создавать в Сибири те формы пользования источниками богатства, которые присущи ей были на западной стороне Урала, подобно тому, как зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинает развивать свои первичные формы.

Для полного возрождения сибирская община нуждается в реформах, в уступке ей самоуправления в хозяйственных делах и в улучшении ее гражданских отношений; этим был бы ускорен ее прогресс. Только в свободном течении жизни общины и в возбуждении общинной энергии и самодеятельности заключается залог преуспевания местного сибирско-

го населения.

При благоприятных условиях и равновесии общественных сил будущность местного населения может измениться и далеко не оправдывает тех мрачных предсказаний, которые делаются на основании прошлого. Характер формируется под влиянием условий жизни, и достаточно того, чтобы они изменились, как изменится и склад характера.

Из всего сказанного видно, что в современном характере сибирского населения совокупляются разнородные черты, наложенные жизнью, природою и историческим складом. С одной стороны, диковатость, след инородческого влияния, отступление от культурных привычек, холодная рассудочность, не согреваемая чувством, часто огрубелость среди лесной жизни, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических интересов над общественными и развитие промышленных и своекорыстных мотивов. С другой стороны, у этого населения нельзя отнять ума, любознательности, энергии, практичности, умения ориентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предприимчи-

ности, известного закала характера, самобытности, самостоятельности и способности к самодеятельности. Эти таланты, воспитанные тяжкими уроками колониционной деятельности, застыли в своих грубых первоначальных формах, их не коснулась еще прогрессивная сила знания, их не развивали исторические обстоятельства, их не осмыслила и не возбудила ни одна социальная и гражданская идея, не вызвал к жизни ни один преобразовательный ум. Но нельзя сказать, что совершенствование природных способностей здесь останется всегда недоступно. Несмотря на дикость и низкий уровень развития, мы видим, что население на Востоке значительно изменяется к лучшему и обнаруживает быстроту восприятия, способность к новизне и к прогрессу более чем где-либо.

Кроме неблагоприятных условий, мы видим рядом особенности, в которых есть немалые преимущества. Жизнь народа складывается в Сибири в обстановке новой страны, создающей и новые формы жизни.

Необыкновенный простор в пользовании удобствами и богатствами природы, надолго

обеспечивающий от бедности, свобода, с которой пользуется население благами природы благодаря ее раздолью, отсутствию привилегий и равноправность населения — это такие преимущества и условия развития, которые могут дать возможность широко развернуть силы и способности славянской расы в своей колонии.

Указывая и изучая эти свойства и черты сибирского населения, мы далеки, однако, от того, чтоб прилагать их ко всей массе населения и предполагать в них окончательно выработавшийся характер. Сибирское население состоит из разных слоев и представителей по происхождению (хотя и однородно по сословиям). Недостаток наблюдателей заключался в том, что они о сибиряках и о сибирской жизни делали заключения только по одной части общества. Между тем должно заметить, что нигде нет такого разнообразия в индивидуальных проявлениях и качествах, как на Востоке. Это объясняется колониационным происхождением этого населения, как и разнообразием профессий, труда и упражнения способностей в новой стране. Промыш-

ленное, индивидуалистическое и своекорыстное направление господствует более всего в городских слоях и в промышленных пунктах. Эти качества городских классов, приписанные сибирякам, невозможно переносить на всю сельскую массу. Затем с сибирским населением не должно смешивать временно наезжее население, явившееся для спекуляции, наживы и высасывания соков из страны. Эта толпа приезжих ташкентцев, Разуваевых в виде мути и пены носится вечно по поверхности сибирской жизни, она возбуждает обыкновенно ненависть и презрение местного населения и далеко не служит представителем местной жизни. Авантюристы, искатели счастья являются сплошь и рядом изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но в сущности составляют язву края. Местное население их называет «наезжими» и «навозными». За этим временным наезжим элементом стоят ссыльные, которые также ничего не имеют общего со страной и населением, их назначение — наполнять остроги и наводнять Сибирь беглыми. Только потомки этих ссыльных понемногу ассимилируются сибир-

ской массой и делаются сибиряками. Что касается большинства местного населения, то ядро его составляют старожилы Сибири, освоившиеся со страной; с их коренными этнографическими чертами они дают самую яркую окраску жизни — это старинное население городов и сел. В среде многообразного сельского населения вырисовывается несколько типов: старожил-крестьянин, старинный пионер и колонизатор, потомок гулящих людей, промышленник, зверолов, рудопататель, ямщик и земледелец. В них заметна смесь с инородческим элементом, след жизни в лесах и культурная отсталость; но эти пионеры вынесли на своих плечах всю колонизацию, все культурные завоевания. Далее мы видим тип сибирского раскольника, жившего замкнуто в своей общине, подобно забайкальским семейским и алтайским раскольникам, которые, закинутые в Сибирь, отстаивали свое существование, не смешивались ни с ссыльными, ни с инородцами, и хотя их существование было довольно эгоистично и безучастно в общей формировке жизни, но они сохранили чистоту типа и сла-

вянской расы в Сибири для будущего. Эти общины, состоя часто из беглых и разных скитальцев, подобно общине «каменщиков» в Алтае или раскольников в вершине Енисея, среди горной могучей природы и глухих дубрей, у подножия сибирских альп, воспитали свои физические силы, ловкость, смелость и составляют необыкновенно крепкое, богатырское и отважное население. Если сибирская жизнь преимущественно в верхних слоях портится и деморализуется, если местами существует вырождение, то здесь в глубине народных масс скрываются еще непочатые могучие силы, которые со временем дадут здоровые соки жизни.

Далее, как противовес инородческой крови и живая сила обновления, в Сибирь вечно движется колониционный поток свободных переселенцев из представителей всех губерний. В сущности, в сибирской жизни совершается вечное движение, постоянный прилив и смешение разнообразных элементов огромной империи. Этот постоянный прилив переселенцев, обновляя сибирское население, вливая новые соки и прибавляя

новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни! Здесь снуют представители всех губерний, северяне и южане, великорусы и малороссы. Переселенческие деревни поражают пестротой элементов, яркостью и переливами этнографических красок, причем все это перерождается, сливается в одну сплошную массу с новым этнографическим типом и однородными чертами. Эта вечная этнологическая борьба[41], эти слияния противоположнейших элементов русской жизни в новой обширной стране в одно целое, это вечное творение и наращение представляет гигантскую работу народного творчества в обширной колонии, придающее сибирской жизни нечто созидающее и подготавливающее для будущего.

Инородцы и инородческий вопрос Сибири

III.

Инородческий вопрос. — История его развития. — Уменьшается или увеличивается инородческое население. — Современные статистические сведения об уменьшении инородцев. — Исторические причины вымирания инородцев. — Болезни и голод. — Экономическая обстановка жизни. — Признаки обеднения. — Уменьшение средств пропитания и расширение потребностей. — Торговля. — Инородческий пролетариат. — Наше культурное влияние.

Судьба инородцев в Сибири до сих пор весьма мало заслуживала внимания, а роль их в истории восточной окраины так же, как настоящее и будущее их в гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненною. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то более инородческой колонией, чем ныне, что она, так сказать, пестрела инородческим людом и племенами, судьбе этих пле-

мен мало уделялось внимания; единственной нашей задачей в истории было вытеснение этих племен и приобретение над ними господства. Задача эта ныне выполнена. Мы видели, что русская народность раздвинула мир инородцев и водворилась в Сибири, она получила ныне даже некоторый численный перевес; тем не менее инородческий вопрос остается по-прежнему живучим, хотя и является несколько в иной форме. Мало того, жизнь русского населения и гражданское развитие самой окраины заставляет обратить на него гораздо большее внимание.

В прежнее время инородческие вопросы в Сибири под влиянием исторических обстоятельств и отношения русского племени к инородческому имели другой характер и значение. Когда русское население явилось на Восток, инородческое царство было обширно, а русское население слабо. В это время разыгрывалась борьба за существование и преобладание в стране, причем главною целью являлось ослабление инородческого элемента и уменьшение его. Таков был взгляд конвикторов[42]-завоевателей. Вслед за покорением

инородцев явилось усмирение их бунтов, обложение ясаком, подчинение и насильственное введение управления. Таким образом, инородческий вопрос пережил несколько фазисов и наложил тяжелую печать на существование инородцев. Тогда выступало только два вопроса: о подчинении и опеке. Но постановка этих вопросов должна была измениться, когда инородческий элемент явился подчиненным и подавленным, когда русское население стало достаточно сильным, а инородцы более слабыми и заслуживающими попечения и помощи. Самые отношения и чувства племен принуждены были измениться, потому что причины вражды уничтожились; на почве мирной жизни предстояло слагаться иным гражданским отношениям, а русской политике — изменить свои цели, зачислив инородческий элемент в число равноправных подданных. Таким образом, инородческий вопрос в современной жизни Сибири получил иной характер и значение.

Посвятив себя в последнее время специальному изучению инородческого вопроса в Сибири, мы, если и не намерены дать общую

картину положения всех инородцев, в частности, с их современными нуждами и потребностями, то, по крайней мере, решились свести в одно целое вопросы, выдвигаемые современной жизнью большинства инородческих племен, и рассмотреть их по отношению к сибирской жизни. Этими живыми вопросами выступают ныне: 1) вопрос о дальнейшем существовании инородцев и предупреждении вымирания рас; 2) экономический вопрос об обеспечении их существования рядом с культурным вопросом их развития; 3) вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий закона, наконец 4) вопрос духовного развития и просвещения их так же, как обеспечение благ высшего человеческого существования. Разрешение этих вопросов связывается с той ролью, которая отведена будет этим народностям на нашем Востоке.

В числе указанных нами вопросов самым капитальным является вопрос о сохранении жизни рас и их дальнейшем существовании; он находится в связи с существующим явлением вымирания и уменьшения инород-

цев — явлением, весьма общим всем расам, покоренным и сталкивавшимся с народностями более сильными и многочисленными.

Конечно, прежде всего здесь необходимо констатирование факта: увеличиваются или уменьшаются инородцы в Сибири.

Для этого, разумеется, требовались бы более подробные исследования, чем доселе сделанные. В научном отношении этот вопрос почти не тронут, по крайней мере собрание ученых на конгрессе ориенталистов в 1876 году не могло дать никакого определенного на него ответа. Но и при настоящих имеющихся сведениях и источниках о сибирских инородцах нельзя сказать, чтобы не существовало некоторых весьма важных указаний и ответов по этому поводу. Мы позволим себе отметить отзывы некоторых историков, свидетельства путешественников, санитарные исследования и статистические исчисления, какие существуют. Свидетельства о многочисленном истреблении инородцев во время войны мы находим у Миллера, Фишера, Слоцова, составляющих сибирскую историю, а также в описаниях Камчатки Крашениннико-

ва, у Гагемейстера и многих других.

Путешественники, посещавшие север, Камчатку и Алеутские острова, передавали о поголовном избиении инородцев и захватах их в рабство: таковы были походы Хабарова на Амур, Павлуцкого в Камчатке. «Промышленники истребили большую часть алеутов, — говорит г. Шашков[43], — в 1792 г. жителей на островах Уналашкинского отдела считалось 2500 человек, а до прибытия русских их было вдесятеро более этого». По мнению Врангеля, до покорения русскими народонаселение Сибири было гораздо многочисленнее и разнообразнее. Исследователи сибирских племен указывают на исчезновение многих из них; так, вымерли, не оставив следа, омоки, котгы, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и другие сибирские племена. Историк Щапов также констатирует факт о вымирании и уменьшении сибирских инородческих рас; кроме насилия и болезней, ослабивших их число, он находит, «что лишение их прежней свободы уменьшило энергию к плодородию; изменило действие производительной системы, организацию населения,

рост и довело инородцев до вымирания».

Щапов в историко-философском спектре соединяет и освещает целую совокупность причин, способствовавших вымиранию инородцев (см. Русское слово 1865 г., статьи Щапова). Кроме ожесточенной борьбы и истребления во время сопротивлений при завоеваниях русскими, масса инородческих племен, ослабляемая с вторжением русских, начала подвергаться междоусобиям и нападениям от соседних азиатских и китайских соперников. Прежние союзы распадаются, и инородцы, лишаясь способности самозащиты, представляют беззащитные толпы. С юга киргизы и джунгары мстят северным инородцам за подданство России, нападают на них и уводят пленников. Сибирские татары подвергаются нападениям, енисейских киргизов истребляют калмыки, телесы нападают на принявших подданство телеутов. Калмыки, принявшие подданство России, после падения Джунгарии преследуются джунгарами. В 1756–1757 гг. калмыков преследуют и разоряют монголо-китайцы — ими было перерезано до полу-миллиона населения. Киргизы также воюют с

калмыками и т. д. Словом, в это время извне и внутри мы видим разрушение инородческих царств. Вторжение русских в Азию уничтожает прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами. Целые пространства пустеют, инородческие племена эмигрируют. Огромное население на юге Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло без следа. Но уменьшение и исчезновение сибирских племен продолжается и позднее под действием более медленных, но губительных влияний. Г-н Шашков в своем исследовании положения сибирских инородцев в XIX столетии приводит многие факты положительного уменьшения сибирских инородцев. «На устье Индигирки видны до сих пор следы жилищ исчезнувшего народа омаков, «которые, по преданиям, были многочисленны, как звезды небесные». Во время русского завоевания существовал народ аринцы, в 1608 г. их было 300 семей. В 1753 г. Миллер и Гмелин видели последнего инородца, говорившего по-арински, наконец из 300 семей их осталось всего 5

человек. Богородский род, бывший в 1763 г. одним из многочисленных во время ясачной комиссии, показан был *вымершим*, и в живых было 2 человека. В Туруханском крае с 1763-го по 1816 г. вымерло $\frac{3}{4}$ инородческого народонаселения. Когда ясачная комиссия посетила Березовский округ, то не могла найти шести родов. Затем г. Шашков приводит статистические данные из различных документов, подтверждающие это уменьшение. В 1744 г. камчадалов обоего пола было 20000 человек, в 1823 г. — 2760, в 1850-м — уже 1951.

В Березовском округе инородцев обоего пола было 21001 человек, в 1828 году — 19652, убыло в 12 лет 1349.

В Томском округе с Нарымским краем в 1816 году было инородцев 10135 человек обоего пола, а в 1832 году — 9724 человека.

В семи барабинских волостях в 1846 году было татар 4918 человек, в 1858 году — 4419. В Тогоурском отделении население убыло с 1763-й по 1816 г. на 137 человек, а с 1816-го по 1832 г. — на 306 человек.

В 22 волостях Кузнецкого округа инородцев в 1827 году считалось 5160 человек, в

1832 г. — 4399, убыл 761 человек. В пяти волостях Туринского округа в 1763 году было 555 человек, в 1816 г. — 467 человек.

В Енисейском округе с Туруханским краем в 1838 году инородцев было 7740 человек, в 1864 г. — 7483, убыло 257 человек. «Таким образом, несомненно, что во многих местах инородческое население *убывает!*», заключает уважаемый исследователь (с. 291). Официальный исследователь по статистике Сибири Гагемейстер приводит подобные же факты о некоторых инородцах, как, например, вогулах: с 8-й до 9-й ревизии, по его словам, коренных вогулов убыло почти 50 %. О том же уменьшении вогулов в последнее время свидетельствуют доктор Альквист и Малиев.

Доктор Соколов приводит исчисление остяков и самоедов в Березовском округе с 1763 г., где население в 1753 году увеличилось на 2431 человека, в 12 лет позднее прибыль была 259 человек, в 22 года уменьшилась на 127 человек. Вымирание остяков в Нарымском округе подтверждает Осипов, в Енисейском округе — Кривошапкин, о смертности енисейских же инородцев свидетельствует

академик Миддендорф. Наконец позднейшее изучение и сличение числа инородцев в Западной Сибири привели нас к следующим выводам.

Вогулов в 1838 году в Тобольском и Туринском округах было 4527 человек, в 1859 году по спискам населенных мест Тобольской губернии — 3286. В 1875 году по официальным сведениям — 3913 человек. Таким образом, с 1838 г. началась положительная убыль, а в последний период самое ничтожное приращение.

Население остяков и самоедов во многих волостях представляет положительное уменьшение, в чем мы убедились, сравнивая статистические сведения в Кодской, Подгородной, Ляпинской и Куноватской волостях, а также в Сургутском округе. Точно то же уменьшение инородцев мы видим из позднейших сведений в Нарымском округе (в 1869 г. — 7611 д., в 1878 г. — 7127). То же подтверждают и податные списки; ясак накладывался в 1834 году в Томском округе на 4965 д., в 1842 г. — на 2608, в 1878 г. — на 2134.

В Мариинском округе еще в 1868 г. счита-

лось инородцев 2439 д., в 1878 г. — только 1870 д. Но что всего поразительнее — это уменьшение инородческого оседлого населения в Западной Сибири.

В 1851 году его считалось 40470 д.

в 1868 г. 37153 д.

в 1878 г. 37880 д.

Факты эти подтверждаются ухудшением быта и разорением тобольских, тарских и других татар, так же, как и несчастным их положением, доказательством чего служат огромные податные недоимки. Кроме приведенных данных об уменьшении числа инородцев, вымирание их подтверждается издавна свирепствующими среди них эпидемиями, производящими здесь свои опустошительные действия. С половины прошлого столетия известно множество эпидемий, свирепствовавших между инородцами, между прочим — оспа, тиф, цинга, проказа и сифилис. Эти болезни поглощали тысячи людей, находившихся без всякой медицинской помощи. В половине прошлого столетия оспа свирепствовала в Забайкалье, в Камчатке, в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях. В 1768

году погибало от нее до 20000 камчадалов. В 1824–1825 гг. на Лене от горячки вымерли тунгузы. В Туруханском крае тиф и оспа не прекращались. Проказа (лерга) и ужасная болезнь elephantiasis[44], по словам доктора Кибера, распространена между всеми северо-восточными инородцами.

Доктор Соколов свидетельствует о печальном положении Березовского округа, где оспа, тиф и сифилис имеют широкое развитие и угрожают обезлюдением северу[45]. Сифилис был занесен в этот округ уже в начале XVIII столетия, о чем упоминает спутник Филофея Лещинского Новицкий. «Человеку гнилостью снедает уста, нос, ноги и многим все тело даже до костей, — пишет он. — Егда кого начинает сия болезнь язвити, то он не токмо не имеет попечения о исцелении, но ниже, ради облегчения болезни язвы согнившие чем прикрывать; но не ради о сем, берестом обвив язву, за промыслом идет, и доселе ходит донеле же язвою весь поражен падает». Болезнь эта скоро получила название березовской проказы; распространение ее было так сильно, что в 1830-х годах д-р Белявский, посетив-

ший Березовский округ для исследования сифилиса, доносил, что нет почти ни одного инородца, который бы не был заражен им. Болезни являются на севере осложненными, часто сифилис, ревматизм и цинга соединяются в один чудовищный бич. Подобное же положение инородцев в Нарымском округе описывает врач Докучаев. Штаб-лекарь Богданов свидетельствует о страшной болезненности в Туруханском округе. Недавно изданный Санитарный очерк Западной Сибири подтверждает беззащитное положение инородцев до последнего времени и свирепствующую среди них болезненность. В Березовском округе, по словам отчета, распространены среди инородцев глазные болезни от жизни в чумах и влияния ослепительного действия снега, глисты от питания рыбой, кожные сыпи от нечистоты и сифилис в различных формах. Инородцы весьма редко обращаются (а большинство и не может обращаться за дальностью расстояния) к единственному врачу в Березове. Смертность от болезней весьма значительна: в Сургутском округе 19,3 % смертности дает кровавый понос и 8,8 % — сифи-

лис, здесь весьма часто бывающий смертельным. Некоторые эпидемические болезни приобретают характер стационарный. «Если прибавить, — говорит отчет, — губительное действие между инородцами оспы и весьма неудовлетворительное устройство в северных округах медицинской части (временами наезжающий один врач на все население), то нельзя не вывести того печального заключения, что северные инородцы, эксплуатируемые, кроме того, рыбопромышленниками, обречены на вырождение.

Статистика указывает на уменьшение самоедов. (В 1828 г. — 5140 человек обоего пола, в 1868 г. — 4705 человек). Подобное же вырождение (вымирание?), вероятное и у других северных инородцев, конечно, будет продолжаться, если не подоспеет правительственная помощь»[46]. Тиф и сифилис, по словам того же медицинского отзыва, угрожает в Сибири развиться до ужасающих размеров. Таким образом, вымирание инородцев от болезней тоже должно быть признано фактом. Далее инородцы при скудных и случайных способах обеспечения и с изменением их преж-

него распределения начали чаще и чаще подвергаться голоду, известному еще с прошлого столетия и кончившимся смертностью и людоедством. Г-н Шашков в описании положения инородцев приводит несколько характеристических случаев подобного людоедства в Туруханском, Березовском округе и других. (В 1847 г. о людоедстве у инородцев печаталось в «Северной почте»). В 1814–1816 гг. голод уничтожает население Туруханского края, в 1827 году он свирепствует среди остяков в Нарымском округе, в 1844 году — в окрестностях Аяна. В 1862 г., по словам доктора Соколова, голод настигает инородцев Березовского округа. В 1878 году доносятся слухи вновь о таком же бедствии в Нарыме. Голод в Енисейской губернии, на Лене, в Камчатке составляет нередкое явление. Если печальные последствия и влияние голода страшны в странах более населенных и обладающих путями сообщения, то они должны были в несколько раз сильнее отражаться на инородцах. В отдаленных пустынях, где эти люди лишены всякой помощи, картина голода у них ужасающая. В Туруханском крае в 1814–1816 гг. рус-

ские и инородцы питались падалью и пихтовой корой. Умирало много дикарей и русских, живших по берегам Енисея. Трупы умерших от голода валялись по тундре. Даже около Туруханска валялись трупы, оторванные члены которых растаскивались по улицам города. В одной семье с голоду мать съела дочь, потом сыновьям приказала убить брата, семья несколько дней питалась его мясом, наконец съели второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному из оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказом, бросилась на него с ножом, но братья зарубили ее топором и питались несколько дней трупом матери. Наконец они таскались по тундре, отыскивая трупы или живых людей. На дороге они открыли тело остяка и съели его (Шашков. Инородцы в XIX столетии). Доктор Соколов, говоря о голоде в Березовском округе в 1862 году, говорит, что инородцы здесь ели кротов и мышей. Осипов, описывая голод в Нарымском крае, говорит, что люди с жадностью истребляли падаль и ловили плывущие по реке трупы.

Беспомощное население среди глухих пустынь при таких условиях гибло часто бесследно, и только вдолге после несчастья слух об их бедствиях доносился до жилых мест Сибири. В 1881 г. разнесся слух тоже о голоде в Нарымском округе, и затем появилось не описание этого голода, а сообщение, что выехал на место его исправник. Но в состоянии ли он будет прекратить бедствие — не объяснено. В «Сибирской газете» 1881 г. (№№ 21 и 22) между тем раскрыто, в каком бедственном экономическом положении сыздавна находятся этот край и его население. Таким образом, факт вымирания и уменьшения инородцев в Сибири должен быть признан как несомненный. В истории встречается несколько весьма крупных причин, прямо влиявших на уменьшение инородческого населения и объясняющих это явление. Эти симптомы бедствий стоят рядом с другими — обеднением и ухудшением экономического состояния. Точно так же рядом с уменьшением и вымиранием некоторых племен заслуживает внимания весьма малый прирост сибирских инородцев, показывающий слабую производительную

силу расы. Так, по нашим исследованиям, встречаются такого рода выводы. Татарское оседлое население в некоторых волостях Тобольского округа в 25-летие давало весьма слабый прирост, а именно: на 2057 человек едва 100 человек, в других — только 40 человек, в Тюменском округе в 12 лет татарское население с 9083 д. увеличивается только на 19 человек. В Березовском округе в 53 года население остяков с 21000 увеличилось едва на 2400 д. и так далее. Такого же внимания заслуживает непропорциональность полов среди северного кочевого населения, причем мужчин встречается более, чем женщин, процент женщин падает до 30 и 40 % на мужское население, что далеко не способствует нормальному размножению.

Факт вымирания и уменьшения инородцев, правда, не охватывает все местности и все сибирские племена; так, исключение составляют, по-видимому, пока южные кочевники — буряты, киргизы и калмыки. Хотя среди последних появляются ныне те же признаки бедствий, но тем не менее отрицательное явление охватывает такую массу других

племен — остяков, самоедов, тунгузов, вогулов — и распространяется даже на оседлых татар, что невольно заставляет задуматься.

Что, если в Сибири повторится судьба многих австралийских и американских племен; что, если и здесь повторится драма гибели последнего тасманца или оправдается предсказание одной печальной самоедской сказки, в которой рассказывается, как у самоедов стояло 700 шатров, где жили 700 человек, ими управляли 7 мужей, все они были бездетны, и только у одного был ленивый и слабосильный сын. В одно утро он проснулся и увидел, что все люди его племени умерли, а все олени пропали. Он шел по пустыне, несчастный и беспомощный, он падает от усталости, грызет кости, обглоданные уже собаками. Встречаются ему люди, но безжалостные люди других племен, которые коварно и враждебно относятся к нему, его бьют и несколько раз убивают, каждый раз, однако, его воскрешает мифическое существо — однорукий и одноглазый старик с железной палицей.

Неужели эта несчастная судьба долго будет преследовать сибирского инородца, и кто

явится волшебным стариком, сжалившимся над ним и пробудившим жизнь?

Исследования доказывают, что явление вымирания и уменьшения инородцев в Сибири связано с постоянным обеднением инородческих племен, упадком быта, обнищанием и всеми сопровождающими это явление бедствиями.

Обеднение и жалкое состояние оленеводов, сопряженное с уменьшением оленя, замечается на всем севере Сибири, начиная с Мезенского края Архангельской губернии, продолжая Березовским краем, Туруханским и кончая оленными чукчами. Кенан и Нейман одинаково свидетельствуют об уменьшении оленей и бедствиях, постигающих инородцев как последствия этого явления. (Нейман. «Исторический обзор действий Чукотской экспедиции». Извест. восточно-сибирск. отдел. Географич. Общества за 1871 г., вып. 3, №№ 4 и 5). Обеднение и нищенское состояние березовских остяков было замечено уже Кастреном. Он положительно указывает на бедность остяков-рыболовов, жизнь которых все более ухудшается под влиянием упадка рыбо-

ловных промыслов и эксплуатации остяков русскими рыбопромышленниками. То же самое подтверждает доктор Соколов в своем санитарном описании Березовского округа. Г-н Поляков в «Путешествии на север» удостоверяет, что все рыболовные пески на Оби захвачены русскими и что остяки и инородцы составляют кабальное рабочее сословие, лишенное собственных промыслов[47]. В Нарымском крае множество инородцев бросили зверопромышленность и поступили в работы к купцам, мещанам и крестьянам. Другие все переселились в Тарский округ и поступили в работы к крестьянам. Те васюганские инородцы, которые обременены большими семьями и не могли поступить в работы, остались скитаться в окрестностях. «Надо видеть, — говорит очевидец, — это несчастное семейство, которое должно жить под открытым небом, вырыв под густым деревом яму в снегу и устлав ее ветвями хвойного дерева. Эти бедняки в своих рубищах кое-как отогревают у костра свои заоченевшие члены. Женщины разрешаются здесь от бремени и, не имея приюта и для прочих детей, отогревают толь-

ко на холодной груди в 45 градусов мороза своего ребенка».

Иностранцы в кабале у крестьянина гибнут и материально, и нравственно (отзыв Осипова о жизни в Нарымском округе). Г-н Павлов, путешествуя по Оби, описывает самое жалкое материальное положение иностранцев[48]. О енисейских остяках академик Миддендорф говорит следующее: «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского селения. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают очень мало хлеба из казенных магазинов. Один из виденных иностранцев перенес голодный тиф и страдал еще болью в икрах. Мне рассказывали, — говорит путешественник, — что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы. Повторялась старинная история о гибели этих народов. Они погибали от соприкосновения с развитием культуры, в особенности с наплывом золотых приисков и неизбежного с ними разгула. Для иностранцев были построены казенные хлебные магазины, но о возврате займа не могло быть и речи. Когда беднякам, с каждым

годом должавшим, прекратили выдачу продовольствия, они начали умирать с голоду». (Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, ст. 14, 659, 660). Быт карагасов, камчадалов, чукчей и прочих северных бродячих и кочующих инородцев представляется не лучшим. Доктор Альквист, исследовавший обстоятельно быт вогулов, удостоверяет как уменьшение их, так и полное обеднение вследствие упадка промыслов, болезней, пьянства и эксплуатации русскими. Наконец еще более изумительную картину представляет уменьшение в числе, отступление от культуры и обеднение сибирских оседлых татар. В Тобольском, Тарском и других округах эти татары были до половины прошлого столетия богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья, купленные и жалованные, занимались торговлей и обладали капиталами. Быт их в настоящее же время совершенно нищенский, они лишились земель, представляют полудикое несчастное население, почти сплошной пролетариат. Несостоятельность их признана официально, и за ними в Тобольской губернии считалось 480234

рубля безнадежных недоимок. Их несостоятельность объяснялась упадком промыслов, неурожаем, пожаром лесов и уменьшением зверя (журнал Главного управления Западной Сибири, 1879 г., № 154). В заключение положение их является в настоящее время почти непоправимым. Земли у них заложены крестьянам, земледелие ничтожное, скот выпал, и сами татары признаются ленивым и апатичным населением. В подобном же положении находятся барабинские татары, бывшие прежде также более богатыми (см. о барабинских татарах. Князь Костров, а также Вагин, Томск, губ. ведомости. Каинская Бараба). То же уменьшение и обеднение татар происходит в Томском и Мариинском округах. В 1868 году мариинских татар считалось 2439, а в 1878 году — 1870 человек. Ухудшение быта при столкновении с русской культурой замечается, кроме того, не в одной северной и средней Сибири, но и среди южных кочевников. Так, быт алтайских калмыков, все более оттесняемых русским населением, по словам всех путешественников и, наконец, по местным свидетельствам, не представляет ничего

отрадного. Было время, когда горные калмыки считались богатым скотоводческим народом, стада их были громадны. Несколько лет тому назад ученый ориенталист и путешественник В.В. Радлов видел еще в Алтае некоторые признаки богатства и значительные табуны, но через несколько лет и они исчезли, перейдя в руки русских промышленников. Русские люди, въезжая в чернь леса, лишают инородцев последних средств пропитания. Благосостояние алтайских калмыков, свидетельствует исправник Замятин, в последнее время сильно пострадало, так что весьма уже редко встречается калмык, который имеет большое количество скота (Памятная книжка Томск, губ., 1871 г., стр. 236).

То же падение быта свидетельствуют и другие путешественники. «Ни купец, ни миссионер, ни чиновник не спас алтайца от обеднения», — говорит автор примечаний к Ритеру земледелию Азии.

Посетив Алтай в 1878-м и 1880 годах, мы сами убедились, что быт калмыков и черневых татар не улучшается, а ухудшается. Русское население все более вторгается в Алтай, мно-

жество волостей и русских селений раскидано на месте бывших кочевий. Крестьяне поставили в калмыцких землях пасеки, купцы — заимки и магазины для склада орехов. Стада забраны за долги и перешли к купцам; на целые десятки верст не встречается инородческих табунов — они принадлежат торговцам и крестьянам, хотя и пасутся калмыками. Огромное количество бедняков ныне наполняет кочевья и леса, и даже в пустынных местах, как около Телецкого озера и на Чулышмане, мы не видели среди инородцев ничего, кроме бедности.

Те же признаки обеднения и упадка хозяйства замечаются и среди киргизского населения, обладавшего огромным количеством скота. С некоторого времени падежи скота и бескормица все чаще посещают киргизские степи. Бедствие киргизской степи «джут» — гибель скота — во время гололедицы довершает опустошение. Как обширны эти падежи, можно судить по тому, что в 1876 году у киргизов-кочевников Западной Сибири пало 173998 штук скота, а по отчету местного ветеринара в Семипалатинской области ежегодно

падает от различных болезней до 200400 голов. (Очерки санитарного состояния Западной Сибири, 1880 г., стр. 239). В 1879 году бескормица в степи и падежи так были велики, что на Туркестанско-Оренбургском тракте не было уже лошадей, и езда прекратилась. Падежи скота ведут за собой обеднение и полное разорение кочевников.

В общем, трудно не заметить, что инородческое население начинает представлять сплошной пролетариат, над будущим которого стоит задуматься. Несомненно, что все внешние проявления голода, болезни, уменьшение плодovitости и самое вымирание, за устранением древнего фактора воинственного истребления, — суть результаты только постепенного падения быта и ухудшающегося экономического состояния инородцев. Факт этот является настолько общим и очевидным, что не может не возбуждать внимания всех исследователей[49].

Существуют свидетельства, что инородцы в прежнее время менее бедствовали, когда у них было более стад и угодий для промысла. Правда, они не были на высокой степени

культуры, но они были сыты. Добычи зверя, пушнины и рыбы так было достаточно в древней Сибири, что инородцы роскошно, по-своему, удовлетворяли своей потребности защиты от холода. Когда-то вышли остяки навстречу русским в бобрах и соболях, что и возбудило в последних зависть и жажду к наживе насчет дикарей. Питательных продуктов благодаря заповедным нетронутым лесам, которых не коснулся огонь сибирских палов, и благодаря свободному промыслу на реках было вдоволь. Оленеводство на севере не было еще убито, впоследствии, с погрома казаков, оно уже не поправлялось. Кочевья южных инородцев занимали гораздо большие пространства, чем ныне: калмыки и киргизы кочевали до Томска и Красноярска, наконец, по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Среднюю Сибирь с лучшими угодьями занимали татары. История и памятники убеждают, что если инородцев в Сибири было не более, то во всяком случае они раскидывались шире и свободнее, чем ныне. Отзывы историков и путешественников о жизни инородцев в прошлом и начале нынешнего столетий показывают, что

древний быт их был гораздо обеспеченнее настоящего. Все это говорит, что факт обеднения инородцев, упадок их промыслов и постигающее их вымирание есть факт позднейшей истории и современного их положения. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить и сообразить ту сумму исторических влияний и все те изменения в инородческой жизни, которые произошли со времени покорения Сибири.

Прежде всего нам приходится обратить внимание на то, что район размещения инородцев не остался тот же самый, как до пришествия русских, он все более и более суживался и, наконец, явился довольно ограниченным в то время, когда население инородцев не могло не увеличиваться в общей сумме. Район же промыслов при занятии края русским населением все более отодвигался и ограничивался. Само собою, что большинство лучших земель и угодий перешли к русскому населению. Точно так же, как в Америке индейцы отодвигаются на запад, так инородческие племена Сибири отодвинуты на север и на юг, небольшие же оазисы и клочки ино-

родческого населения внутри Сибири замкнуты русским населением. Понятное дело, что с уменьшением земельного района для звероловства, охоты, рыбной ловли, с сокращением пастбищ и уменьшением возможности передвижения сокращались и средства пропитания. Это первое. Второе: самые территории, куда инородцы были оттеснены и где они по необходимости должны были размещаться, далеко не всегда по климатическим, топографическим и физическим условиям соответствовали тем местам, которые они прежде занимали. Весьма разнится перемещение и переселение добровольное по выбору от перемещения по необходимости, поэтому многие инородческие племена могли не найти ни тех удобств жизни, ни того естественного богатства и изобилия природы, каким прежде пользовались. Нечего говорить, что север Сибири и полоса тундр были менее гостеприимны, чем лесная и средняя полоса Сибири, солонцеватая и голая степь беднее для пастбищ, чем степи и луга близ больших рек и озер, занятых русскими.

Инородцу приходилось приучаться, при-

норовляться к новому климату и условиям не постепенно, но сразу — вот начало того экономического кризиса, который мы рассматриваем. Процесс оттеснения инородцев и ограничение их района продолжается вместе с успехами колонизации, расчисткой лесов, занятием устьев рек, долин и т. д. Мало того, уголья инородцев не остались неприкосновенными и в тех местах, которые составляют, по-видимому, круг их района. Русские колонии не оставили инородческого района, мы видим поселения русских промышленников и торговцев на Крайнем Севере, в Обдорске, в Березове, в Самаре, в Нарыме и других местах. На юге колонизация вторглась в калмыцкий район, середина Алтая занимается пасеками и заимками, в киргизской степи лучшие земли взяты в собственность казачьего войска. По отношению к распределению землевладения замечается повсюду факт перехода лучших земледельческих угодий, лугов, сенокосов, наконец, рыбных ловель к русским.

Затем нам приходится обратить внимание на истощение естественных запасов и продуктов природы, которыми питался дикарь.

Ныне факт уже несомненный, что зверь уничтожен во многих местах Сибири, в других местах он остается в ничтожном количестве. «Неурожай» зверя чаще и чаще встречаются. Уменьшение это совпадает с заселением края, с истреблением и выжиганием лесов, которое водворилось и вошло в обыкновение с пришествием русских, наконец, с усиленной эксплуатацией зверя, рыбы и всяких других продуктов. Напряжение сил инородцев между тем явилось большее, отлучки становились опаснее, изнеможение чувствовалось сильнее. Ранее инородец без особого труда добывая себе известное количество зверя и рыбы, употреблял их на собственные нужды, и более ему ничего не требовалось. Теперь он обязан был добыть известное количество зверя для себя и семьи, затем для оплаты ясака и всех поборов, какими его облагали, для того, чтобы откупиться от притеснений, завоевать себе безопасность; но и этого мало: он теперь напрягает все усилия добыть возможно более по требованию рынка. Он становится рабом этого рынка или торговли, которая импульсирует, побуждает инородца к большему ис-

треблению царств природы, не заботясь о будущих средствах его пропитания.

Истощая один промысел, инородец переходит к другому, такие переходы в занятиях племен не под влиянием культуры, а чисто под влиянием случайных жизненных условий весьма капризны. Оленевод часто, обеднев, делается рыболовом, так же, как и охотник-рыболов, передав рыбные угожья, бросается в леса, инородец часто от высших привычек жизни переходит к низшим. Выловив зверя, он истощает рыбные запасы, все это продает за бесценок и нимало не окупает свою жизнь. Он, добывающий и соболей, и черно-бурых лисиц, бобров и горностаев, носящий у груди своей драгоценнейшие меха, не в состоянии обогреться и мерзнет в тундрах, коченеет от холода в лесах, вылавливая огромных осетров, нельм, щук, семгу, налимов и стерлядей, он страдает нередко от голода и съедает своих собак. Что может быть изумительнее! Но тем не менее это так, потому что рынок берет у него все, но не удовлетворяет его потребностям.

Вкусы и требования дикаря создаются под

влиянием особых законов. Он увлекается часто предметами и произведениями не столько утилитарными, обеспечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими ее к лучшему, сколько потакающими его страсти и детскому увлечению. Чаще всего дикарь обольщается блестящими, но дешевыми игрушками, украшениями, как дитя, за которые готов отдать лучшие произведения своего труда, что его ставит в весьма невыгодные условия. Затем он ищет минутного удовлетворения ощущений и страстей; всякий наркот, будь то табак, вино или опиум, для него является соблазнительным и развивает в нем страстное влечение и губительную привычку. Торговля в этом случае — плохой руководитель жизни, она предлагает то, что соблазнительнее, но не то, что полезнее, и мало заботится о последствиях.

Собственно нормальных условий торгова с инородцами никогда и нигде не существует. Если с одной стороны перед ним является богатый рынок с своей разнообразной мануфактурой, окрепшей под влиянием цивилизации, то дикарь является невооруженным сы-

рьевшиком. Покупатель располагает денежными знаками, меновыми ценностями, кредитом, наконец, массой товаров, у него целая экономическая армия со всеми родами войск, с целой торговой стратегией, у дикаря ничего, кроме убогого его продукта. Он получает и товар, и деньги, он обязывается долгом покупателю и чувствует от него полную зависимость. У представителя рынка более ума, знания, хитрости и, главное, бесцеремонности, кодекс нравственности у него вычеркнут, хотя он и является под маской благодетеля; инородец выходит с открытой душой, простодушием дикаря и первобытной детской честностью. Замечено, что если торговцы допускают всевозможные начеты и обманы, то инородец старается честно платить долги, не подозревая, что они записаны двойным мелом. Самые худшие элементы цивилизации группируются около дикаря с целью наживы. Все это ставит обмен в самые невыгодные условия. Европейский рынок поэтому делает инородца рабом, но не поднимает его экономической и культурной жизни. Силу и могущество этого рынка хорошо сознают высшие расы и цивили-

лизаторы. Достаточно англичанам было забросить в глухие места Азии и Америки красный европейский платок, и участь дикаря была решена. Потребность развита, а с этим создана и зависимость; зависимость крепчайшая, чем зависимость от силы и оружия. Теперь сознано, что во всех странах дикарей европейская торговля при существующих приемах эксплуатации народила чуть ли не более зла, чем добра. Эксплуатация, разорения и опустошения, произведенные ею, стоят предшествовавших войн. Сибирские дикари, обставленные еще более грубыми и бесцеремонными торговцами, не избегли своей участи. Познакомясь с хлебом, водкой, табаком, порохом, железом, они постоянно требуют их, и, получая эти предметы по невероятной цене, истощили все средства, перепродали все продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною, и они остаются в положении умирающего Тантала[50]. Вот источник экономических бедствий. В результате явился весьма странный факт. По словам путешественников и исследователей, те инородцы чаще терпят бедствия, которые ознако-

мились с хлебом. Доктор Соколов приводит, что березовские инородцы прежде питались оленьим мясом, молоком и рыбьим жиром, пища эта, имея азотистые вещества и углеводы, была здоровее. Ныне же хлеб, доставляемый промышленниками, самого дурного качества, мука затхлая, что, часто не удовлетворяя питанию, развивает болезни. Самоеды, оставшиеся при животной пище, здоровее остяков. Миддендорф говорит то же о тунгузах, для которых были созданы хлебные магазины. Когда отпускали хлеб в дом, инородцы брали его, но не могли оплатить долга; когда перестали отпускать хлеб, они начали вымирать. Казенные хлебные магазины создали наживу для вахтеров, обогащавшихся продажей хлеба инородцам по произвольной цене, та же продажа в руках торговцев приносила не меньшие злоупотребления. В том и другом случае результаты явились плачевные. Бедность сидячих чукчей и инородцев сравнительно с кочевыми оленеводами свидетельствуется Нейманом, американцем Кенаном и доктором Шперком. (Топографо-патологические очерки Восточной Сибири). Многие тун-

гузы, остяки, чукчи после истребления оленя перешли к рыболовству и сделались оседлыми рыболовами. Положение сидячего — признак полной нищеты и бедности, положение это презирается. Иные от скотоводства переходят назад к звероловству. Таким образом, у инородцев является регресс в жизни и развитии, как следствие обеднения, — факт, указанный уже Тейлором (см. Доисторический быт человека и начало цивилизации, стр. 246). В киргизской степи люди, потерявшие скот, также делаются оседлыми, но это не признак культурного развития, это последняя степень бедности. Резче всего бросается в глаза тот факт, что снабжение хлебом и казенным порохом инородцев не только не подняло их быта, но, создав новые привычки, в конце сделало их положение безысходным[51].

В жизни инородцев при уменьшении угодий и промыслов и с развитием потребностей осуществился тот безжалостный закон, который превысил их потребности над способами и средствами пропитания; при ухудшающихся условиях жизни и при первобытной культуре инородец поставлен искусственно в та-

кие условия, что не в состоянии окупить своего существования. Вот где лежит ключ к общим его бедствиям. Рассматривая эти сложные причины ухудшения быта, обеднения, голода и совершающегося вымирания, мы должны прийти к заключению, что причины эти лежат далеко не в одних физических условиях и не в свойстве рас, но все бедственные условия их, как болезни, заразы, эпидемии и т. п. несчастия, есть результат безысходных окружающих обстоятельств, ухудшения экономического положения и беспомощной жизни инородцев. Сообразно с этим предстоит в предупреждение вымирания позаботиться об улучшении быта и экономическом положении населения, обеспечив его в смысле гражданских прав от вторжения всякого насилия. Весьма видную роль в улучшении быта инородцев должно было бы играть наше культурное влияние. Несомненно, что успехи наши в распространении культуры были бы сильнее, если бы знали лучше быт и положение наших инородцев. К сожалению, этого-то у нас не доставало, и наши культурные завоевания совершались помимо нас там, где мы

не подозревали. Кузнецкие черневые татары, считающиеся доселе дикарями, звероловами, дали, например, более представителей оседлого быта, чем кочевники-скотоводы, на которых преимущественно сосредоточивалось внимание. Попытки побуждения и принуждения кочевников-номадов к переходам в оседлое состояние продолжают до сих пор, но решительно не имеют успехов. Это бывает большей частью плод легкомысленных проектов и местных канцелярских измышлений.

Нечего говорить, что изменить культуру народа, обусловленную физическими условиями и вековыми привычками, не так легко, как и заставить предпочесть одно хозяйство другому. Такие переходы совершаются под влиянием весьма сильных экономических стимулов, по мере накопления средств и знаний в населении. Часто весьма цивилизованные народы предпочитают скотоводство земледелию. Пример тому представляет Австралия, Америка и т. п. Замечательно, что наши побуждения и средства всегда состояли только в принудительных и стеснительных мерах, которые скорее отталкивали и запугива-

ли инородцев от всяких заимствований. Составлялись приказы заниматься инородцам земледелием, но при этом не спрашивалось о их способностях. Выходя из теории, что необходимо заставить заниматься земледелием, предполагается заставить, например, киргизов сделаться оседлыми путем запрещения перекочевков, раздачей земель русским в степи и стеснением кочевого образа жизни. Между тем перекочевки киргизов были экономической потребностью передвижного скотоводства, которое доставляло пропитание миллионному населению. Стеснение передвижений и лишение лучших угодий привело киргизов к обеднению, падежу скота и голоду.

Требую часто невозможного от скотоводов, где физические условия не позволяли перемену хозяйств, мы упускали из виду племена, весьма близкие к земледельческому быту. Многие оседлые волости черневых татар и кумандинцев, занимавшихся земледелием, записаны в кочевые, а земли их раздаются крестьянам для поселений. Таким образом, инородцы лишаются своих пашен и лугов. Подоб-

ные же последствия предвидятся в киргизской степи. Этим самым принуждая инородцев в одном месте к земледелию, в другом мы лишаем их возможности заниматься этим промыслом.

Из этого видно, что культурный вопрос наших инородцев остается далеко не разрешенным и, при существующих отношениях русских к этим племенам, весьма затруднительным.

Условие разрешения инородческого вопроса

IV.

Гражданское положение инородцев. — Наше законодательство. — Покровительственная политика. — Ясачные комиссии. — Инородческий устав Сперанского. — Современное положение инородцев и роль местной администрации. — Ясачные сборы и злоупотребления. — Опека и снабжение хлебом инородцев. — Распространение христианства. — Попытка просвещения. Условия, при которых они могут достигнуть успехов. — Задачи ци-

визации. — Будущность инородческих племен.

Нам предстоит далее рассмотреть гражданские условия существования инородцев на Востоке и тот ряд законодательных мер, которыми правительство стремилось дать им известные права. С самого покорения Сибири правительство признавало необходимым оказывать покровительство завоеванным народам, указы твердили воеводам, чтобы они обращались «кротко» с покорившимися, и служилым людям повелевалось «приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом»[52]. Идея покровительства и заботы об инородцах еще резче выступает в наказах Екатерины II, которая смотрит на Сибирь, как на инородческую колонию и русскую Индию, где необходима либеральная колониальная политика. Общечеловеческие идеалы XVIII столетия заставляют ее смотреть на мир, а также и на империю, как на арену, где должны примириться все племена. В это время императрица простира-

ет свое внимание до вызова инородцев-дикарей ко двору, до покровительства бухарцам в Сибири, предоставления им многих привилегий, как торговому сословию, и водружению некоторых символов инородческого царства. В своих указах Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженных инородцев. Взгляд этот выразился довольно определенно в указе по поводу засылки майора Щербачева для переписи инородцев в 1763 г. «Монаршим нашим словом обнадеживаем, — говорилось в этом указе, — что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему мы все нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков; если же кто за сим нашим монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учрежденных от нас правительствах принесены

будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чем сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие» (Манифест 1763 г. июня 13 дня). Вместе с тем при Екатерине II за оседлыми инородцами было весьма много укреплено земель. К сожалению, этот взгляд государей не получил применения в Сибири. В 1763 г. усчитано было число инородцев в 186000 человек и положен оклад 165000 р. Притеснения инородцев между тем не уменьшались, несмотря на внушения правительства, оклад продолжает оставаться неизменным до Сперанского, т. е. до 1822 г., или, скорее, до новой ясачной комиссии; между тем число инородцев во многих местах изменилось. Так, в Туруханском крае вымерло от голода и болезней до 3/4 инородческого населения, тогда как остальные должны были нести весь оклад[53]. Уложение об инородцах Сперанского в 1822 г. пытается ввести порядок в управ-

ление инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, образовать инородные думы, управы и т. д. Но и этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и повел точно так же только к недоразумениям. Прежде всего едва ли какая-либо классификация могла быть сделана без точного исследования быта инородцев, одним канцелярским путем. Еще более явилось произвола при осуществлении этого устава и зачислении инородцев в разряды. Эти недостатки в регламентации были обнаружены в 1828 г. новой ясачною комиссией. Ясачная комиссия старалась только поправить разряды и установить новый определенный оклад. Этот оклад по переписи 1835 г. остается неизменным и доселе, а законодательство для инородцев, созданное Сперанским, продолжает существовать более полу-столетия в нашем своде законов. Несмотря на его благие желания урегулировать управление инородцев и дать им некоторые права и законы, тот устав решительно не привился на деле в Сибири. Дух его остался непонятым,

неусвоенным, а быт инородцев остается в том же, если не худшем виде, чем до устава Сперанского 1828 года. Уступки инородческому обычному праву не оказали никаких гарантий. Древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полицией. Там, где инородцы обязывались организовать волости, там все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяином и посредником волости с властью. Распоряжения таких писарей инородческою судьбою вели только к массе злоупотреблений и поборам. Инородческая волость явилась подчиненной на деле одним земским заседателям, власть которых явилась бесконтрольной. Это давление земской полиции, ее бесцеремонный характер, низкое развитие, ограниченное содержание в Сибири и своекорыстные стремления не позволили водворить ни малейшего порядка и справедливости в волостях, а создали многочисленные злоупотребления, безотчетные поборы, практикуемый произвол, жестокие наказания, нечеловечное обхождение с инород-

цем, уничтожали всякие следы законности. Вдали от надзора мелкие исполнители и земская полиция с своими нравами дискредитировали таким образом лучшие намерения правительства. Сибирские заседатели и исправники до последнего времени свирепствуют в инородческих волостях, ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный устав Сперанского, ни страх закона, ни внушения человеческой совести не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человеческие права. При отсутствии знаний инородческого быта, распределения инородцев и движения населения переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но, к сожалению, от неумения организовать это дело не привела ни к чему. «В течение 40 лет дело это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключает ничего, что бы можно было сделать заключение о том, что и как следует учредить между инородцами». Таков был официальный приговор этого дела[54]. «В основе административных начал, — говорит

журнал Томской казенной палаты, — должен лежать быт народа, т. е. его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия; чтобы безошибочно определить, какой порядок управления свойственнее и полезнее для инородцев, необходимо знать их прошедшее и настоящее, и для этого необходим ум пытливый, наблюдательный, деятели научные и привычные к такого рода трудам; между тем из 40-летней переписки видно, что столь серьезный труд возлагался на земскую полицию, на земских заседателей, у коих не было ни времени, ни умения взяться за это дело как следует, почему весь труд заявлялся в мертвой канцелярской отписке бумаг, парализовавшей все распоряжения местной высшей власти». Но вслед за вопросом управления является не менее серьезным и, пожалуй, более важнейшим вопросом податного обложения инородцев. Ясачные сборы причиняли сыздавна немало беспорядков и служили поводом к ухудшению быта инородцев. Ясачные сборы с инородцев механически стали с первого же раза благодаря недобросовестности сборщиков тягостью и разоре-

нием для инородцев; несмотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслед за покорением Сибири в 1596 г. мы находим сведения об обременении пелымских и нарымских инородцев сборами, вследствие чего уменьшены с них сборы ясака и прощены недоимки. Те же явления продолжают во все последующее время, инородцы жалуются на разорение, насилие над ними; правительство приказывает, по возможности, щадить инородцев и взыскивать одну только подать, но никакие меры и самое прощение недоимок не помогает. В 1763 г. составляется Щербачевым перепись инородцев, и на инородческое население в 186000 налагается ясачный оклад в 165000 рублей; оклад этот не мог быть обременительным, если бы, во-первых, он взыскивался только в определенном казною количестве, во-вторых, более соответственно с количеством рабочих душ. Но с 1763 г. в быте инородцев произошли замечательные потрясения и изменения, а оклад этот оставался тот же до 1824 года.

С распределением инородцев в новые раз-

ряды и с переводом некоторых в число оседлых, соответственно Уставу Сперанского, положение дел не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелее. Многие из инородцев, несмотря на оседлость, к этому времени совершенно были разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. с души, с этого года, с перевода в разряд оседлых поселян, с них последовало обложение в 11 р. с души, да по столько же за умерших с ревизии 1816 года. Все это привело к тому, что с инородцев тобольских вместо прежнего оклада в 127819 р. с 1824-го по 1832 гг. пришлось денежной повинности за восемь лет взыскать 1359845 рублей. Инородцы смогли уплатить в счет этой громадной суммы всего 735397 р., следовательно, в недоимке за ними состояло 624648 р.; в таком же положении очутились и другие оседлые инородцы. Хотя ясачные комиссии обнаружили всю несоразмерность, всю тяжесть обложения и открыли при этом много несправедливостей, тем не менее они не могли улучшить быта инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии в общем сумма сборов возвысилась. Так, инородцы с

1835 г. по обложению вместо прежних 146460 р. 55 к. стали платить 525162 р. 99 к. Злоупотребления при сборе ясака не уменьшались; кроме того, на них наложены были новые повинности. Резолюции и заключения, к которым пришла ясачная комиссия, были, однако, замечательны. Комиссия ходатайствовала о сложении недоимок, «так как взыскать их было невозможно, не доведя инородцев до совершенного разорения». Недоимки по 1 января 1832 г. были, таким образом, прощены «по уважению расстроенного состояния инородцев об обременительной экзекуции и других допущенных злоупотреблений», — как сказано в указе Сената генерал-губернатору Западной Сибири. Но и за таким важным облегчением оседлые инородцы не в состоянии были платить полного крестьянского оклада, поэтому предположено было для них в продолжение десяти лет, с 1840-го по 1850 г., платить $\frac{2}{3}$ крестьянского оклада, а с 1 января 1850 года — полный оклад. Несмотря на сделанные облегчения и льготы, а также несмотря на то, что некоторые из оседлых управ доселе обложены податью только в количестве

4 руб. 41 коп. (оседлые волости татар Томской губернии), недоимки не только не уменьшились, но возросли. Так, с 1850-го по 1860 гг. увеличились недоимки у тех же тобольских оседлых татар и томских. Недоимки эти в 1875 г. по 4 округам равнялись 480234 рублям. Накопившиеся недоимки взыскиваются обыкновенно самым беспощадным образом, продажей имущества инородцев, отдачей их в заработки промышленникам, и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть когда разорение достигло крайних пределов; наконец, что еще важнее, самые оклады взыскивались всегда не в положенном казною размере, но в гораздо высшем, часто суммы, взысканные с инородцев, оставались в руках сборщиков и заседателей, а на них отмечались недоимки. Подобные двойные сборы, как причина недоимки, не всегда было удобно объяснять местному начальству; но, несомненно, они играли значительную роль. Что касается общих повинностей, налагаемых на инородцев, то они так были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполнения их

русских. Мирские расходы ложились на ино-
родцев большею тяжестью, чем самые пода-
ти.

Что касается ясачного сбора с кочевых
инородцев, то оклад этот мог быть точно так
же не обременительным, если бы только он
не отражался в увеличенных сборах и в тех
затруднениях, которыми сопровождалось
внесение ясака мехами. Правительство, же-
лая облегчить инородцам внесение подати,
ввиду недостатка денежных знаков предоста-
вило им вносить меха, которые шли в доход
Кабинета Его Величества, но сбор мехов
сыздавна был поводом для злоупотреблений
в Сибири. Несмотря на то, что инородцам
предоставляется вносить ясак в казначейство
деньгами, на практике является, что инород-
цы, напуганные чиновниками, что их запи-
шут в оседлый оклад, предпочитают вносить
мехами; между тем постоянное уменьшение
зверя в Сибири и его «неурожаи» ставят ино-
родцев в большое затруднение. Самые цен-
ные меха в большинстве случаев покупаются
у торговцев, которые пользуются случаем
взять с инородцев высшие цены; соболь поку-

пается в 15 и 25 рублей, когда в казну сдается по 3 р. Затем сбор в волости производится обыкновенно звериными шкурами с юрты, причем собираются князьями и зайсанами не по оценке, а произвольно; здесь должны войти все расходы по поездке сборщиков в город, на переводчиков, на сношение с властями. При сдаче ясака во избежание злоупотреблений закон предполагал для больших гарантий создать взнос в особом составном присутствии из казначея, исправника, стряпчего и т. д. Но это повело только к тому, что в приеме ясака явилось более лиц заинтересованных. Удивительно, что при всей требовательности, с какою относятся приемщики, при огромной стоимости ясака для инородцев, результаты явились совершенно неожиданные. В Кабинет доставлялись меха худшего качества, и вся вина сваливалась на несчастных инородцев. По поводу дурного взноса ясака не раз Кабинетом начинались переписки; местное начальство взыскивало причины ухудшения лова зверя, но истинной причины как будто бы не открывало. Таким образом, несмотря на ничтожный оклад в 1 р. и 1 р. 50

к. с души, сборы с кочевых инородцев удесятрялись. Недоимки на кочевых инородцах были также часты; а между тем земские чиновники составляли себе состояние в несколько десятков тысяч. Такие злоупотребления, как мы убедились обзором инородческого района, продолжают существовать. К этому же присоединилось образование волостей, содержание писарей в кочевых районах, которые внесли не столько порядка в управление, сколько новые незаконные поборы. В таком свойстве податной системы лежит одна из видных причин инородческого обеднения и разорения. Податной вопрос, таким образом, заслуживает наиболее внимания, тем более что оклады инородцев остаются неизменными с 1835 г., а современная платежная способность инородцев не выяснена. Система взимания ясака и преобразование его в денежный сбор, в устранение существующих злоупотреблений, составляет также очередную задачу. Как попытки введения правильного управления среди инородцев, так и опека правительства в ограждении инородцев от притеснений, злоупотреблений, а также забо-

ты об обеспечении продовольствия инородцев в моменты тяжких бедствий, к сожалению, не привели к должному результату. Правительство сыздавна запрещало ввоз вина в стойбища инородцев под каким бы то ни было предлогом. Сибирский комитет в 1830 году запрещает ввозить к самоедам даже лекарства, настоянные на них. Тем не менее винная продажа везде проникла. Торговлю вином практиковали не одни торговцы с жаждой барыша, но этим занимались священники, заседатели-управители инородцев и т. д. В настоящее время благодаря проникновению русских вино повсюду доставляется инородцам, и запрещение не привело ни к чему, разве только повысило цену вина. Являясь как запретный плод и действуя на инородцев временами, периодически, оно имело тем более губительное влияние. Что касается создания казенных магазинов для продовольствия, то они повели только к накоплению долгов на инородцах, которые взыскивались с беспощадной строгостью; раздача хлеба вела, наконец, к многочисленным злоупотреблениям, так как находилась в руках казенных вахте-

ров. Г-н Шашков приводит, что долг за хлеб в Туруханском округе простирался иногда до 200 р. на человека. В 1861 г. на 63 инородцах считалось 13000 р. с. хлебной недоимки. В Березовском крае в 1850 г. хлебный долг был равен 12947 руб. с., в 1852 г. — 17000 р. О накоплении подобной же недоимки в Нарымском округе в 50000 р. и о тех же злоупотреблениях сообщает очевидец в 1881 г. (Сибирская газета «Инородцы Нарымского округа», 1881 г., №№ 21 и 22). Это снабжение хлебом имело чисто фиктивный характер; вахтера записывали хлеб на инородцев, но сами продавали его торговцам, которые уже снабжали инородцев по двойной цене. Наконец, эта торговля кончилась разорением инородцев и накоплением состояния у вахтеров (См. тоже Сибирская газета о Нарымском крае №№ 21 и 22). Магазины эти признается ныне современным сдать самим инородческим обществам с заведыванием их избранными сторожами. К тем же злоупотреблениям вела продажа свинца и пороха.

При таких условиях и инстинктах русского населения весьма трудно было думать о ци-

визирующих влияниях, о православии, просвещении и снабжении инородца лучшими духовными благами.

Что русские упустили свою роль в деле влияния, это можно видеть на религиозном вопросе. Среди сибирских инородцев распространяется несколько религий. Большинство сибирских инородцев были язычниками, или шаманистами, в том числе даже нынешние магометане и буддисты. Тобольские татары приняли магометанство из Бухары тотчас перед пришествием русских, и эта религия получила огромное распространение уже во время владычества русских; так, барабинские татары принимают магометанство только в 1745 г., то есть более полутора столетия находясь под русским влиянием. Ныне из 142191 инородца Тобольской и Томской губерний 47326 магометан; если мы присоединим до 788000 сибирских киргизов[55], также принявших ислам, то увидим, что магометанство здесь совершило наибольшие победы. Во все время Средняя Азия снабжала Сибирь своими проповедниками-ходжами, муллами, которые, ревностно проповедуя ислам среди ино-

родцев, уже подвластных русским, обратили значительную часть их в свое вероисповедание.

Точно так же весьма сильное влияние имел на сибирских инородцев и буддизм. По сведениям, собранным в 1741 г., в Восточной Сибири оказалось, что большинство бурят держатся шаманской веры, то есть язычники, а у буддистов было только 11 дацанов и 150 лам, но в 1845 году оказалось буддистов 85060, а лам — 3514, в 1848-м буддистов было уже в Забайкалье 125000, а лам — 4546. Ныне между бурятами совершенно распространился буддизм. Влияние буддизма видно и на южных алтайских племенах. Что касается остальных язычников, то они составляют теперь уже меньшинство, по крайней мере, в Западной Сибири на 820191 человека инородцев остается язычников 35873 человека, то есть 4,3 процента.

Русские встретили в Сибири три различных мировоззрения, боровшихся между собою, из коих две могучих старых религий, испытывавших уже свою силу и влияние в мире; поэтому христианство здесь должно было

встретить гораздо более препятствий к распространению своему. Притом влияние его появляется весьма поздно, когда другие религии овладели полем в народном мировоззрении. Первое время русские были заняты завоеваниями и приобретениями, тогда было не до проповеди. Весь XVII век проходит в усмирении инородческих бунтов. Только в XVIII веке выступают заботы об обращении инородцев в христианство, но проповедь распространяется только на северных инородцев, причем выдается энергия обращения остяков и вогулов Филофеем Лещинским с 1712-го по 1714 годы. Что касается утвердившихся религий — магометанской и буддийской, то здесь мы чаще видим полное признание их и желание только, чтобы религиозные центры их находились вне русских владений. С этою целью даже оказывается покровительство этим религиям: в киргизской степи распространяются мечети по повелению правительства, муллам из тобольских татар назначается жалованье от казны. То же самое делается по отношению к буддизму. В Забайкалье создается высшая буддийская духовная власть хам-

ба-ламы. На долю обращения в христианство при этом остается весьма небольшой контингент язычников. Миссионерская деятельность весьма слабо практикуется. Только в 1828 г. в Березовский и Алтайский округа командированы миссионеры; деятельность этих миссий, как оказалось впоследствии, была весьма незначительна. Вообще обращены в православие только вогулы и остяки, в Тобольской губернии они составляют 27949 д., затем в Томской крещеных инородцев считается ныне 26726, принадлежащих к финским народностям и частью алтайцам. Итого: 54000 душ на всех инородцев. Православие распространялось при этом не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низших их представителей, оседлые же татары, окруженные русским населением, остаются фанатиками ислама. Что касается Восточной Сибири, то православие распространилось в Енисейской губернии, где более 30000 крещеных инородцев, в Забайкальской и Якутской областях; тем не менее приверженцы шаманизма и постоянно расширяющегося круг своих последователей буддизма со-

ставляют видный процент и на Востоке Сибири. Судьба православия в среде инородческих племен низкого развития рядом с борьбою и соперничеством древних религий Азии выразилась, конечно, своеобразно. При распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понята и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы. Это зависит всегда от народности, ее прививающей. В результате борьбы мы видим, судя по числовым данным, что господство и преобладание далеко не остаются за православием; это может объясняться как тем, что инородческие племена по своему мировоззрению более тяготели к восточным религиям, так и родством происхождения, языка и проч., которое соединяло инородцев с магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-первых, и главнее всего, мы видим магометанскую и буддийскую пропаганду более деятельною в Сибири; муллы и ламы, проникая и живя среди инородцев, более заискали, более приобрели симпатий и, наконец, умели подействовать на дух инородца. Маго-

метанство и буддизм являются поэтому довольно окрепшими в Сибири, православие же, совершая приобретение в среде низшей и, как мы сказали, языческой, имеет весьма слабое влияние на магометан и буддистов. С 1860-го по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40000 сплоченного фанатического магометанского населения, крещено было только 300 человек, а в последнее время в пять лет — 58 человек. С весьма давнего времени (с 1712 г.), как мы видим, крещена значительная часть остяков и вогулов, но время нисколько не укрепило их в православии; по отзывам всех ученых и путешественников, они признаются христианами номинально. «Две трети остяков, считающихся православными с первой четверти прошлого столетия, не отрешились от языческих понятий», — говорит Губарев, посетивший Березовский округ. «Остяки окрещены 150 лет назад, — пишет другой очевидец, — но руководствуются внешними обрядами, и иконы лежат в заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника». Начальник Тобольской губернии в

своим отчете за 1864 год свидетельствует то же. Обращенные в православие буряты и якуты остаются при прежних суевериях и продолжают сноситься с шаманами (см. Шашков. Инородцы в XIX ст.). «Это наружное принятие русской веры, — по словам Щапова, — не приносит им пользы, не просвещает их действительно и существенно». Весьма часто неумелые и неспособные проповедники христианства только вооружают и озлобляют инородческие племена своими приемами; создав несколько обращенных, они предпринимают гонение на остальную массу язычников, вооружают инородческое население и отталкивают от обращения. Таков, между прочим, характер миссионерской деятельности в Сибири. Миссионерских центров было весьма немного, но и в них выразились все недостатки низшего духовенства и монашества, а также известная деморализация его. Миссионер в Сибири далеко не был человеком, высоко сознающим свои задачи изучения народности и ее духа, прежде, чем приняться изменять мирозерцание, он не был даже человеком образованным. Изолированность и за-

мкнутость самого его доводила до отчаяния, не принося пользы окружающей среде.

Наиболее заметной и отличающейся культурным и просвещенным характером явилась деятельность алтайской миссии; благодаря усилиям и плану основателя ее, архимандрита Макария, среди алтайцев были некоторые успехи обращения, хотя число обращенных крайне невелико — в 50 лет существования в миссии было крещено при всей энергии до 5000, т. е. по 100 на год, хотя штат миссии всегда состоял из нескольких человек духовенства. Ныне находится в алтайской миссии 12 миссионеров и 22 лица в звании причетников. Алтайская миссия рядом с обращением в христианство стремится новокрещенных приучить и к оседлости. Но это чаще запугивает кочевников, оседлость же прививается только благодаря русским крестьянам, живущим в деревнях миссионеров.

Жалкая жизнь новокрещенных оседлых инородцев не раз обращала внимание всех путешественников: Радлова в Алтае, Кастрена среди васьюганских остяков, миссионера Аргентова среди чукчей. Последний приво-

дит замечательный отзыв самих инородцев о результате крещения при помощи принудительного обращения к оседлости. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня, и окрестился, теперь я гляжу на бывшее иными, стариковскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся; стариков почти вовсе не стало, многие умерли не по-людски. Нет, я хочу умереть по-нашему, по-человечески!». Этот страх вымирания при изменении образа жизни и прежних промыслов отталкивает инородцев от православия, где оно является синонимом оседлости.

Таким образом, факт неуклонного принятия оседлости с крещением является не всегда в интересе новообращенных, захват же земель и хозяйственные распоряжения еще губительнее действуют на остальное, необращенное население. Такие экономические эксперименты приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей и общин подрывают окончательно представителей

православия в глазах язычников. Только этим, а не духом религии можно объяснить слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Замечательно, что там, где миссионеров не было, но шире распространялась русская колонизация, там инородцев перешло в православие гораздо более и совершенно добровольно. Сравнивая население Кузнецкого округа, Томской губернии, где колонизация уже сделала успехи, с Бийским округом, где переселение в инородческий район запрещалось, мы видим, что в первом из 15000 инородцев уже 7300 оседлых, в Бийском же округе из 27400 — едва 4500 душ. Православных в Кузнецком округе 13800 душ, а в Бийском — не более 5000. Таково влияние русской колонизации.

Нет сомнения, что успехи православия и распространения культуры были бы гораздо шире, если бы рядом шло образование и просвещение инородцев, точно так же в этом ответственном развитии инородцев и пробуждении их духовных сил мы видим могучее средство их спасения и залого будущего существо-

вания. До тех пор, пока инородцы будут под опекой, не сумеют сами заявлять нужд своих, не укажут средств для спасения существования и сохранения племени, трудно рассчитывать на посторонние заботы.

Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни система инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайны, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось, и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась.

В 1782–1784 гг. администрация старалась о распространении школ и обучении Корану татар и киргизов, но это было чисто магометанское, а не общее образование. В XVIII столетии были попытки основания нескольких школ, но они не оставили никакой памяти. В XIX столетии началось водворение миссионерских школ. Такие школы были созданы

при кондинской миссии у остяков; их показывалось в 1847 г. девять с 71 чел. учащихся, но, как обнаружилось, средства имелись всего на 12 мальчиков. Школы кондинская и обдорская, по официальному отзыву начальника Тобольской губернии в 1864 году, существовали скорее на бумаге. Прежде брали в кондинское училище 10 мальчиков у остяков принудительно, при помощи земской полиции. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподавание было так дурно и небрежно, что в них ничему не выучивались. При церквях в Березовском округе хотя и были предположены школы, но не открывались, так как духовенство не желало учить без вознаграждения; в Березовском уездном училище учился всего один остяк. Все создававшиеся и существовавшие в весьма малом числе миссионерские школы отличаются вдобавок такою односторонностью, что обучившиеся мальчики не получают дальнейшего образования, а самое большее зачисляются в причетники и служки миссии, стало быть, о способностях инородцев вообще к науке здесь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцев в рус-

ские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не раз пыталось поднять вопрос об инородческих школах; так, между прочим, в 1853 г. министр государственных имуществ граф Киселев спрашивал об этом сибирскую администрацию, но вопрос этот, к сожалению, не получил нормального направления и даже не мог быть основательно разработан.

Вопрос об образовании инородцев с первого же раза выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выгодах распространения знания на русском или инородческом языках. Что касается средств, на которые должны быть создаваемы школы, то весьма обширная пере-

писка об этом предмете в 1853 году привела к одному заключению, что создание школ на счет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дикарей; всякие новые налоги и тягости угрожают им окончательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющей в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просьбами не заводить их, будучи предубежденными и испытав в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий. С этим же связан вопрос об обязанности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно доселе от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысль об обязательности, а особенно принудительности образования, неприменимая ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного чиновничества. Она мало того, что не полезна в смысле образования, но бесчело-

вечна сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения. «Давай деньги, как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в иную веру и отдадим в солдаты!». Понятно, какой ужас могло навести на инородцев такое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, внушенной им просвещенной сибирской администрацией. Недавно в некоторых школах и в интернатах киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покупке детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русифицирования, как жгучий вопрос национальностей, неумело и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение. К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма сблизилась с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конеч-

но, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь сливается с обыкновенным сельским образованием. Другое дело — относительно народностей и племен, пока весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, страшящихся нарушения их и всякого принуждения. Для таких племен полезнее привитие знания на природном языке и перевод учебников, как и самого Священного писания, на инородческий язык; при этом, смотря по предубеждению и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомство с высшим христианским мирозерцанием, которое явится само собою при знакомстве с христианской наукой, или воспитание прямо религиозное. Нам кажется, что вопрос образования и знакомство с наукою должны быть выделены для инородцев как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное приготовление к иной религии, а не навязывание ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на

инородческом языке и знакомство с наукою, надо заметить, нимало не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Мы видим, что успехи развития и просвещения шли у инородцев быстрее, когда религиозные книги и Евангелие переводились на инородческие языки. Доказательством служит деятельность английских миссионеров в Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссия прожила около 20 лет, завела монгольскую типографию, библиотеку, сделала превосходный перевод Библии на монгольский язык, обучала бурят ремеслам и создала до 3000 христиан. К сожалению, в начале сороковых годов эта миссия была выслана из Сибири и перенесла свою деятельность на Зондские острова. Ныне в успехах дела алтайская духовная миссия прибегла к подобным же переводам и преподаванию также на алтайском языке, хотя он не имел своей азбуки. Знакомство с языком инородцев дало

большие знания народности и миссионерам. Далее добровольный миссионер Григоровский в Нарымском крае основал остяцкую школу, перевел на остяцкий язык Священное писание и деятельно распространял христианство. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Боддоновым, школу Пирожкова и т. п. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насильственное привитие к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем одним терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают ныне только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения — полное осуждение. Так, например, недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение на русском языке, но даже гимназическое не приносит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников. В Якутске основана, например, классическая прогимназия на деньги якутов, где якутам предлагается сразу

изучение четырех языков; все эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова якутски и не умеющими объясняться с учениками. «Это горькая насмешка над населением, — говорит один из очевидцев. — Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у населения нельзя отнять жажду знания, оно хочет учиться. Кроме прогимназии существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учителями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намека на страстное, любовное отношение к делу, а во-вторых, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют *на неизвестном языке* еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобное образование!». (Сибирская газета, из Якутска 1881 г. № 4). Подобные же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов, мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрусевшие инородцы в лице переводчиков азиатских школ, писари и

проч. являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворного влияния на среду инородцев. Таким образом, привлечение инородцев к школе и знанию без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени», — говорит один из знатоков инородческого быта.

«Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ее, любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует

совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы, «Сибирь»), Этими словами указывается, что истинное образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью образования должно быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногие образованные инородцы сохраняли связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева из бурят и Чокана Валиханова из киргизов. Как Валиханов, так и Банзаров получили высшее образование, они были даровитейшими и учеными людьми даже в европейской среде, и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды.

Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услуг инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности. В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залого сохранения племен от вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, которое воскресит легендарного, умирающего от голода и бедствий самоеда. Дух сибирского инородца остается пригнетенным, глубокая меланхолия лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение. До сих пор мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена ввиду данных уже образцов просвещения, как и общего выражения своих способностей, едва ли мы имеем право признавать бездарными. Мы не будем указывать на выдающиеся лично-

сти инородцев, получивших образование, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, известному путешественнику, другу ученых и поэтов, — подобные личности могли бы сделать честь своим присутствием любому образованному европейскому обществу; но мы позволим себе указать на многие отзывы о способностях инородцев, весьма серьезных и авторитетных исследователей. О самой дикой народности — самоедах — Абрамов, исследовавший Березовский край, он же смотритель училища, отзывается как о весьма способном народе: ученики, попадавшие в уездное училище, обнаруживали способности к математике. Ученый Мидцендорф обращает внимание на замечательные природные дарования и изумительную жизненную энергию тунгузов. Якуты отличаются сыздавна способностями и усвоили весьма быстро культуру. Киргизы давали даровитых людей и представляют народ, поражающий остроумием и богатством фантазии. Алтайцы отличаются, судя по религиозным воззрениям и умственному складу, не меньшими способностями, чем киргизы; миссионерские попытки

просвещения дали образцы весьма способных людей; телеуты же и черневые татары своей склонностью к культуре и оседлости выразили положительно способность к гражданственности. Мы не будем говорить об отличительных способностях, как, например, сартов и татар, к торговле, таланты, которыми они превзошли русских в прошлом столетии. Достаточно помнить также, что русские застали уже в Сибири известную оседлость и тюркскую культуру; завоеватели обязаны многими открытиями инородцам, инородческие памятники содействовали открытию металлов, путешественники отмечают в инородческой культуре множество изобретений, а также умение приноровиться к климату, природе и сохранению своего существования; эти жизненные таланты не могут быть пренебрегаемы; русским помимо своей воли пришлось позаимствовать многое у инородцев с целью собственной акклиматизации. Спрашивается, вправе ли мы отнимать после этого способности у низших рас, и неужели способности целых племен не могут пригодиться для нас в будущем? Сравнительная психоло-

гия инородцев еще далеко не исследована научным путем, точно так же, как мы не знаем их прошлого, а их исторические услуги русской народности в Сибири еще не оценены вполне. Чем может отразиться возрождение этих народностей, проявление их таланта и народного гения — это загадка будущего. Многие азиатские народности выдвигали учителей человечества и творили своеобразные цивилизации. Таким образом, введение в мировую жизнь и область духовного творчества других племен не может остаться без результатов. Из всего этого следует, что сохранение инородческих племен, развитие образования среди них, так же, как призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке. Разрешение этих вопросов, как мы видели, находится в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще более оно зависит от умственного развития самого русского населения в Сибири. Автор, посвятивший талантливую моно-

графию судьбе сибирских инородцев в XIX веке, г-н Шашков оканчивает свой труд следующим заключением: «Участь инородцев может улучшиться только тогда, когда истинное образование и гуманная нравственность сроднятся с сибиряком; без этих благодетельных факторов свобода — сон, а счастье народа — безумная мечта; без них сибиряк всегда найдет возможность эксплуатировать инородца, как бы ревниво ни охранял закон интересы последнего». Этот совершенно справедливый вывод показывает только то, насколько необходимо гражданское развитие Сибири и усвоение самою ею начал гуманизма, просвещения и вообще цивилизации как в интересах своих собственных, так и во спасение других народностей. Инородческий вопрос, выступивший и занимающий свое место в жизни Сибири, не только вопрос настоящего, но и вопрос будущего. При всех бедствиях инородцев и при уменьшении некоторых племен, число их все-таки слишком значительно, а именно: около 4500000, считая и Туркестанский край, чтобы не быть заметным среди русского населения. Соседство с азиатскими

странами: Бухарой, Средней Азией, Монголией, Китаем, — при сближении с этими странами, при облегчении путей сообщения — не может не выразиться новыми притоками инородческого населения. Китайцы и ныне уже начинают эмигрировать в Сибирь, они вторгаются на Амур и в Забайкалье. Таким образом, это грозный вопрос будущего. Он явится когда-нибудь, вероятно, весьма важным гражданским и политическим вопросом, к которому мы должны подготовиться. Часть азиатских народностей вошла и неминуемо войдет в состав русского общества, и жизнь этих народностей, как мы указали, может внести новые, оригинальные элементы в склад будущей цивилизации. Наконец, по самому географическому своему положению Сибирь, естественно, будет в соприкосновении с азиатскими государствами, которые не всегда же будут жить замкнутою жизнью и когда-нибудь будут доступны европейскому просвещению. Если Сибири суждено будет играть какую-нибудь роль в этом мировом цивилизующем влиянии, то сибирские инородцы, усвоившие при посредстве русской национально-

сти европейское просвещение, могут явиться весьма видными посредниками этой цивилизации и оказать великие услуги общечеловеческому прогрессу.

Колонизация Сибири и современные переселения

V.

Сибирь как продукт колонизации. — Движение вольнонародных переселений. — Эмиграция и побеги в Сибирь. — Периоды казенной колонизации, промышленная, торговая и земледельческая колонизация. — Современное движение переселений. — Переселения с освобождения крепостных крестьян и после него. — Направление колонизации и места, избираемые народом. — Миновала ли потребность переселяться. — Неизбежность переселений при увеличении населения. — Современные задачи переселения, положение переселенцев. — Принцип регламентации и свободного выбора земель. — Их результаты. — Роль Сибири в будущей колонизации.

Всякая колонизация есть результат извест-

ных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества, результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири. Ватага Ермака была только продуктом брожения русской народной жизни, искавшей выхода, она была движима тою же силою, какою впоследствии в XVI и XVII веках управляла тысячами народов, кинувшимися в Сибирь искать приволья из-под ига крепостного права, «от безурядицы, смуты, гнета суровой регламентации, непосильных тягостей и злоупотреблений».

Поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало. Обратим внимание на самое проявление коло-

низационных сил на нашем Востоке. Перемещение русского народа до Феодора и Бориса Годунова было довольно свободно, а наклонность «брести врознь» начала довольно сильно практиковаться в XVI столетии. Сибирь дала готовый выход этим элементам и открыла клапан движению. Законы об укреплении крестьян и «Юрьев день» стеснили народ и юридически прикрепили его к земле, но не остановили движение, а, напротив, дали ему новый импульс и побуждение «брести». Очень немудрено, что первые бегства от крепостного права были сильнее последующих, когда народ сжился с крепостным правом и создались меры предупреждения побегов. Около ста лет со времени завоевания Сибирь по своему положению представляет простор для гулящего и беглого люда, хотя рядом идет и колонизация казенная. В 1622 г. производится в Сибири первая перепись населения, причем оказывается уже в ней 70000 жителей и 7400 ссыльных (Словцов, с. 138–152). В 1688 г. последовало повеление пашенных крестьян, прибывших после переписи, отослать в Иркутск на водворение, и таких пришель-

цев отправлено 500 человек. После переписи в 1683 г. правительство предписывает поставить «заставы крепкие, чтобы запретить беглым во множестве перебираться в Сибирь» (приказ соликамскому и чердынскому воеводам). В 1697 г. производится повторительная перепись в Сибири. Свободная колонизация, однако, не прекращается, и после создания застав мы видим, что ввиду ее значения с этим фактом примиряется само правительство. В 1697 г. государь в наказе верхотурскому воеводе не изъявляет неудовольствия по случаю пришедших крестьян из-за Урала вследствие неурожая, а предполагает определить их на десятинную пашню. Напротив, как видно из указа 1686 г., правительство само предназначает Сибирь для гулящих людей; всех пришлых и проживающих без указанных видов в Москве с 1686 г. велено штрафовать, а в случае несостоятельности ссылать в Сибирь (Словцов, ч. 1, с. 212). Наказ государев нерчинскому воеводе доказывает, что тамошний край предполагалось заселить крестьянами, семейно бежавшими в Сибирь в больших толпах. В 1697 г. послано их с женами и детьми

624 души. К сожалению, и третьей доли не дошло до места (ibid. 212). Историк Сибири Словцов отводит довольно обширное место этим самовольным передвижениям народа. Говоря о населении Сибири во второй период с 1709 г., он упоминает об эмиграции с 1600-го по 1662 гг., потом в течение 47 лет, и особенно с 1680-го по 1686 гг., считая «большими ватагами уклонявшихся в Сибирь» во время волнений в крепостном классе после строгих указов 1685 г., изданных против старообрядцев, наконец — во избежание рекрутских наборов. «По длинной границе от Верхотурья до Исети тогдашняя власть не могла удержать людей, — говорит историк, — наконец многие воеводы находили свой расчет потворствовать преумножению переселенцев, которые не прежде обнаруживались, когда разрубят леса и поднимут пашенные выгоны». *Полевая независимость*, — продолжает историк, — ускользнувших из России не скоро вызывала к знакомству с городами и властями». Приходило, однако ж, время, когда власти узнавали о новичках и облагали оброком и десятинной пашней — так насаждались в Сибири почин-

ки, заимки и целые деревни, записывавшиеся уже в окладе вдолге после их основания. Соответственно этому население Сибири постепенно росло, и в 1709 г. она имела уже 229227 душ, итог же податных сословий равнялся 130957 душам[56]. Вероятно, в эту же перепись, однако, не входило множество народа, скитавшегося по Сибири. Первое время воеводского управления в Сибири огромный произвол обложения казенной пашней, повинностями, ямской гоньбой при редкости населения, фискальный характер управления и грубая принудительная воеводская система, наконец, злоупотребление и нажива служилых людей, вошедшие в поговорку и в примере бесцеремонности и наглости, создали и в Сибири побуждение разбредаться и скрываться. По крайней мере историк Соловьев, описывая сибирские дела при Михаиле Федоровиче и рассказывая, как в Енисейске не дали обыватели проезжим служилым людям подвод и разбрелись врознь, говорит, что обычай этот практиковался преимущественно на окраинах (Соловьев. Истор. России, т. IX, с. 400–403). Видя разбредающуюся Сибирь с

половины XVIII столетия, начинаются жестокие преследования беглых и в Сибири, заставляющие удаляться народ в леса. Наконец с начала XVIII столетия мы видим преследование раскольников. Словоцов упоминает о 3000 уничтоженных и побитых старообрядцах на Урале, а около 1760 г. под влиянием гонений множество старообрядцев прибегло к самосожжению. Все эти меры вместе с заставами, таможенями и разъезжавшими драгунскими командами не могли не положить предела самовольным передвижениям и обширной эмиграции толпами, но они не прекратили побегов в Сибирь. Мало того, вскоре Сибирь начала получать для народа устрашающее значение; направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репутацию этой страны в глазах русского народа, и вместо мифов об обетованной земле начали слагаться другие мифы, о стране, где люди ходят под землю и где не светит солнце[57]. Несмотря, однако, на это предубеждение, внушаемый страх, а впоследствии положительные запрещения самовольных переселений и преследование бегств, дорога в Сибирь не зарастала; подле

торной дороги, по которой со звоном кандалов гнали партии преступников, вилась незаметная лесная тропа, по которой тайком перебирался русский свободный переселенец и беглец. Народ переселялся в Сибирь под разными предложениями и во всевозможных видах. Бывали случаи, что дети ссыльных отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число ссыльных. Положение ссыльного поселенца было легче в Сибири, чем участь крепостного крестьянина в европейской России. Когда против общего колониционного стремления были приняты меры, началась эмиграция тайная, и народ начал выбирать более укромные и глухие места в самой Сибири. По мере правительственной организации начались преследования против передвижений и скитаний народа в самой Сибири. В XVIII столетии, как обнаруживают многие дела и акты, Сибирь представляла древнюю бродячую Русь. В разных местах ее открывали всевозможных беглецов, странников, промышленников, скитавшихся годы по лесам, скиты раскольников и блокаузы скваттеров[58]. Беглецы эти под влиянием

преследования превращались впоследствии в разбойников, как, например, крестьяне Селезневых на Бухтарме (пограничные дела Омского областного архива 1759 г., т. 47, стр. 78). Драгунские команды разъезжали по Сибири ловить беглецов и людей беспаспортных, их забирали и судили. Правительство в 1743 году указом запретило проникать за пограничную линию и за нарушение приказало наказывать кнутом всех свыше 40 лет возрастом и плетьюми и батогами — кто моложе. Но это не прекращало авантюризм, скитальчество и промышленное пионерство далеко за линиями, отделявшими русские посты; на границах кочевников, калмыков и киргизов раскидывались промышленные избышки, балаганы охотников, и русское крестьянство рассыпалось далеко, уходя иногда в глубь Средней Азии под именем охотников-соболевщиков, хмелевщиков, рыболовов и кладоискателей (см. акты Омского обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73 и материалы, собранные к истории Сибири Потаниным). По мере того как местные власти исследовали территорию и приближались к китайским границам, они открывали

поселки вольных и беглых людей. Так, в прошлом столетии при Екатерине были открыты на Бухтарме целые слободы беглых людей, известных под именем каменщиков, которые были приняты в русское подданство как инородцы. Переселение в Сибирь, таким образом, сиздавна делится на два рода: правительственные обязательные, или по вызову и указанию, и вольно-народные. К правительственному способу заселения Сибири принадлежали: высылка служилых людей, казаков, пахотных людей, ямщиков, наконец, преступников. Мы видим первые распоряжения отправлять и селить людей в Сибирь около 1590 года, когда велено было в Сольвычегодске на всем посаде и в уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением; а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телеги, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были

дать им по 25 рублей человеку[59]. С тех пор отправка людей для колонизации продолжается. Подобный же акт мы встречаем в 1592 году относительно заселения Пелыма, для житья в котором повелено набрать 50 человек казаков конных, до 100 человек стрельцов пеших, которым вместо хлебного жалованья велено служить из пашен, чтобы впредь хлебных запасов не привозить в Пелым из России. Кроме того, переведены в Пелым на пашню из Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне, и велено им пахать на государя. Грамота 1592 года воеводам говорит по этому поводу следующее: «О всем промышляти, и город делать, и люди устроить, и места под дворы раздавати жилецким людям и казакам, смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее. А казакам терским государево жаловальное слово, чтобы они государю послужили. А которые захотят в жильцы туго изо всяких ратных людей, и их переписать, а устроить туго пятьдесят человек конных; тем и земли, пометив, раздавать; а жалованья годового сулить им польским казакам по семи рублей, а атаману де-

сять рублей, а хлеба по семи четь муки, а овса по тому ж. А стрельцов прибирать пеших до ста человек, а сотнику по тому ж, что и атаману, и пешим стрельцам по пяти рублей да хлеба по пяти четь муки, да по чети круп, да по чети толокна человеку. А земли бы им всем давати, чтоб вперед всякий был хлебопашец, и хлеба бы не возить. А которые московские веденцы девять человек из Каргополя посланы, и тем указать земли и угодыя, чтоб они из Перми с собою взяли и лошади, и животины, и сох, хотя немного, чтоб им пашни вскоре завести. А которые посланы из Перми и с Вятки на житье для пашни, и у тех бы, и хотя у четьрех человек была лошадь, и животина бы с ними была, и сохи бы с ними были, хотя б к паранине завести и немного пашни, да и ржи взять на завод десять четь из Перми; и велети жилецким людям дворы себе ставить и слободы у города устроить, в котором месте пригоже и земли на пашни высмотреть лучшие, и у крепостей подавать пашни на государя пахать всяким людям. А лучшие места выбрав, оставить про государев обиход до трехсот четь; а впредь та земля пахать на государя

жиленким людям, которых устроят на житье. Да из таборов и кошуков пашенных молодых людей взять со всеми семьями и с лошадьми и посадить туто на пашне, и пашни пахати велети на государя. На таборы и кошуки, на тутошные люди положить хлебом оброк, чтоб с них ничего не имать, никакого оброку, ни соболей, а иметь бы хлебом. Только устроя город и укрепя, положить на них оброк хлебной, расспрося про них, что пригоже на них не положить. А церковное строение устроить, а попа и дьякона взять, едучи в Сибирь и, в подмогу, с посадских тамошних попов собрать сорок рублей. А на церковь послано с Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну да пуд воску, да ведро вина церковного и образы, и книга, и колокола, и все церковное строение».

Постройка городков и острогов была плодом военной колонизации, она двигалась весьма быстро вместе с завоеванием. В XVI столетии уже основаны были казаками Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Тара, Сургут, Обдорск, Нарым, Кетск и Верхотурье. В XVII столетии — Томск, Ачинск, Туруханск, Куз-

нецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Олекминск, Канск, Баргузин, Балаганск, Киренск, Нерчинск, Иркутск, Селенгинск и Албазин в 1650 году. Таким образом, в 70 лет мы достигли Амура, в продолжение XVIII столетия занимается Камчатка и делаются приобретения в южной Сибири, в XVIII столетии заселяются промежуточные пункты и новые крепости, как Омская, Петропавловская, Ямышевская, основывается Бийск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Петропавловск в Камчатке и другие. В XVI столетии мы видим создание первых ямов, или станций, для обеспечения проезда по Сибири, таковы были первые Самаровский и Демьянский ям около 1732 г., в Сибири считалось 6723 ямщика. Это было поселение, заселенное по указам, подневольное, оно совершало беспрестанные побег и было постоянно подновляемо. В XVIII столетии началось казенное заселение трактов и линий. Правительству понадобилось соединить промежуточными пунктами намеченные острогами и крепостями границы завоеваний. Так, заселяется тракт в 1593 г. между Верхотурьем и Тобольском, в 1637 г. — тракт между Березо-

вым и Тобольском. В 1744–1745 гг. — между Тобольском и Тарой, в 1762 г. — между Ишимом и Омском, в 1761 г. — между Чаусским острогом и Томском, в 1763 г. пролагается екатеринбургская дорога, в 1762–1780 гг. — тракт между Тарой и Чаусским острогом и производится заселение Барабы. Наконец, с XVIII столетия начинают ограждаться границы посредством казачьих линий и поселений. В 1720–1773 гг. возводится Иртышская линия, в 1755 г. — казачья линия между Омском и Звериноголовском, в 1759 г. — Колывано-Кузнецкая линия, в 1764 г. — Новоколыванская Кузнецкая линия, в 1780 г. — Бухтарминская. Подобные же черты казенной колонизации проводятся в новопокоренных местах в XIX столетии.

Вслед за военной и казенной колонизацией следуют промышленная, торговая и вольнонародная колонизации. Промышленники и искатели богатств наполняют Сибирь не менее гулящих людей, они рыщут по сибирским пространствам, по глухой тайге и прокладывают тропы, они создают блокгаузы, промышленные избушки и даже предшествуют воен-

ной колонизации. Эти промышленные избушки и заимки мы находим впереди наших линий, когда Алтай и киргизская степь не находились еще в пределах наших границ. Промышленники, охотники и гулящие люди, ищущие дела, куда бы им пристроиться, являлись не худшими пионерами, чем предприимчивые казаки. Но главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него бы казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы, как смелый очерк, как замысловатый план, не получивший реального осуществления, как право на землю, очерченное ремнем воловьей шкуры, охватившее неизмеримые пустыни, но по-прежнему оставившее их бесплодными. Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя. Таково было значение волн добровольной народной колонизации, следовавшей за военной и казенной. В XVI столетии мы видим, как работающий народ поморских мест продолжает намеченную колонизацию по Туре, Ирбити, Ницце, далее на

Исети и устье Миаса. На одной Исети возводится Шадринская слобода в 1662 году, недалеко от нее — остроги Масленский, Красногорский, Мехонский, слободы: Бешкильская, Ингалинская, Терсетская, Базневская, Устьмиасская, и это все между 1662-м и 1668 годами. Таким образом, наполняются промежутки между острогами и городами целым рядом слобод из охочих вольных людей, которые превосходили числом казенных крестьян, высылаемых весьма часто по воеводским распоряжениям, пускавшимися в путь с тем, чтобы бежать с дороги.

Самовольная колонизация чуть ли не превосходила в первое время правительственную. По крайней мере мы находим следующую обрисовку ее у местных исследователей.

«Неправительственная колонизация, как кажется, шла значительно быстрее правительственной. Сибирь по покорении ее открылась привольною страной, в которой могли найти успокоение все недовольные условиями своей прежней жизни. Под прикрытием лесов и болот, а также при не водворенном еще порядке управления, не находя со-

противления между слабосильными инородцами, сюда бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крепостные от своих господ, люди, избегавшие рекрутчины и платежа государственных повинностей, и вообще все те, которые по каким-либо причинам считали свободнее жить в привольных и никем не занятых обширных пространствах Зауралья. Конечно, Тобольская губерния, как первая полоса, лежащая на пути еще в не совсем известную страну, подвергалась и более частым заселениям всего этого беглого люда. Даже само правительство в первое время смотрело на эти переселения довольно благосклонно; так, указом 1597 года повелено было бежавшим за 6 лет и более, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своих местах. Но усиленные переселения 1680–1686 гг. вывели, наконец, из терпения правительство; в 1683 г. последовал указ, по которому не дозволялось пропускать в Сибирь без государевых проезжих грамот. Беглецы обыкновенно селились где-нибудь в урмине, заводя *заимки*, превращавшиеся впоследствии в деревни и села; беглые расчищали

лес, заводили пашню и жили иногда по несколько лет, не будучи известны правительству. Воеводы, открывая подобные поселения, накладывали на них государственную подать, но не доносили царю, так как для них были весьма выгодны подобные поселенцы, заселявшие и вместе с тем обеспечивавшие на будущее время обладание чужеземным краем. Через такое расселение переселенцы знакомились с окрестными местами; найдя более удобные, они переселялись частями. Уже в половине XVII столетия места, лежавшие на дороге из Верхотурья через Туринск и Тюмень в Тобольск, были значительно заселены; русские расселялись по ту и другую сторону дороги, в отдалении, по рекам и озерам, заводили слободы и деревни. Самовольные переселения крестьян, как кажется, продолжают и в настоящее время; так, например, деревня Кирилинская Тарского округа, образовавшаяся самовольно в Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только в 1869 году». (Списки населенных мест Российской империи. LX. Тобольская губерния, стр. ХСVIII).

С XIX столетия, когда в Сибири сформировалось вполне административно-гражданское управление и не было угла, где бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещение без разрешения основывать поселки и деревни сковали переселение в тесные границы; вместо бегства и свободного перехода возможно было только формальное перечисление, но для многих ли было оно возможно при крепостном праве? Правда, народ употреблял всевозможные способы к тому, чтобы проникнуть в свободную от крепостного права и обильную землями Сибирь, но каких усилий это стоило. История ссылки нам открывает много фактов, как в форме иногда подневольной ссылки сквозило затаенное желание найти свободу. Русский крестьянин записывался то в дезертиры, то в бродяги. Многие добивались быть сосланными по воле помещика, т. е. по капризу, без особой вины, и подобные случаи встречаются в легендах этого времени. Наконец в России создан особый тип «непомнящего» — в этом типе взял свою роль

и эмигрант. Свободное легальное переселение выпадало только на долю государственных крестьян. Когда правительство открывало клапан колонизации, она лилась широким потоком. В современной истории переселений мы встречаем такой период с 1847-го по 1855 гг. В одном 1854 году в Тобольскую и Томскую губернии было приписано 19163 души переселившихся. В эти годы переселение в Сибирь двигалось по вызову правительства; причем переселенцам обещаны были льготы и вспомоществование. Несмотря на то, что эти переселения требовали особых заявлений и удостоверений, также несмотря на то, что они замыкались в тесном круге государственных крестьян, переселенцы дружно двинулись в Сибирь и начали наполнять губернии. По произведенным нами исследованиям по двум губерниям Западной Сибири — Тобольской и Томской — мы видим, что в Тобольскую губернию с 1846-го по 1879 гг. перечислено было 43753 души, в Томскую губернию с 1852-го по 1879 гг. — 35000 душ. По межевым сведениям, в этих двух губерниях с 1852-го года до 55311 душ крестьян получили полный

земельный надел. По точным исследованиям число переселенцев в одну Томскую губернию с 1852 по 1863 г. определяется в 18340 душ. Самые большие размеры переселение имело перед крымской кампанией, затем с 1855 года ослабело, но по окончании войны и с вызовом на Амур переселенцев оно снова усилилось; перед 1862 годом, временем освобождения крестьян, число переселенцев опять начало уменьшаться, а потом, за освобождением, возрастать, причем в движении приняли участие и бывшие крепостные. По количеству этих переселений и распространению их можно было бы, вероятно, проследить историю внутренней жизни России и ее экономические фазисы, если бы мы имели достаточно цифровых данных о выселениях. Несомненно, что все изменения народной жизни, все ее волнения выражались тем количеством эмиграционного материала, который всплывал на поверхность и вырывался за пределы постоянных границ жизни под влиянием кипения, зависевшего от температуры исторического момента. При передвижении государственных крестьян в Сибирь до

1863 года мы встречаем играющими роль десять губерний, восемь из них принадлежат внутренней России и две — восточной. На первом плане стояли Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губернии. Хотя исчисление переселений по отдельным губерниям дает весьма слабое понятие обо всей совокупности движения, но из этого видно, как значительны были переселения. В 25 лет, до последнего времени, в одну Томскую губернию было перечислено 34988 душ крестьян. В 20-летие в две сибирские губернии переселение равнялось 60000 душ, и если мы прибавим к этому восточные губернии Сибири, то формально перечисленных в 20 лет в Сибирь должно быть не менее 100000 душ[60]. Известно, что после освобождения крестьян, и особенно по исполнении ими девятилетней обязательной повинности, в России ожидалось огромное передвижение населения, нечто вроде переселения народов, факт, к которому одни относились с опасением и робостью, другие же в этом видели неминуемое последствие задержки населения, которое слишком долго

было сковано насильственными цепями крепостного права. Опасения эти и предположения тем не менее далеко не оправдались, вероятно, потому, что легальные условия наших переселений, как и многие условия народного хозяйства, не совсем совпадали со стремлением к передвижениям. По некоторым данным, мы замечаем, правда, что перечисления после освобождения крестьян вообще получили некоторый простор, и в известные годы, как в 1871-м и 1872 годах, они довольно заметно поднимались по Томской губернии (например, с 1400 до 2210 в 1871 г.), но переселения все-таки далеко не достигли ожидаемых громадных размеров. Разницу в проявлениях колонизационного стремления за последующий после реформы период, тем не менее, нельзя не заметить. Судя по произведенным нами наблюдениям, в Сибири видно, что вместо *десяти* прежних губерний ныне фигурируют в переселениях *тридцать семь губерний*, причем весьма видную роль занимают восточные губернии, как Пермская, Вятская, Оренбургская. Переселения в Сибирь не ослабевают и до последнего времени, хотя

распределения по губерниям изменяются. Например, прекратились перечисления в Тобольскую губернию, но направляются все более в Томскую.

Томская губерния, о которой мы собрали более всего фактов, представляет по годам следующую лестницу переселений:

в 1870 г. 1412

в 1871 г. 1574

в 1872 г. 2210

в 1873 г. 1393

в 1874 г. 1608

в 1875 г. 1610

в 1876 г. 1254

в 1877 г. 1477

в 1878 г. 1648.

Это не ослабевающее, но ровно поднимающееся движение в среднем числе показывает, что колонизационное напряжение у нас, по крайней мере, нисколько не уменьшается. Мы должны при этом заметить, что приводимые нами цифры о формальных перечислениях, как мы убедились личным наблюдением, далеко не определяют размера переселений в Сибирь и не исчерпывают их. Переселе-

ния до последнего времени совершаются в самых разнообразных видах. В сущности, струю народного движения определить не представляется даже возможности. Кроме легальных перечислений, к которым встречается много препятствий и затруднений, народ изыскал много других способов и путей переселения. Многие крестьяне идут по паспортам и остаются на новых местах, только подновляя билеты. Списки проживающих в сибирских деревнях крестьян показывают, что люди живут здесь лет по десять и более, обзаведясь домами, но находясь в зависимости от прежних обществ. Множество лип хлопочет по несколько лет о перечислении, находясь в переходном состоянии, давно совершив факт переселения; множество скрывается в глухих местах и дебрях или продолжает жить без приписки по лицу широкой и гостеприимной матери-России и привольной Сибири. Факт так называемых самовольных переселений играет и до сего времени весьма важную роль в истории нашей колонизации. Переселения так же, как и в древний период, ветвятся в две формы. Легальную, при помощи офици-

ального перечисления, и самовольную, совершающуюся без всяких формальностей, завещанную от вольных движений прошлого. Некоторые факты доказывают, что проявления последней весьма значительны. В Сибири не редкость открываемые целые деревни и слободы; в списке населенных мест Тобольской губернии упоминается образовавшаяся самовольно деревня Кирилинская Тарского округа, приписанная палатою только в 1869 году; но подобных деревень много и в Томской губернии. В Алтае и других глухих местах немало деревень, которые признаются и утверждаются после многих лет существования. Мы встречаем в Сибири множество мест, которые долго считались на карте пустынями, но впоследствии, когда являлось межевание, оно находит готовые, обстроенные деревни и довольно значительные завоевания колонизации. Так, в настоящее время производится колонизация по правым притокам Иртыша, по Ую, Шишу и Таре, соединяя огромный Васюганский волок в Тарском округе и пролагая дорогу на север; так идет колонизация по Карасуку, в Барнаульском округе, по

Бухтарме и т. д. В Семиречинской области крестьяне также селятся оазисами среди пустынь, ищут укромные места на границах и иногда селятся около самих китайских владений. Но и внутри Сибири, в глухих лесах и тайге находятся еще доныне скиты, заимки, хутора и расчистки. К сожалению, эти несчастные пионеры колонизации, часто принимаемые за беглых, возбуждают при открытии их самое безжалостное отношение к ним со стороны патриархальной сибирской полиции, которая выжигает эти поселки с хлебами, с обзаведением, а люди целые годы томятся в тюрьмах.

Русское крестьянство, боясь преследований и изыскивая свободные места, стремится все глубже и глубже к азиатским границам. Известно, что прежде, чем прибыли географы, а также и пограничные власти к подножиям Катунских альп в вершинах реки Катунь, как они были уже посещены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися в соседстве их деревнями. Горячие рахмановские ключи названы по имени крестьянина Рахманова. Относительно весь-

ма смелого проникновения крестьян и колонизаторов на наши окраины мы позволим себе привести два характеристических рассказа из недавнего времени. Во время нашего военного движения на Кульджу на границе был поставлен военный пост близ р. Борохудзир, где оставлена была сотня казаков и военный лазарет, — вдруг около этого места появляются телеги переселенцев. Оказалось, что они пришли поселяться. Как их ни разубеждали, что здесь военная линия и заселение преждевременно, крестьяне решились ждать генерала, управлявшего краем. Приехал начальник и также представлял им разные неудобства селиться на местах, не вполне безопасных, пушил их даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальний путь, ни за что не захотели уходить и просили записать их хотя в казаки. С разрешения семиречинского губернатора наконец они были записаны, и скоро сермяжный строй под руководством казаков учился артикулу, а между прочим и завел пашни, т. е. удовлетворил главной потребности. Ныне Борохудзир — цветущее русское оседлое население Семиречинской области.

Второй пример. Один начальник, объезжая границы, узнал, что казаки ведут споры с мужиками. «Да какие же здесь мужики?» — спрашивает изумленный начальник. Отправившись в экспедицию, он увидел в неприступных горах выросшую самовольно русскую деревню. «Кто вы такие?» — спрашивает пограничный начальник. «Мы российские!» — «Кто вам дозволил здесь поселиться и как вы смели?» — «Мы не на твоей земле живем», — отвечали переселенцы. — «А на чьей же?» — «Мы киргизскому султану, что в Китае живет, другой год дань за землю платим», — отвечали наивные русские колонисты, вообразившие, что они находятся в китайских пределах. На самом деле они были еще в пределах России, хотя в такой местности, которую знали плохо и русские. На границах Минусинского округа по Енисею уже образуются заселения. Последние путешественники, бывшие в Монголии, удостоверяют, что сибирские заимки, хутора ветремаются далеко за русской границей, на монгольских землях, русские люди давно проникают сюда, хотя географическая наука только что

начинает открывать эту *terram incognitam*[61]

Заселение и передвижение народа в Сибирь, таким образом, постоянное. Иногда переселенцы целыми массами наполняют местности и неизвестно куда исчезают. Так, в 1874 г. заявлялось в печати, что Томскую губернию наполнили вятские переселенцы в числе 1700 человек, которые долго отыскивали возможности переселиться сюда, но, встретив много препятствий, рассыпались бог знает куда, и до 200 человек перебралось в Енисейскую губернию. Когда-то шедшие на Амур переселенцы, не дойдя до места, также рассыпались по Сибири. В 1875 году на юге Томской губернии в обширном резервуаре переселенный за последнее время оказалось множество лиц водворившихся, но не перечисленных; когда поднят был вопрос о приписке этих лиц на местах водворения, их оказалось 1345 семей, в числе их были и шедшие на Амур. По другим же сведениям, таких переселенцев насчитывалось 2177 душ, но, вероятно, и это не все число; когда получено было разрешение оставить переселенцев на месте водворения,

местное начальство было поставлено в новое недоумение: вместо прежних лиц, которые опять исчезли в колониционном потоке, оказались все новые самовольные переселенцы. В губерниях Восточной Сибири, по последним известиям, оказалось только официально известных до 200 семей самовольных переселенцев, а сколько еще их не приведено в известность. Ныне о таких переселенцах возбуждаются постоянные ходатайства, так как возвращение их массами из Сибири является делом невозможным, оно поведет к уничтожению целых поселений и нерасчетливому разорению людей; таким образом, правительство фактически уже примиряется с этим народным движением.

По этим фактам можно судить, с каким крупным и грандиозным явлением русской жизни мы имеем дело. История этих движений и многообразное проявление всех форм и видов колонизации подлежит еще многим внимательным исследованиям и, вероятно, откроет замечательные черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь к ее результатам и расселению пришельцев на

новых землях. Приведенные факты доказывают, как давно русский народ наметил наш северо-восток. Расселение по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физическими условиями местности. В истории колонизации Востока и Сибири мы видим, что колонизация направлялась сначала северными путями, ветвилась по сибирским рекам, единственным удобным путям сообщения древнего времени. Это был первый остов колонизации. Расположившись на двух обширных бассейнах сибирских рек, Иртыша и Оби, колонизация достигла Крайнего Севера. Огромные пространства и пустыни, разделявшие водоразделы, оставались незаселенными, такими были Тарский волок, Бараба до Томска и пространство до Енисея. С главных рек расселение располагалось понемногу по притокам с низу рек к вершинам, это называлось по-сибирски «вывершить реку». При этом население начало ветвиться и избирать места преимущественно по южным притокам рек, приближаясь к более плодородным местностям. Такой путь колонизации

по рекам от мест менее плодородных к более плодородным есть естественный путь, расселения всех народов. Закон этот заметил и выяснил, между прочим, Кэри[62]. «Возделывание земли идет в глубь страны, к плодородным долинам», — говорит он. Таков был путь расселения в Америке в Массачусетс, Нью-Йорке, Нью-Гаване, в Нью-Джерси по течению Делавары, в Висконсине, в Северной Каролине, на Миссисипи и в Техасе; таково же было заселение Мексики, Вест-Индии и Южной Америки. Естественным стремлением переселенца является занять более сносные места для жизни, хотя и менее плодородные. Только в позднейший, второй период, русская колонизация заняла среднюю земледельческую полосу Сибири, и таким путем образованы самые заселенные округа Тобольской и Томской губерний. Наконец с присоединением степей, с расширением русских границ к Китаю и оттеснением кочующих орд очистился юг Сибири. В климатическом отношении это лучшая полоса. Русское население уже в прошлом столетии подвигалось к границам и начинало населять предгорья Алтая,

но пограничные линии полагали предел попыткам колонистов и промышленников. С начала нынешнего столетия оседлая крестьянская колонизация прорвала эти линии, и началось заселение огромной территории Алтая. Наконец, к Сибири присоединились новые области на юге, таковы были Семиречье и Амур. Для русской колонизации открылось новое обширное поле.

Рассматривая современное направление русских переселений в пределах Сибири, мы видим, что русский народ избирает для поселений преимущественно юг. Так, переселенцы идут в Семиречинскую область, на юг Томской губернии, в Алтай, в Минусинский край Енисейской губернии. Трудно избрать лучшие места по плодородию и богатым экономическим условиям.

Вся алтайская местность с горами, долинами, лесами, изобилием минеральных богатств составляет драгоценнейший перл Сибири. Лет сорок назад началась колонизация, и тем не менее создались уже целые цветущие волости. В пяти новообразованных волостях находится до 50000 жителей. Во всем

Бийском округе — 203855 жителей обоего пола. С 1866-го по 1878 гт. сюда перечислилось до 8124 крестьян из внутренних губерний. Здесь совершается великая колонизационная работа русского населения. Несмотря на запрещение, крестьянство проникло в район инородческих земель, куда переселение не разрешалось, и занимает ныне калмыцкие земли. Наконец крестьянство упорно стремится разомкнуть государственные границы и ныне находится у пределов Китая.

Во всех этих местах мы видели цветущие поселения, пользующиеся замечательным благосостоянием. Кроме Алтая, мы должны привести другой крупный пример колонизационных и культурных завоеваний. Это заселение Семиречинского края. Семиречье было присоединено почти одновременно с Амуром; такое название носят плодородные долины Или около озера Балхаша, на русской границе ныне это целая область, в которую стремится русское переселение. Вот что сообщается об этом крае в последнее время. Семиречинский край, население которого в 1872 году простиралось до 543000 душ с туземцами, имеет ны-

не 31800 русских жителей, но с каждым годом привлекает к себе все больше и больше переселенцев.

После 19 февраля 1861 года в Семиречье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятские вотяки; через десять лет их уже насчитывалось до 7000, все они занимают хлебопашеством, скотоводством, огородничеством и пчеловодством. Производительность почвы при орошении изумительна. По рассказу автора заметок о Семиречинском крае («Акмолинские областные ведомости», 1876, №№ 6–8), лет восемь назад при церковном доме в малой алматинской станице было воткнуто до 500 тополевых колышков, теперь они стали деревьями, имеющими более пяти вершков в отрубе; боярка вырастает более трех сажен, в отрубе — до пяти вершков; облепиха тоже, белая акация — до 8 сажен. Прививки к плодовым деревьям делают в первое же лето большие побеги, которые приносят в следующем году плоды, вообще там не растет только то, что не посажено». «Семиречинский край изобилует всем необходимым для человека: в горах Алатауских и

Тянь-шаньских находятся серебряные, медные, свинцовые, никелевые, железные и иные руды; большое природное сокровище составляют целебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссык-кульские ключи имеют весьма высокую температуру. В малой Алматинке, близ Верного, находится источник, вода которого от множества выделяющегося газа кажется кипящею и так холодна, что окунувшемуся в нее в жаркую летнюю пору едва ли можно выдержать леденящую температуру этого нарзана. Здоровость и живописность Семиречинского края дополняют общую картину и невольно привлекают к нему симпатии».

Приводим также из «Туркестанского ежегодника» описание станции Лепсинской, где колонизируется ныне крестьянство. Лепса — одна из семи рек, впадающих в Балхаш. Местность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарских (калмыцких) ханов, замечательна также своим превосходным благоприятным климатом. Весна начинается здесь в конце апреля. Верховья Лепсы, летом маловодные, превра-

цаются в это время в стремительные потоки, увлекающие камни и деревья. Весной идут проливные дожди, увлажняющие почву, а летом нередко случаются сильные грозы в горах. Вследствие возвышенного местоположения долины Чубар-агач (Лепсинской) летом там зной не так ощутителен, а ночи даже довольно холодны. Летом дожди бывают редко, но травы, однако ж, не высыхают, как в киргизской степи. Яркая зелень, испещренная цветами, ежедневно освежается по утрам росой и сохраняет свежесть до осени, которая обыкновенно начинается в октябре и сопровождается густыми туманами. В ноябре выпадает снег, а в декабре уже устанавливается полная зима.

Таково же описание долины Борохудзира, где вслед за русским отрядом также явилось крестьянство. Долина Борохудзирская, лежащая по обеим сторонам реки Борохудзир, орошаемая холодными ключами и арыками (ирригационными каналами), проведенными из самой речки, изобилует превосходными пастбищными и луговыми местами. Растущие здесь в большом количестве трава и клевер

весьма сочны и питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлебопашества, доказательством чему служит хороший урожай хлеба (сам-25 и 30), в особенности у китайских эмигрантов. На киргизских же пашнях, расположенных между развалинами пикетов Ку и Шапыр, урожай пшеницы и проса бывает сам-15 и 20. Огородные овощи также рождаются в изобилии. На Борохудзире эмигрантами разводится хлопок, который, однако, по достоинству своему уступает бухарскому. Берега реки Борохудзира покрыты тальником и местами густым камышом. Лес на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарник саксаул, находится в 25 верстах от отряда: первый на реке Или, а второй — на урочище Айдарлы-кум; как тот, так и другой растут в изобилии. На Борохудзире водятся утки, кулики и множество фазанов, а в камышах встречаются и кабаны, стада которых бывают от 50 до 80 голов.

Кок-кезень — при слиянии рек Большого и Малого Усека. Местность этого урочища живописна, богата водою и изобилует хорошими пастбищными и луговыми местами; в лесе

также нет недостатка; на долине урочища растут в изобилии тополь, тальник, береза, урюк и кустарники облепихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высоким и густым камышом, где скрывается множество кабанов. Строевой еловый лес растет в верховьях реки Усека, в горах, на отвесных скалах. Земля урочища, по отзывам киргизов и китайских эмигрантов, плодородна и удобна для хлебопашества.

В IV томе «Ежегодника», изданном туркестанским статистическим комитетом, известный наш ученый г. Северпов указывает богатые и роскошные места для поселений к югу от Иссык-Куля.

Кроме Семиречинского края, является не менее привлекательным для переселений Минусинский округ Енисейской губернии. Минусинский округ занимает самую южную часть Енисейской губернии — это житница для целого края. Округ раскидывается на 105775 квадратных верст; обширный Енисей прорезывает округ во всем его протяжении; на юге высится Саянский хребет, пуская горные отроги. Степи, леса и альпийские луга че-

редуются в этой роскошной местности; горные реки орошают ее и способствуют богатой растительности, горы представляют разнообразные кристаллические породы. Минеральные богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, железо и золото, давшее возможность развиться широко золотопромышленности. Ныне округ заселен 45000 душ крестьян, 2785 оседлых инородцев и 23800 кочевых. Население в округе тем не менее прибывает путем колонизации. Земледелие играет важную роль между занятиями жителей и особенно распространено в долинах Енисея и в речных областях Ои и Тубы. При необыкновенной плодородии почвы Минусинский округ в отношении земледелия занимает первое место в Восточной Сибири и снабжает хлебом всю губернию. Под хлебопашеством в округе занято до 50000 десятин, обрабатываемых трудом 20000 душ мужского пола. Скотоводство ведется также в широких размерах. В округе до 118000 лошадей, 130000 крупного рогатого скота и 200000 овец. Но еще более привольные местности расположены к югу округа; места эти не заняты и влекут

поселенца в свои неисповедимо-богатые и прекрасные недра. В Минусинском крае население также стремится примкнуть к границам Китая и поселиться в вершинах Енисея, как и в Западной Сибири — в вершинах Катуня и Иртыша. Здесь сначала в глухих местах, как на Усе, образовались раскольничьи поселения, долго ведомые и слывшие под именем мифического «Беловодья». Теперь сюда стремятся проникнуть крестьяне, и колонизация их, по свидетельству местного жителя, была бы в высшей степени благодетельна для Усинского края.

Кроме этих мест, население стремится также в наши киргизские степи; так, например, несколько лет уже прибывают переселенцы в Кокчетавский округ Акмолинской области — лучший округ во всей степи; ныне поселено здесь до 600 душ.

Подобные примеры показывают, с каким верным чутьем и знанием народ избирает себе места для поселений. Распространение русского населения в три века на обширной территории Сибири служит достаточно наглядным примером той пользы и той существен-

ной заслуги, какую принесла наша колонизация. Тем не менее представляется вопрос: миновала ли надобность в этой колонизации, представляется ли необходимым поощрение переселений в ее целях, или, напротив, им пора положить предел?

При всей важности и значении переселений для государства, при всем том, что вопрос этот захватывает интересы миллионов трудящегося населения, ищущего выход и облегчение своего экономического положения, к сожалению, он остается у нас в России все-таки весьма мало разработанным и выясненным не только в частности, но и в принципе. Поэтому нам кажется своевременным поставить вопрос: насколько выгодны вообще переселения на новые земли, как должно смотреть на выселение народа из различных местностей, должна ли им быть предоставлена свобода, оказываться поддержка или, напротив, должны быть употреблены старания к удержанию населения на старых местах.

В настоящее время нет в Европе государства, которое бы задерживало переселение насильственно, так как право человека ис-

кать лучших условий существования весьма естественно. «Право переселения есть право жизни», — говорит один исследователь европейской колонизации[63]. Европа давно испытала историческое значение колонизации, начиная с греческих и римских колоний (клерухий и апойкий), составлявших могущество и славу греческого и римского мира, кончая созданием американских государств и насаждением колоний во всех частях света. Поэтому в Европе покровительствуют колонизации даже такие нации, которые не имеют собственных колоний и, кажется, ничего не выигрывают от нее, например Германия. Что касается до переселения людей в собственных владениях и выселения в колонии, то это считается одним из выгоднейших предприятий как для старой, так и для новой страны. «Вывоз работников и капитала из старых стран в новые, оттуда, где они имеют меньшую, туда, где они имеют большую производительную силу, увеличивает сумму богатств старой и новой страны», — говорит английский экономист Миль. «При нынешнем состоянии дел на земном шаре колонизация — вы-

годнейшее из всех коммерческих дел, каким может заниматься капитал старой и богатой страны», — прибавляет он. Поэтому Англия, сознав эту истину, издавна покровительствует переселениям. Смотри на них, как на весьма важное народноэкономическое и государственное средство помочь населению, Россия точно так же обязана многим совершившемуся в ней расселению: благодаря ему она получила возможность укрепить за собою обширнейшие владения в мире, которыми обуславливается ее могущество. Но, кроме этого, политического значения, колонизация у нас имеет также важное экономическое значение. Наш народ, ища лучших и более просторных мест, при своем экстенсивном хозяйстве, в переселениях всегда находил способ поднять свое экономическое благосостояние. Потребность в переселениях, как мы видим из многих приведенных фактов русской народной жизни, не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Густота населения при определившихся границах надела дает себя все более чувствовать. Даже в лучших губерниях преобладающая норма надела очень

мало удаляется от двух десятин, говорит г-н Воропонов при исследовании вопроса переселений, и не доставляет крестьянину полных средств для содержания. Кроме того, наделы, замкнув крестьянство раз в земельные пределы, не позволяют даже расширение земельных участков. Земли с каждым годом делается все более недостаточно, тогда как население возрастает. Если прирост населения в плодородных губерниях положить не более процента с четвертью (1 1/4 %), то население должно удвоиться в 55 лет, а увеличиться в полтора раза в 32 года. Если при предполагаемом умеренном расчете также будет возрастать и потребность в земле, то через 10 лет настоящая нужда в переселении коснется уже целых миллионов крестьян. Сила вещей поставит тогда вопрос в решительной форме. Князь Васильчиков в своей известной книге справедливо указывает на колонизацию, как на одно из средств от накопления пролетариата[64]. Действительно, явление переселений уже теперь становится фактом, повсеместно распространенным. Неизбежность и настоящая потребность переселения очевидны

для нас, как и для других народов, и против принципа переселений едва ли могут найтись достойные внимания возражения.

Всего менее в выигрыше от переселений, по-видимому, должна быть местность, откуда люди выселяются, так как здесь потеряны, а не приобретены рабочие руки. По этому поводу иногда высказываются людьми, выдающимися в этих кругах, различные опасения. Но против подобных опасений существуют весьма веские возражения.

Опасение, будто места, покидаемые переселенцами, останутся без рабочих рук, — опасение совершенно неосновательное; между тем, всякое стеснение свободы, несправедливое в самом принципе, повело бы к величайшим несправедливостям при практическом разрешении вопроса о переселении крестьян. Что движение переселенцев, говорят, должно иметь свои границы, это не подлежит сомнению, но такие границы даются сами собою, действием естественных законов. Эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока на местах заселяемых условия жизни будут выгоднее, нежели на местах покидаемых. Первые

поселенцы пожнут в новой стране самые обильные плоды, но их преемники по мере занятия края будут получать уже меньшее вознаграждение за свой труд. Между тем в покидаемых местах разрежение населения естественно будет иметь следствием постоянное возрастание заработков. Этими двумя противоположными течениями цен труда — нисходящим в заселяемых местностях и восходящим в покидаемых — рано или поздно и там, и здесь вознаграждение труда будет приведено к одному и тому же уровню, и тогда наступит конец выселению. Чем виноваты люди, которых новая мера задержит в местности, откуда они стремятся под тем предлогом, что кто-то может пострадать от недостатка рабочих рук? Такая задержка равнялась бы наложению на свободных людей обязанности продавать свой труд в пользу других лиц по низшей цене сравнительно со стоящею на рынке. С другой стороны, всякая мера к определению границ колонизации допускает обширное поприще для произвола и случайности. Разрешение или запрещение выселяться будет поставлено в зависимость от обилия или недо-

статка рабочих рук. Но понятие о недостатке рабочих рук есть, очевидно, относительное. Земледелец жалуется на такой недостаток всякий раз, как только он не находит рабочих по цене, какую платил до тех пор; между тем, стоит увеличить цену, и от рабочих не будет отбоя. В тех самых губерниях, откуда вследствие чрезмерной населенности крестьяне целыми тысячами отправляются в отхожие промыслы, сплошь и рядом раздаются голоса о невозможности достать рабочих. Курский землевладелец уже начинает кричать об отсутствии рабочих, как скоро не оказывается охотников обрабатывать его поля по 5 рублей за десятину. Между тем, очевидно, что самое стремление удалиться с привычного, насиженного места, самая решимость на лишения во время отдаленного переезда есть уже признак избытка рабочих рук, невозможности найти для труда занятие, обеспечивающее человеку сколько-нибудь сносное существование. Таким образом, вопрос об обилии и недостатке рабочих рук может быть решаем совершенно различно, смотря по тому, смотрит ли решающий на дело с точки зрения кре-

стьянина или землевладельца. Кто бы ни был судьейю верности этих противоположных взглядов, ему, во всяком случае, будет трудно под многообразными побочными влияниями удержаться в столь деликатном вопросе на почве строгой справедливости.

Во всяком случае колонизация не может быть рассматриваема с точки зрения интересов лиц, заинтересованных в конкуренции рабочих, хоть бы часть их умирала с голоду, она не может быть подчинена также частным интересам губерний, она есть дело самих лиц, чувствующих потребность в выселении, и дело государства, которое от этого не проигрывает, а, напротив, выигрывает, получая вместо разоренных пролетариев зажиточных производителей.

Есть еще мнения против колонизации, раздающиеся из лагеря лиц, заинтересованных в развитии отечественной земледельческой культуры. Они состоят в том, что колонизация разрежает население и тем задерживает переход к более совершенному хозяйству. Чем гуще будет население, тем скорее землевладельцы перейдут к усовершенство-

ванными системам, думают они. Но это едва ли так, потому что переход к высшему, хозяйству совершается не под влиянием только тесноты и малоземелья, но для этого нужны и другие условия: известное накопление средств, орудия и умение, т. е. капитал и знание, которое не вдруг приобретет бедное и невежественное население. Человек нужды и голода не изобретет машины Уайта, Аркрайта, парового плуга и т. д., а если и додумается до новых орудий, до новых приемов хозяйства, то не в состоянии будет применить их, потому что на это нужны будут средства. Обрекать же население на голод и разорение в ожидании, когда оно накопит эти средства, слишком дорогая цена приобретаемого прогресса. Никто, конечно, не будет указывать на колонизацию, как на разрешение всех народноэкономических вопросов, которые находятся в связи с аграрными законами, установившимися специальными отношениями, распределением богатств, знаний и т. п. В этом отношении колонизация, без сомнения, должна быть признана паллиативом социальных зол, но она важна тем, что в переход-

ные времена кризисов по мере движения экономического прогресса она предотвращает бедствия и катастрофы, открывая вовремя клапан жизни.

Несомненно, что общий закон расселения и распространения населения присущ и нам. Мировая роль колонизации громадна. Выделяя часть населения в одних местах, она создает новые ячейки жизни в виде колоний, содействует более равномерному распределению населения по земному шару, распространяет жизнь, культуру и часто создает среди пустынь новые государственные организмы.

Переселения русского народа и колонизационная его деятельность составляют весьма видный акт народной истории. Но играя видную роль в прошлом, переселенческий вопрос обещает играть еще большую роль в будущем. Доселе вопрос этот не был жгучим и очередным вопросом русской жизни, так сказать, вопросом неотложной необходимости. Правда, в государственной жизни России и в народной истории он не раз выступал весьма наглядно и заставлял обращать на себя внимание. Такова его роль была в эпохи эмигра-

ций и передвижений населения, но затем это явление, регламентируемое государством, сковываемое старыми формами жизни и учреждениями вроде крепостного права, как бы умалялось, погружалось на дно и получало более скрытую, чем явную деятельность. Важнее всего, что вопрос этот до последнего времени не выступал в форме неизбежно экономического вопроса, каким он был давно уже на Западе в Европе. Недавно у нас еще говорилось: «Нам ли думать о переселениях, когда сама Россия так редко заселена». Эта фраза, но уже пониженная несколькими нотами, слышится и теперь, но за нею выступили два факта, заставляющие задуматься: это факт, вполне обнаруженный жизнью, — недостаток земельных наделов и последствием этого чувствуемое малоземелье, другой факт — стремление населения к выселению. Таким образом, к фразе «нам ли думать о переселениях» неожиданно приплелась другая: «но что же нам делать с самовольными переселениями народа»? Таким образом, в настоящий период истории выдвинулся в России колониционный вопрос помимо нашего желания,

помимо всякой теории и требует ответа. Составляя предмет текущего обсуждения и рассмотрения с различных точек зрения, он является тем же насущным экономическим вопросом, тою же потребностью, как и на Западе в Европе. Россия в этом случае не избегла общего исторического жребия. Вопрос этот, выразившийся в народной жизни весьма заметными явлениями, обнаружится со временем, вероятно, еще более. Несомненно, что число населения и потребность в земле будут возрастать, в то же время культурные совершенствования и развитие других средств жизни, помимо земли, для огромного земледельческого класса едва ли подспеют разом. Между тем, страдания от малоземелья, подобно голоду, вызовут сами собою передвижение населения. При этом надо заметить, что никакие стеснительные меры не помогут удержать выселений, порождая разве одно, что из движения явного и открытого они превратятся в явление тайное и скрытое от официальных взоров, какою и была наша колонизация во все время чиновной регламентации, искусственных задержек и цепей крепостного пра-

ва. Она вырождалась то в «побег», то в «самовольные переселения», но никогда не оставалась. Породив для государства известный дефицит в окладном населении, она явилась для народа источником превратностей, случайностей и создала много жертв, несчастий и бедствий вместо ожидаемого блага и устройства быта. Нет сомнения, что такое положение ее не могло считаться нормальным. Поэтому вопрос о переселениях, выступающий ныне, заставляет подумать о том, каким образом сделать, чтобы стремления народа были удовлетворяемы лучше, чтобы в деле колонизации интересы государства более гармонизировали с народными, и самая колонизация имела более благие результаты по последствиям. В настоящую минуту народные переселения предоставлены самим себе и силам народным. Они существуют без всякой поддержки, и участь переселенца часто беспомощна.

Вот в каком виде по сделанным наблюдениям представляются переселения наших крестьян.

Целые караваны повозок во 100 и более се-

мей, человек в 300 и 400 душ, за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют нигде крова, они останавливаются под открытым небом в поле. Здесь располагаются целые семьи под телегами, больные и дети находятся тут же. Нередко приращение семей, как и смерть, застаёт людей во время путешествия, тоже среди поля. Положение значительной части переселенцев нищенское. Входя в Сибирь, они уже начинают питаться подаяниями по деревням, и нищенство составляет профессию переселенца, иначе дойти до места у него не достало бы средств. На главной трактовой дороге Сибири крестьяне-старожилы сообщили нам как факт, что изо всего числа обозов они помнят только две партии переселенцев, не побиравшихся, и это была большая редкость. Весь налог по части пропитания переселенца падает, таким образом, целиком на сибирского крестьянина; но помощь эта, исходящая из добровольной благотворительности, весьма случайная.

Затруднения и лишения наших переселенцев, как указывают факты, далеко не оканчиваются дорогой, они часто только начинают-

ся; вслед за перемещением является искание мест для водворения, затем процесс обзаведения и, наконец, легальное перечисление.

Выселение у нас обставлено такими затруднениями, связанными с поземельными обязанностями и с целой сущностью податной и паспортной системы, что перечисление никогда почти не начинается с места, оно совершается, как мы наблюдали, в конце процесса переселения. На это есть много причин. Обыкновенно переселенцы не могут проситься о перечислении своем заранее, не видя мест, куда намерены переселиться, часто они не знают даже, где найдут их. Отыскивание этих мест чрез ходоков не всегда является возможным, потому что снаряжение этих ходоков и доверенных требует предварительных затрат, притом земледелец, слишком ревнивый в выборе почвы, не может ни на кого положиться, кроме себя. Вследствие этого хлопоты о перечислении являются тогда, когда переселенец порядочно постранствовал, нашел место, облюбил его, обжился и загладил первые потери при переходе. Множество лиц поэтому живет долго по паспортам, пока не

соберется перечислиться; положение это довольно шаткое, достаточно малейшей случайности, и паспорт не будет выслан. Когда начинается перечисление, для переселенца наступает переходное состояние, тянущееся иногда годы; мы имели случай видеть людей, живущих по 12 лет и более по паспортам без перечисления, точно так же, как и людей, лет по 11 хлопочущих о переселении и находящихся в переходном состоянии. Здесь на пути встречаются всевозможные формальности. Переселенец как бы не принадлежит ни к тому, ни к другому обществу, но он несет и податную тяжесть, и повинность в новом месте, наконец, он несет расходы по перечислению. Если счет на него не предъявляется сразу за это переходное положение, то он предъявляется после. Между тем надо обратить внимание на материальные средства переселенца и на расходы, которые он должен вынести при переселении и перечислении.

Совокупность всех расходов и затрат, которые должен перенести переселенец при своем переселении, как убеждают наблюдение и расчет, превосходят в большинстве сумму

всего проданного крестьянского имущества. Одна дорога в ближайшие сибирские губернии обходится от 50 до 100 рублей на повозку; иные имели по 175 рублей расходов на семью; по показаниям харьковцев, расходы на подвод с парой волов обошлись им в 300 рублей; затем нужны расходы на обзаведение, покупку или постройку дома, покупку скота, орудий. Подобное обзаведение, чтобы стать на ноги, требует не меньше — 100 рублей. Переселенец в новых условиях хозяйства в Сибири не может обойтись с ничтожным количеством скота, например, с одной лошадью, ему нужно при девственных и тучных почвах Сибири, при расстояниях пашни иметь их от трех до пяти. При всех этих расходах переселенец должен оплатить исправно все подати и повинности при своем выходе, по крайней мере, за два года, иначе его не выпустят из общества, затем он должен подновлять паспорт до перечисления и нести некоторые повинности на новом месте; за все время дороги, когда он не имел возможности работать, он должен, как и за время производительного труда, оплатить подати. Мало того, на месте у него

начинаются новые расходы по перечислению. Как ни оттягивает время переселенец, как он ни рассчитывает обернуться, но время перечисления должно наступить. Для того нужно окупить приемный приговор, увольнительный, расходы по подаче прошений, уладить дела с волостным правлением; всякая юридическая ошибка приносит новые расходы и затягивает время. Приемный приговор со всеми другими расходами обходится 40–50 рублей, меньшее — 15 рублей, но часто прежнее общество запрашивает с переселенца, чтобы уволить его, рублей 40–50. Переселенцу остается сниматься с места или платить. Пока длится перечисление, переселенец сходит пешком из волости в город, подаст прошение в казенную палату и губернскому начальству, кто-нибудь надоумит его подать прошение и на высочайшее имя. Бывали случаи, что во время этих ходатайств, попав в руки жадных кляузников и ходатаев, переселенцы разорялись поголовно, не дождавшись перечисления. В такие сети попали, например, до 1700 душ вятских переселенцев, пришедших в Томскую губернию в 1874 году.

(Случай, опубликованный в Московских ведомостях 1875 г., № 278). Кто только не пользуется во время этого страшного переходного времени переселенцем!

Бюджет расходов показывает, что переселения на собственный счет и без всякой помощи доступны весьма немногим, иначе говоря, они доступны только состоятельным и богатым крестьянам, имеющим фонд не менее 500 рублей серебром.

Что же остается на долю остальных? Само собою, полное истощение и нищета, при всем том, что переселенец ограничивается minimum'ом потребностей, часто голодает, дрожит из-за каждого гроша и т. п. Но это еще не все; переселенец после переселения на свой счет, безо всякой льготы является по перечислению с кучею подоспевшего на его голову долга и недоимки, причем податная система придавливает его сразу своею колоссальною тяжестью. Пока переселенец идет и, пришедши, соберется начать перечисление, пока тянется дело, в его семье произойдет масса изменений: часть членов помрет, имущество будет прожито, ревизские же души

остаются на счету, и подать по его следам все нарастает. Кончается тем, что в результате получается комбинация самого сложного и запутанного свойства, которую не может разобрать ни канцелярия, ни распутать сама жизнь.

Мы имели случай видеть такого рода дела: крестьянин-старик просит перечислить его в Сибирь с двумя сыновьями; пока идет перечисление, один сын взят в солдаты, другой умирает, но хилый старик перечислен в числе трех душ и обязан платить за них. Другой случай. Долги на переселенцев достигают невероятных размеров. Мы имеем документ, в котором значится перечисленных в Сибирь 25 душ крестьян, взыскание на них равняется 2097 руб. 33 коп.; из этих 25 человек только 8 оказались в живых, и из них только один, имеющий имущество, которое и подлежало продаже.

Встретить переселенцев с 100 руб. податного долгу — не редкость. Если мы сообразим крестьянские средства и крестьянский бюджет, не превышающий иногда 50 руб. на семью, если мы примем во внимание, что семье

этой нужно прокормиться и что многие в Сибири начинают свою жизнь нищенством и батрачеством, причем входят в частные долги, мы поймем, что такие переселенцы являются вечными недоимщиками.

Таковы результаты наших переселений при существующей податной системе, непосильных взысканиях недоимок, фискальных условиях и отсутствии облегчения и поддержки во время пути[65].

Что касается водворения на местах, приемов и способов колонизации, то заселение Сибири дает также некоторые важные уроки. Здесь мы видим два вида колонизации — казенной и народной.

Приобретение, завоевание, наконец, заселение Сибири есть продукт двух сил — государственной и вольнонародной. Мы видим, что государство намечает отроги, крепости, проводит линии, наконец, пролагает тракты и, таким образом, создает, так сказать, вехи и колья, межи и план для колонизации. Народная колонизация в виде народа-плотника мало того что осуществляет план, но и наполняет все промежутки и сетку колонизации жи-

вым материалом; мало того, она часто идет дальше архитектора, расширяет здание, причем вежи, колья и план являются после того, как уже началась постройка.

При правительственной колонизации мы видим массу обязанных служилых людей, казаков, водворенных крестьян по распоряжению правительства, прикрепляемых ямщиков, назначенных на места преступников, высланных ремесленников и мастеров, даже женщин для уравнивания полов, но государство к этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность, иначе говоря, архитектор, увлекаемый жаждой созидания, желая скорее обеспечить за собой места постройки, берется сам за топор. Когда настоящий работник появляется, архитектурская работа исчезает под новой громадной работой настоящих плотников. Казенная колонизация, составляя временную функцию, весьма часто делает промахи, увлекается планом и фасадом, не сообразив прочности почвы и окружающих удобств, она ломит и заставляет создавать массу непроизводительной работы, не щадит сил и не соблю-

дает экономии; много народу гибло на казенных трактах, немало было создано искусственных деревень и городов, которые после падали и теряли значение. Образец такой колонизации — в степях и на Амуре. Но еще важнее то, что эта искусственная и принудительная колонизация не может создать настоящего импульса жизни, здесь недостает живой силы, могучей воли, энергии, творчества, народного вдохновения. Сама по себе она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всех пространств ее, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы к работе такую массу населения. Это могла сделать только добровольная колонизация. Сколько бы ни было употреблено изобретательности и остроумия со стороны администраторов и регламентаторов, они не могут заменить народного ума, они не изыщут тех новых путей и троп по своей карте, которые находит народ среди лесов и пустынь, пролагая сам себе дорогу. Вот почему народно-исторические здания вырастают так неожиданно и создаются так оригинально, как не может вообразить себе самый смелый государственный ум, что в 80

лет с небольшим будет завоевана и укрепле-
на целая часть света, как Северная Азия, тер-
ритория, превосходящая Римскую империю,
не решится предсказать ни Цезарь, ни Напо-
леон; народ же совершает это, не имея даже
полководца во главе. Обещать в пустынном
крае в известный срок создать население,
культурную жизнь, водворить оседлость, по-
строить деревни и города, проложить дороги,
насадить промышленность едва ли возьмется
самый могущественный государственный че-
ловек; по крайней мере он не может ручаться
за успех подобной работы, он не может силою
одной своей воли сотворить культурную
жизнь, хотя бы его воля и способность дви-
гать массами превосходила силы фараона. Но
народ, пущенный живым током в новую стра-
ну, создает это с не предусмотренной быстро-
той.

Оттого часто там, где копошился незамет-
но народный труд, где работал он в тайге, где,
как муравей, скользил он под почвою и за ко-
рою деревьев, где часто скрывался он в подзе-
мельях, в тайниках и дебрях лесов от регла-
ментации и принудительной работы, срывая

занавес, мы внезапно открываем нечто более грандиозное и превосходящее египетские пирамиды, мы видим сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышащие исторической жизнью и будущностью, величественные архитектурные здания подобно тем, какие насаждены народными силами в джунглях Америки, Австралии и Сибири.

Подобные примеры показывают нам, во-первых, настоящий фактор жизни и истории, во-вторых, убеждают, что народный труд в деле колонизации, в области его самостоятельности и творчества не должен быть стесняем, а предоставлен до известной степени самому себе.

До сих пор в деле государственной колонизации борются еще два направления: это регулирование народных движений, управление ими, искусственные поощрения, назначение на известные места, доходящее до указаний пунктов поселений, до вышивки казенных узоров, и другое, оставившее уже эти цели и имеющее в виду лишь помогать народному движению в том направлении, куда оно

стремится, содействовать народной самостоятельности и выбору мест сообразно требованиям жизни и условиям культуры. Последний способ составляет прием, практикуемый ныне европейской колонизацией.

Требуется немало проницательности и государственной сообразительности, чтобы понять и соразмерить роль административной государственной функции в деле колонизации и не брать на свою ответственность доли труда, которой по свойству своему никакая администрация выполнить не в состоянии; она не заставит искусственно действовать народ так, как он бы сам действовал, и не удержит его там, где естественные условия не благоприятствуют народному труду. Точно так же, как не удержать ей ток могучих народных движений туда, куда народ имеет естественное влечение стремиться. Одной административной самоуверенности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать. Наиболее проницательная государственная мудрость должна убедиться в конце концов, что в руках ее находится только один механизм парового клапана, отпускающего

или задерживающего народную силу, но никоим образом она не должна отождествлять себя с действием пара. К сожалению, эти ошибки и заблуждения повторяются доселе, мешая свободному развитию народных сил и исторической творческой их деятельности.

Остаток регламентации, искусственного задержания и направления народных движений и колонизации все еще остается в традициях от прошлой казенной колонизации, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоуверенность и привычка вмешательства затмевает здоровую государственную политику и задерживает культурную историческую работу в сфере колонизации. Вот почему часто наша колонизация и самое обновление наших колоний не имеют тех успехов и прогресса, которые они имеют на Западе.

Результаты наших территориальных приобретений до сих пор были значительны — у нас заняты огромные пространства новых земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизация не сделала никаких успехов и была робкою. Занятие Сибири от Урала до бе-

регов Тихого океана с Камчаткой, русской Америкой и островами в весьма короткий период было немалым подвигом, обнаружившим нашу колониционную способность не ниже других народов. Дух старого землепроходца, дух пионерства, проторения троп не умер и до сих пор в русском народе; русские переселенцы идут впереди путешественников, впереди военных отрядов и посещают неведомые места Средней Азии, вроде Черного Иртыша, вершин Енисея и Лоб-Нора[66], и тем не менее результаты нашей колонизации слабы, хотя порывы широки. Несмотря на вековые заселения, наша азиатская территория все еще остается пустынной и слабо заселенной. Физические условия были слишком неодолимы в новой стране, а культурные силы населения слишком слабы. Когда-то сообщение с Сибирью чрез Уральский хребет происходило раз в год, движения совершались по рекам, население, обязанное ямской повинностью, разбегалось, поселенное насильно на трактах — вымирало. Все усилия правительства были сосредоточены в первое время — установить сообщения по главным дорогам и

соединить раскиданные передовые посты русской оседлости, намеченные в завоевательный период. Большею частью сама колонизация была осуждена служить средством заселения трактов и проведением путей. Это видно из существующего распределения жителей по Сибири. На поселения по трактам в самой населенной части края выпадает $1/5$ часть жителей, вообще же в Тобольской и Томской губерниях $1/4$ расселена по дорогам. В некоторых округах, как Каинском, на почтовом тракте 93,31 % жителей округа. Таким образом, редкое население, тянущееся нитями по длинным сибирским дорогам, едва связывает отдаленные пространства, куда закинула история русское население. Несмотря на борьбу с расстояниями и усиленное проведение путей во все прошлое столетие, сообщение в крае представляет огромные трудности. На всю огромную территорию в 240000 квадратных миль мы видим с запада только один торговый путь в Сибирь, соединяющий Азию с Европою через Урал. На всем громадном протяжении южной сибирской границы существуют только четыре торговых прохода,

обширные промежутки между этими пунктами не проницаемы для внешней торговли. Юг Сибири отделен обширными степями на тысячи верст как от Средней Азии, Туркестана, так и внутреннего Китая. На Востоке, несмотря на примыкающий океан, существуют только три значительных порта, и вся береговая полоса остается мертвым пространством. Еще более безлюден север Сибири с устьями величайших рек в мире, текущих с юга. Таким образом, страна даже с внешней стороны кажется уединенною и недоступною, а население отрезанным; немногие дороги составляют только первую брешь, пробитую в этот замкнутый мир. Что касается внутренних трактов, то они также едва намечены предшествовавшей колонизацией. Мы видим одну транзитную дорогу, тянущуюся на расстоянии 6000 верст, пробитую кяхтинской торговлей среди пустынных местностей. Сообщения в сторону, по проселкам, представляют первобытные пути среди дебрей и болот; местами эти дороги в лесах превращаются в тропинки для верховых, а во всей лесной и южной гористой Сибири сообщения и пере-

возки тяжестей производятся верхом, вьюками. Алтай представляет образец вьючных дорог: проезды здесь среди скал даже верхом совершаются с опасностью жизни. В общем, население, располагающееся лишь по некоторым рекам и главным трактам, составляет не более как тригонометрическую сеть, или едва намеченные черты будущей колонизации; промежутки же этой сети составляют пустыни[67]. Редкость населения Сибири обнаруживается тем, что Тобольская губерния, превосходящая более по пространству самую значительную из губерний российских, занимает, однако, сороковое место по густоте населения и включает всего 46 жителей на квадратную милю, Томская губерния — 64, но есть области, как Амурская, где приходится один житель на квадратную милю. Предоставляем судить о сравнительной населенности, когда в некоторых губерниях России приходится по 2500 и по 2000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже некоторые местности Средней Азии, наполненные кочевым населением, как, например, Туркестан, являются гуще населенными, чем остальные сибирские гу-

бернии.

Обратим внимание теперь на пространства, доставшиеся нам в удел для колонизации. Одна Томская губерния, обладая 15688 квадратными милями, или 752068 кв. верст, составляет 18 % пространства всей европейской России, превосходит европейские владения: Великобританию — в 2 1/2 раза, Пруссию — в 3 раза и Францию — в 1 1/2 раза. Тобольская губерния имеет 26749 кв. миль, или 1295788 кв. верст (с областями вся Западная Сибирь заключает 61296 кв. миль). Если мы представим себе хотя часть этого пространства, а именно: всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, способную, безусловно, к заселению, населенную так же, как Европа, то мы получим, что край этот может пропитать не менее 51360000 жителей, если же населить ее подобно Франции и Англии, то гораздо больше. Между тем все нынешнее население Тобольской и Томской губерний равняется всего 2861100. Вся же Сибирь, по недавним сведениям, имеет едва 4500000 душ русского населения. Ввиду этого нельзя не признать, что заселение Сибири, принимая

во внимание ее уже трехсотлетнее существование, шло весьма медленно. С ограничением попыток свободного переселения правительство когда-то думало достигнуть увеличения населения ссылкой в Сибирь, но опыт этот, как доказывают история ссылки и существующее ее положение, не привел ни к каким результатам. Ссылка наполняла Сибирь бездомным, несчастным пролетариатом, который не воздавал оседлого гражданского элемента, но постоянно вымирал. Ссылка оставляла едва 1/5 людей на местах, остальные исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина. Попытка колонизации Сибири ссылными должна, таким образом, скоро покончиться в интересах страны. Полезно сравнить в этом случае успехи заселения новых земель европейцами. Американские Штаты благодаря привлечению свободной колонизации обладают уже 40000000 населения. Австралия, по-

лучившая в 1788 году 757 человек ссыльных, ныне благодаря свободной эмиграции имеет более 2000000 свободных граждан. Даже Канада имеет население 3672116 человек.

Чтобы понять, насколько европейские колонии обязаны увеличением своего населения свободному притоку колонизации, достаточно указать, что одни Соединенные Штаты приняли с 1820-го по 1870 годы семь миллионов пятьсот пятьдесят тысяч переселенцев!

Результаты нашей колонизации показывают, что роль наша в Сибири еще далеко не окончена. Положение наших окраин и их пустынность удостоверяют в чувствуемой потребности: колонии наши слабы, бессильны и бедны. Мы далеко не воспользовались всеми выгодами наших территориальных приобретений. Между тем такие выгоды могут быть извлечены для населения при одном условии заселения пустынных пространств. Из всего этого остается вывести одно заключение, что период наших расселений и колонизации, как и задачи ее, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономический кризис и восстает

уже грозный призрак малоземелья, тогда переселения и колонизация должны возбудить особое внимание. Нужды нашего крестьянства от малоземелья уравниваются избытком земель в других местах, и если народный инстинкт сам научился удовлетворять своим потребностям путем переселений, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новых местах Сибири народ находит удовлетворение своим насущным потребностям в земле. Остается, стало быть, направить только колонизационное движение и воспользоваться уже существующей склонностью к переселениям народа — к выгоде настолько же населения, как и к пользам государства.

Сибирь и наши северо-восточные владения Азии в этом случае представляют многочисленные выгоды. В Сибири весьма много свободных земель, представляющих все удобства для земледелия и скотоводства, следовательно, гораздо больший выбор этих земель для переселенца. По характеру страны здесь есть местности степные, лесистые, земледельческие равнины и горные пространства; кли-

мат разнообразен, начиная с сурового севера, кончая южными широтами южного Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семиречья и Амура; все это может удовлетворить привычкам самого разнообразного населения, начиная с малоросса, кончая архангельцем. Далее, Сибирь представляет полную возможность просторного экстенсивного хозяйства, обширность лугов благоприятствует скотоводству; во многих местностях население может пользоваться почти по 60 и 100 десятин на душу. Обыкновенный надел равняется от 18 до 21 десятины, но при перелогах дается вдвое. В Сибири большинство земель государственных, исключая только горноалтайское ведомство, где кабинетские земли оплачивают шестьюрублевым оброком с души, сколько бы кто ни владел землею. Наделение переселенцев землею поэтому переходит в вечное их пользование совершенно бесплатно. Для государственных крестьян в Сибири еще не совершен окончательный надел, да и едва ли может быть скоро совершен, так как огромные пространства остаются еще не обмежеванными. Приобретение государственных земель

без особенной платы и ренты составляет драгоценную особенность Сибири перед всеми другими местностями. Переселенец, привлекаемый в другие места на земли собственников-землевладельцев, не пользуется такими выгодами; самое привлечение переселенцев обусловлено выгодами и барышами бывших помещиков, а рента или выкуп земли ставит переселенца в зависимое и часто кабальное отношение к владельцу земли. Доход от земледелия идет не на поправление земледельца и усиление его хозяйства, но на потребу земледельца, причем улучшение земли и труд, прилагаемый к ней, становится достоянием только лица, которому принадлежит земля; поэтому привлечение переселенцев на владельческие земли есть прямой расчет одних, окупленный ограничением хозяйств и дохода других. Не обременяемый рентой и платой землевладельцу переселенец в Сибири получает, наоборот, полную возможность расширить свое хозяйство, приобретает весь доход из земледелия в свою пользу, и таким образом все благоприятствует здесь его свободно-му труду и широкому применению сил.

Кроме выгод переселенца, с колонизацией Сибири выдвигаются и экономические выгоды государства: государству выгоднее иметь колонию заселенную, чем пустынную, естественные богатства которой остаются доселе нетронутыми; в три столетия мы едва коснулись природных даров ее и коснулись, должны сознаться, самым нерасчетливым образом. Между тем мы видим, что переселенцы из европейской России, селясь между старожилками, вносят улучшенные способы хозяйства и культуры, которые заменяют прежние способы захвата и истощения почвы. Увеличение населения в Сибири будет содействовать развитию промышленности, созданию фабрик и заводов, для чего доселе недоставало на окраине рабочих рук. При богатой природе, прекрасной почве и лугах, при огромных залежах минералогических богатств Сибирь может приносить в сто раз более дохода, чем теперь. Привлечением переселений усилится в Сибири русский элемент; колонизация придаст ему более прочности, стойкости и окажет большее влияние на инородцев, способствуя их гражданственности. При обла-

дании инородцев над русскими, мы видим ослабление и вырождение русских. Там, где русское население в Сибири преобладает, мы видим поглощение, ассимиляцию инородцев. Перевес русского населения на Востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии. Он даст возможность развернуть национальные силы, создать действительную гражданственность, которой недостает нам при всех наших завоевательных стремлениях. Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность. Приступить к этому нам становится тем необходимее, что азиатские государства, как Япония и даже Китай, начинают выходить из положения застоя и при помощи европейского влияния могут явиться серьезною силою. Инстинкт цивилизации не может быть чуждым и им, и раз ступив на этот путь, они пойдут по нему неизбежно в силу необходимости. Мы не можем уже более пренебрегать нашими владениями на Востоке и их культурою хотя ради того, чтобы не отстать пред остальными азиатскими государствами. Задачи, оставляемые

для будущего, приблизились к нам незаметно, и час деятельности на нашем Востоке пробыл.

Имея в виду перечисленные выгоды и весьма серьезные указания, мы должны обратить всю энергию на колонизацию Сибири, воспользовавшись всеми благоприятствующими для этого условиями времени и обстоятельств. Пропущенное нами время до сих пор должно быть наверстано.

От свободы переселений в Сибирь и прочного водворения переселенцев будет зависеть вся будущность этого края, его культурные успехи и развитие. Мы разумеем, конечно, переселение свободного земледельческого класса России. Весь вопрос в том, пожелаем ли мы иметь этот край населенным, цветущим, полным жизни или по-прежнему оставим его безжизненным и пустыней. Что касается Сибири, то ее интерес — стремиться всеми средствами привлечь переселения и содействовать устройству колонистов, так как это условие ее питания, роста и приобретения жизненных сил в будущем.

Ссылка в Сибирь и положение ссыльных

VI.

Взгляд на Сибирь как страну ссылки. — Наличие число ссыльных. — Экономический быт их. — Нищенство и бродяжество сосланных. — Побег. — Преступления ссыльных. — Стоимость ссылки. — Влияние ее на сибирское общество. — Заявления местных жителей. — Отзывы о ней администраторов. — Проекты отмены ссылки.

Весьма недавно еще с понятием о Сибири соединялось непременно представление о месте ссылки, не более. Заблуждение это доселе еще сохраняется в русском обществе к невыгодам Сибири и задержке ее развития. Огромных усилий стоило в последнее время разубедить русскую публику, что здесь не одно сборище преступников, но довольно давно уже вполне сформировавшееся гражданское население и место для жизни полноправных граждан. Сама ссылка в гражданской жизни края давно отошла на второй план и прино-

сит не столько пользы, сколько вреда Сибири. Обширная литература накопилась в последние годы по поводу ссыльного вопроса и значения ссылки. Мы лично много лет принимали участие в борьбе против ссыльной системы и ее последствий. Обрисовка положения ссыльных и их роли, изложенные в настоящей главе, укажут, чем являлась ссылка в Сибири.

О количестве и самом состоянии нашей ссылки обыкновенно до сих пор судили по числу высылаемых ежегодно в Сибирь преступников; единственные сведения, которые мы могли получать о них, — это ведомости Приказа о ссыльных, удостоверяющие, сколько прошло уголовных преступников через рубеж России в Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся в Сибирь ссыльных казались нам довольно внушительными, чтобы сделать заключение о довольно видном значении ссылки в деле колонизационном. По позднейшим сведениям, число ссыльных доходит до 19000 в год — контингент довольно значительный. Прежде ссылка равнялась от 6000 до 9000. Это дало повод заключить, что с

начала нынешнего столетия, лет в 50 с лишком, ссылка дала Сибири полмиллиона народа. По естественному приросту она должна была образовать в этот период более одного миллиона жителей; такой контингент лиц не мог остаться без пользы для малонаселенной Сибири. Далее, мы думали, что население это должно было внести известный труд в край и содействовать его экономическому преуспеянию. Ссылные, естественно, должны были населять его и обзаводиться здесь хозяйством; таким образом, ссылка, исключая из общества вредного члена, делала из преступника честного и благонадежного работника. Избавляя одну страну от вредных и опасных элементов, устрашая других силою кары и угрозой депортаций, мы давали другому краю новую кровь, трудовые силы, и самое зло, так сказать, претворяли в добро на другой почве. Вслед за высылкой на Урал мы были убеждены, что все наличное население ссылных находится налицо, обзавелось хозяйством, семьею, крепко водворилось здесь и благополучно производит потомство. Вот те заключения, которые могли быть сделаны на-

счет нашей ссылки и которые действительно были сделаны. Все это давало повод заключить об особенных преимуществах этого наказания и той пользы, какую приносило оно России. Наказание это считалось, таким образом, каранием и исправлением, очищением общества от дурных элементов и полезной колонизацией нового края. Оно удовлетворяло и суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа, наконец, гуманистов, предпочитавших его душевной тюрьме, так как здесь ссыльные несут наказание и работают на чистом воздухе. Оно обольщало даже утопистов, желавших наказание сделать совсем нечувствительным. Казалось бы, что соединение уже столь противоположных свойств, в сущности и на деле вытеснявших друг друга в самом принципе, могло бы зародить некоторые сомнения в его действительности и осуществимости, но на самом деле оно содействовало обольщению, соединило около себя только массу защитников ссылки и усыпило общество. Вслед за успокоением, что мы имеем полмиллиона ссыльного населения за Уралом, мы уже не заботились

справляться о том, насколько находится в личности это население, чем оно занимается и какова судьба его. Только при начале тюремно-ссылной реформы и после удостоверения писателей и этнографов, побывавших в Сибири, как, например, Достоевского, Львова, Максимова, Д. Завалишина, Ровинского и других, мы узнали, что жизнь ссыльных и «несчастных» в Сибири далеко не находится в удовлетворительном состоянии. Отдельные картины нашей каторги и ссылки, а также частные описания ее безнадежного положения в Сибири не могли, однако, удовлетворить нас вполне. При начале реформы естествен был вопрос о состоянии ссылки в целой ее совокупности и на основании самых достоверных данных. В самом деле, принимаясь за реформу, нужно было себе выяснить, что реформировать и почему реформировать?.. К сожалению, таких-то данных и не доставало до последнего времени. Желая отчасти пополнить этот пробел, мы взялись за статистическое исследование нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тем недостатком сведений, какой имеется по это-

му предмету, и были поставлены в затруднение отыскать самые источники, из которых могли бы ими пользоваться.

Единственные сведения, которыми у нас привыкли руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльных, дающие знать, сколько уголовных преступников прошло через рубеж Урала из России в Сибирь. За этим рубежом, спустя момент перехода, как о числе, так и о положении ссыльных мы уже не имеем никаких сведений; самые ведомости Приказа о ссыльных — о количестве ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разрабатываемы и публикуемы вплоть до исследования г. Анучина, кончившегося, к сожалению, 1846 годом [68].

Ссылка в Сибирь ведет начало с XVI века; являясь сначала мерою исключительною, она скоро получила значение меры общегосударственной и в XVII и XVIII столетиях занимает видное место в ряду наказаний [69]. Высылка людей в каторжные работы в XVIII столетии направлялась не в одну Сибирь, а в Рогервик и другие места. Число высылаемых в Сибирь

однако не приведено в известность. Более точные известия о ссылке появляются с начала XIX столетия, и то именно с 1807 года. В это время ссылка доходила до 2035 чел. в год, но к 1823 году возросла до 6667, а в 1824–1827 годах она достигла 11000 чел. ежегодно. Причиной такого возрастания ссылки были указы об очищении крепостей и обращении в Сибирь как маловажных преступников, следовавших в военную службу, так и бродяг (полное собрание законов, том XXXVIII, №№ 2818 и 29328); в следующее десятилетие ссылка несколько уменьшается, колеблясь между 6000 и 8000 ежегодно, но затем опять начинает возрастать, доходя до 10–11 тысяч ежегодно.

Ссылка в Сибирь, расположенная по десятилетиям с 1823 года, т. е. со времени, когда приказ о ссыльных (бывший в Тобольске, ныне перенесенный в Тюмень) мог точно учитывать число препровождаемых, представляет следующую картину:

С 1823 по 1832 –	сослано было преступни- ков	98725 чел.
---------------------	-----------------------------------	------------

С 1833 по 1842 —	«	86550 «
С 1843 по 1852 —	«	69764 «
С 1853 по 1862 —	«	101238 «
С 1863 по 1872 —	«	146380 «
С 1873 по 1877 (за 5 лет)	«	91257 «
	Всего	393914 чел.

Рассматривая увеличение нашей ссылки по периодам, мы замечаем, что ссылка наша с 1853 года особенно возрастает; против 1843–1852 годов она увеличилась на 31474, с 1862-го по 1872 — на 45142 и, судя по пятилетию с 1873-го по 1877 год, давшему 91257 чел., она должна будет подняться еще более и дать к 1882 году наименьшее 182514 чел., но цифра эта будет по всей вероятности более. Таким образом, рост ссылки от 30000 до 45000 в десятилетие не подлежит сомнению.

Затем, может быть, желательно обратить внимание и на ежегодное число ссыльных в

Сибирь.

Из отчетов приказа, мною лично проверенных в подлинниках, оказывается, что ссылка еще в 1866 году равнялась 10776 чел.; с 1856-го по 1866 гг. цифра не поднималась выше 10 и 11000, исключая 1863–1865 года, когда перевес дала ссылка политическая, принимая во внимание польское восстание. С тех пор распределение ссылки приказом возросло к 1876 году до 19063. По навигационному же отчету главного инспектора тюменско-ачинского тракта, препровождено было в Тюмень арестантов 20482 чел.

В 1877 году препровождено 19042 чел. и распределено 17424.

В 1878 году препровождено 19972 чел. и распределено 17760.

Таким образом, наша ежегодная ссылка доходит, как показывают точные сведения, до 19000, даже при вычете обратных, следующих из Сибири арестантов (318).

Такое быстрое увеличение числа ссыльных, с 10000 на 19000, невольно останавливает внимание и не может не возбудить некоторых опасений за размеры этой ссылки. В одно

десятилетие она почти удвоилась. Принимая же во внимание, что с 1807 года ссылка была по 2035 чел. в год, с начала нынешнего столетия видно, что она удесятерилась. Все это не может не возбудить вопроса: до каких же размеров она дойдет в будущем?

Одно неоспоримо, что ссылка у нас растет неимоверно, и трудно предвидеть ее пределы, до которых может она разрастись. Мы пользовались ссылкой, нимало не стесняясь, в видах карательных, как и предупредительных, в форме уголовной, как и административной. По вычислению г. Анучина, в 20 лет, с 1826-го по 1846 г., более половины ссылки приходится на лиц, высланных административным порядком (79909). Позднее на один Амур прошло 12 штрафных солдат. Кроме того, масса людей высылается по приговорам сельских обществ, для поощрения чего в последнее время ассигнуются значительные суммы всеми земствами. Из этого видно, что ссылка, как наказание, практиковалась у нас во многих случаях за неимением тюрем, арестантских рот, рабочих домов и создала обширный параллелизм в уголовном кодексе. Ссылка по суду до по-

следнего времени играет меньшую роль, чем ссылка административная в Сибирь.

Число ссыльных, идущих по категориям, располагается в следующем виде за последние десять лет, с 1867-го по 1876 год:

Каторжных 18582

Ссыльных на поселение 28382

Сосланных на водворение 23383

«на житье 2551

«в административном порядке 78686
151584

Из этого видно, что административная ссылка преобладает в последнее время перед всеми прочими категориями ссылки по суду и составляет большую половину всей ссылки — факт, также обращающий на себя внимание.

Таким образом, ссылка должна рассматриваться у нас как мера предупредительная и как замена массы других наказаний, очень незначительных по сущности, и еще как мера колонизационная, необыкновенно широко применимая во всех случаях.

Итак, допуская, что ссылка наша с последними годами обнимает более полумиллиона

людей (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимает и миллион), нам остается спросить, где эти полмиллиона народа, насколько они сохранились и каково их приращение в Сибири. Это для нас будет, без сомнения, гораздо важнее цифры высланных. В этом случае чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличным числом всех ссыльных, переселенных и водворенных в Сибири. К сожалению нашему, мы нашли менее всего объяснений по этой части в нашей официальной статистике. Некоторые уверяют, что число приписанных ссыльных в Сибири, числящихся по официальным отчетам, равно 202854 человека. Насколько верна эта цифра, мы не беремся судить, приняв за основание самостоятельные изыскания. Цифра приписанных ссыльных, однако, может быть измерена по сведениям приказов о ссыльных, распределяющих их на место поселения, и по губернским отчетам. Из губернских отчетов за 1873 год видно, что на каждую из четырех главных сибирских губерний числилось ссыльных поселенцев от 40 до 50000 человек; в Иркутской губернии счита-

лось до 1873 года 40000 человек[70]. В Томской губернии по губернаторским отчетам — 50000 человек; в Забайкальской области за 1870-й и 1872 г. ссыльных числилось 21335; в Якутской области 2987[71]. Таким образом, на все губернии Сибири с областями и Амурским краем можно считать числящихся водворенными на поселение до 209000 человек и прибывающих ежегодно на губернию около 3000[72]. Отметим, кстати, что сведения эти крайне противоречивы и неопределенны; но самое важное то, что число людей, считающихся по официальным спискам, далеко не составляет числа действительно налицо существующего населения. Многие частные исследователи, как Пейзен, д-р Ширек, производивший исчисление приписанным поселенцам в Верхотенском округе, доказали, что налицо ссыльных может считаться едва 1/5 часть. Теперь это подтверждается и другими официальными данными, по отношению к целым губерниям. Уже к 1872 г. во время статистической переписи Иркутской губернии оказался недочет в 15987 душ. Это объяснено было тем, что в официальные сведения вносилось всюду

все население, приписанное к известному участку, а в статистическую перепись попало лишь одно наличное население. Убыль, по мнению статистического комитета, произошла оттого, что масса лиц находится в безвестной отлучке с места причисления и что эти отлучки падают исключительно на 40000 ссыльного населения (Пам. кн. Ирк. губернии 1873 года, XI). Позднейшие официальные данные еще более разъяснили дело. Подворная опись по Иркутской губернии ясно определила громадный недочет ссыльнопоселенцев против числившихся по спискам. Начальник Иркутской губернии генерал Шалашников лично убедился, что налицо их едва 1/5 часть на месте; затем столько же уволены на заработки, а большая половина в бегах и неизвестной отлучке, нередко со дня прихода своего в участок. Для более точной поверки были командированы, наконец, особые чиновники в три округа: Нижнеудинский, Балаганский и Иркутский, которые донесли, что в этих волостях *«нет более двух третей ссыльных»*. Из 10378 душ, приписанных и числящихся в волостях, оказалось в наличности только 1994

души обоего пола, 2476 уволены на заработки, а остальные 5561 человек в бегах. Другие сведения подтверждают, что на 45000 приблизительно ссыльного населения только тысяч 14 живет в местах причисления, около 10000 находятся на промыслах и заработках, остальные — в безвестной отлучке. Есть волости, как Мандзурская, в которой из 2400 причисленных поселенцев живут только 300, но указываются цифры, когда вместо 5 и 7 тыс. в волости приписанных ссыльных очутится 200 и 300, как видно из отзывов местного начальства о положении ссыльных и их отлучках; то же подтверждается и во всей Сибири.

По показаниям тобольской администрации, в 1875 году ссыльных в Тобольской губернии числилось по спискам 51122, находилось же в наличности 34293, то есть недоставало 16829 человек.

В Томской губернии считалось 29675 чел., а находилось налицо 25024, то есть недоставало 4651 чел.

При этом та же администрация удостоверяла, что в Тобольской губернии считается до 13226 чел. в неизвестных отлучках, а в Том-

ской губернии — до 1450 чел.

По последнему учету, произведенному в Томской губернии особо командированными чиновниками, оказалось, из 28828 числящихся на причислении ссыльных 9796 лиц в неизвестных отлучках, то есть $1/3$ часть не находится налицо.

Для более тщательного исчисления ссыльных была, кроме того, произведена подробная перепись ссыльных по волостям, одной на округ, причем оказалось, что в 11-ти волостях Западной Сибири из 14722 причисленных ссыльных находилось только 6277 в наличности, то есть недоставало 57 %.

Все это едва ли говорит за колонизационное значение ссылки при существующих условиях.

Оно приводит к заключению, что наличное ссыльное население в Сибири составляет громадную разницу с числом высланных сюда и числом приписанных по волостям. Мы видим, что, кроме числа вымирающих по дороге, бегущих с пути, оно уменьшается против приписки немедленно по прибытии от каких-то причин на $2/3$ и даже $4/5$. Таким об-

разом, из 200000 мы вправе считать наличными едва 40 и 60 тыс. остающихся в местах ссылки, а вместо указываемых 500000 ссыльных во весь период и миллиона, выросшего путем нарождения, которые, как мы предполагали, обогатили Сибирь, нам представляется 400000 потерянного и неизвестно куда девшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина совершенно обратная и крайне неутешительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всяком случае, недочет целыми десятками тысяч, который ныне является доказанным, не может не заслужить внимания.

Увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно, как указывают факты. Это доказывается, во-первых, тем, что до настоящего столетия и вплоть до двадцатых годов ссылка была ничтожна по численности. Второе — беспорядками этой ссылки, самым составом, возрастом и отношением между полами в среде ссыльных, которые нимало не способствовали плодовитости, размножению и приросту населения в Сибири.

Наконец, пропорцией ссыльного люда к числу других жителей Сибири, как прежде, так и ныне. Уже Сперанский, въехав в Сибирь и собрав все сведения о составе и количестве ссыльного населения, делает следующие открытия в одном из своих писем. «...Не думай и не позволяй себе думать, — пишет он, — чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число их как капля в море, их почти не видно, кроме некоторых публичных работ. Невероятно, как вообще число их маловажно. По самым достоверным сведениям, они едва составляют до 21 т. в год, и в том числе никогда и десятой части нет женщин. Со временем я издам таблицы, которые удивят просвещенную Европу»[73]. Сперанский, кажется, заключил по этому о ничтожной преступности в России. Таблицы, изданные г. Анучиным, подтвердили эту ничтожность ссылки в прежнее время. Эти же таблицы указали на состав ссыльных по возрастам и полам. Средняя продолжительность жизни поселенцев в Сибири не могла быть более десяти лет, так как все они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 года-

ми[74]. Затем, самая пропорция ссыльных женщин не соответствовала мужскому населению, так как ссыльные женщины составляли $1/6$ часть, если 18 женщин приходилось на 100 мужчин, и $1/8$ часть их была старше 40 лет [75]. Притом, самый характер женского населения, как мы укажем ниже, далеко не был благонадежен и благоприятен бракам. По позднейшим сведениям о пересылке за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщин проходило ссыльными партиями через Тюмень $1/13$, $1/10$, $1/8$ и $1/7$ на число мужчин[76]. Ссыльные редко обзаводились семейством в Сибири. Существующие исследования указывают, что ссыльное население в Сибири решительно не увеличилось; так, например, свидетельствует г-н Гагемейстер в статистическом обозрении Сибири, предпринятом по распоряжению министерства внутренних дел.

О существующем распределении контингента ссыльных и их отношении к числу местного населения можно иметь некоторые позднейшие сведения по губерниям. В списках населенных мест Томской губернии, изд. центрального статистического комитета за

1868 г., приводятся следующие, довольно полные цифры о числе и составе ссыльных в губернии. Каторжных, приписанных на поселение, водворенных на льготе, в цехе слуг, с женщинами и детьми, числилось всего 34915 человек; из них было 21622 м. п. и 13293 ж. п. Из подробной таблицы в списках видно, что собственно ссыльные составляют 77,1 %, их дети — 21,4 % и по воле пришедшие с ссыльными женщины и дети — 1,5 % всех ссыльных. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., в частности, на 100 д. муж. пола собственно ссыльных по 53,3 женщ.; на 100 мальчиков 88,1 девочек. *Из общего числа ссыльных наибольшую категорию составляют дряхлые, именно 42,4 %, приписные — 27,1 % и поселенцы — 5,3 %.* Распределение по округам является далеко неравномерным, особенно в Томской губернии; в округах: Томском их 51,4 %, из числа распределенных в губерниях, то есть более половины; в Мариинском — 28,2 %; в Каинском — 19,7 %; в прочих округах — 0,7 %; в Барнаульском горном округе зато нет ни одного ссыльного. На число всех жителей губернии приходится ссыльных

по округам: в Томском — по 12,6 души на 100 обоого пола, общего населения; в Мариинском — 19,3 и в Каинском — 7,8 на 100[77].

О распределении ссыльных и числе их в Иркутской губернии дают понятие последние сведения Иркутск, статистического комитета за 1873 год. На 100 жителей общего населения губернии, взятых в каждом округе особо, приходится ссыльных, считая всех приписанных на поселение в губернии: в Иркутском — 15,3 %; из этого числа женщин только 4,7 %; в Балаганском — 9,1 %, из этого числа женщин 1,6 %; в Нижнеудинском — 15,5 %, женщин 4,7 %; Верхоленском — 4,3 %, женщин 1 %; Киренском — 3,6 %, женщин 0,7 %. Вообще ссыльные составляют 10,7 % из 100 % общего числа жителей губернии, из коих 7,8 % мужч. и 2,9 % женщин[78]. Из этого распределения видно, что губерния, наиболее наполненная ссыльными, содержит все-таки довольно ничтожный контингент по отношению ко всему другому населению. Надобно помнить при этом, что это далеко не наличное число ссыльных, а только фиктивный maximum, числящийся по спискам. На каждую из сибирских

губерний приходится ссыльных, как видно по позднейшим сведениям:

В Тобольской губ.	1228433 жит.	59000 ссыльн.,	то есть 4,8%
В Томской губ.	1032599 «	28800 «	«2,9%
В Енисейской губ.	427517 «	45000 «	«10,5%
В Иркутской губ.	383573 «	40000 «	«10,4%
В Забайкальской обл.	488000 «	21335 «	«4,3%
В Якутской обл.	242001 «	2987 «	«1,2%

На всю Сибирь, таким образом, можно положить 198122 ссыльных, а на все находящееся свободное русское население — 5,2 %. Распределение ссыльных неравномерно как по губерниям, так и по округам. В некоторых местах они скучены до чрезвычайности; в Каинском и Мариинском округах Томской губернии они составляют почти 1/6 населения и могут ввести в заблуждение о значении ссыль-

ки в Сибири; зато в иных округах их нет совершенно, точно так же, как и в целых областях, так, например, в Семипалатинске, в Камчатке, в Охотском крае, в Акмолинской области и т. п.

Точных сведений о приросте ссыльных путем браков и рождений решительно не собиралось до сего времени, поэтому о потомстве ссыльных мы не имеем точных сведений; но, судя по причинам, препятствовавшим размножению и потомству ссыльных, можно заключить, что прирост этот был ничтожен. А причин, препятствующих плодовитости, было множество, как-то: 1) преобладание между ссыльными холостых, остающихся таковыми на целую жизнь; 2) поздний возраст; 3) преобладание между ссыльными дряхлых и старых, в огромном проценте, как показывает Томская губерния; 4) запрещение бродягам вступать в брак первые пять лет; 5) затруднение браков для каторжных; 6) разрыв браков при отправке в Сибирь; 7) нерасположение ссыльных из бродяг к семейной жизни; 8) нерасположение туземцев заключать браки с ссыльными; 9) преобладание в ссыльном на-

селении проституции, развитие болезней, сифилиса и многое другое. Все эти причины составляли издавна препятствие размножению ссыльнопоселенцев и парализовали его. Поэтому все исследователи приходили к заключению, что прирост здесь был незначительный [79]. Зато есть неопровержимые свидетельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до последнего времени и начинается во время пересылки; пересыльные арестанты заболевают в партиях и нередко на дороге их поражают целые эпидемии. В 1873 году еще доносило енисейское начальство, что между арестантами появился такой тиф, что больницы были переполнены, больные заражали конвой, врачей и окружных арестантов, больных было 1156 человек и умерло в одной больнице 109 человек. Далее идет смертность ссыльных в ссылке под влиянием бедственных условий быта на сибирских приисках, где смертность более, чем в других местах, ряд скоропостижных смертей, которые на ссыльных выпадают по преимуществу, и, наконец, гибель во время бегов и исчезновение людей в неиз-

вестности во время бегств и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется в Сибири: пропал, так пропал! Но в конце огромный дефицит ссыльного населения ясно показывает, как велики подобные потери людей. Что касается едущих за ссыльными женщин и детей, то о них известно и выяснено только два факта. Между женщинами замечается нравственное падение вследствие пребывания в партиях, и в Сибирь они являются не способными к семейной жизни; что касается детей, то они поражают смертностью в пути; недавно из Москвы еще отправлялись арестантские дети, зараженные корью, и разносили эпидемию[80]. При отсутствии медицинской помощи на баржах и пароходах, на этапах и во время пешеходного странствия по Сибири *смертность эта постигла половину всех детей*. Нечего говорить, что подобные условия никогда не способствовали сохранению и целости даже существующих ссыльных семейств.

Все это дает нам повод предположить скорее о вымирании ссыльных, чем о их природе, что подтверждается вполне недочетом

числящегося по спискам населения, которого вместо прибыли оказывается на $\frac{4}{5}$ менее. Всякое предположение об их семейственном приращении привело бы иначе нас к заключению, что они в объеме $\frac{4}{5}$ всего числа исчезли куда-то с женами и детьми.

Обратимся теперь к самому положению и жизни ссыльных в Сибири, которые лучше всего откроют нам современное состояние ссылки и дадут понятие о значении этого наказания, как оно проявляется в действительности.

Неутешительное и бедственное положение ссыльных давно уже свидетельствуется многими исследователями; нам остается остановиться на самых позднейших и — как менее всего оспоримых — официальных донесениях. Лучшим свидетельством быта ссыльных мы сочли нужным представить извлечение из отчета о быте ссыльных Иркутской губернии, доставленного ревизором иркутских поселений. Записка эта касается современного положения ссыльных в волостях и степени их зажиточности и оседлости в месте приписки. Всех ссыльнопоселенцев в экономиче-

ском отношении иркутский ревизор делит на два главных разряда: «домовладельцев» и «бездомных». Из домовладельцев одни занимаются хлебопашеством, другие ремеслами и т. п. Вторая категория бездомных бобылей находится в сельских работниках у крестьян на сроки или поденно, наконец, занимается ремеслами, и третья категория — нищенствующие. Домовладельцев вообще очень мало, пишет ревизор; так, например, к Кимельмейской волости из 496 ссыльных, проживающих в местах причисления, насчитывается лишь только 109 домохозяев; из них только 59 сами хозяева-хлебопашцы, остальные живут в работниках. Большая часть домов — лачуги, разваливающиеся от времени; хлебопашество производится в чрезвычайно малом размере, много-много, если поселенец засекает 4 десятины. (Надо заметить, что при сибирском хозяйстве крестьяне засекают вдвое и втрое более), то есть столько, сколько нужно для прокормления его с семейством; избытка хлеба для продажи почти не бывает. Редко у кого можно найти несколько штук рогатого скота: большая часть имеет по одной лошади и ко-

рове, но есть и такие, которые и того не имеют, а нанимают лошадей у крестьян на время полевых работ. Вообще, положение поселенцев-хозяев далеко не удовлетворительно, притом многие из них имеют большие семейства, по 5 и более человек детей. Редкие исключения зажиточности представляют или поселенцы, бывшие долго кабачниками, или вынесшие что с приисков. Поселенцев-работников в описываемой волости было 236 человек, и из них 200 человек живут срочно у крестьян, остальные нанимаются временно на разные работы и идут в пастухи, сторожа и проч. Эти последние обязанности исполняют старые и болезненные люди, не способные к тяжелому труду. Из числа 236 чел. работников только 15 имеют кое-какие дома. Обыкновенно хороший работник в этой местности получает в год 70 рублей и, кроме того, обувь и верхнюю одежду; но хороших работников-поселенцев очень мало, и большая часть из них — люди пожилые, слабосильные, потратившие свои силы в острогах и по большой сибирской дороге. Поэтому и оценка труда их очень низкая: многие из них получают

не более 30 рублей в год, другие еще меньше. Некоторые выговаривают у хозяев себе присевок, то есть обсеменение с четверть десятины земли семенами хозяина. Если положение поселенцев-домохозяев неудовлетворительно, сообщает ревизор, то *положение работников-поселенцев* можно назвать *бедственным*. Проходят годы тяжкого непрерывного труда, а он, работник, не сберег сам ни копейки из получаемой платы; притом это обуславливается способностью сибирского крестьянина кабалить работника. Такой закабаленный бесправен; работник получает деньги в праздники от хозяина «на пропой» и ежегодно находится *в долгу*. Поэтому большинство предпочитает быть поденщиками, хотя заработок их ничтожен: рублей 50 в год, что едва хватает на прокормление. Ремесленники в волости имеют следующий заработок: деревенский портной — 30 копеек в день, на хозяйских харчах, сапожник — 30 копеек, кузнец, плотник и столяр вырабатывают даже более рубля в день, по-видимому, достаточно; но, во-первых, работа бывает непостоянная, случаются долгие перерывы по недостатку за-

казчиков; во-вторых, ремесленники большей частью пьяницы, поэтому и их быт неудовлетворителен. Другие же, как, например, пастухи, караульные сторожа, получают вознаграждение, еле достаточное на пропитание, а некоторые живут из одного хлеба. Наконец, в каждой волости находится несколько десятков положительно не способных ни к какому труду, это — старики, дряхлые, немощные, калеки, например, слепые, хромые, разбитые параличом, они терпят и холод, и голод — *холод* потому, что летом и зимой ходят в одних изорванных лохмотьях, а *голод* — когда болезнь, сильный мороз принудят их сидеть в избе, лишенных возможности собрать христовым именем несколько кусков хлеба.

Все это относится, однако, до положения поселенцев, обжившихся в Сибири, осевших и составляющих культурный класс. Это, конечно, меньшинство поселенцев. Еще интереснее замечания иркутского ревизора о поселенцах льготных и только что приписанных; он приводит просто цифры их пребывания налицо, которые служат достаточной характеристикой этих людей. На выдержку взя-

ты 1869 и 1870 годы: всех вновь причисленных в эти годы к описываемой волости поселенцев было 555 человек, из них уволено по билетам на золотые промыслы и другие работы 193 человека, живут на месте, причислены — 125, умерли 12 и в неизвестной отлучке 225 человек; следовательно, из всего числа поступивших только одна четвертая часть проживает в местах водворения, и половина почти неизвестно где находится. Всех же ссыльных находится в отлучке в упомянутой волости 645 человек. Самовольные отлучки, по мнению иркутского ревизора, объясняются происхождением приписанных ссыльных. Указанные 555 человек ссыльных происходили: 21 из рядовых, сосланных за неоднократные побеги из службы, 8 киргизов, 9 из крестьян, а остальные все бродяги, судимые и сосланные за бродяжество. Таков контингент, из которого предполагалось сделать оседлое население в Сибири. Заметим, кстати, что по преступлениям ссылаемые за бродяжество составляют главный контингент ссылки: так, в 20 лет в Сибирь было сослано 48556 бродяг, что составляет $\frac{2}{3}$ всего числа преступников

(Анучин). По свидетельству иркутского ревизора ссыльных, бродяги, происходящие большей частью из беглых солдат, скрывающих свое прежнее происхождение, и из ссыльных, возвращенных снова в Сибирь, представляют по преимуществу нравственно испорченных людей. Ко всякому даже малейшему труду они чувствуют отвращение; как наблюдатель, автор записки свидетельствует, что подобные бродяги, содержась в тюрьме, прятались под нарами, как дети, чтобы не выйти почистить двор. Для бродяги, вкусившего всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело приняться за топор, соху, борону, поэтому большая часть бродяг скорее нанимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью; но на промыслах надо работать, и бродяга бежит с приисков большею частью даже во время следования туда, пропивши и задаток, и одежду нанIMATEЛЯ. Не являясь на место причисления из боязни быть возвращенным на прииски для отработки задатка, он уходит в бега, бродит по Сибири, ища легких средств наживы, и там, где подобные бродяги появились, начинаются

кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинах бродяжничества, свидетель удостоверяет, что не раз слышал рассуждение бродяги, что «жить на одном месте ему тоскливо», да и не к чему «особенно привязываться к месту», ведь он хотя и «бесшабашная» голова, да одна, поэтому и не для чего ему и трудиться; он «несчастный», обречен самой судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь где-либо в захолустьях Сибири. И действительно, большая часть поселенцев, происходящих из бродяг, ведет безобразную жизнь; к тому же первые пять лет по прибытии в Сибирь им запрещено вступать в брак самим законом (650 ст. Уст. о пасп. и беглых).

К довершению картины положения ссыльных ревизор поселений рисует нам отношения туземцев и крестьян к ссыльному населению. Он говорит, что поселенцы жаловались на стеснение, причиняемое им крестьянами, и на недружелюбные отношения к ним. Ревизором приводится по этому поводу в пример несколько разобранных им жалоб, из которых видно, что крестьяне довольно пристрастны в жизни к поселенцам. Бывший

крестьянский голова выстроил конюшни, примкнув их к поселенческой избушке, и не обратил внимания на его жалобы, что ссыльный будет жить как крот, в темноте. Когда поселенец обратился к крестьянскому сходу, то, вместо удовлетворения, получил предложение перенести дом на другое место. Другой крестьянин вывез себе из леса приготовленное поселенцем «дранье» (тес), воспользовавшись неопытностью ссыльного, не сделавшего на дранье условленных знаков по местному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили их сбором, так называемым рекрутским. Некоторые из ссыльных предъявляли претензии, что они не избавлены от постоя в их домах проходящих рекрутских партий и несут эту повинность наравне с крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсеместно, прибавляет ревизор, поселенцы жалуются на стеснения в наделе пахотной землей и сенокосами, чем и объясняют свое нерасположение к хлебопашеству. Они говорили, что им отводят лесную чащу или землю кочковатую, требующую невероятных усилий для обработки,

вследствие чего большая часть ссыльных нанимает готовую уже расчищенную землю, а между тем в распоряжении почти каждого сельского общества находятся огромные залежи разработанной земли, никем не занятой, остающейся после смерти владельцев или по другому случаю без употребления. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагают лучше отдавать землю внаймы за деньги, чем наделять бесплатно поселенцев. В некоторых местах ссыльные жалуются также на принуждение их к отбыванию повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльных поселенцы в виде льгот избавляются от этих повинностей до приписки их к обществу. Все жалобы поселенцев, обращаемые к крестьянским сходам и к сельским властям, оказывалось, остаются без последствий или решаются не в их пользу.

Вообще, крестьяне относятся к поселенцам враждебно, пишет ревизор: как только поселенец поправит свое состояние, они начинают завидовать ему или чаще подозревать его. Говорят обыкновенно, что поселенец кого-ни-

будь ограбил, нажил деньги фальшивыми бумажками, и ищут разные способы разорить его. Поселенцу предоставляется один выход — кабального труда у крестьянина, и труд этот, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина в сельскую управу остаются без удовлетворения, а при жалобах хозяина поселенца обвинят, хотя бы он был прав. Сверх того, хозяева-крестьяне расправляются часто с работниками собственноручно. Апелляции для поселенца нет. У крестьян сложилась поговорка: «Варнаку, — как называют крестьяне ссыльного согражданина, ругаясь и шутя, — веры нет».

Приводимые печальные отношения к ссыльным, раскрываемые лицом, вполне достоверным, показывают нам, во-первых, прежде всего, что происхождение ссыльных нимало не забывается в новой местности и в новом обществе, как предполагала цель этого наказания и как были уверены теоретики до сего времени. Пример отношения к ссыльным в Сибири мог быть объяснен одним продуктом грубости нашего крестьянства. Но такое недружелюбное отношение к ссыльным

проявлялось и в других несравненно более развитых обществах, как, например, в Австралии, из одного уже смешения элементов общества честных граждан с людьми, заклеяменными законом, опозоренными да вдобавок и на самом деле сомнительного нравственного характера. Если подобное предубеждение возникло в Сибири, в среде крестьянства, не могшего по своему развитию понимать, что уравнивание и сожительство с ссыльными не бесчестит их, то оно показывает, что здесь были более ощутительными и действительные причины. Один уже состав преступников указывает на их сомнительные нравственные достоинства, почему крестьянство и не могло проникнуться уважением и признать их за одинаковых себе сограждан. Поведение ссыльных в Сибири, их побег, преступления и средства наживы вдобавок также не показывали их благонадежности. Все это заставило в общем установиться такому взгляду среди местного крестьянства, который прямо вынесен был из опытов, и потому самое предубеждение имело некоторое основание. В заключение, трудно было бы от

одного сибирского крестьянства требовать особенно возвышенных, гуманных отношений к преступнику и забвения всего его прошлого, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и с этим же клеймом приписывала к крестьянскому обществу. Но в жесткости этих отношений была и не одна тенденциозная сторона: горечь их увеличивалась тем, что местное сибирское крестьянство несет сыздавна огромные траты, повинности и тяжести, налагаемые ссылкой, которых не может не чувствовать; они заключались в подводных, различных земских повинностях по препровождению ссыльных, по содержанию в волости до устройства их; в оплачивании их содержания в больницах, в различных хлопотах при приселении ссыльного. При ограждении своего имущества и интересов от подобного пришлого и незнакомого населения, надо сознаться, все-таки не совсем безопасного; при всех этих налогах, обременениях и заботах, налагаемых ссылкой, крестьянство не могло остаться к ссылке хладнокровным, а к самому ссыльному — дружелюбным. Утвердившиеся в среде кре-

стьянства предубеждения и враждебные отношения вообще к ссыльному не могли не отражаться в частности, без сомнения, многими несправедливостями — это обуславливалось в общем убытками и затратами крестьянских обществ, стремившихся выместить чем-нибудь на ссыльном, как и бесправным положением последнего, представлявшим простор и возможность его стеснения. Вследствие этого, воззрение на ссыльных установилось в крестьянстве почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствие прочного положения у ссыльного, отсутствие всякого имущества и его бесправное положение, обуславливаемое лишением всех прав состояния, создали для него такое зависимое положение в деле изыскания труда, которое повело прямо к кабале. Ссыльный, даже при желании заняться трудом, ставится на необходимость соглашаться на все условия крестьянина. Условия эти крайне невыгодны: ссыльный не имеет никаких гарантий, что труд его оплатится. В самих обидах, наносимых хозяином, он не может найти управы. Все это не столько поощряет его, сколько отвращает

окончательно от труда и побуждает к бродяжеству. Оставляя деревни старожилов, ссыльные отправляются искать по Сибири более выгодного заработка; поэтому они стремятся массами на прииски, где, однако, встречаются тот же кабальный труд, только в более грандиозных размерах. Положение это рисуется следующими чертами у автора «Списков населенных мест в Томской губернии»:

«Ссыльные, не имеющие оседлости, составляют большинство; они живут преимущественно в работниках у старожилов или переходят для работ из одной деревни в другую; но самая главная их масса нанимается ежегодно на золотые прииски. Результатом подобной жизни людей этого разряда бывают по большей части крайняя нищета и преступность. В большинстве случаев это происходит от разгульной бездеятельной жизни самих поселенцев, но частью же от равнодушия и даже некоторого презрения к ним старожилов, которые не называют их иначе, как «варнак», техническое слово, выражающее «мошенник». Главной ловушкой для ссыльных служат золотые прииски, привлекающие их

тем, что, проработав менее полугола, можно возвратиться с деньгами, тем более, что задатки даются весьма хорошие. Однако же заработки кончаются почти всегда тем, что ссыльный не только не приносит с собой денег, но даже не имеет возможности возвратиться в место своей приписки. Наем в работники к старожилам не менее гибелен для ссыльных. Старожилы задатками и обещанием устроить со временем жизнь ссыльного удерживают его год за годом только до тех пор, пока ссыльный имеет силы работать; по истощении же сил отказывают такому работнику, не только не устроив его будущности, но даже иногда не заплатив следуемых денег» [81].

Кабальные отношения и несправедливость к поселенческому труду, таким образом, вошли в обыкновение в Сибири во всех отраслях занятий. Довершением характеристики быта ссыльных по губерниям и их положения могут служить отзывы местных губернаторов в их ежегодных отчетах. Начальник Томской губернии в 1873 году доносил, например, следующее: «Всех ссыльных в гу-

бернии находится 50000. Экономический быт ссыльных не изменился и по-прежнему находится в жалком положении. Большая часть этих людей, отвыкнув от трудовой жизни, по прибытии на место ссылки на имеет оседлости и ведет жизнь почти бродячую. Оседлость приобретают те только из них, которые приходят сюда с семьями и приносят с собой материальные средства для первоначального домообзаводства. Отношение ссыльных к коренному населению хотя и не враждебное, но тем не менее всякий сибиряк смотрит недоверчиво на ссыльного, а ссыльный — на сибиряка, и оба они недолюбливают друг друга».

В заключение томский губернатор характеризует особенный наплыв ссыльных в округах и обременение ими волостей. При скоплении ссыльных последствием является то, что многие ссыльные при недостатке заработков впадают в новое преступление и делаются никуда не годными членами общества; поэтому начальник края находил бы нужным приостановить на десять лет снабжение губернии ссыльными.

Вопрос об устройстве быта ссыльных зани-

мал постоянно высшее начальство, которым, по соглашению с местным, принимались различные меры к прочному водворению их на местах поселения. Енисейский губернатор пишет: «Устраивались казенные поселения из ссыльных, выдавались и до сих пор выдаются возвратные и безвозвратные пособия; были устраиваемы дома и цехи слуг, ходатайствуется о разрешении ссыльным приобретать недвижимое имущество», но все принимавшиеся меры не привели к ожидаемой цели, и вопрос этот до сих пор остается открытым. В настоящее время путем различных запросов лицами, хорошо знакомыми с бытом ссыльных и их отношением к коренному поселению, добыты только сведения, подкрепленные цифровыми данными, которые свидетельствуют, что коренное население, как сельское, так и городское, страдает от постоянного наплыва ссыльных, несет за них тягости, а взамен не получает ничего, кроме массы преступлений и забот о поддержании существования уже не способных ни к каким работам по изнурению, старости и т. п. Из цифр, приведенных в статье «Народная нрав-

ственность», очевидно, что громадный процент преступлений падает на ссыльных, к тому же самых важных, в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут. Без всякого участия ссыльных это население вследствие преступности их по необходимости несет обязанность устраивать и поддерживать волостные и сельские тюрьмы, разыскивать повсюду арестантов, держать над ними караул, отбывать этапную повинность, наряжать облавы, понятых и т. д. Кроме того, большая половина дел в волостных правлениях суть дела по заведыванию ссыльнопоселенцами, а расходы на содержание этих управлений, простирающиеся до весьма значительной цифры, лежат исключительно на крестьянах. Наконец, поселенцы, признанные неспособными к пропитанию себя, хотя и получают ежегодно пособие из переселенческого капитала в размере 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попечении крестьян, так как за невозможностью существовать на полученное пособие обращаются к нищенству. Таким образом, поселенцы с самого вступления

в Сибирь, еще полные сил, в редких случаях обращаются к труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояние, а по большей части поддерживают свое существование работой случайной, неопределенной, переходя с места на место, что приучает их к бродяжничеству, или же нанимаются на золотые промыслы, зарабатывают там хорошие деньги, но употребляют их по окончании операции на пьянство, разгульную жизнь, снова нанимаются и остаются на промыслах до старости или полного упадка физических сил от изнурительной работы. С наступлением же этих периодов расходятся по деревням и селениям для нищенства».

Иркутский губернатор в тех же отчетах приводил, что положение ссыльных находится неустроенным до последнего времени. Положение поселенцев, как по значительности числа их, так и по разбросанности и по затруднительности регулирования этой бродячей массы, представляет более трудности и часто совсем лишает администрацию возможности принять какие-либо меры к улучшению быта этой части населения, тем более,

что и средства администрации крайне ограничены.

Еще более безутешным представляется положение ссыльных в Якутской области, по отчету ее начальника. Ссыльнопоселенцы Якутской области в селениях никакого хозяйства не имеют; не знакомые с образом жизни якутов и языком их, они никак не могут сжиться с ними и потому при первом случае уходят на прииски Олекминского и Киренского округов. Большинство из них, бездомовных, несколько не заботится об обеспечении своей будущности, и заработки пропадают немедленно в кабаках. В деревню они возвращаются после нескольких лет, истощенные физически, увечные и дряхлые, где живут скитальчеством и подаянием. С 1873 г. прибыло на поселение в область 115 скопцов и 534 человека башкир, но устройство их невозможно, так как башкиры не имеют собственных средств на устройство. Они претерпевают во всем недостаток; скопцы также бедствуют. Сверх того, якутский начальник просил о прекращении ссылки старых и дряхлых сектантов, богаделен для которых нет достаточно, а

содержание их для правительства дорого (36 р. 50 к.). Таким образом, из всех отчетов местного сибирского начальства оказывается, что быт ссыльных находится далеко не в удовлетворительном состоянии. Большинство ссыльных не находится налицо: значительная часть из них не имеет никакого имущества и домообзаведения, ведет бродячую жизнь, условия труда дурны и стеснительны, средства обеспечения скудны; даже у приписанных и оседлых ссыльнопоселенцев преимущественно господствуют бедность и нужда. Бедственное положение ссыльных, обреченных в большинстве на бродяжничество и нищенство, свидетельствуется в заключение накапливающимися на них недоимками. По официальным отчетам означено, что в Томской губернии недоимка на ссыльных простирается до 41015 рублей. В Енисейской губернии всего недоимки считалось в 1873 г. 65572 р. Большая часть недоимки считается на ссыльнопоселенцах и крестьянах из поселенцев, как выражается отчет. В Иркутской губернии только в четырех волостях за ссыльными числилось в 1873 г. недоимок 20783 р.

Недоимки эти обуславливались тем, что ссыльные не имели собственности и никаких средств обзавестись хозяйством, присутствием дряхлых и старых, приписанных к обществам, пребыванием ссыльных в неизвестной отлучке и, в заключение, отказом крестьянских обществ принимать эту недоимку на свой счет, так как приписка совершается без согласия общества. Но, кроме податных недоимок, несостоятельность ссыльных характеризуется хлебными долгами и ссудами из хлебных капиталов. Хлебной недоимки на поселенцах Иркутской губернии ведения экспедиции о ссыльных числилось 2256 р., тогда как на крестьянах только 940 р.; на ссыльных более, чем на инородцах (Памятн. книжк. Иркут, губ. 1865 г.). Все это доказывает, что наши ссыльные во все время пребывания в Сибири обречены на бедственное существование. Понятно, что при таких условиях никогда не было достижимо и исправление; напротив, должны были проявиться результаты обратные.

Экономический быт ссыльных уже потому не может быть удовлетворительным, что

ссылъные ничем не обезпечиваются и их приписывают к деревням и городам, оставляя пропитываться, как они вздумают. Понятно, что ссыльный без всяких средств, встречаемый не всегда дружелюбно, в среде, совершенно незнакомой, не может сразу приискать занятий, если бы и хотел; при этом надо принять во внимание, что масса ссыльных вдобавок не способна к труду, так как это и было в большинстве причиной их преступления. Ничего нет удивительнаго, что масса ссыльных находится без занятий, бродяжничают и нищенствуют.

К 1876 году из 51122 чел. ссыльных по Тобольской губернии показано 13226 в бегах и 9689 чел. без определенных занятий.

Обзаведшихся домами ссыльных в Тобольской губернии в 1877 году считалось 11325 чел., то есть 1/4 часть.

В двух губерниях ссыльных на попечении сельских обществ состояло 1347, свободных от платежа податей — 14287, наконец, количество недоимок за ссыльными достигает ныне 661718 р., не считая 9000 р. хлебной недоимки и 23930 р. за лечение. Недоимки эти в боль-

шинстве признаны безнадежными.

Произведенная проверка ссыльных в Томской губернии обнаружила, что на 28828 чел. ссыльных только 3445 чел. занимаются хлебопашеством и 20824 чел. не имеют ровно никакого имущества; недоимки за ссыльными считается 191496 рублей. Недоимки эти накапливаются, несмотря на предоставленную ссыльным в первые годы льготу. Такие данные в общем итоге по губерниям далеко не рекомендуют быта ссыльных. Рассматриваемый в частности, он представляется не более утешительным. Экономический быт ссыльных, по произведенной переписи в волостях, так выражается цифровым способом: на 100 ссыльных приходится: семейных — 44 %, домовладельцев — 22 % и земледельческих хозяйств — 13 %. Затем на 100 ссыльных: 57 % считается в отлучках и только 43 % — налицо. Из числа последних: старых и увечных 15 % и нищенствующих — 7 %. Что касается положения ссыльных в городах, то быт их является еще более безотрадным. Из приговоров мещанских обществ в сибирских городах видно, что ссыльные в большинстве пребыва-

ют в праздности и нищенстве и едва 16 % из них живет оседло. Перепись по некоторым годам обнаружила, что на 100 ссыльных: 67 % находится в неизвестной отлучке и только — 33 % налицо. Из этих последних: 8 % живет на квартирах, 10 % — на заработках, 10 % — в услужении, остальные 15 % — бездомные пролетарии, «не имеющие не только пристанища, но и одежды».

Нам остается прибавить, что все до сих пор принимавшиеся меры и попытки улучшения быта ссыльных, начиная с организации их по деревням в 1809 г. и кончая проектами Сперанского и уставом о ссыльных, не привели ни к чему.

Местная администрация никогда не в силах была справиться с массой присылаемых ссыльных и была занята исключительно только рассылкою и распределением их по деревням. В этом состоит роль ее до последнего времени. Год от году увеличивающаяся ссылка принесла только беспорядок. Печальный быт ссыльных остается все тот же, что и сообщается в ежегодных отчетах.

Дурные материальные условия жизни

ссылных поселенцев создали из них пролетариат, который породил и многие другие явления в Сибири, а именно: нищенство, бродяжество и побегии ссыльных. Что касается нищенства поселенцев, то оно является обыденным и обыкновенным, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлых и неспособных ссыльных содержится самим правительством на казенном вспомоществовании и в богадельнях. Недостаток этих богаделен, однако, постоянно вызывает жалобы местного начальства, большая часть нищенствующих живет на счет сел и городов. Некоторые города жалуются на обременение их нищенством; так, в 1870 г. в «Томских губернских ведомостях» мы встречаем «Мысли об уничтожении бродячества и нищих в городе»; статья жалуется на скопление нищих, бродяг и высчитывает те суммы, которые несет местная благотворительность. Полагая самую умеренную сумму по копейке с каждого дома на нищих, и то образуется сумма в 8 000 р., но в некоторых домах выходит до 10 руб. и более в год, пишет автор. Из нищих встречаются и мелкие во-

ришки, причиняющие ущерб жителям; затем между ними находится масса детей без призрения. Факты эти привели местного исследователя к мысли об основании целого нищенского учреждения и рабочего дома, куда соединить всех нищенствующих ссыльных, так как это было бы дешевле для города и полезнее для нравственности самих нищих («Томск, губ. вед.» в 1870 г., № 20). Это показывает, что даже местное общество, при беспорядочности нашей ссылки, начало приходить к мысли об устройстве какого-нибудь исправительного заведения (своего рода пенитенциарного заведения) для блуждающих ссыльных. Бродяжество и нищенство по деревням, конечно, менее подлежат учету, но несомненно, что содержание массы нищенствующих сводится к значительным пожертвованиям. В некоторых деревнях крестьяне для проходящих поселенцев строят и отводят особые избы и содержат на свой счет проходящих ссыльных, нередко снабжая их в первое время и домашними принадлежностями. Проходящие беглые, до 30-ти тысяч в год, исключительно ложатся на счет крестьян. Количество

этого бродяжества, судя по отлучкам ссыльных из волостей, засвидетельствованных официальными данными, огромно. По паспортным книгам Иркутской губернии выдано было поселенцам видов для отлучек 9195, но масса поселенцев уходит без всяких паспортов или, взяв их только на первое время для отлучки, совершенно исчезает. Под влиянием тех же неестественных условий в среде ссыльных рождаются побег; побег эти идут с каторги и с поселения; причинами их являются, как доказано, для каторжных — дурные условия на каторге, отсутствие строго устроенных мест заключения, отсутствие всякого надзора и безнадежность самих каторжных достигнуть когда-либо лучшего положения. Что касается до бегств ссыльнопоселенцев, то они обусловлены отчасти контингентом преступников, из которых присылается большинство уже готовых бродяг и людей, не способных к труду, дурными материальными условиями, встречаемыми тотчас на месте поселения, отсутствием всякого имущества и связей в месте поселения, невыгодными и несправедливыми отношениями кабально-

го наемного труда, полной бесправностью ссыльного в месте поселения, дающею повод его притеснять, безнадежностью ссыльного при бессрочной ссылке и тоской по родине. Бегства из Сибири начинаются уже из ссыльных партий и с дороги. Так, например, по свидетельству военного министра, известно, что при пешей пересылке всегда оказывалось 15 % беглых на 120000 передвижных арестантов. Переход от бродяжества к бегству у ссыльнопоселенцев является естественным; для ссыльнопоселенца малейший повод дает случай к бегству; нанимающиеся на прииски бегут с них и не возвращаются в места приписки из опасения быть высланными назад, и это их разом делает беглыми. Значительная часть ссыльных не знает, что делать в Сибири, и по привычке к скитальчеству, наконец, под влиянием чувств, влекущих их, естественно стремятся в Россию. Бегство поселенцев, не имеющих никаких препятствий, гораздо значительнее даже бегства каторжных. Есть доказательства, что из одной губернии, Енисейской, в три года ушло в бега до 6000 поселенцев. Весь недосчитываемый статистиче-

скими переписями по волостям контингент приписанных ссыльных, равный $\frac{4}{5}$, должен считаться в большинстве на долю беглых. Как мы приводили, по последней поверке в четырех иркутских волостях из 10378 душ числится 5651 в бегах, кроме уволенных на заработки. В Мансуровской волости той же губернии из 2400 приписанных поселенцев только 300 живут на местах причисления, до 500 человек — на золотых промыслах и частных работах, а остальные 1600 человек — в неизвестной отлучке, то есть в бегах. Местами на 5000 поселенцев приходится только 300 в наличности. Судя по этим исчислениям по волостям, нужно положить почти половинное число на каждую губернию ссыльных отсутствующих. На некоторые губернии число это доходило до 20000, а на весь контингент ссыльных в Сибири — до 100000. Число это было бы ужасно для беглых, если бы оно не заключало в себе безвестно пропавших в бегах и погибших; доказан и известен, кроме того, тот факт, что масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли, как зверя. Это дало

повод одному из наблюдателей сибирской жизни заметить даже, что если бы крестьяне не уничтожали беглых, то с ними едва ли Сибирь могла бы справиться (Д.Завалишин, письма о Сибири, «Моск. вед.» 1865 г.). Погибель, самая страшная, массы людей таким путем заслуживает внимания даже более, чем усиленная смертность ссыльных. Исчисление бродяг показывает приблизительно, что число пропавших без вести, то есть погибших в лесах, должно считать до $2/3$. Таким образом, на существующий в живых и постоянно передвигающийся контингент беглых приходится положить не менее 30000 — 40000. Число пойманных ссыльных в Сибири и в России могло бы дать некоторое понятие обо всем количестве побегов, но, к сожалению, данные эти не везде известны, отчетности им не велось, и они не сведены ни к какому общему итогу. Что касается Сибири, то собрание этих сведений затруднялось тем, что ссыльные беглые судились различными ведомствами, а именно: гражданскими судами, судом, военным, где побег сопряжены были со значительными преступлениями, наконец, полицейскими

управлениями, которые исключительно разбирали бродяг. Поэтому число беглых не вошло ни в одни судебные ведомости, не вошло оно и в какие бы то ни было статистические отчеты. Значительная часть беглокаторжных просто высылалась назад на заводы. Однако значительность бегств из Сибири свидетельствуется тем, что с 1827-го по 1846 г. в числе ссыльных в Сибирь, по сведениям тобольского Приказа, означено было 18328 возвращенных сибирских беглых. По отчетам, опубликованным г. Максимовым из ведомостей сибирских заводов, видно, что со всех заводов каждое десятилетие бежали 12929 человек, ловили же и возвращали их только 2730 чел. В девять лет в Сибири было поймано 13788 бродяг мужчин и 3528 женщин. Бегства из Сибири не прекращаются и до последнего времени. К 1 января 1859 г. считалось во всех нерчинских заводах не возвращенных из бегов ссыльно-каторжных 3104 и 508 горных служителей. В бегах оказывалось, таким образом, 24 % всех ссыльных. По сведениям 1869, 1870 и 1871 гг., представленным чиновнику министерства внутренних дел Власову при ревизии сибир-

ской каторги, видно, что с кары нерчинских приисков из числа 7462 чел. бежали 1016. Вообще с Амура, с Сахалина, с забайкальских каторжных работ за это время из 10228 каторжных бежали 1430 чел. Процент беглых местами доходит до 50.

По имеющейся официальной таблице Иркутского солеваренного завода за несколько лет, которую мы могли добыть, видно, что с 1860-го по 1870-й на 2999 рабочих процент беглых равняется ежегодно:

В	1860	25,00%
«	1861	«
«	1862	18,5»
«	1863	28,5»
«	1864	32,5»
«	1865	32,5»
«	1866	90,5»
«	1867	53,5»
«	1868	37,5»
«	1869	45»
«	1870	41»

Таким образом, можно убедиться, что были годы, когда с Иркутского солеваренного завода уходили из 100 человек 90!

Причины побегов с каторги до сих пор не устранены и находятся в связи с ее недостатками и неустройствами, на что ссылаются местные власти. Последние сведения о положении каторги, заимствованные нами из официальных отчетов, рисуют следующую картину[82]. В 1873 году на нерчинских рудниках было 2758 ссыльнокаторжных; большая часть их употреблялась на золотые промыслы кабинета. Ссыльнокаторжные только испытываемые содержатся в тюрьмах, а разряда исправляющихся, по неимению помещений, живут вне тюрем, в собственных домах и по квартирам у других ссыльных и обывателей. Здания, в которых содержатся каторжные, ветхи и тесны; та же теснота в казармах конвоя, которая не дает возможности держать три смены. Больные преступники помещаются в здании, которое находится в разрушенном состоянии; вследствие такого положения тюрем приступлено было к выводу из карийских промыслов «богадельщих» в числе 300

человек. Бежало с заводов ссыльнокаторжных в этом году 585 человек, а возвращено из бегов 28. Кроме того, в Забайкальской области взято 372 бродяги. В течение года ссыльнокаторжными сделано было 50 преступлений.

В Иркутской губернии ссыльнокаторжных в 1873 году считалось 1867. Они содержались на солеваренных заводах, Иркутском и Усть-Кутском, железоделательном николаевском и частью во вновь строящейся Александровской центральной тюрьме (бывшем винокуренном заводе). В этой тюрьме помещено в конце 1873 года 384 чел. об. п. Каторжные содержатся частью в квартирах, частью в казармах по неимению тюрем, вследствие чего побегии значительны. В 1873 году из Иркутского солеваренного завода бежал 321 человек, а из Александровской тюрьмы — 16 человек. В 1872 году из Усть-Кутского из 110 человек бежали 56.

О содержании ссыльных на Сахалине мы имеем сведения по официальным отчетам г. Власова[83].

Таким образом, тяжкие условия каторги при беспорядочном и неустроенном состоя-

нии естественно вызывали побегии. В прежнее время это было столь привычное явление, что начальник завода при приеме партии выкрикивал: «Кто хочет остаться, получи одежду, а кто в бега, тому незачем!» Каторжным предоставлялось на волю оставаться на заводе или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали беглые во избежание преследований, представляла выгодную экономию начальству. Начальство знало, что все равно каторжных не удержишь, результатом явилось, что нет такого опытного каторжного или бродяги, который не был бы уверен, что он уйдет с сибирской каторги. В последнее время это заявляется гласными процессами. Корреспондент одной газеты передает (1875 г.) о следующей сцене, происходившей 23 января в ярославском окружном суде при объявлении в окончательной форме решения суда беглому каторжнику Гарному (он же Гарманов). Эффектно звеня цепями и поглаживая свою бородку, он спокойно выслушал судебный приговор, обрекавший его на каторжную работу в продолжение двенадцати лет и одного месяца и на семьдесят один удар

плетьюми. Когда был объявлен этот приговор, Гарный, до того времени молчавший, оперся на решетку и повторил:

— Семьдесят одна плеть! Двенадцать лет с месяцем в каторге! Многонько-с, господа судьи! Строгонько-с!

Ему велели молчать; но Гарный, очевидно, рисуясь перед публикой, произнес следующий протест против судебного решения:

— Ведь, пожалуй, и лошадь не вынесет семидесяти одного удара! И зачем меня осудили к нечетке? Почему не семьдесят плетей? Лучше бы уж дали круглое число, 75, да ровно 12 лет или на 13 годков в каторге бы приказали... Ну, уж суд! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

Гарный осведомился, кто исполнял обязанности старшины, и дал обещание когда-нибудь покороче познакомиться с ним. Такое обещание смутило многих присяжных, вовсе не желавших воспользоваться знакомством с головорезом, который далее потребовал возвращения ему отобранных у него вещей и денег.

Председательствующий г-н Волков объяс-

нил дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровие и полное достоинство, подобающее суду, что вещи и деньги пойдут на покрытие судебных издержек. Гарный, выслушав этот законный ответ, воскликнул:

— Ну, суд! У вора деньги воруют!.. Ну, да ничего: пусть мои денежки полежат здесь в сохранности, по крайней мере проценты накопятся. Я ведь возвращусь сюда и получу капитал с процентами...

Бродяжничество в Сибири до последнего времени не уменьшается. В одной Томской губернии поймано бродяг:

В	1870 году	1600
«	1871 «	904
«	1872 «	662
«	1873 «	703

В Забайкалье — до 500 человек и т. д.

Это показывает, что бегство и бродяжество ссыльных и каторжных продолжает существовать в Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопрос об этом и предпринятые в последние годы в Восточной Сибири

особенные преследования беглых. Даже сам Сахалин не гарантирует от бегства, так как по последним сведениям видно, что с поста Дуэ с 1869-го по 1871 г. бежало до 60 каторжных, через пролив поймано из них 27, убито при поимке 8, а 25 так и исчезли. Один из наших беглых каторжных на Сахалине перерезал целое японское семейство. Все это приводит к заключению, что побегии эти не могут быть устранены при настоящей форме и положении ссылки. Постройка каторжных тюрем не прекратит бродяжничества и побегов ссыльнопоселенцев, не могущих примириться со ссылкой. Местные условия Сибири только благоприятствуют этому: обширные пространства, невозможность уследить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягам со стороны других ссыльных, составляющих оседлое население, наконец, терпимость и боязнь со стороны крестьян, обусловленная их собственными интересами, не начинать войны с ссыльным бродячим элементом из опасения мести поджогами, которыми угрожают ссыльные в случае их поимки; в заключение, администрация в

Сибири, как сама сознается, не обладает достаточными средствами и силами бороться с этим явлением, а тем менее прекратить его. Сибирские тюрьмы по тракту до того наполняются иногда бродягами, что местное начальство отказывается помещать их, и дается уведомление волостным властям официально «прекратить преследование бродяг». Томский губернатор сделал однажды около города облаву, и в одно утро было взято 800 человек. Такие облавы на беглых, как на волков, устраиваются во всех сибирских городах. Около некоторых деревень Сибири зимуют по 2 и по 3 тысячи скопившихся этих странников; в сибирских тюрьмах сосредоточивается временно по 1000 и по 1500 беглых бродяг. В екатеринбургском замке недавно встречалось по 300 задержанных бродяг из ссыльных, возвращающихся в Россию[84]. Беглые из Сибири попадают во всех городах России и в Петербурге. С 1867-го по 1873 год, по сведениям петербургского обер-полицмейстера, было задержано в Петербурге 8015 бродяг, 145 беглых и 276 дезертиров — таково распространение из Сибири бродяжества. Нечего говорить, что

оно не может быть устранено частными мерами. Оно находится в связи с неудовлетворительной системой. Некоторые, объясняя бродяжество, как явление мирное, находят его не столь опасным, как другие; но это, во-первых, не подтверждается, ибо преступления бродяг значительны; а второе, во всяком случае, условия жизни, сопровождаемые бродяжеством, и результат его — острог, плети или гибель — едва ли могут считаться нормальными и само явление желательным для кого-либо. Достаточно для того рассмотреть ближе сами преступления бродяг; мы увидим при этом, какое они оказывают влияние на общий уровень нравственности.

Одним из самых печальных результатов неудовлетворительного состояния ссыльных являются преступления их, обнаруживающие свое влияние на общий уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносят с собой нравственных элементов, но сторонники ссылки выражают всегда мнение, будто преступники в Сибири с переменою места и среды теряют свои дурные наклонности и становятся нравственнее. Мало того, составилось

мнение, что Сибирь представляет даже меньшую преступность, чем Россия. Ввиду такого утверждения необходимо проверить, действительно ли это все так. Мы уже видели, что обстановка ссыльных и их настоящее неудовлетворительное положение никак не могло способствовать особенному сохранению нравственности. Тяжкие условия труда, нищета и бедность, отсутствие оседлости, праздность и бродяжество, склонность к побегам не могли не усилить склонности к преступлениям. Точно так же не мог благоприятствовать нравственности ссыльных целибат, преобладание в нем мужского населения над женским, предшествовавшая жизнь по острогам, долгое этапное странствование по прежним тюрьмам — все это не могло не отразиться на нравах ссыльных. Но оставим все это в стороне и возьмем ссыльного, как человека, независимо от прошедшей его жизни; каково окажется развитие его нравственности исключительно под влиянием условий сибирской жизни?

Обращаясь к мнениям лиц, близко сталкивавшихся с ссыльным населением, к отчетам

местного начальства, наконец, к мнению сибирских обществ и крестьянства, мы приходим к заключению, что отзывы эти о нравственности ссыльных в большинстве не особенно благоприятны и не дают права заключить много о их способностях и поведении.

Администрация, управлявшая ссыльными в Сибири, давным-давно высказывала взгляд, не особенно выгодный, о жизни ссыльных и их нравственном достоинстве.

Из позднейших отзывов мы можем указать на следующее. Вот что свидетельствует иркутский ревизор поселений: «Ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и в большинстве пьянствуют. Ссыльные, иногда хорошие работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лени и беспечности делаются не способными к постоянному труду, почему и предаются бродяжеству или же уходят в золотые промыслы, где работа временная и требует не искусства, а физической силы. С подобными рабочими частная предприимчивость не может двигаться». Такой отзыв приводит томское начальство в 1873 году. Енисейское губернское

начальство говорит: «Из цифр, приведенных в статье «Народная нравственность», очевидно, что громадный процент преступлений ссыльных в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут». Якутское начальство дает следующий отзыв: «Большинство поселенцев, находящееся в заработках на золотых приисках, развратившееся в тюрьмах, каторжной работе, арестантских ротах и во время продолжительного следования их в Сибирь, продолжает и здесь развивать все дурные наклонности. Они нисколько не беспокоятся о своей будущности, и все, что зарабатывают на приисках, оставляют в питейных заведениях и снова нанимаются в работу, где и продолжают свое существование до негодности их к работе, нищенствуя, бродяжа и делая преступления». Все отзывы сводятся к тому, что единственный труд, доступный для ссыльных, — золотопромышленный, действует на них исключительно деморализующим образом. Что касается отзывов местного населения, то оно исполнено еще больших предубеждений. Название поселщика всегда

намекает в Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведение ссыльных не пользуется репутацией, а труд их чрезвычайно низко ценится по его достоинству. Что касается ссыльных из бродяг, то они совсем оказываются не способными к труду. Местами отношение населения к ссыльному элементу доходит до ненависти. Не доверяя вполне сложившемуся предубеждению, точно так же, как и считая его довольно неточным определением, мы должны, однако, обратиться к более доказательным данным в оценке сравнительной нравственности ссыльных и их влияния на окружающую среду. Единственно бесспорною и определенной меркою здесь могут быть цифры уголовной статистики и сумма преступности в Сибири. К сожалению, таких-то исследований и недоставало. Поэтому нам составило немало труда выделить и добыть некоторые сведения по этой части[85].

Несмотря на то, уже некоторые общие данные по уголовной статистике России указывают на участие ссылки в распределении преступлений. Уголовные сведения г. Анучина представляют нам постоянное возрастание

преступлений и увеличение преступности от запада к востоку. Maximum этой преступности возрастает в приуральских губерниях. К сожалению, уголовные данные эти кончаются пределом Урала и не охватывают Сибири, которая не вошла еще в нашу уголовную статистику. Но уже первое место по преступлениям, принадлежащее Пермской и Оренбургской губерниям, дало повод заключить исследователю, что развитие преступлений стоит здесь в связи с распространенным бродяжеством беглых и ссыльных, возвращающихся из Сибири, что подтверждается и цифрами (Анучин, Матер. к угол. статист. России. Ч. I, ст. 188). Это одно уже дает намек, что Восток в деле уровня преступности едва ли подлежит особому исключению, и что положение его не может находиться в лучших условиях, чем соседние с ним губернии. Напротив, возрастающая прогрессия преступности по направлению к Уралу намекает на совершенно обратное.

Число преступлений, сделанных поселенцами и каторжными и бывших на рассмотрении судебных мест в Сибири, по сведениям,

доставленным в министерство юстиции, считалось в 1867 году — 93 и 1868-м — 98. Первое место занимало по преступлениям ссыльных бродяжество, второе — убийство, третье — воровство, четвертое — зажигательство. Цифра 98 преступлений, однако, составляет, как мы увидим ниже, только ничтожную часть общего числа преступлений ссыльных в Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступлениях ссыльных с 1838-го по 1847 г., взятой, вероятно, из отчетов приказа о ссыльных (таблица эта напечатана ныне в иркутском календаре на 1875 г., стр. 177). Как ни неполны подобные сведения, но распределение преступлений и в ней показывает, что вслед за бродяжеством, которое мы не вносим в число уголовных преступлений, первую роль играет у ссыльных убийство, вторую — воровство, третью — грабеж, четвертую — подделка ассигнаций. Но для нас, конечно, более интересны позднейшие и более полные сведения. Собственно преступлений, по последним отчетам, во всей Сибири значилось: в Иркутской губернии в 1872 г. — 426, и число осужденных — 160; в 1873 г. число преступле-

ний было 473, число осужденных — 113; в Енисейской губернии по статистике 1873 г. преступлений 1545 и осужденных — 1188 на население в 372000; в Томской губернии преступлений было 826, осужденных — 401; в Забайкальской области в 1873 г. число преступлений 73, число осужденных — 137; в Приморской области за тот же год преступлений 35, осужденных — 102; в Якутской области преступлений 112, осужденных — 43; в Семипалатинской области преступлений 285, осужденных — 41. (В Семипалатинской области ссыльных нет). По уголовным отчетам, в сибирских губерниях первое место по роду преступлений занимает смертоубийство, второе — подделка кредитных бумаг, третье место — кража, четвертое — нанесение ран. В эти места судебных дел не вошло бродяжество, которое занимает, конечно, первое место в Сибири. Распределение преступлений, как мы видим, совершенно оригинально. В российских губерниях распределение преступлений идет в таком порядке: кража, грабеж, смертоубийство, зажигательство, увечья и раны[86]. Проявление в Сибири на первом

плане таких преступлений, как убийство, грабеж, подделка монеты, нанесение ран, показывает уже на какие-то особые условия проявления преступлений. Нет сомнения, что здесь имеет влияние ссылка. Значение цифр местной уголовной статистики объясняется следующими характеристиками местной нравственности в отчетах губернаторов. Местную уголовную летопись сибирские начальники губернии дополняют следующими характеристиками: пополняясь людьми, не имеющими твердых нравственных убеждений, Томская губерния, как и вся Сибирь, представляет больше всякой другой страны вероятности для проступков и преступлений. Вообще ссылки обнаруживают на нравственность народа самое неблагоприятное влияние, и это влияние тем сильнее, чем более отношение ссыльных к коренному населению. Преступления в Томской губернии увеличились в таком порядке: в 1870 г. их было 639; в 1871 г. — 693; в 1872 г. — 766; в 1873 г. — 826, то есть в год увеличились на 60. Краж было 206; убийств — 100; увечий и нанесений ран — 82. Число преступлений по нару-

шению устава монетного и подделки кредитных билетов равнялось: в 1870 г. — 83-м; в 1871 г. — 132-м; в 1872 г. — 90; в 1873 г. — 93-м. Фальшивые кредитные билеты входят в губернию путем провоза их арестантскими партиями и проходящими бродягами; часть их подделывается на месте преимущественно ссыльными. Сбыт их производится инородцам и малограмотным крестьянам. Бродяг поймано в 4 года 3869 человек (Томский отчет).

В последнее время собраны сведения о преступлениях, совершенных исключительно ссыльными; причем оказалось из данных за 5 лет, что по Тобольской губернии ссыльные совершают ежегодно до 1093 преступлений, по Томской губернии — 1749, причем одно преступление приходится на 28 ссыльных. Воровство, бродяжество и особенно убийство занимают наиболее видное место среди преступлений. Кража — 56 %, убийство — 7, 63 %, грабежи — 3, 6 %, нанесение ран — 3, 62 %, подделка кредитных билетов — 2, 25 %, бродяжество — 14 %. С 1870-го по 1876 г., по собранным сведениям, задержанных бродяг в То-

больской и Томской губерниях оказалось 8047 человек. Число содержащихся ссыльных в тюремных замках за десять лет в Тобольской губернии было 9828, в Томской — 6728. Из 40 и 50 ссыльных ежегодно один бывает в тюрьме за преступление или по подозрению. При этом нельзя не обратить внимание, что округа, где ссыльные водворяются, по удостоверению томского начальства, дают в 5 раз более заключенных, чем округа, изъяты от ссылки, как-то: Бийский, Барнаульский и Кузнецкий. Все эти данные, как мы полагаем, не особенно рекомендуют исправительное значение нашей ссылки, а также не совсем подтверждают теоретические измышления о том, что ссыльный в новой среде при обилии земель в Сибири и благословенном сибирском климате должен возвратиться на путь истины.

Еще более наглядную картину преступлений представляет Енисейская губерния по отчетам губернатора. В течение 1873 г. рассмотрено было в судебных местах 1545 дел; число осужденных в общем населении губернии составляет больше 0,4 %, или 4 осужденных на 1000 человек. Против 1872 г. число осужден-

ных более на 267 человек и число преступлений — на 554. По многочисленности первое место между преступлениями занимает смертоубийство, составляя 72 % в общем числе преступлений; затем следуют: воровство-кража и воровство-мошенничество — 23,3 %; нанесение ран и увечий — 15,6 %; нарушение уставов монетных — 5,9 %; грабежи — 4,6 %; преступления по службе государственной и общественной — 3,3 %; бродяжество — 2,9 %.

По сословиям в числе осужденных было дворян потомственных и личных — 1,2 %; купцов и мещан — 15,5 %; крестьян — 23,5 %; военного сословия — 7,3 %; инородцев — 13,1 %; поселенцев — 30,6 % и ссыльнокаторжных — 8,8 %. Принимая во внимание, что в числе крестьян есть крестьяне из поселенцев, оказывается, что *более половины всех преступлений совершено уже раз осужденным в российских губерниях населением: поселенцами, каторжными и крестьянами из поселенцев.* Из 507 человек поселенцев и ссыльнокаторжных, осужденных за все преступления, обвинено: в смертоубийстве — 135 человек, что составит 26,7 % общего числа обвиняемых; в во-

ровстве-краже и в воровстве-мошенничестве — 21,1 %; в нанесении ран, увечий и других повреждений — 19,5 %; в нарушении уставов монетных — 5 %; в остальных 22 разных преступлениях обвинено из 507 человек только 65, или 12,9 %, следовательно, это пришлое население совершает самые важные преступления.

О преступлениях Иркутской губернии, выпадающих на долю ссыльных, мы собрали следующие сведения: в 1868 г. осуждено было к каторге 19 человек, к ссылке и на водворение — 5 и к исправительным наказаниям — 51 человек. Из числа 19 приговоренных к каторге 11 человек ссыльнопоселенцев. В 1871 г. к каторге приговорено 30 человек, из них поселенцев 26 человек; к исправительным наказаниям — 85 человек, в числе их ни одного поселенца; в 1872 г. к каторге приговорено 42 человека, в том числе 31 поселенец; к исправительным наказаниям — 118 человек, в числе приговоренных 31 поселенец и 39 других сословий. По ведомости о преступлениях за 1873 г. видно, что ссыльных осуждено было 38 человек по губернии, то есть столько же,

сколько крестьян, не считая осужденных бродяг; все это показывает, во-первых, что число уголовных преступлений в четыре года увеличилось более чем вдвое и, во-вторых, что более важные преступления совершаются исключительно ссыльными[87]. То же самое обнаруживается и из других ведомостей. В Забайкальской области в 1873 г. совершено было 73 преступления, из которых главную роль играли убийство, нанесение ран и кража; в течение года ссыльнокааторжными сделано было 50 преступлений; сверх того, судилось пойманных 372 бродяги. О нравственности Якутской области начальник области в 1873 г. заявляет: преступлений в 1873 году, в сравнении с предшествующим годом, увеличилось на 60, и прибавляет, что большинство осужденных — ссыльные, лишённые всех прав состояния за прежние преступления и, как безнравственные, уже раз сосланные в отдалённую область.

Таким образом, уголовная статистика приводит нас к совершенно другим результатам, чем до сих пор предполагалось. Она показывает, что ссыльное население далеко не так

добродетельно и нравственно, как думали, а Сибирь далеко не обладает таким спокойствием, как уверяют.

Местная уголовная статистика открывает нам: 1) что преступность в Сибири превосходит все другие местности; 2) лестница преступлений представляет то оригинальное явление, что здесь крупные и самые опасные преступления стоят в первом ряду, как убийство; 3) Сибирь, благодаря ссылке, обладает некоторыми специфическими преступлениями, как-то: бродяжеством и подделкой монеты и кредитных бумаг, стоящими: бродяжество — на первом месте перед убийством, а преступление по подделке монеты на втором месте после убийства; 4) усиление преступлений в Сибири год от году возникает в неимоверно быстрой профессии. Так, в Томской губернии оно увеличивается ежегодно на 60 по отношению к цифре 600. В Якутской — тоже на 60, в Енисейской возросло в год на 500 с 1000 и в Иркутской увеличилось в четыре года более чем вдвое; 5) в заключение, исчисления уголовной статистики обнаруживают, что преступления в Сибири падают в боль-

шинстве на долю ссыльных. Так, по официальному отчету Енисейской губернии, заявлено, что более 50 % самых тяжких преступлений совершалось ссыльными. Осужденных из крестьян было 23,54 % поселенцев и ссыльно-каторжных — 39,04 %. В Иркутской губернии отношения осужденных ссыльных к свободным сословиям по тяжко-уголовным делам выражаются в таком отношении: ссылалось в три года в каторгу 11 ссыльных на 8 крестьян, 24 — на 4, 31 — на 11, и в 1873 г. осужденных было как ссыльнопоселенцев, так и крестьян по 38. Но при этом надо принять еще во внимание число тех и других. Количество преступлений ссыльных распределяется на их число в 40 и 45000, число же преступников остальных сословий на количество в 327000 и 328000 жителей — это разница огромная. При такой пропорции численное преобладание количества преступлений ссыльных обнаруживает, что преступность между ссыльным сословием является не только не ничтожною, но поразительною. Вот факты, которые не могут быть не признаны знаменательными.

В дополнение к уголовным сведениям и

анализу преступлений в Сибири следуют происшествия, публикуемые в «Губернских ведомостях», которые даже дают нам возможность составить себе понятие об особенностях многих сибирских преступлений и их местном типическом характере.

Образчиком преступлений могут быть следующие. «Иркутские губернские ведомости» сообщают, что в Киренском округе в деревне Чугуевой 10 мая в одиннадцатом часу вечера поселенцы (ссылные): Вулканов, 22 лет, и Мухамед Непомнящий, 50 лет, через взлом окна в питейном заведении крестьянина Якова Черкашина вошли в горницу, где спали сам Черкашин с женою, оба пьяные, и дочери их: Анна, 15 лет, у которой были на руках отцовские деньги, и Авдотья, 5 лет. Злодеи изранили прежде всего маленькую девочку, которая вскоре и умерла затем; допытывались денег у Анны, нанесли ей несколько тяжелых ран и, отняв деньги, хотели убить, но в это время проснулся поселенец Воронов. Узнав его голос, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бежать убийц.

Из Ишима от 28 февраля 1875 года извеща-

ли в «Биржу»: «В последний день масленицы, 22 февраля, в нашем городе было совершено зверское, неслыханное преступление. Под вечер этого дня к устроенной среди города горе для катания подъехали трое ухарей, схватили в свои сани девушку тринадцати лет и увезли ее за город, несмотря на отчаянные вопли несчастной жертвы. За городом девочка была растлена и изнасилована троими похитителями поочередно. Потом негодяи возвратились в город и выбросили полумертвую девочку на улицу. Полиция, не могшая предупредить зверского преступления, хотя и оказала энергию при розыске злодеев, но девочке это не было утешением: она через сутки умерла в городской больнице».

Недавно из Красноярска было рассказано такое событие. В местной женской гимназии пропала горничная. Вслед затем найдена была на берегу обезображенная голова, косы продеты в уши. Далее, собака таскала по городу человеческую руку. По этим частям узнали пропавшую девушку; она была варварски умерщвлена и изрезана, у ней вырезаны были груди, половые части и проч. Одновремен-

но в городе исчезли швейцар женской гимназии и писарь из какой-то канцелярии, на которых и падало подозрение. Вскоре оказалось, что они были оба ссыльнокаторжные, жившие в Красноярске по фальшивым паспортам, и один из злодеев даже был сторожем девичьего заведения. Наконец, характеристическим происшествием может служить преступление в Иркутске 5 октября 1873 г. В Иркутске была убита вдова, купчиха Чурина, с дочерью, кухарка, бурят работник и дворник; последние двое брошены в Ангару, на набережной которой стоял дом Чуриных; горничная девушка была обещана одним из убийц и задушена петлей, но по счастливой случайности осталась жива и явилась впоследствии единственной обличительницей преступников. Вообще убийство это сопровождалось возмутительнейшими истязаниями. Конечно, обстоятельство это наделало много шума в столице нашей ссыльной страны, хотя подобные убийства не редкость в здешнем крае. Убийство было совершено по заранее обдуманному плану и составляло, говорят, первое из задуманных. В преступлении

участвовали трое ссыльнопоселенцев и трое бродяг. Преступники вели себя на суде, как и перед наказанием, весьма хладнокровно. Некоторые из них сознавались на суде в совершенном злодействе, говорили весьма спокойно: «взял да и придушил», или: «придушил да и бросил в Ангару». Некоторые из них в тюрьме еще обещались перерезать половину города; они были уроженцы Витебской, Каменец-Подольской и Тверской губерний, ссыльные в Сибирь, попавшие в чужую страну, озлобленные на все их окружающее. Ввиду зверского преступления трое из главных преступников, виновных в убийствах и грабеже, судимы были военным судом и приговорены к повешению. Иркутск был свидетелем самого ужасного зрелища.

Значительная часть сибирских преступлений отличается зверством и грубостью. Это зависит как от свойства преступников, озлобленных каторжников, артистов преступления, так и от местных суровых и огрубляющих условий жизни. В Сибири, как в стране девственной, пустынной, при слабом влиянии власти и полиции, преступление стано-

вится смелее и необузданнее; наконец, благодаря простоте жизни, патриархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствию городской цивилизации, которая всегда предполагает большую осторожность, преступления проявляются без утонченности и хитрости, а в самых грубых и простых формах. Люди, наблюдавшие жизнь ссыльных на золотых приисках, передавали, например, что в Сибири тонкий мошенник часто делается грубым злодеем; где он действовал прежде утонченными средствами, с помощью хитрости, обмана, изобретательности, там, в Сибири, действует просто «обухом топора», потому что и изобретательности такой не требуется.

Однако в России сложилось мнение, что в Сибири решительно не замечается опасности для гражданской жизни, и местные жители никогда не жалуются на преступления, а потому заключили, что сами преступления исключительны и редки. Чтобы выяснить себе это, мы составили хронику за два последних года обо всех печатавшихся выходивших из ряда вон событиях в газетах, которая может довершить картину местной жизни.

Хроника эта содержит 33 возмутительных происшествия и дополняется следующими сведениями о некоторых городах. При переписке томской городской управы по поводу усилившихся преступлений оказывается, что с 1 июля по 7 октября 1874 г. в городе было 30 случаев убийств и воровства, а по полицейской ведомости показано 58 преступлений этого рода — в 3 месяца. По обнаруженным сведениям газеты «Сибирь», в районе иркутского военного округа ежегодно решается от 30 до 40 дел, которые прекращаются за неотысканием виновных. Наконец, из Енисейска нам пишут далее, как в нынешнюю зиму сообщалось следующее: «Лишь только успели несчастные обыватели оправиться от горя и успокоиться после страшной катастрофы (известного пожара), как неожиданно-негаданно у них явилась новая тревога и новое беспокойство за свою жизнь и имущество. В городе в течение самого короткого периода времени было совершено несколько убийств, грабежей и краж. Некоторые из этих преступлений по своему зверскому характеру, смелости и неразборчивости в отношении места и

времени их совершения положительно выходили, как говорится, из ряду вон: были случаи кровавых сцен среди белого дня, на людных улицах. Паника до того овладела местным обществом, что, несмотря на его привычное равнодушие ко всякого рода преступлениям в среде его раздались сильные протесты и явное негодование на бездействие местной полиции».

Такие факты не дают повода заключить о значительной безопасности жизни в крае. Но факт незамеченности преступлений в Сибири точно так же получил настоящее объяснение в последнее время; он объясняется привычкой к преступлениям. Самые ужасные преступления здесь не производят впечатления. Вот что об этом пишет один из наблюдателей сибирской жизни: «В одну зиму, часов в 6 вечера, было невозможно ходить по улицам. Какие-то молодцы с песнями, на тройке, в кошеве разъезжали по городу и ловили арканом и баграми проходящих и проезжающих по улицам. И все это сходит с рук и считается вещью, крайне обыкновенною, к которой жители привыкли и пригляделись. Предмет для

разговоров всегда есть; но тон самих разговоров идет как о погоде. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, рассказывает об убийстве или воровстве, как будто дело идет о зарезанном теленке или разбитой посудине. В первое время я удивлялся подобным вещам, потом мало-помалу *совершенно привык и обжился*» [88].

Сибирь в этом случае похожа на постоянное поле битвы, где оставшиеся в живых весьма мало говорят об убитых. При темноте и невежестве сибирской массы населения общество долго не замечало окружающих явлений, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось со своим положением. Если заявлялись жалобы по поводу преступлений, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиции. Таких жалоб мы немало встречаем в корреспонденциях, а в последнее время в Томске об этом загорелось целое дело. Городская управа ввиду усилившихся грабежей и краж (а уголовная хроника этого города, как видно, поразительная) просила полицию усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиция

обиделась. А за предоставление томскому губернатору на вид этих происшествий вся городская управа в наличном составе отдана была под суд. Дело это перенесено в сенат. На самом деле в городе с 1 июля по 7 октября 1874 г. было 30 случаев убийства и воровства, а по «Полицейским ведомостям» показано 58 преступлений этого рода в три месяца. Вот источник этих пререканий! Такие пререкания не редкость в Сибири ввиду местных особенностей края.

Однако настоящие причины преступлений начинают все чаще выясняться.

Нравственное влияние ссылки, кроме того, отражается и многими другими явлениями в Сибири. Так, указывается на развитие разврата, незаконных сожитий и увеличение незаконных рождений в крае. Иркутская губерния по числу незаконных рождений, например, занимает второе место. (В Иркутской губернии на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, в Петербурге — 497, в Москве — 237, а в Саратовской и Рязанской губерниях — 51–52). Несоразмерность полов между ссыльными естественно влечет к раз-

врату; те же явления замечались и в Австралии и, по словам Дюкэна, составляют самую невыгодную сторону ссылки.

Точно так же указывают в Сибири на распространение сифилиса, заносимого партиями[89]. В Иркутской губернии называют целые селения, где эта страшная болезнь поражает людей совокупно семьями, не исключая грудных и рождающихся детей. Д-р Шперк о том же свидетельствует на Амуре. Кроме того, ссылка, говорят, не могла остаться без нравственного влияния на само воспитание сибиряков, на их нравы. Наши учителя, пишет один сибиряк, няньки, гувернеры, капиталисты, местная интеллигенция и даже сами власти, например, волостные писаря, — из ссыльных, что не могло остаться без последствий. Местное общество заражалось влиянием преступников. Ссыльные научили сибирское крестьянство страсти к промыслу фальшивыми билетами; здесь существует целый воровской промысел срезывания чаев, в котором нередко участвуют сами купцы, как недавно открылось в Канске. В Сибири существует множество спекулянтов, которые слу-

жат только организаторами преступлений, для которых исполнителей доставляет бродячее сословие; организатор должен скрыть и спровадить продукт преступления, и, конечно, ему достается львиная часть при этом. Со сланные конокрады, фальшивомонетчики, срезыватели чаев находят у подобных лиц приют и практику; поэтому неудивительно, что торговля не распространяется, и в некоторые места бывает иногда небезопасно купцу ездить. Отсутствию личной безопасности следует приписать отсталость Сибири в промышленном отношении, вялость взаимных отношений и невежественное состояние края. Ссылка производит растлевающее влияние и на другие сферы общественной жизни. Она охватывает сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконец даже простирается на воспитание детей. Г-н Максимов говорит, что сибирские варианты русских сказок наполняются бродяжескими персонажами; известно также, что сибирские дети играют «в бродяг», «в поджоги» и даже разыгрывают сцены бродяжеского самосуда.

Понятия о собственности и гражданствен-

ности в Сибири поэтому более, чем где-либо, поколеблены, пренебрежение к чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба с ссыльными породила самосуд, массу бесправия; наконец, сама ссылка извратила до известной степени нравы администрации. Вредное влияние неравноправности сибирского населения отрешается и на нравах полицейской администрации Сибири. Привыкши большей частью практиковать свою власть на бродягах, сибирский чиновник практикует те же средства для узнавания истины или для исправления зла и на полноправной части сибирского населения. Лучшим примером этого может служить следующий случай: в 1871 г. смотритель карийского золотого промысла Демидов открыл убийство, совершенное одним каторжным; чтобы раскрыть все подробности преступления, Демидов пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, пришедшая в Сибирь с мужем добровольно и, следовательно, избавленная от телесного наказания; потом он пытал одиннадцатилетнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе, и палач

сек ее розгой с головы до пят; ребенку уже дано было несколько ударов плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать битье. И между тем жестокость Демидова есть естественное последствие того воспитания, которое он должен получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидетельствует о благотворительном нравственном влиянии ссылки. В заключение мы считаем нелишним привести несколько выписок из корреспонденций, выражающих отношение местного общественного мнения к ссылке. В корреспонденциях чаще и чаще слышатся жалобы на бродяг, беспаспортных и бесприютных ссыльных, наполняющих города и порождающих преступления. Так, 1873 году корреспондент из Омска, рисуя положение осаждаемого бродягами и преступлениями города, восклицает: «Постоянная ссылка в Сибирь не нужного для европейских губерний люда ставит нас в постоянную блокаду отверженных людей. И нигде, кажется, эта блокада не чувствуется так сильно, как в Омском

округе» («Камско-волжская газета» 1873 г., № 89, корреспонденция из Омска). Из Енисейска в январе 1875 г. сообщают по поводу уголовного случая, совершенного поселенцем (кражи в церкви): «В последнее время пролетариат наш усилился наплывом новых лиц, из которых большая часть приписана сюда в мещане и, по отсутствию здесь работы, в зимнее время положительно бедствует. Они же совершают преступления». («Новое время», 1875 г. № 12)[90]. Из той же губернии посылается далее такое известие: «Сибирь» сообщает, что большой наплыв ссыльных и бродяг был причиной того, что в Енисейской губернии в первые только пять месяцев нынешнего года было ограблено семь церквей и, сверх того, было четыре покушения на ограбление. При одном случае в селе Юкеевском на 17 апреля убит трапезник. К счастью, почти все злоумышленники пойманы. При исследовании открылось, что воры изобрели новый способ проникать в церкви через разборку дымовых труб.

Наконец, в последнее время все корреспонденции из Омска, Томска, Красноярска, Ени-

сейска и Иркутска сливаются в единоголосный протест против ссылки в край. Передавая о бедственном положении ссыльных, корреспондент из Енисейска в 1875 г. прибавляет: «Ссылка эта приносит чистейший вред краю, отрицать вред ее для Сибири и признавать ее пользу и необходимость могут только люди, не жившие в Сибири и не видевшие массы ссыльных на новой, чуждой им стороне. Чем скорее Сибирь избавится от этих подневольных, пришлых людей, тем она больше выигрывает в нравственном и материальном отношении».

«Сибирь, как известно, служит для России как бы вентилятором, — пишет корреспондент из Томска, объясняя местные преступления, — в который выходит все ненужное. И все это группируется по большей части в наших больших городах, в особенности в Томске. Каждое лето присылаются тысячи поселенцев, которые, войдя в Сибирь, выпускаются, как говорится, на все четыре стороны решительно без всяких средств к жизни. Незнание местности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу при

изобилии рабочих рук невольно заставляют поселенцев прибегать без разбора ко всевозможным средствам к существованию. Легко понять, как у нас при такой обстановке должны процветать всякие виды мошенничества и безобразия. Даже при хорошей полиции было бы трудно совершенно гарантировать жителей от грабежей, убийств и проч., между тем, у нас в настоящее время полиции на деле почти не существует, если же она и вздумает заявить о своем существовании, то в таких исключительных случаях приносит жителям более вреда, чем пользы». Наконец, иркутский корреспондент по поводу слухов об отмене ссылки выражается таким образом: «Хотите ли знать, что думают сибиряки о ссылке? Влияние ее давно испытывается Сибирью, и отношение населения к ней довольно определенно выяснилось хотя бы потому, что нет ни одной проезжей дороги, где можно было бы ездить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, так что не было проезда у этих центров Сибири. Этим путем создается у нас искусственная осада городов; легенды «о двенадцати разбой-

никах», явившиеся в прошлом столетии, осуществляются и в наше время: еще на днях в окрестностях Иркутска поймана шайка, систематически грабившая в городе и окрестностях. Летом убиты были две беззащитные женщины, теперь, по слухам, идет процесс одного адвоката из ссыльных, обвиняемого в отравлении иркутской дамы, своей доверительницы. При генерале Синельникове повешено трое ссыльных бродяг, изрезавших в Иркутске целое семейство. Но это только преступления из ряду выходящие. Сколько ссыльных вторгается в семейную жизнь с помощью денег и связей, сколько обманов и неуловимых мошенничеств — и не перечить! Ссыльные становятся здесь во главе промышленных предприятий; они играют видную роль в обществе, они являются интеллигенцией».

«Несмотря на то, что ссыльные пользуются у нас доверием, они, тем не менее, производят на все общество глубоко развращающее влияние. Нам известно, сколько разврата под влиянием нищеты поселили ссыльные в местностях, прилегающих к частным золо-

тым приискам. Понижение нравственного уровня города Иркутска, выражающееся в громадном развитии проституции, положительно объясняется бедностью ссыльных женщин; умножение преступлений против чужой собственности определяется нищетой преступников. Думают, что без ссыльных в Сибири не будет рабочих рук, что упадет земледелие и не станет ремесленников. Мы знаем, что земледельцем делается из ссыльных разве один из ста, да и то едва ли. С открытием ремесленных школ нам рабочие из ссыльных вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на прииски и на фабрики, то только кликните клич — целые артели явятся из европейских губерний, как теперь они являются отовсюду даже на амурские прииски, как свидетельствуют факты. Ссылка сделала то, что Сибирь стала неудобобитаемой для самих сибиряков, и они бегут из нее без оглядки».

Указания эти и отзывы, слышащиеся из самой Сибири, не могут теперь уже не заслужить некоторого внимания ввиду подтверждающих фактов уголовной статистики и об-

щего положения ссыльных. Они показывают, что мнение о нравственном и морализующем значении нашей ссылки в тех формах, в каких она проявляется, миновало и должно утратить свое значение.

В заключение нашего очерка остается сделать небольшие соображения, во что обходится ссылка государству и местному населению, чтобы иметь понятие о выгоде и дешевизне этого наказания.

Как за границей, так и у нас утвердилось мнение, что ссылка, как наказание, представляет необыкновенно удобный и дешевый способ избавляться от преступников. Выгоды его основывались обыкновенно на том, что государству чрезвычайно мало стоит переправа преступника в другую местность, и затем оно слагает уже всякие заботы о нем с себя, предоставляя его собственным силам. Дешевизна эта обуславливается вообще прежним воззрением на наказание и на личность преступника. Самый дешевый способ отделаться от преступника был, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась в древнейшее время. Затем явились изгнание и ссылка. Древние

формы ссылки не отличались особенно заботливостью и попечением о преступнике. Англия перевозила преступников, как рабов, — на кораблях и продавала на плантации. Наша пешеходная гоньба ссыльных в прежнее время также могла считаться дешевым наказанием. Их гнали целыми тысячами, связанными цепями, как стаза. Селили как попало, часто в местностях, где они тотчас же вымирали; так, например, Чичерин погубил тысячи ссыльных на болотистой Барабе во время проведения дороги. Жизнь ссыльного мало ценилась. Но со временем ссылка, однако, требовала все больших и больших попечений по приложению к ссыльному и больших государственных расходов, не говоря уже о том, что дешевизна наказания никогда не говорила за его совершенство.

При защите ссылки как наказания в современных формах и в доказательство дешевизны его обыкновенно ссылаются на незначительность расходов на нее по нашим сметам; но мы позволим себе здесь некоторое выяснение этих цифр, точно так же, как и укажем на более полную оценку стоимости нашей ссыль-

ки.

Стоимость пересылки для казны в Сибирь одного арестанта ныне вычисляется средним числом в 50 р., принимая снабжение его и одеждою; но здесь разумеются одни путевые издержки, то есть одни кормовые, притом принято препровождение только по главному сибирскому тракту, имеющему искусственные пути по Волге, Каме, и перевозку от Перми до Тюмени на подводках, что составляет только одну ветвь пересылки. Зато не принято во внимание содержание тракта, который хотя и сокращает время на препровождение арестанта, но стоит довольно дорого, что до сих пор затрудняло введение перевозки по другим трактам. Затем не причислено препровождение ссыльного по пешеходному тракту до главного сибирского и препровождение по Сибири пешим путем до места назначения, что значительно поднимет содержание арестантов в дороге, так как 1000 верст делается здесь в 68 дней. До Сибири доходит арестант в полгода и нередко в год[91]. Ничто ссыльному не препятствовало оставаться в больнице, и, наконец, за ним на казенный

счет часто следовала и семья. (С 1867 г. по 1871 год проследовало в Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12627 детей). К этому надо причислить содержание ссыльного в тюрьме до отправки в Сибирь и до распределения на месте, наконец, содержание ссыльного (в тюрьме) до весны, вследствие приостановки с 1867 г. зимнего препровождения. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающие команды также должны войти в счет пересылки, которые хотя в числе 14867 нижних чинов и употребляются для конвоирования не одних ссыльных, а также и пересыльных, но 20 команд с 1386 чел. конвоя служат на главном ссыльном тракте исключительно ссыльной системе, точно так же, как и другие команды, особенно в Сибири. Все это увеличивает стоимость пересылки. Уже г. Юферовым вычислено было препровождение одного арестанта с издержками в 142 р., но если присчитать содержание его до весны в центральном пункте, стоящее не менее 60 р., разложить расходы на семейства, содержание четырех экспедиций, инспекторов по пересылке и водворению ссыльного, затраты на

водворение, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое больше. Дальнейшие материальные и нематериальные убытки от ссыльной системы, как, например, побеги, содержание бродяг в тюрьме на счет казны целые годы, не подвергаются точному вычислению, но они тоже не могут быть опущены в общем расчете ссыльной системы. Все это подало повод в последней редакции записки о тюремной и ссыльной реформе в комитет тайного советника Зубова при окончательном рассмотрении ссыльной реформы дать следующие заключения: «Сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльных в настоящее время производятся из разнообразных источников, как-то: из сумм общества попечительного о тюрьмах, из государственного казначейства, из тюремного капитала, капитала министерства внутренних дел, из государственного земского собора, из городских доходов, из сумм приказа о ссыльных, а значительная часть их отбывается, кроме того, сибирскими жителями в виде натуральной повинности. Если стоимость ссылки определять теми только расходами, кото-

рые производятся из сумм государственных, в тесном смысле этого слова, то дешевизна ее в сравнении с другими мерами наказания стояла бы вне всякого сомнения. Однако государственным расходом следует признать не только тот, который заносится в сметы министерства финансов, но и все другие расходы на общие цели, производимые жителями в виде денежной или натуральной повинности. Раз признав эту бесспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка — мера в высшей степени дорогостоящая для государства. Одна пересылка арестантов в пределах европейской России, несмотря на последовавшие по этой части улучшения и достигнутую экономию, обошлась в 1869 г. в 5778000 руб., не считая расходов на содержание управлений центральных и губернских. Общее число всех пересылаемых в европейской России арестантов доходит до 120000, так что пересылка одного человека обходится в 49 р.; из этого числа пересылаемых по распоряжениям судебных мест 12000 человек, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительные расстояния, иногда

лишь из одного уезда в другой той же губернии, так что стоимость пересылки не меньше 200 руб. В Сибири передвижение арестантов составляет натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвижение там вдвое меньше, чем в европейской России, то окажется, что средняя стоимость передвижения одного арестанта до места ссылки обходится в 300 рублей серебром, то есть расходы, употребляемые теперь на передвижение одного арестанта до места ссылки, были бы достаточны для содержания его по меньшей мере в течение 4 лет в самой дорогой тюрьме европейской России. Принять же во внимание, что значительное число тяжких преступников вследствие побегов ссылаются в Сибирь по два раза и более, даже до 16 раз, окажется, что издержки на пересылку каждого арестанта должны быть приняты в больших еще размерах. Этим серьезным расходом далеко не заканчиваются издержки, которые необходимо затратить на ссыльнопоселенцев и ссыльнокаторжных. Постройка тюрем и ремонт их требуют громадных текущих расходов, несмотря на их неудовлетворительное состо-

ание. Содержание всех ссыльных, которые вследствие болезней и дряхлости впадут в невозможность поддерживать свое существование, ложится на местное население; и так как болезни вследствие изнурений в пути, бродяжества и неправильной жизни в острогах между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для местных жителей эта обязанность. Содержание же ссыльнокаторжных в тюрьмах всецело ложится на государство и, как показал долговременный опыт, отнюдь не окупается производимыми работами. Ко всему вышеизложенному следует еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой в настоящее время на отправление карательной ссылки, объясняется лишь тем, что правительство уклонялось от дорогостоящих мер, которые были бы необходимы для правильного ее отправления. Число должностных лиц, имеющих надзор за ссыльными, далеко меньше необходимого, получаемое ими содержание всегда незначительно, ссыльные не имеют школ, требуемые законом богадельни не устроены, даже сибирская стража до то-

го незначительна, что из сибирских острогов и мест поселения не бегают почти только тот, кто сам не желает. Словом, при существующем бюджете не могут быть достигнуты ни карательные, ни исправительные задачи ссылки, и для того, чтоб поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадные затраты, перед которыми 10 миллионов рублей ежегодного расхода представляются ничтожною песчинкою». По этому можно судить, что издержки на ссылку должны оцениваться за одно передвижение арестанта по 300 р., следовательно, minimum в 4800000 ежегодно при существующем контингенте ссыльных. К этому должно быть причислено содержание этапного тракта и военного конвоя с 14867 ч. нижних чинов, содержание на пути тюремных збмков, этапов и прочее; наконец, подводная повинность, выполняемая населением, которая должна войти в счет государственных расходов[92]. Содержание половины пересыльной стражи, по вычислению г. Лохвицкого, должно быть не менее 2000000 и всех расходов на ссылку более 5000000 р., а то-

гда стоимость на арестанта будет равняться уже не 300, а 800 руб.[93] Все это — казне, а сколько еще стоит она обществу? Дешевизна ссылки до сих пор тем и обуславливалась, что значительная часть издержек падала непосредственно на общество, в виде особой натуральной повинности. Начиная уже с того, что государство ссылкой преступника в другое общество слагало всякую заботу о нем и предоставляло содержание его собственным его силам; когда же ссыльный не мог помочь себе, он ложился всею тяжестью на общество. Судя по тому, в каком неудовлетворительном состоянии находится наша ссылка, надо заключить, что это было в большинстве именно таким образом. Если бы казна продолжала держать преступника в тюрьме, она расходовала бы по 74 р. на человека. Теперь же обществу приходится содержать ссыльного. Принимая даже арестантское содержание, на 12000 ежегодно идущих ссыльных потребуется 880000 р. Но весь контингент ссылки, проживающий в Сибири, равняется 202834 чел., и на прокормление его необходимо 15009716 р. Известно, что 4/5 ссыльных не обзаводятся хо-

зьяйством и бродяжат Бог знает где; предполагая, однако, только половину бродяг, прокормление ссыльных обойдется обществу в 7,5 миллиона. Вычисленные и признанные 40000 бродяг, шатающихся по Сибири, одни стоят 2960000 р. крестьянству ежегодно. К этому необходимо прибавить содержание тюрем городами и местными обществами, добавочные расходы по содержанию этапов, подводную повинность для партий, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцев, недоимки их, уплачиваемые населением, наконец, убытки от преступлений, совершаемых ссыльными.

Содержание тюрем в сибирских городах падает на местное общество; так, по отчетам губернаторов видно, что тюрьмы содержатся в Красноярске из государственных и земских сборов, в Ачинске, Канске и Минусинске — на счет городских доходов, Енисейске же — *на счет сбора с жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьян. Так, по официальному отчету, в одной Енисейской губернии пересылка и препровождение арестантов требует ежегодно 5202

человека и 5296 подвод. На сельские общества ложатся значительные недоимки за ссыльных, по податям, по уплате больничных денег за поселенцев, приходящиеся по 300–400 р. с одного сельского общества; наконец, расходы по содержанию усиленного штаба волостного правления ввиду множества поселенческих дел и переписки о них[94]; такой расход доходит до 50 к. с души сверх платимых за собственные надобности. Один уж этот расход может составить значительную сумму в сложности. Все это в совокупности заставляет нести местное население, кроме содержания ссыльного, целую массу новых налогов за него[95]. Заметим, что вся тяжесть системы падает на одну часть населения империи, и именно: на Сибирь; в Сибири же — по преимуществу на крестьянство. Край, таким образом, выполнял тюремную повинность по содержанию преступников за целое государство. Если некоторые лица в Сибири находили ее выгодною, как, например, золотопромышленники, черпавшие из контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы не замечали ее, как

избавленные от налогов, то крестьянство в Сибири не могло ею не тяготиться. Уплаты за поселенцев, которых общество часто не видело и в глаза, кроме партий, борьба с бродяжеством, постоянные покражи, поджоги «заимок» (хуторов), избушек не могли не подрывать материального благосостояния крестьян и не давать себя чувствовать. Крестьянам часто приписывалось брать ссыльных в работники, снабжать их землю присевком и проч.; таким образом, в Сибири пробовали привить систему кабальную, практиковавшуюся в Австралии «assignment system»[96], но она ничего не давала крестьянам, кроме убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужика. Поэтому крестьянство сплошь и рядом отказывалось от приема ссыльных и выражало протесты против приписки ссыльных. Некоторые местные акты свидетельствуют об этих протестах, облеченных в легальную форму. Напр., в 1806 г. иркутский земский исправник Оладьин прислал верхоленскому комиссару подробный проект о принятии крестьянами ссыльнопоселенцев в работники с условием снабжения ссыльных за работу пищей, одеж-

дой, денежной платой и присевками, на что крестьяне верхоленских общин в полном своем составе ответили следующим актом, который мы считаем необходимым привести целиком: «В полном собрании народа, в единогласном и твердом мнении утвердили общественным прошением отказаться от предписания исправника и комиссара, скромно предпосылая в то же время своим возражениям оговорку, что хотя общество предписаниям начальства всегда должно с крайним усердием повиноваться, но что в настоящем случае по значительному числу в крестьянском обществе бедных крестьян из сельских мирских старожилков, нуждающихся в наемной работе у своих общинников, по малости запашек и присевков у самих крестьян, не имеющих силы и могуты распахать много земли, по общей скудости достатков у большей части их общество ленских крестьян никак не может согласиться с предписанием господина исправника о принятии крестьянами поселенцев в работники со снабжением их присевками на две десятины и проч.»[97]. Обременительность повинностей по содержа-

нию и устройству ссыльных, как и по прокормлению дряхлых и старых (процент их огромен), которые, за неимением богаделен, исключительно пропитываются на счет сельских обществ, порождают и до сих пор многочисленные жалобы сибирских сельских обществ.

Наиболее очевидным свидетельством о том, какую тяжестью падает ссылка на местные общества и какой вред порождает она, служат приговоры мещанских городских обществ, представляемые на имя высшего начальства, с ходатайствами приостановить приписку к ним ссыльных. Вот некоторые из этих приговоров.

Ялutorовское мещанское общество, выставляя между прочим, что на одного коренного жителя общества приходится по 2 ссыльных (на 263 души приписано 570 ссыльных), жалуется, что последние ставят жителей в большое затруднение и даже разорение разными кражами и мошенничествами. При этом побудительными причинами такого поведения ссыльных общество выставляет неимение средств и заработков, почему

ссылные самовольно удаляются «куда-либо в другие местности, откуда за бесписьменность препровождаются местными начальствами обратно, другие же из них, по неимению на месте работ, постоянно занимаются разными кражами и мошенничествами, чем поставляют жителей в крайнее разорение»...

Туринское общество, жалуясь также на увеличивающееся причисление к нему ссыльных, причем в городе приходится один ссыльный на двух старожилов-мещан, прибавляет: «...что причисление ссыльных к городу не только не прекращается, но с каждым годом увеличивается, так что число ссыльных может скоро перевесить число старожилов, из коих многие вынуждены будут искать себе других, менее заселенных такими людьми мест». И это причисление, говорит общество, представляется неизбежным впоследствии, особенно для менее зажиточных мещан, так как за неплатежом податей ссыльными недоимка ложится на общество; «между тем как сами ссыльные, оставаясь в праздности и без всяких средств к честному существованию, вдаются в беспорядочную

жизнь, сопровождаемую пьянством, развратом, воровством и другими преступлениями, которые усмотреть и предупредить при большом скоплении в городе ссыльных становится для полиции почти невозможным».

Тарская дума объясняет: «Ссыльные, высланные в Сибирь из внутренних губерний России за преступления и проступки, а большею частью за дурное поведение в их прежних обществах, перенесли сюда праздность, пьянство, мошенничество, разврат и буйство, а иногда даже грабежи и убийства, в которых они, как люди опытные и находчивые, редко когда по суду изобличаются. При том же они своим дурным поведением служат соблазном для небогатых горожан-старожилов, в особенности для молодых людей, из которых некоторым уже привились эти пороки».

Ишимская городская дума выражается следующим образом: «Большая часть их (ссыльных), не имея средств даже на приобретение письменного вида, шатается по городу и округу, занимаясь кражами, разбоем или испрошением милостыни, называясь большею частью бродягами, чтобы тем более возбудить к

себе сострадание или страх; безнравственность ишимских мещан из ссыльных вошла даже в поговорку, так что проезжающие за несколько сот верст от Ишима предупреждаются быть осторожнее при проезде через наш город».

Наконец, курганское мещанское общество, принося жалобу на взыскание с него издержек казны за возвращаемых из разных мест империи отлучившихся самовольно без письменных видов лиц, принадлежащих к обществу, находит, «что взыскание, наложенное на общество, согласно законоположениям заключается в пополнении издержек казны за пересылку людей, причисленных к обществу по воле правительства, сосланных в Сибирь на поселение из внутренних губерний России и не имеющих здесь не только никакой оседлости, но даже вовсе им, мещанам, неизвестных, которые, прибывая партиями в Курган с военным караулом, почти с первого дня своего водворения, по выдаче им надлежащих видов на проживание в городе, весьма редко остаются на месте несколько дней, пропитываясь первоначально милостыней, и, как от-

выкшие от всякого честного труда, по испорченной своей нравственности и по склонности и закоренелой привычке к пьянству и праздношатательству, скрываются наконец из города без всяких увольнительных видов сначала в ближайшие селения под видом нищих и мнимых калек, уходят далее и, наконец, в отдаленных местах России и Сибири задерживаются как бродяги и заключаются под стражу в тюрьмы, где содержатся по несколько лет, выдают себя или непомнящими, или под другими вымышленными именами, а чаще всего после поимки присылаются на место причисления, опять на счет общества, и эта тягостная мера взысканий за пересылку неисправимых негодяев, выброшенных из прежних своих обществ, как негодные одонки, становится год от году для них, мещан, невыносимою и до крайности разорительною, как падающая на меньшее число членов общества, несущих притом все городские и общественные тягости и налоги, на которых в 10-летний период накопилась недоимка, пополняющаяся раскладкой на старожилов-мещан, составляющих 560 душ, между тем как припи-

санных к обществу ссыльных считается около 750 челов., из коих только 100 мало-мальски живет оседло, и то, только семейные, также весьма сомнительной нравственности; последние же 600 в полном смысле бездомные пролетарии и составляют истинный бич обществу, ибо при всей своей испорченности и закоренелости в праздности, пьянстве и в разных мошенничествах, вносят свои дурные правила в семейства бедных старожилов-мещан, развращают молодое поколение, передавая словом и делом все утонченности своей профессии по части мошенничества, и увлекают во все пороки... И этих-то пасынков прежних благоустроенных обществ, выброшенных из среды тех обществ на их мещанские слабые плечи по силе закона, они, мещане, должны считать своими членами единственно ввиду того, что они подлежат наравне с мещанами платежу мирских сборов на общественные надобности».

Обратив внимание на эти петиции, один из администраторов воскликнул: «Нельзя не сознаться, что в этих постановлениях городских обществ выразился голос населения, вы-

рвавшийся справедливыми жалобами правительству, в силу многолетних глубоко прочувствованных испытаний и что во всех протестах при их различных проявлениях звучит одна и та же истина».

Теперь мы можем довольно точно оценить, чего стоила Сибири ссылка. Мы указали уже, что значительная часть каторжных должна была содержаться праздно и ей предоставлялось уходить в бега. Что касается поселенцев, то они являлись без средств, без всякой помощи, проклиная новую местность, часто не зная, чем заняться, и, по отзывам правительственных ревизий и исследователей, жили «нищенством и преступлением». Весь этот контингент ссылки бродяжил и питался подаянием на счет местного населения. Таким образом, вся тяжесть ссылки по содержанию преступника падала на бедного сибирского землевладельца. Крестьяне призревали в первое время поселенцев, отводили им избы, кормили их и снабжали подаянием. Если мы представим себе около 200000 населения, постоянно пробивающегося всеми средствами около туземцев, на которых Си-

Сибирь должна произвести хлеб, одежду и проч., в том числе от 30 до 40000 бродяг, расхаживающих по дорогам и питающихся исключительно подаянием и воровством, мы поймем тогда, во что это обходилось Сибири. Сверх того, мы не считаем значительной части повинностей, которые несут крестьянство и страна как последствия ссылки. Для ссыльной системы от Урала до Амура построены этапы и в городах обширные тюрьмы на 1500 и 2000 ссыльных, которые выстроены и содержатся местными обществами и постройка которых обходилась не менее 200000 р. на каждую. Постройка тюрем год от году увеличивается, и неизвестно, каков предел будет этим увеличивающимся расходам. Нечего говорить, что все это не может похвастаться справедливым, ложась на один край. Ссылка создала у нас одну «колоссальную тюрьму» из целого края, который нес все неудобства и тяжести ее. Вот почему замечания, что Сибирь несла целые века все грехи своей праматери, высказанное кем-то, не лишено основания. Мы видим, что она несла, кроме того, и значительные материальные жертвования и лише-

ния. Сделав в Сибири сток нечистот, ссылка породила бесчисленные беспорядки и неудобства, легшие всей тяжестью на край. Смешав громадное население с ссыльными, она дала полную возможность развитию преступлений, породила два равноправных класса, развила кабалу, содействовала в крае антагонизму сословий, наконец, деморализовала население и извратила жизнь общества, а потому составляет ныне положительное ярмо и «язву края», как выражаются многие официальные документы. Гибельные последствия ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, как уверяют, едва ли скоро от них оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь местности и устанавливала на нее особые, исключительные воззрения, которые можно назвать *каторжными*: «Обширный край, — прекрасно замечает вице-адмирал Посъет в своей записке о ссылке, — пространством в 2 1/2 раза больший европейской России, богатства которого еще недостаточно оценены и исследованы, осужден быть местом жительства тяжких преступников из среды 70 миллионов населе-

ния. Мера эта имела основание, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотским морем и имея за собой пустынный Тихий океан, сама считалась пустынною землею и обитателями имела по преимуществу одни дикие и кочующие народы. Теперь, когда Тихий океан с каждым днем все более обращается в новое Средиземное море; когда через приобретение Амурской области Россия придвинулась к этому морю; когда сопредельные России государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развития, необходимо снять тяготеющее над ней клеймо «страны преступников». Постоянная ссылка таких людей в продолжение двух веков в страну малонаселенную не могла не иметь развращающего влияния на это население. Ссылка служит главным основанием жалоб в настоящее время и общества, и начальства в Сибири на недостаток людей, заслуживающих доверия и могущих быть употребляемыми с пользой для края. *Такое состояние населения останавливает развитие страны, составляет главную причину общего равнодушия к богатой*

Сибири и к ее обитателям, хотя, говоря вообще, мало нравственным, но весьма способным. Страна остается как бы забытою, и вместе с этим с каждым днем все более отстает от соседних ей стран Востока». Таким образом, ценою ссылки приносилось в жертву самое существование и развитие нашего Востока.

Все неудобства и тяжести ссылки при настоящих условиях приводят нас к заключению и неизбежному выводу, что стоимость ссылки и затраты, делаемые на нее казной и обществом, не выкупаются ее результатами.

Современное положение раскрывает самый печальный и растленный быт ссыльного населения; ссыльные бедствуют, и Сибирь вместо полезных работников наводнена массою бездомного и праздного пролетариата. Вместо исправления при печальных условиях ссыльного быта наказание это дает обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступления ссыльных.

Вместо ограждения общества путем изолирования и перемещения преступника ссылка у нас способствовала возвращению преступ-

ников, наконец, наводнила Сибирь преступлениями, год от года увеличивающимися в невероятных размерах, и, таким образом, целая местность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такие условия, которые несовместимы с жизнью какого-либо гражданского края.

В последнее время как администрация, так и местное общество одинаково сознали неудобства ссылки и ходатайствуют об ее отмене и ограничении. Таково же мнение всех комиссий и законодательных работ по этому поводу. Зло ссылки неисчислимо. Между прочим, ссылка до сих пор служила тормозом в распространении на Сибирь общих гражданских прав и искажала само воззрение на страну и ее развитие. Необходимость отмены ее, таким образом, вполне обнаружена временем, признана обществом и правительством.

История эксплуатации богатств на Востоке

VII.

Богатства Сибири и что под ними разумеется. — Естественные произведения края. — Открытие Сибири и влияние его на дух русского народа. — Увлечение Сибирью. — Слово о нем. — Поиски за богатствами. — Последовавшие разочарования. — История эксплуатации природы. — Меха, золото, земледельческие и скотоводческие продукты. — Хищнические способы культуры. — Последствия этого. — Торговля и промышленность Сибири в современном ее состоянии.

Сибирь сыздавна слывет страною «богатою». Пора, однако, определить, что разумелось под именем богатств Сибири, естественные ли произведения природы, еще не тронутые, способность ли к эксплуатации богатств, продукты ли и накопления народного труда и средства удовлетворения, дающие населению известное довольство и обеспечение?

Нетрудно угадать, что в большинстве под

именем богатств Сибири разумеются прежде всего ее естественные произведения и природные запасы, а отсюда уже понятие о богатстве переносится на все остальное.

Рассматривая топографические и естественные условия края, действительно мы не можем не признать их довольно благоприятными. Естественные произведения неорганического царства, флора и фауна, раскинутые на сотни тысяч квадратных верст, представляются громадными запасами для будущего. Природа Сибири весьма разнообразна. Мы видим здесь значительные минеральные богатства на Урале, в южных степях, на Алтае, в Нерчинском округе, на Амуре и в других местах. В Сибири разрабатываются серебро, золото, железо, свинец и медь, находятся обширные залежи каменного угля, еще не тронутого, добывается графит, богатейшие яшмы, порфиры, мрамор и т. д. Но еще ценнее изобильные леса и земли Сибири, благоприятствующие культуре. По вычислению г. Богдановича, через Урал доставляется из Сибири до 70000000 кг хлеба. Алтайский округ сплавляет по Оби с юга Сибири того же хлеба до

1000000 пудов.

В Сибири приходящие переселенцы начинают разводить в значительном числе лен и пеньку, которые со временем составят здесь видную культуру. Скотоводческие произведения точно так же играют видную роль при миллионах голов разного скота. Г-н Латкин высчитывал, что Сибирь могла бы доставить путем вывоза ныне до 80000000 кг сала, масла и мяса. Леса Сибири сыздавна доставляли дорогих зверей и пушнину, причем добыча соболя считалась десятками тысяч (в 1850 г. — 43600 соболей), горноста́й — то же самое (1860 г. — 56000 шт.), белка считается миллионами (1870 г. — 4175010 шт.). Кроме того, до последнего времени вывозятся из Сибири шкурки птиц, идущие даже за границу. В Сибири в два столетия добыто 22000 мамонтов. Рыба, добываемая миллионами пудов, не имеет только потому сбыта и бросается на месте, что не умеют солить и готовить ее. Мы не говорим о многих продуктах природы, до которых еще не коснулось производство. Таким образом, обилие естественных произведений несомненно. Раз они существуют,

естественно, они должны обогащать и удовлетворять вполне местные потребности. Мало того, является вопрос о сбыте и обмене произведениями. Страна не может быть вечно замкнутою и изолированою. Внутри и извне пролагаются пути. Запад ее имеет уже торную дорогу; на Восток, юг и север начинаются попытки сношений с остальным миром Европы и Азии, причем вопрос идет об экономическом значении края не для одной империи, но и для всемирной торговли. Окружающие моря, огромные реки, колоссальная природа, громадные запасы естественных продуктов открывают, по-видимому, обширную перспективу в будущем этой части света и соблазняют воображение самыми обольстительными мечтами.

Все чаще и чаще в литературе как и в русских ученых и промышленных обществах слышатся голоса о необходимости разработки естественных богатств Сибири, о возбуждении производительных сил ее, особенно ввиду проектов соединения Сибири железными путями с Россией и Европы с Азией. С открытиями Норденшельда[98] и Витгенса в

Швеции и Англии появляется целая литература, знакомящая Европу с Сибирью ввиду изысканий соединения сибирских рек и открытия выходов из замкнутого громадного края. Среди этих толков, проектов и предложений мы постоянно слышали: «Пора открыть реальные богатства, сокрытые в неведомой Сибири, пора обратиться к их разработке; Сибирь — это золотое дно, золотой сундук наш».

Таким образом, становится любопытно заглянуть в этот золотой сундук и оценить его действительные сокровища, посмотреть, насколько мы обладаем ими и как до сих пор ими пользовались, в какой степени мы сумели овладеть физическими и естественными условиями богатой страны, чтоб обратить их в свою пользу, чтобы развить с помощью их гражданственность и промышленность, насколько, наконец, оказалось у нас на то нравственных и умственных средств. Чтобы ответить на это фактически более или менее вескими данными, нам необходимо обратиться к истории экономической жизни этого края.

Посмотрим сначала, какими результатами

сопровождалось завоевание богатой Сибири для России. Открытие новых стран, а тем более целых континентов, составляет обыкновенно эпоху для народов; открытие Сибири, а с нею и азиатского материка, для русских должно бы быть тем же самым, чем было открытие Америки для европейцев. Известно, что открытие Америки произвело переворот в европейской культуре и промышленности; оно внесло массу сведений и знаний в старый европейский мир, подвинуло науки, открыло новые пути торговли, наполнило Европу произведениями новых стран, перенесло на европейскую почву множество растений и животных, ввело в употребление в Европе кофе, табак, сахар и открыло целый ряд неизвестных до тех пор источников богатства и удобств жизни для европейских народов. Разнообразные продукты американской природы и закипевшей там человеческой деятельности стали прибывать к портам Европы. В свою очередь берега вновь открытого богатого и обширного континента гостеприимно принимали вытесняемые нуждой и голодом массы европейских выходцев, вносивших в новую

страну энергию мускульного и интеллектуального труда. Таким образом, обмен сношений и взаимных услуг увеличился, и благосостояние человечества удвоилось. Такими же явлениями, по-видимому, должны были бы сопровождаться и наши открытия новых стран. Действительно, в первое время наши завоевания в Сибири и Азии не могли не дать возбуждающего толчка русской предприимчивости и колониционному движению русского населения.

Вслед за географическими открытиями не мог не интересовать русских новый отменный вид сибирской природы, более величественный и разнообразный, чем общий вид велико-русской равнины, обилие различных естественных произведений, разнообразие сибирской флоры, фауны и минеральных продуктов; все это возбуждало пытливость, энергию к разведкам и к изысканию богатств природы. После Ермака сотни и тысячи русских людей, служилых, торговых и промышленных, а также гулящих молодцев и ушкуйников[99], бросаются в новый край искать счастья, наживы и обогащения. Минеральные

богатства Сибири были до того заманчивы и привлекательны для предприимчивых и любознательных людей, что многие пустились в Сибирь разыскивать не только золотую, серебряную, медную и железную руду, но и драгоценные камни, минеральные продукты, как, например, серу, слюду и проч.

Вследствие открытия минеральных богатств в Сибири во все сибирские города, ко всем воеводам постоянно присылались указы или грамоты о приискании руд и дорогих камней «со всяким радением», точно так же, как велено было расспрашивать всех сибирских инородцев о местонахождениях золотых, серебряных и других руд. В то же время составлялись заметки о птицах и зверях, водившихся на островах и неведомых реках Сибири; но более всего в деле промыслов обратил на себя внимание соболь; его предписывалось ловить и доставлять в царскую казну. Из птиц явился запрос на сибирских кречетов и соколов; русские обращали внимание и на ценные растения; служилые и промышленные люди отыскивали в Сибири ревеня и открыли естественное его месторождение;

разыскивались лекарственные травы, и сбор их предписывался царской грамотой в 1675 году. Вообще сибирская природа представляла много нового, редкого и удивительного. Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали жадность пришлых людей. Но в этом стремлении к открытию естественных богатств, к овладению ими не было ни системы, ни умения, ни знания. Вместо того, чтобы самим разыскивать и анализировать руды при помощи минералогии, пришлые люди спрашивают только инородцев, просят у них указаний, а воеводы ограничиваются тем, что велят «кликать клич бирючам по многие дни, кто ведает по рекам золотую, серебряную и медную руду и слюдяные горы, и они бы, приходя в съезжую избу, сказывали мне, холопу твоему», пишет царю енисейский воевода в 1660 году. Сведения о золоте, серебре и драгоценных камнях Сибири землепроходцу Ерофею Хабарову сообщила, например, даурская женщина Мазалчан. Таким образом, не русские, а инородцы руководили многими открытиями. До последнего времени сибирские золотопромышленники обязаны были откры-

тием золота не науке и не собственным знаниям, а тунгузам, к которым они постоянно прибегают. В горном Алтае руды отысканы по древним чудским копиям. Ясно, что русский человек шел ощупью в этом новом для него мире. Несмотря на то, что русские старались отыскать золото с начала открытия Сибири, что в этом было заинтересовано правительство, воеводы и множество частных лиц, золото в россыпях было открыто только в сороковых годах, то есть через 250 лет после поисков и порываний. Еще менее заботились русские о животных и зверях, составлявших источник сибирского богатства; так, они преследовали соболя с дрекольями и дубинами, били его коромыслами около жилищ, истребляли тысячами и миллионами, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда он теперь почти истреблен в Сибири, о нем не сохранилось никакого научного исследования. Точно то же надо сказать и об олене. Имея огромное культурное и хозяйственное значение в жизни сибирских инородцев, он остался вне всякого научного исследования. Мы не умели акклиматизировать животных,

развести коз и лучшие породы овец; марал (благородный олень) легко приручается; рога его стоят до 1000 рублей, если продать их в Китай, а мы и не думали сделать его домашним, и только теперь начались подобные попытки в Алтае[100]. Хлебопашество развивалось чрезвычайно туго в Сибири; табак долго не разводили, хотя он превосходно родится на юге. Из последних опытов видно, что в Сибири могли акклиматизироваться вишня и яблоня, но вишня осталась только как-то случайно в одном уголке Западной Сибири. Русские не могли акклиматизировать в Сибири дуб, это полезнейшее и драгоценное дерево; липу точно так же не разводили, хотя и есть положительное доказательство, что она здесь в некоторых местах принимается; самый ремень, о котором было столько хлопот и который возбудил вопрос и указы сената о его разведении, прекрасно произрастал в московском аптекарском саду, по отзыву Палласа, а между тем разведение его не обратило на себя внимания в его собственном отечестве. При такой скудости знания, при общем невежестве, конечно, трудно было воспользовать-

ся природою и ее произведениями. Чтобы уметь открывать или находить богатства природы, нужны были знающие люди, а из Сибири доносили, что «от тамошнего национа и из русских людей вспомогателей, способных к отысканию всяких раритетов, не обретаются»; или Иван Власов извещает царя в 1680 году: «А прислал он, Трошка, чистыя руды пять фунтов и того синяго камени уломок, которым та руда обыскана, а какая та руда и краска, в какое дело годится ль, того мне, холопу твоему, не по чем, потому что в Селенгинском, Баргузинском и Иркутском рудознатных мастеров и красильщиков нет».

Из всего этого очевидно, как слабы были наши интеллектуальные средства и знания во время покорения Сибири. Не человек являлся здесь господином природы, а природа господствовала и подавляла его. Открытия шли наудачу и случайно; самая местность узнавалась ощупью. Это подало повод к следующему приговору историка: «Сибирская природа или естественная экономия возбудила, с одной стороны, в русских умах естествопознавательную любознательность и про-

мышленную пытливость, а с другой стороны — обнаружила умственное бессилие русского народа в борьбе с природой и в пользовании ее произведениями. Русским недоставало, во-первых, основательного изучения и знания естественных и антропологических наук, во-вторых, призыва на помощь слабым, неразвитым русским умам могучих и несравненно более развитых умов европейских. Открытие новой громадной области, как Сибирь, возбуждая русские умы, в то же время как нельзя более ясно обнаружило и умственную импотенцию русского народа» (Щапов, «Извл. геогр. общ.», т. IV, № 2, стр. 81).

То же самое отразилось в промышленной и культурной жизни этого края. Рассматривая промышленную деятельность Сибири в первое время, мы видим как будто одушевление и энергию; русский народ, кинувшись из-за Урала, становится предприимчивым, его охватывает искание, жажда богатств. Новый край с огромными его лесами, в которых так много было редких зверей, с величайшими в мире реками, полными рыб, с величественными горами, с сокрытыми в них минерала-

ми — все это вызывало на новый труд, на новые изыскания. Кроме того, по историческим обстоятельствам русский человек в первый раз на сибирской почве почувствовал волю и отдался необузданной свободе. Крепостной раб, кабальный, подневольный человек ищет в новых местах убежища и отдается поискам впервые за личным счастьем и богатством. В это время Сибирь представляет оживленную картину: на север казаки плывут на стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и «остроги» (то есть крепости); за ними следуют промышленные люди и соборевщики; иногда охотники и зверовщики рассыпаются далеко впереди покоренных местностей по неведомым пустыням, ставят промышленные избышки и блокгаузы; в одном месте собирают ясак, в другом — выбивают и преследуют зверя, отыскивают руды и мамонтовую кость, отбивают или меняют скот у инородцев; создается целый промысел хмелевания, организуются соболиные или рыбные артели, являются бугровщики, то есть раскапыватели курганов для отыскивания в них драгоценностей.

Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств, и казна под конец налагает широкую руку монополии на всякое открытие, на всякий ценный промысел. Народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту. Когда правительство старалось устроить ямы или ямщицкие поселения, создать заводских крестьян, распространить хлебопашество, ему долго не удавалось привести в исполнение свой план. Народ по-прежнему разбредался искать промыслов в лесах; жизнь без контроля и опеки понравилась русскому человеку; он грезил новыми баснословными богатствами, создавал новые мифические страны то на островах Ледовитого океана, то в южных степях Сибири. Так основывались каменщики на Алтае, беловодье на Енисее и много других раскольничьих поселений. Регламентация не удавалась в Сибири, указы и распоряжения воевод были бессильны перед духом свободного движения. В продолжение всего XVII ве-

ка происходит ловля народа по Сибири и прикрепление его насильственным образом. В это время случаются странные превращения: один казенный человек, посланный с поручением в Шульбинский завод, возвращаясь назад, обольстился соболиным промыслом, да так и засел в лесу, где его берут как беглого и наказывают плетьюми. Другой крестьянин Кольваново-Воскресенского завода проводит десять лет одиноко в лесах, на промысле, конечно, и не думая о паспорте, а когда возвращается, то его признают за беглого (Акты и материалы для истории Сибири, изд. Моск. общ. ист. и древн.). Наконец, для прикрепления бродячего люда власти предписывают крестьянам не отлучаться из дома и *ночевать* у себя. Но народ, несмотря ни на какие предписания, шел и разбрасывался по всем местностям Сибири. В горы и пустыни его тянула безотчетная страсть; к плодородным полям и обильным рекам его привлекали промысел и земледелие. Девственный край возбуждал жадность и промышленный инстинкт. Правительство также сознавало, что богатый край может быть предметом его эксплуатации.

Московская казна тщательно собирает и сосредоточивает в руках своих пушные и звериные богатства. Петр Великий обращает внимание на Сибирь и пытается положить здесь начало горным промыслам. С этого времени создаются казенные заводы и приписываются к ним крестьяне. Впоследствии начинается торговля с Китаем и Бухарой. Екатерина II обращает особенное внимание на бухарскую торговлю и покровительствует ей. Со времен Петра мы уже начинаем думать о проложении пути в Индию. На Восточном океане возникают морские промыслы и, наконец, целые русско-американские владения с их компанией. Мы мечтаем о флотах, географические и промышленные горизонты наши все более и более расширяются; под влиянием этих планов Сибирь получает особенное значение в глазах правительства и русского общества. Даже при Александре I продолжают составляться разные проекты о заселении и устройстве Сибири: мы думаем разводить кашмирских коз на юге Сибири, а русские министры восторженным тоном XVIII века называли ее «Перу и Мексикой нашей». «Сибирь — золо-

тое дно!» — делается пословицей и всенародной поговоркой. Миллер составляет в то же время обширное описание о торгах сибирских и пророчит огромную будущность этому краю. Действительно, по этим описаниям видно, что девственные богатства в Сибири того времени были изумительные. Жители около Якутска еще во времена Миллера помнили, как около жилищ били соболей. На промышленника, ходившего в артели, приходилось по семи сороков соболей. На островах промыслы были еще богаче: в 1760 году на островах Восточного океана[101] добыто было по 108 бобров на каждого работника, а по 50 и 60 добывалось в обыкновенное время. Точно такое же было изобилие лисиц, белок, рысей, маралов, оленей, диких коз и всякого другого зверя. «В 1754 году, — пишет автор «Ежемесячных сочинений», — в одной деревне около Нерчинска, в 25 верстах, артелью из 25-ти человек в один день загнано было в огород 4027 диких коз — такова была добыча». «Рыбные промыслы в Сибири можно назвать изобильными, — пишет автор «Золотого дна»[102], — хлебопашеством и скотом противу россий-

ских вышеописанные места несравненно изобилуют». Когда началось хлебопашество на девственной почве, урожаи были громадные; в 1755 и 1756 годах в Нерчинском округе с посева одной меры хлеба собиралось тридцать две, а двадцать и двадцать пять — постоянно; даже в неурожайные годы хлеб стоил не дороже 10 коп. за пуд. Обыкновенно ржаная мука продавалась по 4 коп. за пуд., пшеничная — по 7 коп., овес — по 20 коп. четверть. Почва была до такой степени тучная, что удобрения не требовала; земля распахивалась новинами и при малейшем истощении ее земледелец обращался к новой. Изобилие в лесах давало возможность пользоваться почти даром лесным материалом и т. п. По мере развития оседлой жизни и земледельческого труда явились зачатки некоторой культуры. Мало-помалу в Сибири, по словам Миллера, начинало обзаводиться и собственное производство; в 1755 году Миллер указывает на производство юфти в Сибири, которую выделывали в Томске, Тюмени и Иркутске. Начинало распространяться железное производство: «Железо стало выходить и из Сибири, —

говорит Миллер, — и этим товаром со временем можно будет снабжать не одну Сибирь, но и обратить его немалое число в российские и заморские торги». Стеклянная посуда также начинала выделяться в это время. «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет», — возлагал надежды Миллер. Из этого видно, что здесь существовали даже задатки прочной промышленности. Торговые сношения Сибири шли довольно оживленно на севере с Архангельском; завязывались прочные сношения с Бухарой, и русские приказчики жили в Джунгарии; заводились деятельные сношения с Китаем; все обещало, по видимому, видное промышленное и торговое значение обширного края. Вновь присоединяемые владения только усиливали его цену. Дошедши до Восточного океана, открыв массу островов, достигнув даже Калифорнии, где была русская колония «Росс», русские опять обратились к южным границам Сибири и начали присоединять степи; в конце XVIII столетия примкнула киргизская степь, впоследствии — Туркестан. Присоединив сначала просто огромную пустынную территорию,

русские лишь постепенно начали сознавать качественность приобретений. В XVIII столетии и в половине его с появлением образованных людей в Сибири и путешественников яснее определилось значение и ценность приобретения Сибири. Как только касалось Сибири ученое исследование, оно постоянно открывало новые источники богатств. «Какой богатый залог сокрыт здесь для будущей промышленности! — восклицает геолог Щуровский при взгляде на каменноугольный Кузнецкий бассейн, занимающий площадь в 40000 верст, — здесь находятся железная руда, обширные леса и величественная судоходная Томь, удобная для сбыта произведений. Салаир — русский Цинцинати: Салаирские горы содержат золото и серебро; кузнецкий Алтау — золото, каменный уголь и железную руду». «Все это, — говорит г. Щуровский, — лежит пока втуне: кузнецкая котловина представляет столько выгод для Сибири, что в этом случае могут соперничать с нею только Англия, Бельгия и Россия со своим Донским бассейном». Таким образом, чем больше знакомились с этим краем, чем глубже входили

в его необъятные недра, тем более росла его слава и тем чаще слышались восторженные отзывы о нем. Так, сенатор Корнилов[103] в 1828 году начинает свое описание следующим панегириком: «Сибирь, сие богатое и обширнейшее достояние России, приобретенное на заре побед наших и славы, в век великого Иоанна IV, представляет собой такую картину, которая всегда восхитит истинного патриота. Он невольно приступит к замечаниям местных подробностей, от которых много зависит и благоденствие страны сей, и пользы самой России: ибо Сибирь своими сокровищами, своим богатством по всем трем царствам природы со времени приобретения имела и будет иметь всегда важное на Россию влияние, как на коммерцию, так и на внешние и внутренние обороты оной» («Замечания о Сибири», Корнилов, 1828 г., стр. 1). Сибирь начинала составлять для нас, таким образом, предмет патриотической гордости, как для британца — его обширные, могущественные колонии. Не было царствования, в которое Сибирь не напоминала бы о себе новыми открытиями и подарками: с Иоанна Грозно-

го — завоеваниями и соболем; при Петре I — открытием рудников, бухарским золотом и торговлей с Китаем; при Екатерине II — бухарской торговлей, присоединением степей, Камчатки, американскими владениями; при Павле — мечтами о проходе в Индию; впоследствии, в сороковых годах, — открытием золота; в пятидесятых — присоединением Амура, Уссури; в шестидесятых — Средней Азии, в семидесятых — Сахалина и т. д. Каждое из этих открытий и присоединений порождало новые мечты и будило мысль о Сибири. Мы создавали тысячи обширных планов нашей торговли, обогащения и могущества в Азии, и нашему патриотическому самомнению не было никаких границ.

Но не всегда господствовало время обширных планов и прославления богатств Сибири. Весьма часто после временных восторгов и увлечений начиналось охлаждение и разочарование. Планы и надежды не всегда осуществлялись и обогащение не так легко давалось, как думали. Мы терпели неудачи на южной азиатской границе, на путях в Индию, в Камчатке и на Восточном океане (припом-

ним ликвидацию дел русско-американской компании и разочарование Амуром). Вслед за этим мы так же быстро переходили к другим крайностям. Горькие обличения слышались тогда предшествовавшим заблуждениям. Разочаровываясь в своей деятельности, мы переносили негодование на край. Отнимая от него всякое экономическое значение, обрекали его быть вечно мертвою тундрою, пустыней и заброшенным местом, пригодным лишь для ссылки и каторжного труда. Таков, например, был отзыв и взгляд на Сибирь известного писателя Герсеванова, доказывавшего в сороковых годах, что Сибирь не имеет никакой будущности и существует на счет России, принося скорее убытки, чем выгоды[104]. Но это был не один взгляд Герсеванова, это был приговор многих русских людей. Только с открытия золота кредит Сибири поднимается, мы снова с восторгом сулим ей будущее Калифорнии, а потом опять забываем. Эти иллюзии вечно преследуют несчастную страну.

Но теперь наступило, наконец, время проверки этих восторженных возгласов, мы обязаны обратить внимание и на другую сторону

медали, посмотреть поближе, каким образом шло промышленное и культурное развитие этого края, и всегда ли он имел то значение, какое ему приписывали. В самом деле, нельзя не заметить, что когда говорили о природе и естественных условиях, везде слышалось восторженное отношение к новизне, к девственности края и богатым залогам его развития; когда же обращались к жизни его, населению и особенно к его гражданственности, то являлось самое горькое разочарование. Социальная беспомощность этого края постоянно обозначалась довольно медленным его заселением. В начале нынешнего столетия считалось в Сибири 1800000 жителей на 250000 кв. миль. Русское население средних губерний Сибири не превосходит до последнего времени 3500000, что на 10708000 кв. верст представляет самое ничтожное заселение. Ясно, что Сибирь прежде всего не имеет достаточно рук для обработки своих произведений.

Что касается способов разработки естественных богатств Сибири, то мы не только не обогатились здесь, не только не положили основания прочной промышленности, а, на-

против, умалили и истощили производительность края. Причиной этого являются те способы эксплуатации, какие мы прилагали к нему: вся промышленная деятельность Сибири была сосредоточена в первое время на расхищении естественных богатств и запасов природы. Расхищалось все самым непредусмотрительным образом. Набросились мы на соболя и дорогих зверей и быстро уничтожили их; зверь начал удаляться с запада на Восток, и к половине прошлого столетия его почти не было уже в Западной Сибири; в начале настоящего столетия мы встречаем жалобы, что улов его уменьшается даже в тех сокровенных местах, где он еще оставался. Г-н Щукин в «Путешествии» своем в Якутск представляет доказательства убыли зверя уже в 30-х годах; так, соболей в 1825 году было в продаже 18000, а в 1830 году — было только 6000; лисиц вместо 14000 было 7400; песцов вместо 18000 — 9000. Г-н Кривошапкин в своей книге, описании Енисейского округа, замечает, что количество зверя в Енисейской губернии, особенно в Туруханском крае, значительно уменьшилось: так, в 1825 г. из Туру-

ханского края было вывезено 28000 штук соболей, 140000 песцов и 300000 белок. Из таблицы за пятнадцать лет о количестве звериных шкур, поступающих в ясак и в продажу торгующим лицам Енисейского округа от инородцев, видно, что в 1846-м и в 1847 гг. соболей поступало на пятнадцать и девятнадцать тысяч рублей; в 1850 году с трех округов поступило даже на 35000, а в следующие годы поступление ценилось только сотнями рублей («Енисейский округ», Кривошапкин, стр. 19, 23 и приложение 1-е). Вообще замечается, что в Сибири сильно уменьшаются соболь, песец и олень, зато как бы увеличиваются хищные звери: медведи, волки, барсуки и рыси (Кривошапкин, стр. 23). Из этого видно, что в Сибири происходит обратное движение культурному порядку: хищные звери прибывают, а полезные убывают. Так, например, белка исчезает от недостатка питания вследствие выжигания лесов. Пожары, истребляющие леса в Сибири, вообще громадны: они занимают тысячеверстное пространство.

Причиной же размножения хищных зве-

рей выставляется следующее довольно замечательное объяснение: «Опустошение и гибель большинства инородцев сперва гнилою горячкою, а в 1850-м и в 1851 годах — оспою, было до того сильно, что валялось всюду по лесам много трупов, которые привлекали хищных зверей, вроде медведя, росомах и волков, от алчности которых бежали дальше лучшие звери» (Кривошапкин, стр. 19). Это оригинальное объяснение бросает отчасти свет вообще на страшную беспомощность края.

Истощение звероловства, конечно, должно было неблагоприятно отразиться на благосостоянии сибирского населения. В половине прошлого столетия енисейский депутат Самойлов в комиссии уложения при Екатерине II говорил о звероловстве как об основном предмете торговли; все местные капиталы были заняты им. В начале нынешнего столетия в один Китай сбывалось из Сибири до 8 миллионов беличьих шкур; в 1836 году было вывезено только 4 миллиона; в 1837 г. — 2900000. Сбыт белки в пятидесятых годах на нижегородскую ярмарку не превышал трех

миллионов. В результате — как мы не охраняли меховую торговлю казенными монополиями и запрещениями сбыта мехов за границу — ценный зверь был все-таки истреблен. В последнее время такая же мера употреблена была относительно Амура: вывоз пушных богатств был запрещаем за границу; но в Сан-Франциско образовались целые торговые дома, занимавшиеся торговлей русскими мехами с Амура.

В 1850 г. еще на Ирбитскую ярмарку привозилось до 108000 шт. горностаев и 43600 соболей, в 1860 г. — только 56000 первых и 16200 вторых, в 1870 году еще менее: 24000 горностаев и 5150 соболей. До чего пала меховая торговля в России, видно, что в 1874 г. вывезено из России мехов на 2250000 руб., а привезено из-за границы на 6000000 руб. Академик Бер доказывал еще в 1838 г., что торговля свиной щетиной будет выгоднее для России, чем пушной товар, и это вполне подтвердилось.

С тою же жадностью, с какою пришлые люди накинута на звероловство, они сначала набросились было и на горные промыслы. Сколько усилий было употреблено в про-

плом столетии на разыскание горных богатств! Из звероловческой колонии мы вдруг захотели сделать Сибирь горнозаводской. Под влиянием этой мании тысячи крестьян на юге Сибири были приписаны к казенным заводам. Это были своего рода крепостные до 19 февраля, обязанные тяжелой повинностью доставлять руду, обжигать уголь и т. д. В некоторых местностях сибирская администрация старалась развить и поднять горное и рудничное производство посредством дарового и подневольного труда преступников. Железные руды действительно представляли неистощимое богатство в Сибири, но каких результатов достиг этот подневольный труд? Несмотря на все искусственные меры, на все усилия, горнозаводская промышленность находилась в плачевном состоянии и Сибирь продовольствовалась металлическими произведениями Урала, из той же европейской России. Общая ценность годовой добычи всех металлов равнялась для России в сороковых годах 55000000 р.; при этом с заводов Уральско-го хребта получалось 45000000 р., а с сибирских колывано-воскресенских заводов — око-

до 5 миллионов, и, наконец, с нерчинских — 2 миллиона рублей. Всего же добывалось в Сибири не более как на восемь миллионов рублей: цифра ничтожная в общей массе производства. Нерчинские и колывано-воскресенские заводы, поддерживаемые правительством со времени Петра, стоившие ему миллионных затрат, под конец приносили казне только убытки. Упадок алтайских заводов доказывается ныне уменьшением добычи металлов. В 1851 г., по сведениям Гагемейстера (Историч. статист. обозрение), в Алтайском горном округе добывалось до 40 пуд. серебряного золота, 22152 пуд. золотистого серебра и 250075 пуд. меди. Ныне падение производительности рисуется следующими цифрами:

Годы:	золота			серебра			свинца		меди		чугуна		
	п.	ф.	з.	п.	ф.	з.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.	
1871	18	19	—	21	845	36	32	61198	31	32953	28	14070	-
1872	19	32	7	—	682	14	28	51445	18	25737	29	35675	20
1873	29	6	78	85	611	6	15	30627	7	38516	32	51858	20
1874	29	29	64	58	608	26	66	35255	11	42036	14	30000	-
1875	33	10	88	63	593	15	59	40085	20	39590	21	30000	-
1876	11	8	52	42	616	15	93	30497	—	32645	—	30000	-
1877	11	24	95	84	616	—	53	30476	—	28700	—	30000	-
1878	10	32	—	—	613	3	—	59388	20	26678	—	17147	-
1879	29	25	12	—	561	32	—	28290	7	28690	—	36000	-

Статистический обзор о состоянии Западной Сибири с 1874-го по 1878 год, приложенный к западносибирскому адрес-календарю

на 1879 г., составленному на основании официальных отчетов, свидетельствует то же. «Казенная предприимчивость по разработке золота, — говорит упомянутое обозрение, — в Западной Сибири идет не особенно быстро вперед. На алтайских горных заводах она в последнее время уменьшилась с 33 пудов на 11, то есть на 30 %; добыча серебра понижалась на 35 %. Зато, сравнивая частную золото-промышленность, видно ее превосходство. В Томской губернии намыто на промыслах в 7 лет 857 пуд. 2 фун. 16 зол., по 122 пуда в год. По всей же Западной Сибири на частных промыслах золота в течение 7 лет 911 пуд. 33 фун. 66 золот. 75 долей. Следовательно, частные промыслы дали в 6 раз более в сравнении с казенными заводами». Уменьшение горной и заводской производительности в Алтае обнаружилось в закрытии некоторых заводов, как Томского, на сокращении работ в Змеиногорском руднике и уменьшении добычи руд в Зырянском руднике, а именно: в 1864 году здесь добывалось 1267000 пудов руд и 1283 пуда серебра; в 1878 году руд — 740000 пудов и серебра — 518 пудов. Доказанный и

обнаруженный нерациональный способ казенного хозяйства в Алтае, сопряженный со значительными злоупотреблениями, вызывает ныне необходимость передачи заводов и разработку металлов в частные руки. Что касается частной железной производительности, которая начала прививаться в Енисейской губернии в начале нынешнего столетия, она пала от ударов, нанесенных ей золотопромышленностью. «Некогда было думать о железе, всю деятельность поглотило золото», — говорит г. Щуровский. В настоящее время в Восточной Сибири опять возникает частное железное производство, но выделяется железо незавидного качества и сбывается на золотые прииски. Недавно даже Забайкалье пользовалось железом, привозимым с Урала. То же уральское железо идет в Нижний, а потом уже ввозится в Сибирь, делая двойной огромный путь.

Вслед за тем самую видную роль в разработке сибирских богатств, конечно, играло золото. При истреблении звероловных богатств, при неудавшейся горнозаводской промышленности, не выходящей из состояния про-

зьябания, мы обратили внимание на золото. Слухи о баснословных богатствах привели сюда толпы искателей приключений. Во времена золотопромышленности воскресла прежняя, давно уснувшая предприимчивость, и началась алчная погоня за наживой разных промышленников, каковы были Попов, Мошаров и другие. Неведомые моря и пустыни заменяет теперь сибирская тайга, то есть девственные леса, раскинутые на тысячи верст. Сибирь начинает играть для России роль Калифорнии; все гонятся за золотом, и большинство капиталов сосредоточивается только на этой промышленности. Открытие этих новых богатств, как ни было выгодно оно для государства, в деле культуры Сибири, однако ж, произвело совершенно обратное влияние. До золотой горячки край, оставленный в покое, начал было отдаваться своим мирным занятиям; население от звероловства начинало переходить к земледелию, понемногу зарождалась и местная заводская промышленность — словом, какая ни на есть культура начала было формировать привычки и нравы местных жителей. Золотопромышленная го-

рячка разом остановила это движение, повернув его в другую сторону. Все капиталы, все силы населения устремились к ней; земледелие и промышленность были забыты, и на Сибирь стали исключительно смотреть, как на золотой рудник. Но что же дало ей золото, чем вознаградились эти страшные жертвы, принесенные его добыче? Тайга была исхожена вдоль и поперек, увлечение достигло высшей степени. Между тем, как это увлечение продолжается несколько лет, вдруг доносятся вести об оскудении золота и истощении прежних богатств. В самом деле, сначала шло постепенное возвышение добычи золота: в 1830 году частная золотопромышленность вырабатывала только 4 пуда 22 фунта драгоценного металла; в 1836 году она достигла 84 пудов; в 1837 году — 106 пудов; в 1842 году — 575 пудов; в 1846 году — 1238 пудов; в 1847 году — 1370 пудов. Затем добыча стала падать на 1200 п., на 1100 п., а в 1852 году было извлечено только 900 пудов[105]. В пятидесятых и шестидесятых годах слышатся уже жалобы и плач на истощение золота; оказалось, что приемы нашей разработки золотых руд были

такие же хищнические, как и в других отраслях промышленности. Гонясь за фунтом лишнего содержания, мы снимали золото только сверху, а остальное погребали в отвалах. Сама обстановка труда на золотых приисках была в высшей степени безобразная, действительно каторжная; все предоставлялось простой случайности и произволу эксплуататора, где не было ничего похожего на человеческие отношения к труду и положению рабочего. Таким образом, золотопромышленность прошла каким-то мертвящим ураганом по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олекме, за Байкалом и на Амуре. Там, где прошла эта промысловая чума, не осталось никаких культурных следов. На местах брошенных приисков шумят леса и нет даже признаков человеческого жилья. В сибирских городах золотопромышленность не оставила никаких заметных памятников, кроме запущенных увеселительных садов и нескольких конкурсов, пустивших по миру кредиторов. Кроме того, золотопромышленность имела те невыгодные последствия, что породила абсенте-

изм. Многие являлись в Сибирь временно, наездом и, разбогатеv в ней, увозили из нее свои богатства и бежали сами. Точно так же золотопромышленность не оставила и следа благосостояния в местном крестьянстве. При прежней системе золотопромышленности население обольщалось задатками, а рабочие спаивались при входе и выходе с приисков; от этого явилось не лишнее основания мнение, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка. Говорят, что золотопромышленность подняла заработки и дала возможность крестьянину возвысить цены на земледельческие продукты, но если допустим даже, что цены на земледельческие произведения и повысились, то не надо забывать и того, что крестьянин платит теперь за все покупаемое гораздо дороже; что он прежде находил у себя дома, то теперь приобретает из вторых и третьих рук кулака. Золотопромышленность подавила все мелкие ремесла и отвлекла занимавшихся ими прежде поселенцев на прииски; она же отвлекла руки от земледелия и стеснила его. А между тем вслед за развитием золотопромышленности

езде раскинули свои сети винокуренные заводы и увеличилось пьянство.

Вслед за эксплуатацией зверей, руд и золота мы обратились к эксплуатации скотоводческих и земледельческих продуктов Сибири. Сибирь ныне представляется вполне земледельческой страной, земледелие существует повсеместно, кроме северных окраин до 57,25° с. м. Количество пахотных земель громадно. В одной Западной Сибири считается под обработкой *minimum* 3741753 десятин. По официальным сведениям 1879 года:

	Посеяно хлеба	Снято
в Тобольской губернии	1540536 четв.	5420601
« Томской губернии	994135 «	4516156
« Акмолинской области	51340 «	144629
« Семипалатинской	25847 «	129211
Всего в Западной Сибири	2611858 четв.	10210602

Но казенные цифры эти далеко не указывают всю производительность девственных полей. Сибирское скотоводство измеряется следующими цифрами в Западной Сибири:

в Тобольской губ. 1879 г.	2401861 гол.	на 100 д.	199 гол.
« Томской губ.	2425000 «	« 100 «	234 «
« Акмолинск. обл. у кирг.	2345981 «	« 100 «	694 «
« « « у русск.	179936 «	« 100 «	155 «
« Семипалатинской у кирг.	3509764 «	« 100 «	740 «
« « « у русск.	116400 «	« 100 «	224 «
Всего	10978942	голов скота.	

Половина, если не столько же, приходится на Восточную Сибирь. Несмотря на это изобилие, нельзя не видеть, что земледелие и скотоводство стоят далеко не на высокой степени. Способ хозяйства тот же, хищнический, как и в других отраслях хозяйства. Богатые скотоводческие степи были для нас мертвым капиталом. Целые стада лошадей и овец на привольных степях пропадали для нас и часто гибли от случайностей, болезней и действия стихий, как гибнут буйволы в Америке и Африке. На барабинской степи сыздавна падает скот от сибирской язвы, в киргизских степях гибнут сотни тысяч голов от бескормиц и «джута»[106]. Недавно на Туркестанском тракте не было лошадей для сообщения. В иных местах Сибири скотоводство поражает изобилием. Езда сибирская отличается быстротою, лихие тройки обворожают путника. Но достаточно взглянуть на уход за скотом, на отсутствие рационального хозяйства, чтобы разочароваться. В Сибири скот решительно не ценится ни во что; для скорой езды, чтобы выручить лишний рубль или полтинник, крестьянин загоняет лошадь. Многими

животными продуктами не умеют пользоваться и совершенно бросают их; так, например, погонщики скота нанимают стричь по дороге баранов и отдают шерсть даром или бросают ее на месте. В скотоводческих местностях скопляется огромное количество навоза, который никуда не пристраивается, даже не идет на удобрение. В Сибири часто деревни переселяются в другое место потому, что «больно заназмились»; то, что служит в других местах средством для поднятия культуры, является здесь препятствием. В таких залежах образуется натуральная кристаллизация поташа; сама природа, таким образом, показывает употребление, но им никто не пользуется. Те сырые продукты, на которые обращают внимание местные жители, добываются грубо и первобытными способами. Так, например, сало, добываемое из животных, не перетапливается и не очищается. Во время провоза и добывания теряется масса продукта даром; кожи местное крестьянство не умеет выделывать; громоздкое и тяжелое сырье везется вдаль и по дороге расхищается. Несмотря на обилие сала, сибирский крестьянин не

может им воспользоваться даже для своих надобностей. Он не умеет обработать сала и жжет в зимние вечера лучину. Сеет он лен, а носит рубашку из грубого, лубочного холста; у него много шерсти, а вы видите его одетым в какую-то дерюгу, насквозь продуваемую ветром; под ногами его множество железа, а он употребляет деревянный замок, телегу с деревянными гвоздями; окна его нищенской хижины заткнуты бумагой и слюдой вместо стекол; он не умеет делать мыла, а потому обходится при помощи «подмылья», то есть мочется квашеными кишками. Таким образом, обилие продуктов не улучшает его быта, и сибирский крестьянин беден и беспомощен среди своих мифических богатств как последний дикарь. Вывоз и сбыт сырья точно так же не обогащают его. Сырье обыкновенно сбывается по самым низким ценам заезжим кулакам. Хлеб в некоторые годы был так дешев в земледельческих округах, что им кормили свиней на продажу на Ишимской ярмарке. Как в деле скотоводства, так и в хлебопашестве преобладает тот же хищнический способ: поднимается новина, срубается лес, сеется на

девственной земле хлеб, дающий в первые годы огромный урожай (сам-30 и сам-40), но после первых годов земля считается выпаханной, и земледелец бросается на новое место, на новую девственную почву. Многие губернии Сибири производят излишек хлеба; хлеб идет отчасти на прииски, рудники и заводы, но эта ничтожная часть сбываемого хлеба замедляется расстояниями и дурными путями сообщения по пустынным и непроходимым местностям внутри Сибири, а в Россию его вовсе не привозится. Поэтому Сибирь тяготится даже своими необыкновенными урожаями. В последнее время, впрочем, придуман был исход хлебным богатствам Сибири: в ней начали спекулировать на винокурении; край покрылся винокуренными заводами, и Сибирь вместо золотопромышленной становится винокуренной. В Томской губернии в 1870 году было 22 винокуренных завода и выкурено вина на 1282168 р.; в 1871 г. выкуривали вина на 2021960 р.; в 1872 г. на 2166884 р. и т. д. В 1879 г. в Западной Сибири на винокурение было употреблено хлеба 2058326 пудов, из этого количества выкурено 85368536 ведер

безводного спирта, или 2134213 ведер вина. Вообще же винокуренная производительность равнялась к 1880 году 2225002 руб.: на водочных заводах — 289479 р. и пивоваренных — 244702 р. Таким образом, до последнего времени винокурение занимает в обрабатывающей промышленности одно из первых мест. Точно так же винокурение развивается в Тобольской и Иркутской губерниях. Что же приносят эти заводы местному благосостоянию? «Заводы эти хотя выгодны для сбыта хлеба, но далеко не искупают того вреда, который вносят они распространением спиртных напитков в среду рабочего сословия и становятся истинным злом в годы неурожайные», — говорит один официальный отчет. О влиянии этой промышленности в Иркутской губернии сообщается следующее: «Влияние развития винокурения на край не представляет ничего отрадного; винокуренные заводы не имеют никакого сельскохозяйственного значения; а между тем замечается всюду развитие пьянства и его губительных последствий. Это вызвало борьбу генерал-губернатора Синельникова против этого зла; последовали от-

казы виноторговцам в открытии кабаков; но борьба эта не увенчалась успехом, винокурение и кабаки снова восторжествовали». Такая последняя форма эксплуатации «золотого дна» — Сибири. В настоящее время много говорят о вывозе сибирских богатств, о сбыте их вне ее пределов путем улучшенных путей сообщения, но не мешает подумать и о том, к чему послужит этот вызов при нерациональных и хищнических способах эксплуатации, — к чему, как не к окончательному расхищению, истреблению и истощению последних запасов и произведений природы? Истощение это замечается на каждом шагу: это видно в выгорании лесов, в истреблении зверя, в расхищении металлов, в вывозе сырья без возвращения земле ее производительной энергии и в истощении почвы.

Во всей этой экономической эксплуатации поражает нас невольно отсутствие всякой предусмотрительности и страшное невежество населения. Как будто житель Сибири не думает оставаться в ней дольше завтрашнего дня, как будто он пришлый человек, случайный кочевник, который нынче здесь, а завтра

там, и ему нет никакого дела до того, чем будут жить его сын, его внук, его правнук. Он без разбора и без оглядки хватает все, что есть лучшего у него под рукой, и, схватив, расхитив и обезобразив, обращается к новой спекуляции. Мы набрасывались на все, на золотые самородки, на соболя, которого били около жилища, но как только предстоял настоящий труд, требовались некоторые усилия и умение для создания прочной культуры и промыслов, основанных не на одной случайности, не на слепом счастье, мы отступали, терялись и жаловались на скудость природы в этих девственных странах. Так мы переходили от промысла к промыслу. Сибирская промышленность и срывание богатств напоминают старую легенду Уланда, в которой один владелец замка и старый рыцарь пытается сделать подарок своим дочерям; одной он дарит золотую цепь: «Я, — говорит он, — встретил в лесу одного незнакомца с золотой цепью и убил его для того, чтобы тебе сделать подарок». Другой он дарит стрелу и говорит то же самое: «Я встретил чужеземца, отнял у него стрелу и умертвил его»; третьей

он дарит цветок, объясняя его приобретение таким же путем. Каждая из дочерей восклицает при этом: «Отец, ты убил моего жениха!» Точно так же добыча звероловных богатств в Сибири стоила жизни инородцу, золото развращало и убивало промыслы крестьянства, расхищение землевладельческих богатств равнялось похищению цветка. Со смертью каждой из этих промышленности народ лишается одного из средств к жизни.

Предшествовавшие примеры эксплуатации Сибири и пользование краем только в известном направлении подали повод к мнению, что Сибирь обречена навсегда быть страной сырья и поставщицей его для других местностей; что ей суждено быть постоянно страной земледельческой и скотоводческой и что единственная экономическая ее сила только в сбыте этих продуктов. Такое воззрение на экономические судьбы Сибири становится преобладающим. По поводу сибирской железной дороги не раз откровенно заявлялось: «Главная цель дороги — это эксплуатация сибирских богатств и вывоз сырья для снабжения им русских мануфактур, точно так

же, как сбыт фабрикатов на рынках Азии». Но так ли это? Если отсутствие промышленности и хищная, эгоистическая эксплуатация края держит его до сих пор на низкой ступени культурного развития, то следует ли из этого, что и на будущее время Сибирь должна быть обречена тому же экономическому застою, той же печальной участи «золотого дна», беспощадно расхищаемого? Как бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если она остановится на том экономическом уровне, чтобы только вывозить их от себя, не перерабатывая их у себя дома, она невольно обречет себя на вечную кабалу и эксплуатацию другими, более сильными в промышленном отношении местностями; она будет в постоянной зависимости от чужих рынков, данницей чужого капитала и в конце концов обеднеет и разорится до последней крайности. Таково именно настоящее положение Сибири. Она пользуется всем привозным и несет все невыгоды от этой экономической зависимости. А между тем потребность в удобствах жизни и запрос на мануфактурные произведения год от году увели-

чиваются. Мы видим, что потребности сибирского населения все более расширяются, запрос на мануфактурный и заводской товар является и в крестьянской среде.

Для удовлетворения местных нужд могла бы служить местная обрабатывающая промышленность. Обилие животных, растительных и минеральных произведений, кажется, должно было бы создать здесь заводскую и богатую кустарную промышленность. К сожалению, обрабатывающая и заводская производительность Сибири стоит ниже всех отраслей хозяйства и дает самые ничтожные итоги.

В то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляет не менее, как на 60000000 руб. привозных заводских товаров и мануфактур, судя по оборотам ярмарок (на одной Ирбитской ярмарке сбывалось недавно для Сибири мануфактур на 23179000 руб. и на 30 миллионов на Нижегородской), местная заводская промышленность недавно производила на 6377857 руб. (Военно-статистический сборник, ч. I). По подробным, собранным нами из разных отчетов сведениям, в 1873 г.

оказалось, что в Сибири было 1262 разных за-
вода и крупных заведения, которые произво-
дили на 15347293 руб. заводских продуктов;
но надо принять во внимание, что здесь весь-
ма видную роль играло винокурение (а имен-
но: 8627300 р.). По сведениям, с 1879-го по 1880
год заводская промышленность Западной Си-
бири достигает оборота в губерниях и обла-
стях всего 10501038 руб. Цифра эта показыва-
ет, какую ничтожную часть занимают мест-
ные произведения в приобретаемых ману-
фактурах. Надо заметить, что в большинстве
местная промышленность довольствуется
простою обработкою сырых продуктов. Если
мы выделим винокурение, то увидим, что в
общем числе заводов и фабрик в Западной
Сибири играют роль, главным образом, коже-
венные заводы, составляя 30,22 %, а по сумме
производства — 22,88 %. Салотопенные заво-
ды составляют 17,6 % всех заводских оборо-
тов. Что касается высших производств, то они
почти не зарождались в Сибири. В Западной
Сибири, например, до 1880 г. основалась одна
суконная фабрика, выделяющая в этом оте-
честве шерсти грубого сукна на 193446 р.; в

край, где находятся неистощимые рудники и богатство металлов, на всю Сибирь 3 железных завода и в Западной части 3 чугунно-литейных заведения с оборотом в 138750 р. Нищетожность заводской промышленности в крае доказывается вдобавок тем, что из 3219193 души населения Западной Сибири в 1879 г. занято было на местных заводах всего 10109 человек[107]. Немалую услугу краю, и даже большую, чем крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная промышленность, зачатки которой уже сыздавна появились в Сибири; эта промышленность до сих пор для крестьянства заменяла мануфактуру, она поддерживается в последнее время притоком ремесленников и переселенцев из России[108], к сожалению, настоящее значение ее еще вполне не оценено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять экономические силы Сибири развитием в ней местных производств. Так, в 1835 году министр финансов Канкрин пробовал обратить внимание на развитие промышленности в Сибири, предписывая местным начальникам добыть от местных

промышленников сведения о том, какие производства могли бы развиваться в крае и что до сих пор мешало их развитию. Из переписки оказывалось, что в Тобольской губернии могли быть развиты различные производства; Курганский округ изобилует скотоводством, в нем произрастают свекловица и питательные травы, а поэтому можно бы устроить: а) выделку свекловичного сахара, патоки и рафинированного; б) стеариновое производство; в) выделку круп и крупитчатой муки; г) обработку поярковых и пуховых шляп; можно бы увеличить кожевенные заводы с выделкой на них клея; е) развести мериносовых овец и пчеловодство. В Туринске замечательны ремесла кузнечное, слесарное и выделка холста, которые могли бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и слабое развитие ее объясняются, во-первых, тем, что нет знающих капиталистов для заведения фабрик, а купечество предпочитает свои спекулятивные обороты; во-вторых, нет мастеровых для мануфактурного дела, доказательством чего приводится фабрика Медведева, которая могла возникнуть только тогда, когда вызва-

ны были мастера из России (Донесение общего губ. правления генер. — губерн. Западн. Сибири от 24 апреля 1835 г.). Точно то же дало в своем ответе и томское начальство. Приглашенные для собрания сведений купцы ответили: «Заводов, фабрик, а также каких-либо промышленных заведений заводить потому не можем, что в Сибири не имеется необходимых мастеров». Для поощрения сибирской промышленности в 1839 году 11 сентября утвержден был, наконец, указ о раздаче даром земель в Сибири под фабрики и заводы (Архив главного управления Западной Сибири, д. № 2147). Но поощрение это не привело ни к чему, потому что одних земель было мало: нужны были техническое образование, умение взяться за промышленное предприятие, опытные рабочие руки и, наконец, понимание экономических нужд края.

Говоря об иркутском обществе, самом видном во всей Сибири, один из путешественников замечает: «Надеюсь, что нас никто не упрекнет в несправедливости, если мы скажем, что в Иркутске между купечеством, играющим в жизни самую важную обществен-

ную роль, царствует крайняя необразованность, и этим, конечно, не обидятся люди, о которых я говорю, потому что им и негде получить образования, а многие из них вышли из простых ямщиков и обозных приказчиков. Такое положение общества отзывается и на его делах; кроме торговли, основанной на кулачестве, золотопромышленности и соединенного с ее процветанием винокурения, не идет ни одно промышленное и более широкое предприятие. Не выручают тут ни здравый ум, ни предприимчивость» (Очерки Вост. Сибири Ровинского). Эти слова глубоко справедливы уже потому, что в истории Сибири мы встречаемся и с отвагой, и с предприимчивостью русского народа, но ему недоставало чего-то другого. Ему недоставало истинного сознания экономических особенностей края и создания самобытной, а не посреднической промышленной роли.

При отсутствии собственной производительности, естественно, создалась экономическая зависимость края в сфере торговли, которая повлияла на весь склад экономической жизни населения. В самом деле, взглянем на

историю экономических сношений Сибири. Сыздавна этот край обречен пользоваться всем привозным. Первым экономическим вопросом в Сибири, по завоевании ее, явилось снабжение края необходимым продовольствием. Сибирь, населяемая пришлыми людьми, «людьми гулящими», авантюристами, бродягами, зверовщиками, промышленниками, требовала обеспечения во всем. Правительство должно было заботиться о продовольствии населения и привозило хлеб сюда. Впоследствии снабжением края товарами занялось купечество, но сношения с новым краем были затруднительны. Торговые сношения Сибири с ее метрополией, Москвой, производились только раз в год. Сообщения совершались по рекам, товары сплавливались на дощаниках, через волоки тащились нарты людьми, купцы иногда зимовали, операция торговли была медленная; поэтому только редкие купцы проникали в Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при безлюдье и отсутствии конкуренции. Товары и припасы, привозимые монополистом, продавались по необыкновенно

высокой цене, и покупатель был в полном его распоряжении.

Из истории торговли на Востоке известно следующее. Уже далеко до прошлого столетия начался ввоз в Сибирь и Азию русских товаров. В Верхотурье стояла тогда таможня, где бралась пошлина с товаров. Пошлина бралась и с товаров, и с денег, привозимых сюда. «А ежели бы с денег пошлины не было, — объясняли тогдашние правила, — то бы мало в Сибирь российских товаров возили и больше ездили бы с одними деньгами». (Изв. о торгах сибирск. Миллера, 1735 г.)

Сибирь в это время во всем нуждалась: уже Миллер описывает, как сбыт товаров был значителен. «В Сибирь идут шелковые и шерстяные штофы и парчицы русских фабрик, цевочное золото и серебро, золотые и серебряные позументы и сетка русских фабрик, которых в сибирском торгу больше употребляется, чем чужестранных, для того, что купцам дешевле становится, а сибирские жители о доброте оных в тонкости рассуждать не знают». В Сибирь привозились и жестью обитые баулы, и стекло, и медная посуда, и вина.

Миллер сообщает интересные цены этого времени. «В Ирбите и Тобольске разница небольшая, — говорит он, — ежели там четвертою частью более покупаемой цены товаров продать можно, то купец доволен». В Енисейске некоторые товары поднимаются в двойной цене, в Иркутске — тройной и четвертной и выше цене. Сахар стоит в Ирбите 5 руб. пуд, в Тобольске — 7 руб., в Енисейске — 10 руб., в Иркутске — 20 руб., в Якутске — иногда 40 руб. Красное вино стоило в Архангельске 1 р. ведро, в Ирбите — 2 и 3 руб.; в Сибири его продавали в 20 и 40 рублей. Миллер упоминает о начавшей развиваться в половине прошлого столетия заводской промышленности в Сибири; он говорит, что железо стало выходить из Сибири и что «со временем им можно будет не только всю Сибирь удовлетворить, но и употреблять его немалое количество в российские и заморские торги». То же говорит про стеклянные заводы: «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет». Но все это не оправдалось: заводы в Сибири падали. Зато Азия начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарские

караваны привозили из Джунгарии бумажные ткани, цветные, под именем иркетчины; Китай привозил дабы, шелк; из России же везли холст и крашенину. Поэтому азиатские товары стали вытеснять русский миткаль и холстинку; они наводнили Сибирь и приучили население к среднеазиатской мануфактуре. Русской мануфактуре трудно было соперничать. В это время, пишет Радищев, почти вся Сибирь ходила в белье и платьях из бухарских и китайских тканей; жители ходили в дабовых и фанзовых рубахах; голь — шелковая китайская материя — была распространена по всей Сибири; в нее наряжались солдаты и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, обшитые позументами; в сибирских канцеляриях употреблялась китайская тушь вместо чернил (О караванной торговле с Джунгарией и Бухарией // Чтен. Моск. общ. древн. и истор.). Бухарские купцы при своей ловкости даже взяли за торговлю русскими товарами. Но русские купцы начали жалобы, указывали на льготы бухарцам, и свободная торговля с Азией была прекращена. Бухарцам не приказано было являться в Россию. В 1800 г. тариф пре-

кратил и китайский ввоз. Он имел в виду, чтобы русские товары были повышаемы в цене, а китайские — понижаемы. Тариф 1824 г. уничтожил всякую конкуренцию иностранного товара. Граница была замкнута. Китайские и бухарские шелк и фанза исчезли, а ее заменили миткаль, крашенина и разная привозная дерюга. Замкнутая со всех сторон Сибирь в это-то время получала только товары с русских фабрик через Ирбит. В 1832-м и 1833 годах, по словам Словцова, приобреталось Сибирью 35752980 р., по 15 и 20 миллионов в год российских товаров. Московские, костромские, владимирские фабриканты в это время были обеспечены от конкуренции. В начале нынешнего столетия и 30-х годов опять было возникала кое-какая своя промышленность в Сибири, например, железная, но ее прихлопнула золотопромышленность. Потребности, между тем, на Востоке росли. Рассматривая ввоз в Сибирь товаров, мы видим, что она ничего не делала своего до последнего времени: железо шло с Урала, сукна, ситцы — из Костромы, Москвы, железо — из Иванова; она получает и хрупкую посуду из Москвы, точи-

ла из Чердыни, дуги и деревянные изделия из шадринского заведения Чеканова; даже ложки привозятся семеновские, Нижегородской губернии, даже дрянные пряники. К характеристике торгового дела в Сибири служат следующие слова секретаря Тобольского статистического комитета Смоленского по поводу ярмарок: «Мануфактура русская идет для Восточной Сибири из Нижегородской ярмарки, для Западной — с Ирбитской. Сибирские купцы берут в кредит, и потому товар всегда залежавшийся; особенно много дурного товара на мелких торжках Тобольской губернии. Вязниковцы ездят дешево и кормятся даром: наивные сибиряки принимают их как странников. Обманы, запрашивание постоянно в ходу, но мануфактуры нарасхват» (Смоленский. Ишимская ярмарка // Тобольские губернские ведомости. 1857 год). В примере товаров тот же секретарь статистического комитета приводит, что варенье, например, привозят паточное, а продают за сахарное в Сибири; берут за него по 7 руб. пуд, когда оно в Нижнем 4 руб., его одного продается на 70000 руб. на одной ярмарке. Бакалейщики говорят, что

они получают по 35 и 50 процентов на рубль. Ирбитская мануфактура вошла в поговорку: «Никуда не годно, так в Сибирь», — говорят фабриканты. Г-н Овсянников в исследовании о сибирском транзите на Нижегородской ярмарке свидетельствует: «Самые важные из товаров, идущих из России в Сибирь, — мануфактурные товары — создаются в Московском и Приокском районах, и если выдаются в Сибири за заграничные и петербургские, то только для прикрасы. Между тем, иностранные товары в Сибирь не попадают. Табак, сахар, сласти идут с юга, вина — из Кизляра и Маздока или *внутренней фабрикации* — из Москвы» (Нижегородский сборник. Т. IV. 1871 г. Стр. 53).

Из этого видно, что «о доброте оных товаров сибирские жители и доселе в тонкости рассуждать не знают», как выражался Миллер. Кроме того, вина для Сибири начали фабриковаться в Ирбите. Там одно время была откровенная вывеска: «Здесь приготавливаются мадера, херес и другие виноградные вина для Сибири». На дороге в Сибирь смышленными торговцами были устроены хутора для фабри-

кации и переработки вин. То же происходило и с другими товарами. Не стесняемая никакой конкуренцией, мануфактура благодетельных костромичей и москвичей пустилась в самую отчаянную фальсификацию. Так же поступали и другие заводчики. В «Ирбитском листке» за 1876 год напечатано: «В ноябре 1875 года из Кунгура от Г.М. было отправлено в Иркутск 22 короба обуви. В Томске при осмотре этих коробов обувь оказалась только в 3-х коробах, в остальных 19-ти — дрова и солома» (Ирб. ярм. лист. 1876 года, № 8). Такова эта торговля. Монопольные явления — кабала и обманы — были естественным последствием ее. «До 20-х годов у нас была страшная монополия, — сообщает Н. П. Булатов, — всего два, три купца ездили на ярмарку и торговали привозными товарами. Местные произведения были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли закупить припасов на две недели, но цены на товары были ужасные. По привозе с ярмарки они несколько понижались. Так, например, сахар вы могли сначала купить по 1 р. 50 коп. фунт, через неделю цена уже поднималась на 20, 25 коп. на фунт, че-

рез два, три дня еще... еще..., а через месяц доходила до 2 р. 50 коп. Бумажный платок вершков в 6, уродливый, каких нынче не возьмет ни одна крестьянка, стоил по 1 р. 50 коп.; сукна почти не было, сукно носили только самые знатные люди, а в общем употреблении была нанка. Сукно было аршин по 15 рублей, и что это за сукно! Верно, ни один жандарм нынче такого не носит, толщиной в палец, ворс, как заячья шерсть, линял. И эти господа уверяли, что они дешевле продавать не могут. Когда купец уступал даже знакомым по покупной цене, и то брал барыша 18 %. Дело было просто: в Сибири ходили ассигнации; серебро если и являлось изредка, то как товар, а не монета, и то были только одни рубли. Мелкой монеты здесь вовсе не водилось. Между тем во внутренних губерниях, как известно, и монета, и ассигнации ходили с лажем[109]. Купец покупал на ассигнации и платил 10 руб., а с лажем записывал 11 р. 80 коп. Нам и в голову не приходило, что нас так обируют», — присовокупляет Булатов (Вагин, о Сперанском, ч. I, стр. 570–571). Но влияние монополистов не ограничивалось дорогой продажей то-

варов: они скупали у крестьян продукты по самой низкой цене, давали им в кредит товар и закабалили.

Подобный характер торговли продолжается и доселе в различных местах Сибири и особенно чувствителен на отдаленных окраинах. Какое поприще нажив представляют, например, Ташкент, Амур, Камчатка! 13 февраля 1873 года в камере самаркандского мирового судьи разбиралось дело купца Соколова, при котором разъяснилось, что наши купцы в Ташкенте берут ныне не только 90 %, но и 1 р. 35 коп. на рубль, то есть 135 % барыша и объясняют это публично.

Торговлю на Амуре характеризует следующая корреспонденция морского офицера: «Здесь купцы на товар, знаете ли, какие проценты берут? 200 %, 300 %, 400 % и 500 %. А случается — и более. Так что если бы мы, гардемарины, жили бы все на берегу, то мы бы ходили не хуже кронштадтских посадских. Приказчики в лавках, например, жалования совсем ничего не получают, а условливаются с хозяевами так: хозяин говорит, что этот товар стоит столько-то, и ты должен по-

лучить за него столько-то, остальное все, что возьмешь больше, — твое. И такие контракты свидетельствуются с приказчиками в полиции. Выходит что же? Хозяин завода получает процент на товар; потом первый приказчик, продавая товар нашим купцам, берет процент известный; далее наши купцы берут проценты такие, какие им вздумается, то есть 200 %, 300 %, 400 % и 500 %, и, кроме того, еще приказчики набавляют опять-таки столько, сколько им вздумается! Так, например, обои (шпалеры), которые в Питере стоят кусок 40 коп. — вы здесь платите 1 р. 75 коп.; лампа, которая у вас стоит 1 р. или 1 р. 25 коп., здесь 5 р.; японская шкатулочка, маленькая, которая на месте стоит 0,5 доллара (доллар — 1 р. 40 коп.) или того меньше — здесь 10 р. и т. д. Почему все это? Потому что нет конкурентов. Здесь 5, 6 купцов сговорились грабить и грабят. Явился, например, здесь раз какой-то человек почестнее, взялся доставлять мясо в экипаж, что-то рубля на 2,5 дешевле прежнего поставщика, — и что же? Ему не отдали подряд».

Положение Камчатки характеризуется уже

тем, что сообщение с ней совершается один раз в год и сношения ведутся с Амура через Нерчинск, Иркутск, Якутск сухим путем. По описанию протоиерея Громова, этот край совершенно ныне отрезанный. Нечего говорить, в какой власти находится он у местных спекулянтов и монополистов. В последнее время пуд муки стоил 5 р. и фунт пороха — 4 р. Заметим, что деньги здесь страшно дороги. Начеты и кредиты купцов в подобных местах характеризуются следующим трагическим случаем, рассказанным Коттрелем: «Несколько лет назад один человек с Индигирки заказал якутскому купцу резную золоченую раму для доставшегося ему в наследство образа св. Николая. Цена была договорена в 70 р. На следующий год заказ готов, и счастливый обладатель его дает купцу 56 шкур белых лисиц, рассчитывая каждую шкуру за рубль; но остался должен 14 рублей. По истечении 7 лет, в то время, как бедный владелец св. Николая заплатил своему заимодавцу 90 шкур, или 90 рублей за капитал и проценты, купец присвоил себе самый лик святителя и возвратил его только тогда, когда вынудил вексель с

должника в 1200 рублей!» Проценты подобно-го рода обыкновенны в тех отдаленных местах, говорит Коттрель. Расчет был сделан таким образом: купец получил шкуру за 1 р. и продал ее за 2,5; следовательно, первоначальный долг из 14 шкур стоил ему по этой оценке 35 р. Если бы он эти деньги употребил в Якутске на торговлю, рассуждал наш торговец, он имел бы выгоды 150 %, столько же — в следующий год и т. д. (Sibirien nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen geselischftlichen und politischen Verhdlnissen und als Strafcologie, geschildert von Carlos Herbert Cottreel. s/121, Dresden und Leipzig, 1846). Положение отдаленного Амура не в лучшем состоянии; в этот благословенный по климату край привозился хлеб вокруг света, и предметы необходимости с провозом достигают невероятных цен. Монополия и перекуп удесятеряют цены. Но кроме того, стачки, монополии и скуп существуют и по всем городам Сибири, а также на всех местных ярмарках. Жалобы на это беспрестанно выражаются в корреспонденциях из Сибири. Такое положение дел обуславливается самим свойством си-

бирского хозяйства.

Сибирское хозяйство сыздавна состоит в расхищении и вывозе сырых продуктов природы. Если мы взглянем на Ирбитскую, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, они нам обрисуют, что производит Сибирь и что сбывает. Так, на Ишимской ярмарке мы видим главные предметы сибирского торгова: *сырцовое сало* из киргизской степи, с ишимских, ялutorовских и курганских салотопен, с 500000 баранов. *Свиное сало*: свињи в Ишиме даже нарочно откармливаются хлебом: так, в 1860 году в Кургане откармливались 7200 свиней, на которых пошло 144000 пудов хлеба. Далее, *коровье масло*: до 60000 пудов его идет через Таганрог в Константинополь. *Кожы, щетина, пушнина, дикая птица*, как и *домашняя* составляют предмет сбыта. В Ишиме гуси откармливаются для сала по 200 штук; далее — *рыба, скот*, все это вывозится, а взамен получается мануфактура. Здесь мы видим уральское железо, костромские и ярославские ситцы, нижнетагильские сундуки, чердынские точила, шадринские пряники и деревянные изделия из Тагила, Нижнего и

т. д. Может, не всякому известно, что турок получает коровье масло из Сибири через Ростов-на-Дону; лондонская гостиная освещается стеариновой свечкой из сибирского сала, широкая пуховая шляпа, покупаемая европейцем, приготовлена из шерсти сибирского зайца; сапоги, выделываемые в Лейпциге из сибирской кожи, красуются на ногах немца; нечего и говорить уже, что сибирский мех и обвиняет шею европейской певицы, и служит подкладкой плаща китайского императора [110]. Несмотря на богатство и разнообразие произведений, Сибирь пользуется, одевается и пропитывается, однако, всем прошедшим через горнило русских фабрик. В то время, когда в Сибири только начинается заводская промышленность, сибирским сырьем и продуктами питается вся заводская промышленность Казани, Екатеринбурга и других соседних местностей. Стеариновый завод Крестовниковых в Казани покупает до 170000 пуд. сибирского сала; Екатеринбургский завод Плешановых — 35000 пуд. Всего из Сибири сала вывозится до 980000 пуд. Казань скупает также на Ирбитской ярмарке и в Семипала-

тинские меха и выделяет их; для этого в Казани 11 скорняжных заведений. На 8 казанских овчинных заводах обрабатывается 19300 пуд. овчин, привозимых из Сибири. Льнопрядильная фабрика Алафузова получает из Сибири 30000 пуд. кудели и льна. Масла коровьего получает Казань из Сибири 25000 пуд. В городах Вятке и Слободском и их уездах выделяется до 250000 яловых кож на сумму 875000 р. Третью этого сырья закупается в Сибири и т. д. (Сибирский транзит и Нижегородская ярмарка // Нижегород. сборн., т. IV. Стр. 54–60). Количество ввозимых и вывозимых товаров может характеризоваться цифрами, например, Ирбитской ярмарки, существующей по преимуществу для Сибири. Сумма оборотов ее равняется от 40 до 50 миллионов. Мягкой рухляди здесь продается на 2200000 р., кож — на 4300000 р., коровьего масла — на 900000 р., щетины — на 460000 р. и т. д. Мануфактур отпускается на одной Ирбитской ярмарке от 25 до 30 миллионов. Свойства сибирской производительности видны также и на оборотах Нижегородской ярмарки. Сибирские товары, идущие сюда: сало, льняное семя, ще-

тина, волос, кожи, коровье масло, кедровые орехи, меха, рыба, пряники, овчины, чай, металлы, соль. «Сибирский транзит, — говорит г-н Овсянников, — то есть вообще все товары, отправляемые из Сибири и с Урала в Россию, из внутренней России — в Сибирь и на Урал через Нижний, равняются от 13 до 14 миллионам пудов и оцениваются приблизительно в 30000000 р.» (Нижегор. сборн., 1871. 4. Стр. 47).

Сущность производительности Сибири и характер ее обмена состоит в сбыте собственных сырых продуктов и приобретении всего, до мельчайших потребностей хозяйства, привозного из европейской России.

«Мануфактура в Сибири вся раскупается. Несмотря на обманы, на запрашивание при торге, ситцы крестьяне просто расхватывают, — пишет г. Смоленский, — то же и с железом. Сибирь любит страшно мануфактуру. Сибирский крестьянин ходит щеголевато и любит ситцы, сапоги, сукно и прочее. Потребности развиты сильно; оттого крепостники, заезжающие в Сибирь, жалуются на развращение нравов». О щегольстве приисковых крестьян писал с негодованием недавно рот-

мистр Паули. «Есть деревни около приисков, где последняя мода у крестьян в полном ходу; крестьянки ходят в кринолинах, мужики — в сюртуках». Наряду с этим есть масса крестьян, которым мануфактура при своей дороговизне совершенно недоступна. Наоборот, получая необыкновенно дорого мануфактуру, дешевизна местных произведений страшная. Мы указываем массу примеров эксплуатации крестьян и инородцев в Сибири кулаками и монополистами. Также можно себе представить, много ли выиграло «золотое дно», когда за бесценок шли соболя, черно-бурые лисицы, когда промышленник собирает с остяка за несколько грошей рыбы, которой бы хватило инородцу на год. До сих пор у чукчей за пуд черкасского табаку покупается 5 речных бобров, 10 красных лисиц, 10 куниц и 30 песцов. Нейман в Чукотскую экспедицию видел на ярмарке сам, что чукча платил по бобру за древко для копий (Путеш. Неймана // Изв. Сибир. отд. Геогр. общества).

При дешевизне звероловства и продуктов расхищаемой природы не менее идут за бесценок и продукты скотоводческие и земле-

дельческие. Хлеб в 1859 г. на Ишимской ярмарке продавался по 15 и 16 коп.; урожай давал сам-16 (Смоленский); промышленники скупали коровье масло по 3 р. 40 к. пуд; пуд сала и кожи стоили 2 руб. В шестидесятых годах один татарин в Акмолинске покупал баранов, получая 20000 тушек и 19000 пуд. сала; сало продавал, тушки отдавал киргизам в долг с обязательством в следующем году уплатить целым бараном. Хлеб в Сибири некуда девать — им кормят свиней; скот так дешев, что крестьянину ничего не стоит для удалой езды загнать лошадь. В Кузнецке, как говорит один путешественник, мещане имеют громадные покосы и держат лошадей. «Зачем?» — спрашивают их. — «Возить сено с покосов». — «А сено?» — «Кормить лошадей». Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали, куда деваться с урожаем, и пропивали по возу хлеба около кабаков. Сами урожаи служат только к понижению цены продукта. Сибирь, словом, задыхается под тюком плодов своих за неимением сбыта. Уже Мальтус[111] в своем сочинении о народонаселении замечал это явление в жизни Сибири и русского

Востока.

Таким образом, сырые сибирские продукты покупаются по самой низкой цене, почти за бесценок, а привозные — втридорога. Значительная часть крестьян не может приобрести самой необходимой мануфактуры при ее дороговизне. Бедный сибирский крестьянин носит свой холст и ткет дома плохую дерюгу, продувающую его в морозы, делает плохую обувь из кожи; за неимением железа употребляет деревянный замок, телегу с деревянными гвоздями; хижина его с слюдою, бумагою в окнах вместо стекол; имея в избытке сало, он не может, однако, приобрести мыло и в глухих деревнях моется квашеными кишками. Привоз и барыши мануфактуриста страшно набавляют цену: один автор в 1858 г. в «Тобольских ведомостях» привел расчет, что Сибирь на одном стеарине переплачивает 60000 руб. (Тобол, губ. вед., 1858 г., № 43). Из этой картины видно, что вся Сибирь находится в положении инородца к торговцу. Потребности у нее развились сильно, но окупить их своими продуктами она не в силах: сколько она ни дает продуктов, она все в долгу у ману-

фактуриста. Оттого сибирские купцы торгуют в кредит. Вот что сообщает г. Бутин об этом торге: «За Байкалом, на Нерчинской ярмарке, привоз товаров мануфактурных равняется полутора миллионам; на наличные деньги их приобретается всего на 375000 руб., что составляет 25 % общего итога, то есть 75 % из потребляемого привозного товара берется в долг. За это на Нижегородской ярмарке налагается за кредит мануфактуристам от 10 % до 25 %, кроме провоза. Кроме того, мануфактурист набавляет вперед за риск».

«Казалось бы странным, — пишет г. Бутин, — что у нас есть немало торговых домов, которые торгуют на подобных условиях в продолжении нескольких лет сряду, затем систематически «выходят на сделку» со своими кредиторами в России; еще страннее, что некоторые оптовые торговцы и фабриканты не особенно претендуют на сибирских купцов, если те в подобных случаях уплачивают копеек по 25 за рубль, и даже открывают им снова кредит. Разгадка этому весьма проста, — объясняет г. Бутин, — многие фабриканты, действуя как бы *в стачке*, упорно дер-

жат высокие цены на свои товары, а потому не особенно страдают даже и при неукладных сделках. То есть торгуют они без риску» (С.-Петерб. вед., 1873 г., № 108). Свидетельство это сибирского торговца, как человека компетентного в этих делах, совершенно подтверждается многими фактами и вообще ходом сибирской промышленности. Все частные условия и продажа на ярмарках Нижегородской, Ирбитской и других держатся на обширном кредите. Собственные выгоды фабрикантами и гуртовыми торговцами от этого кредита очень хорошо усвоены. Привычка сдавать товар только в кредит, получая впоследствии огромные барыши, а также выгода сбывать плохой, залежалый товар при этом до того вошла в обыкновение, что московские торговцы отказываются даже иногда иначе продавать. И этим объясняется случай с одним сибирским неопытным торговцем, явившимся покупать товар в Москву, которому ответили: «Нет, на деньги мы не отпускаем: хотите — так берите в кредит!» Зато и те, которые пользуются кредитом, усвоили себе особые обороты. Известны сибирские торговцы, которые

банкротились и предлагали на выбор: или полный отказ от уплаты, или повременить, дать им обернуться кредитом в Москве. Забирая товар, они разом затем поправляли дела на сибирских покупателях. Сибирские торговцы так привыкли пользоваться чрезвычайными обстоятельствами, наживаться в счет провоза, на счет случайных повышений цен, что при мысли о железной дороге высказывали даже опасения, как бы она не подорвала их монополии. Те же отношения, которые существуют в мелочной и частной торговле, отражаются и в общей. Они подтверждаются итогами и валовыми цифрами обмена на Нижегородской, Ирбитской, Ишимской и других ярмарках, то есть — всю торговлю Сибири. Ирбитская ярмарка имеет оборота до 50000000 руб. По ведомости 1866 года продано на ней мануфактуры в Сибирь на 23179800 рублей. Продано сибирских сырых произведений на 6719400 руб.

На Никольской ярмарке в Ишиме сбыто русской мануфактуры на 1036340 руб., сибирского сырья — на 856900 руб. На Крестовской ярмарке, Пермской губернии, по отчету

1868 г., мануфактуры продано на 3376990 руб., сибирского сырья — на 510000 руб.

Отношение и процент, каким выражается оборот мануфактуры сравнительно с сырьем, указывает, что ценность сырья никогда не покрывает запроса на мануфактуру. Обнаруживаемые цифры близки к предположению, что Сибирь кредитруется на 75 %. Вся сумма товаров, в недавние годы обращавшихся на Ишимской, Ирбитской и Ивановской ярмарках, о которых мы могли найти только сведения, распределялась таким образом: покупается в Сибирь мануфактуры на 27593130 руб. и сырья сдается на 8086300 руб. В последний, 1875 г., на Ирбитской ярмарке из суммы 43000000 руб. мануфактура занимала 30000000 руб. (Ирбит. ярмар. лист. 1876, № 1).

Относительно Нижегородской ярмарки мы узнаем только из исследования г. Овсянникова по поводу железной дороги, что привоз сибирских товаров на Нижегородскую ярмарку равняется от 15 до 16000000 р.; сбыт же мануфактур и бакалей в Сибирь и на Урал, как и в Азию, равняется 2500000 пудам (ценность не обозначена).

В общем по поводу проведения железной дороги было высчитано, что в Сибирь проходит 18000000 пуд. клади. Если провоз в Западную Сибирь мы положим по 1 р. за пуд, а в Восточную Сибирь — до 6 р. за пуд (нынешняя цена), мы поймем, что переплата за провоз равняется почти 63 миллионам рублей, которые ложатся значительной тяжестью.

Итак, наш Восток в большинстве потребления должен оплачивать мануфактуру и провоз ее по самой дорогой цене и при самых невыгодных условиях торга. Из этого видно, что над Востоком тяготеет самая широкая и грандиозная мануфактурная эксплуатация. В этом случае Восток и Сибирь стоят в той же тяжелой зависимости, как всякая страна сырья к мануфактурному рынку, не умевшая обеспечить себя собственным хозяйством. При бесцеремонной наживе мануфактурная эксплуатация здесь отражается вдвое хуже.

Нельзя сказать, чтобы невыгоды такого положения дел в крае не замечались. Так, например, ввиду обнаруженных стремлений относительно эксплуатации богатств на Востоке и вывоза их, при обсуждении вопроса о си-

бирской железной дороге, не раз заявленных, явились уже опасения: не будет ли при таких условиях сама железная дорога орудием для продолжения тех же средств наживы, какие практиковались до сих пор, и не пора ли позаботиться скорее о поднятии местных промыслов, дабы железная дорога могла быть употреблена не для одного вывоза сырья, а и для пользы края и населения? Наконец, чрезвычайно важно определить в указании подобных ненормальных явлений и отношений на Востоке, кто более всего проигрывает. Мануфактура, постоянно увеличиваясь в потреблении, как известно, всегда сама распоряжается своею ценою; она имеет все шансы распорядиться рынком; зато сырье идет по самой низкой цене. Мануфактура, все более и более развивая потребности, расширяет район покупателей и все более получает выгод; капитал ее в общей сумме растет, но сырье, сколько ни функционирует при низких ценах, никогда не равняется капиталу, следуемому за мануфактуру; отсюда — невозможность погасить долг, кредит и вечная кабала мануфактуристу. Кредит этот не может упла-

чиваться исправно, потому что, в частности, продавец мануфактуры в Сибири опирается на производителя сырья; отсюда — ряд перемежающихся банкротств; сибирский торговый капитал постоянно лопаётся и служит выразительным признаком общего народного дефицита всей страны. Кто же больше всего проигрывает в этом дефиците? Мануфактура и мануфактурист, доставляющий на Восток товар, — явно в выигрыше, несмотря на сибирские банкротства; лично он не разорётся, хотя ему долг не платят иногда, но он его давно выбрал в процент на кредит. В общей сумме покупка мануфактуры сильно растёт. Это можно видеть на ввозе мануфактур на ярмарки. Как торговля её увеличивается, свидетельствуют, например, цифры шерстяных и бумажных товаров. В 1857 г. на Ишимскую ярмарку их шло на 173000 р.; в 1867 г. — уже на 384000 р.; и так все мануфактуры. То же видно и из цифр Ирбитской ярмарки за последние два года. Что касается сибирского торговца, берущего в кредит у мануфактуриста, то мы приводили свидетельство сибирского торговца; а что и он не в потере — видно из того, что

он идет на сделку, платит 25 к. за рубль, ибо капиталу у него мало, но оставляет себе на черный день и опять разживается, или мануфактурист, наконец, великодушно погасив давно уплаченный долг, дает ему вновь в кредит и делает опять своим агентом в торговле. Банкротства не уменьшают кредит для Востока, ибо не другой, так третий агент, сибиряк, явится для передачи мануфактуры, торговые дома всплывают и уплывают; для мануфактуриста это — просто расчет приказчиков, и состояние кулаков и торговцев в Сибири не уменьшается и не пропадает; торговля идет по-прежнему. На кого же ложится тяжесть дефицита? Кто все оплачивает? Ясно — потребитель мануфактуры. Говоря о сибирских банкротствах, г. Бутин делает и в эту сторону уступку. «Потребители, в конце концов, также страдают, — говорит он, — потому что посредники между ними и производителями, то есть торговцы, любят жить не по средствам, и все делаемые на себя расходы, нередко доходящие до весьма значительной суммы, непременно падают на потребителя, в виде приплат на покупаемом товаре, так как

фабрикант, проученный одной, другой «делкой» (т. е. банкротством), обыкновенно *поднимает цену* на предметы своего производства». Итак, потребитель несет все тяжести; он дает и барыш мануфактуристу, и платит за него кредит; он кормит сибирского торговца, служащего передатчиком и живущего не по средствам, он же отвечает и за банкротство последнего. Вот кто в убытке. Но потребитель мануфактуры есть в то же время и производитель сырья, то есть рабочий и земледельческий классы Сибири, а с ними — все звероловы и скотоводы, русские и инородцы. На них, на этот низший класс рабочего крестьянства и инородцев, обрушиваются все невзгоды. Мы указали, что положение сибирского торговца-капиталиста не особенно прочно: он на посылках у мануфактуриста, дающего ему в долг товар для распродажи по назначенной цене; цену эту он должен выбрать да еще себе получить барыш. Комиссионного процента, который ему придется, при высокой без того цене мануфактуры, ему мало: он желает «жить не по средствам», как выражается г. Бутин; он хочет, наконец, сделаться капиталистом и

брать на наличные тот товар, который ему отпускали в долг; все это заставляет его искать себе монополии — вот ее причина; затем, с целью распространить и скорее сбыть товар потребителю, он решается пускать его в *кредит*, за который опять берет процент. В этом случае торговец берет пример с мануфактуриста, закабаливающего его кредитом; он старается и сам кабалить. Сибирский торговец, раздавая привезенный товар в кредит, в то же время и скупщик сырья; иногда это сосредоточивается и не в одном лице, но это все равно. И в этом случае сибирский торговец — агент мануфактуриста. Чтобы получить больше барыша себе при сдаче сырья на ярмарке или этим сырьем пополнить долг за розданную мануфактуру, он старается возможно понизить цену сырья, как можно менее давая производителю, и этим опять служить целям и выгодам мануфактуриста. Действует же он в этом случае к явному ущербу страны и ее производительных сил и, разоряя других, разоряется часто сам. Но, желая наживы и стремясь уплатить нарастающий долг, он в том и в другом случае, то есть отдавая в кре-

дит мануфактуру за огромные цены инородцу и крестьянину и скупая у него сырье как можно ниже, действует беспощадно, употребляет все средства обсчитывания, обмана, начета, фальсификации. Торговец помнит, что и он должник, а потому кабалит другого. Вот что должно считать источником сибирской кабалы. На производителе сырья, крестьянстве, между тем, зиждется целая пирамида тягостей. Крестьянин оплачивает жизнь мануфактуриста, приказчика его, сибирского купца, оплачивает провоз, кредит и сбывает свой продукт в ущерб себе, не зная, куда с ним деваться. Отсюда вечный начет, вечные долги на производителя сырья и потребителя мануфактуры; он не может и не в состоянии их выплатить, потому что ему год от году сваливается на шею и чужой долг: он несет долг страны и торговца.

Последствия этих ненормальных отношений развиты в следующей главе.

Таков в главных чертах промышленный и экономический вопрос края. Несомненно, что разрешение этого вопроса будет лежать только в развитии внутренних сил Сибири.

Нам продолжают твердить по-прежнему о вывозе богатств края при помощи улучшенных путей сообщения и, так сказать, об открытии новых клапанов из Сибири; но разрешается ли этим вопрос благосостояния? Один вывоз не будет ли последней ликвидацией оставшихся богатств края, если мы только не позаботимся о средствах увеличения его производительности, если мы не дадим ему возможности развивать собственные свои силы? Только от экономической культуры мы вправе ожидать оживления нашего Востока и приобретения им настоящего значения.

По этому поводу уже раздаются довольно веские и разумные голоса со стороны местных граждан, наиболее проникнутых нелицемерным желанием развития родного края, голоса, несколько охлаждающие горячку к северным путям и вывозу произведений из Сибири. Вот пример подобного отзыва[112].

В смысле культурно-образовательном пришествие нового человека, а тем более с Запада, насаждающего у нас, у русских, всякие новшества, более чем желательно; сибиряк не настолько дик, чтобы бояться высшей

культуры; он давно готов принять лучшие формы жизни, потому что старые слишком уж устарели и стеснили его жизнь и свободу. Как человек в неволе рад первому встречному, так и сибиряк, сжатый Уральским хребтом, рад человеку, пришедшему с вольного Запада. При всей еще незначительности здесь иностранного элемента сибиряк все-таки, сравнивая иностранца с собой, замечает большую разницу и поучается ей, находя его порядки лучшими, достойными подражания. Со стороны же экономической пришествие западного человека, «из не наших», едва ли особенно желательно, потому что западный человек с искони века привык только эксплуатировать восточного человека; не сделает же он для нас исключения! Если б западный человек ввозил к нам сахар, масло, керосин, консервы разные, мебель, машины и т. п., все это мы принимали бы охотно и за все это с готовностью отдавали бы наши бумажки, лишь бы не требовал он за все это нашего сырья, в особенности нашего хлеба, которым мы в годы неурожайные сами едва прокармливаемся; пусть он берет от нас то, в чем мы сами не

нуждаемся и что тем или другим путем все-таки уходит за границу, например, пусть он берет от нас скотские рога, щетину, шерсть, пушнину и т. п. Для достижения этого представляется один путь — путь конкуренции. Но прежде всего надо устроить наши внутренние пути сообщения, соединить наши реки каналами, железными путями и вызвать таким образом к жизни новые рынки, рынки внутренние, которые бы урегулировали цену на все в Сибири, уничтожив в ней резкую разницу, благодаря которой одни местности голодают, а другие от избытка ломаются. Эти рынки удержали бы в себе местное сырье, не отдавая его при нужде за границу, и создали бы, таким образом, противовес иностранной эксплуатации.

Точно такие же отзывы слышатся по поводу железной дороги.

Само значение для местной производительности этих дорог в последнее время в Сибири возбуждает опасения, не лишённые основания, а именно: предполагают, что деятельность этих железных дорог будет направлена прежде всего к вывозу сибирских произ-

ведений в сыром виде. Между тем, вопрос о вывозе сырья по самой низкой цене, так сказать, спекуляция на него, не может рассматриваться в смысле выгоды для народной экономики. С точки зрения этой экономики всегда будет иметь более значения обработка собственных произведений на месте, давая труд населению, повышая его рабочую плату и путем обработки возвышая цену местных произведений природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая к насаждению и развитию производительных сил, это соседство с азиатскими странами и значительное число инородцев, как входящих в состав сибирского населения, так и прилегающих к границам. Сибирь по отношению к соседним дикарям и рынкам Азии должна когда-нибудь играть роль мануфактурного рынка. Если дороги заводские и мануфактурные произведения для Сибири, то можно себе представить, как должна повышаться цена их на среднеазиатских, туркестанских и монгольских рынках. Для того чтобы снабжать эти рынки нашими произведениями и сколько-нибудь конкури-

ровать с произведениями иностранными, проникающими в Азию, а также сделать наши произведения для азиатцев доступными по цене и склонить их к приобретению предметов нашего производства, мы должны подвинуть самое производство как можно ближе к их границам, и в этом случае Сибирь должна представить наиболее соответствующий этим целям район. Если различные поделки и произведения, в том числе и предметы кустарной промышленности, проникают из России в Монголию, Китай и Туркестан, то можно себе представить, насколько усилится сбыт их при развитии сибирской промышленности.

Таково должно быть в общем направление экономической жизни края, если он захочет воспользоваться своими богатыми произведениями и своим положением.

Экономическое положение Сибири **VIII.**

Зажиточность и бедность сибирского населения. — Господствующие явления монополии, мироедства, кабалы и торговой зависимости. — Типы кулаков и мироедов. — Зем-

ледельческая и торговая кабала. — Зависимость инородцев. — История монополии и кабалы на Востоке в XVI, XVII и XVIII веках. — Борьба администрации с монополистами. — Более нормальные пути экономического развития и будущность края.

Экономическая неразвитость края, его исключительное положение и зависимые торговые отношения не могли не отразиться на быте и степени благосостояния местного населения. Мы сказали, что когда-то сложилось представление, что в Сибири живут богато и население благоденствует. Ныне это подлежит проверке. Известная зажиточность населения за Уралом и большее благосостояние крестьян, чем во внутренних бывших крепостных губерниях России, правда, не могли не броситься в глаза всем заезжим и путешественникам. Это объяснялось отчасти условиями жизни зауральского крестьянина; новая страна, девственная почва, незаповедные леса, свободный труд и отсутствие крепостного права. Но рядом с этим весьма давно уже замечено другое явление, это — явление обеднения, нищеты и крайне зависимого положе-

ния. Подобные факты, находящиеся повсюду, заслуживают большего внимания, чем благословенные райские уголки, уцелевшие как редкое исключение в Сибири. Мы говорим об экономическом явлении, давшем повод некоторым исследователям обрисовать Сибирь, как место самых грубых, корыстолюбивых стремлений, доведивших до разорения трудящуюся часть населения и выразившихся в монополии и кабале. Сделав попытку исследования в особой монографии по истории монополии, кабалы и новейшего мироедства на Востоке, мы не могли не найти связи и причин этого явления с общим экономическим положением края.

Сибирь не была обетованною страной для населения. В экономической жизни она испытала общую участь — рядом с богатством и горькой бедности. Страна контрастов, она еще резче выразила это различие состояний, различие богатства и бедности, а также инстинкты приобретения и наживы.

В среде промышленной жизни Востока явление монополии сказалось шире со всеми его последствиями, точно так же, как и эконо-

мическая зависимость выразилась резче в лице кабалы, покручничества и т. д. На эти явления указывают ныне как на односторонность развития и как на язву внутреннего хозяйства страны, поэтому они не могут быть обойдены исследователем местной экономической жизни.

Прежде всего, конечно, придется указать на деревенское мироедство и кабалу.

Для характеристики мы берем сначала самую обыкновенную форму мироедства земледельческого, существующего как в России, так и в Сибири. Вот как оно обрисовывается одним наблюдателем. В деревенском населении есть много людей бедных и нуждающихся в кредите в трудную минуту. Наступает сбор податей: наехала земская полиция, сельское начальство приходит в волнение; денег у крестьян нет; являются на сцену угрозы и розги. Мироеды молчат. Только когда бедные доведены до крайних пределов отчаяния, они развязывают кошельки. С этого дня начинается нежнейшая связь между мироедом и его жертвой; мироед заступает за беднягу, старается доставлять ему разные выгоды, как

скоро это ему ничего не стоит; но покровительство дорого достается бедняку: он не только должен исполнять тягостные условия, под которыми получал деньги; он должен быть с семейством непрременным членом на всех помочах, посредством которых мироед стяжает свои богатства. Мироед пашет посредством помочей, косит сено — тоже, убивает хлеб — тоже, рубит дрова — тоже. За какой-нибудь стакан вина его клиент продает ему свой труд, а его собственные поля остаются невозделанными, скот — без корму. Поставленный раз в подобное положение, бедняк попадает в безвыходную кабалу; он опускается все ниже и ниже, труд свой продает все дешевле и дешевле, пока не доходит до баснословной дешевизны. Целое семейство работало на мироеда целый год за телку; крынка простокваши — вознаграждение, нередко даваемое мироедом за день женского труда; дети работают на него из-за одного хлеба. Вот каким образом мироеды доходят до поражающих наблюдателя богатств, запахивают сотни десятин, имеют сотни штук скота, имеют обширные пчельники — и все это до-

стается им за бесценок. Подобные люди достигают огромного влияния в сельском обществе, влияют на все дела, входят как распорядители, как факторы экономической жизни и являются даже узурпаторами власти; они держат своих односельчан, как рабов, чинят незаконные суд и расправу, делая массу злоупотреблений.

В исходе XVIII и 1-й четверти XIX столетия в Кузнецком округе Верхо-Томской волости в деревне Березовой жил богатый крестьянин заводского ведомства Иван Степанов Новиков. Дом у него построен был на берегу речки Березовки при впадении ее в Томь на городскую руку и далеко отличался от прочих как величиной своей, так и красивым наружным видом; богатое же внутри убранство комнат делало его похожим на дом значительного помещика. В смежности с этим домом находились два порядочной величины сада, правильно расположенные, с фигурными беседками, цветными грядками и в разных местах скамейками. Занимался Новиков хлебопашеством в огромном размере и торговлей разного рода скотом в значительном количестве.

Часть хлеба отправлялась им сплавом по рекам Томи, Оби и Иртышу на продажу в Сургут и Березов. Для работ по хлебопашеству и ухода за скотом он содержит до 80 работников из годовой платы и для присмотра за полевыми работами, за порядком в доме и для исполнения торговых дел более 40 приказчиков. Главное же управление по торговле вверено было томскому мещанину Федору Корчуганову, который и распоряжался всем полновластно. Сам Новиков разрешал только одни значительные торговые предприятия, с важностью выслушивая доклады и мнения чинно стоявших перед ним главноуправляющих и некоторых более смышленных приказчиков, поверял торговые книги, делал по ним замечания, сводил счета и вообще действовал как именитый торговый человек. Для выезда своего имел лучших лошадей и много городских экипажей; в числе последних была даже выписана из Москвы коляска, в которой Иван Степанович четверней или парой объезжал иногда поля свои, засеянные разным хлебом, или ездил в город куда требовала надобность по делам его, или просто, вздумав прогулять-

ся к своим знакомым, имея их множество в высшем чиновном кругу. Поездка в город сопровождалась всею роскошью знатности, составляя кортеж из 4 экипажей, из коих в главном сидел обыкновенно сам Новиков, а в остальных сидели приказчики. Под своз такой свиты требовалось около 20 лошадей, которые по предварительному извещению и заготовлялись на станциях едва не за неделю до приезда его, ожидая Ивана Степановича как некую важную особу. Такой образ жизни при уме его и независимом состоянии чрезвычайно сближал Новикова с должностными лицами, любившими и даже уважавшими его. К сожалению, он только во зло употреблял это расположение и, не будучи чужд корыстолюбия, богатство *приобретал не совсем добросовестными средствами*. Не неся никакой общественной должности, он, однако же, тем не менее безнаказанно управлял Верхо-Томской волостью, и притом так деспотически, что не только волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земские и горные власти смотрели на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противо-

действовать ему и раболепно подчинялись всем его приказаниям. Ни одна мирская сходка не оканчивалась без решения Ивана Степановича, ни одно распоряжение начальства не приводилось в исполнение прежде, пока не прикажет он. Очень редко бывая на мирских сходках, Новиков знал, однако же, все, о чем происходило на них совещание по той причине, что после каждой сходки являлась к нему депутация из крестьян и просила его совета и решения. Дурно ли, хорошо ли прикажет он, но дело решалось окончательно по его наставлению, и если кто осмеливался противоречить, ему грозили одним словом, что так приказал Иван Степанович. Волостное правление носило одно пустое название и скорее было канцелярией Новикова, чем присутственным местом: все споры между крестьянами, жалобы их на обиды, один другому нанесенные, и прочие иски и тяжбы их разбирались одним Новиковым, во дворе дома его или на станциях во время проезда, у той квартиры, где он останавливался. В первом случае строгий судья-самозванец каждый день, утром или после обеденного отдыха, вы-

ходил на крыльцо и, сев в приготовленные кресла, выслушивал жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьян, спрашивал ответчиков и обсуживал обстоятельства, тут же решал дела окончательно, и горе обвиняемому: его подводили к столбу, на дворе врытому, привязывали ремнями и наказывали плетьюми до тех пор, пока угодно было Ивану Степановичу; а он был до того жестокосерд, что то и дело кричал: «Прибавьте ему», так что иногда несчастного уносили на руках полумертвого; подобные решения случались и на станциях, хотя и нечасто. Во время рекрутских наборов по получении в волостном правлении указа о приготовлении очередных семейств для поставки рекрутов, хотя и составлялся для этого мирской сход, на котором избирались семейства, на очереди состоящие, но все это была пустая форма; Иван Степанович устраивал дело по-своему. Он на дому у себя составлял список о тех лицах, которых желал отдать в рекруты, и без всяких дальнейших рассуждений отсылал его в волостное правление с приказанием, чтоб поименованные в нем семейства немедленно приго-

товлены были к отправке, и затем в назначенный день отсылал их в рекрутское присутствие с письмами от себя на имя кого следовало. Привозимые, таким образом, принимались в рекруты без малейшего в чем-либо затруднения и задержки, так что волость очищалась за один раз, без недоимки, и считалась в этом случае самой исправной. Обсчитать при расчете кого-нибудь лишними процентами на одолженные займы деньги Новиков также не считал для себя грехом. *Крестьяне постоянно были у него в долгу и сколько ни уплачивали, все оставались недоимки.* Избытки в скоте, а также и в других припасах входили в состав торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали в сторонние руки: *все везлось к нему и сдавалось приказчикам;* а цены за принятый товар зависели от самого Новикова беспрекословно. Если он узнавал, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчас же посылал приказчика к владельцу такой лошади с приказанием отобрать ее и привести к нему. Посланный отправлялся, осматривал лошадь и, на-

ходя ее доброю, уводил на двор Ивана Степановича, а хозяину приказывал явиться туда же через неделю. Не смея ослушаться, крестьянин молча смотрел на уводимую и нередко любимую лошадь и не решался делать ни малейшего возражения. Когда лошадь Новикову понравится, то оставалась вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся в назначенное для того время, платили за нее, сколько вздумается Ивану Степановичу и всегда менее против стоимости; крестьянин оставался доволен и тем, что получил, очень хорошо понимая, что ни убеждения, тем более возражения, не поведут ни к чему доброму; его же прикажут вытолкать вон, а при случае отомстят еще посильнее. Высшие власти, посещая Томск и Барнаул, также хорошо знали Ивана Степановича; принимали его запросто на чай или обед. Ездили с ним по городу в одном экипаже и при случае пивали за его здоровье. Биография эта помещена в «Томских губернских ведомостях» 1858 г., № 43.

Во время путешествия нашего по Сибири мы наталкивались постоянно на подобных крестьян-богачей, держащих остальных в ка-

бале.

В деревне Костылевой мы встретили обширное хозяйство крестьян братьев Красноусовых. Дом их был поставлен на городскую ногу, обширные сараи и склады огораживали обширный двор, 5 сараев были наполнены 17000 пудов скупленного хлеба. Хлеб скупался по 17 и 20 копеек, продается же нуждающимся крестьянам по 50 к., а на рынке — по 70 коп. Понятны значительные дивиденды. Красноусовы имеют 2 мельницы, до 300 голов рогатого скота, распахивают наймом до 100 десятин земли и во время уборки хлеба у них работают до 40 работников; в большинстве это должники, труд десятинщика оплачивается им в страду 2 руб., а обыкновенного работника — 3 руб. Работник от Пасхи до Дмитриева дня, до 26-го октября, получает у них 25 руб., сапоги, 2 пары рубах со штанами и бродни. К торговле присоединяется ростовщичество. Крестьяне-богачи раздают товар и деньги в долг крестьянам, ставя двойные цены. За долги идет беспощадное взыскание и за долг, таким образом, приобретается не только скот, но и крестьянские дома. В каж-

дой волости и на каждый район есть один или два таких выдвинувшихся крестьян скупщиков. До каких размеров может дойти обогащение этим путем, примером служит состояние и доход крестьянина Сорокина, имевшего недавно хозяйство на Карасуке к югу от Юдинской области и арендовавшего земли у горного ведомства. Он имел запасов до 100000 пудов пшеницы, в табунах его находилось 8000 голов скота, в том числе 500 аргамаков. Торговля скотом огромна; рогатого скота отправлено: в Оренбург — 2800 голов, в Енисейскую тайгу на прииски — 1500 голов, на Иртыше пасется 1400. Кроме того, у него находится кожевенный завод, на котором выдвливало 5000 кож. В Павлодаре 2 лавки с мануфактурными товарами. За разными лицами долгов, между прочим, за одним оренбургским торговцем — 150000 рублей. По смерти своей в 1878 году он оставил по завещанию деньгами 6-ти сыновьям по 40000 руб. каждому — 240000 рублей, 2-м племянникам по 40000 руб. каждому — 80000 руб. и 3-м дочерям по 5000 руб., всего 15000 руб. Состояние и имущество этого крестьянина, занимавшегося по-

купкою и продажею хлеба и скота, равнялось более миллиона рублям. Такова разница в материальных условиях и степени богатства среди сибирских крестьян, зависящая от способов приобретения, а также влияния деревенских скупщиков и кулаков в сибирской жизни, явления, давно подмеченного различными исследователями. Мы видим, что в глухих местах на Барабе при отсутствии конкуренции, низких ценах на хлеб, нужде крестьян в деньгах и потребности кредита, влияние кулаков и скупщиков чрезвычайно сильно и увеличение их богатства происходит на счет остального крестьянства, отзываясь чрезвычайно невыгодно на экономическом уровне массы.

Земледельческая кабала существует во многих местах Сибири; ближе сказать, трудно было бы найти место, где бы это явление не существовало. Вот как описывает явление мироедства один корреспондент в другом конце Сибири, в Верхоленском округе. «Общинное владение землей без пределов породило особую общественную язву в Верхоленском округе: это — кабалу-батрачество. Земли

много, и богачи из крестьян, располагая более значительными силами, эксплуатируют бедных, постоянно занимаясь расчисткой удобных к хлебопашеству мест, которые по сибирскому обычаю переходят от отца к сыну, от сына к внуку и т. д., из рода в род; они захватывают огромные участки земли: так, некоторые имеют до 300 десятин и засевают посредством помочей до 100 десятин, подчиняя, благодаря своему влиянию, за бесценок труд беднейших собратий, строят барки и сплавляют хлеб до Витима или Мачинской резиденции, где и получают 400 и 500 процентов за затраченный капитал. При наступлении срока уплаты податей, когда бедное население мечется из угла в угол, в это время мироеды ловят этих несчастных, и если жертва попадет в лапы, взявши каких-нибудь несчастных 10–15 руб., то ей уже не вырваться вечно». «Я знаю один подобный пример, — пишет корреспондент, — за долг отца, взявшего первоначально маленькую сумму и работавшего до самой смерти на своего кредитора для удовлетворения, причем все-таки долг возрос при смерти его до 200 рублей, мироед взял от ма-

тери вдовы более взрослого 14-летнего сына, оставив ее с двумя малолетками, и местное волостное правление, облекши это рабство законным порядком, засвидетельствовало, что вдова за долг отдала своего сына на 8 лет в работники».

Рассматривая тип мироеда — земледельческого крестьянина, мы видим в нем соединение ростовщика, получающего плату и проценты трудом, возвысить который состоит в его произволе. Но является и другая, более сложная форма кабалы: это — кабала торговая, когда дается производителю вперед задаток на будущий продукт или он снабжается товаром. Она существует также во многих местах Сибири.

Образчиком мы можем представить положение алтайских крестьян по описанию известного ученого Радлова. Вот что сообщает Радлов в «Reise durch den Altai» в XXIII томе архива Эрмана (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin). «Много кедров около Телецкого озера, но жители крайне бедны. Большое дерево дает 30 фун. орехов, худое — 2 фун. Пуд стоит 1–2 руб. ассигнациями. Кедро-

вая торговля, которая могла бы доставить достаток жителям, и есть главная причина бедности. Урожай кедровых орехов бывает годом, по здешним сказкам — через три года. Во время неурожая и белок мало. Вот в такие-то плохие годы купцы пользуются положением бедняков и щедро при наступлении первого худого года открывают им свои лавки под условием, что осенью за каждый рубль ассигнациями они должны доставить пуд орехов; если покупатель не доставит, то должен вместо каждого недостающего пуда доставить два рубля. Долг в следующие два года увеличивается так, что сможет быть удовлетворен только тем, если бедняк в хороший год сможет собрать столько орехов, сколько должен купцу. Для ясности представляется пример. Инородец берет от купца в начале первого худого года товару на 20 руб. ассигн. и обещает осенью 20 пуд. орехов. Но он доставил только 10 пуд. и остается, таким образом, купцу должен 20 рублей ассигн. Купец верит в долг до следующего года под условием — опять доставить 20 пуд. Во второй год дело еще хуже, и он может доставить только 5 пуд. орехов и оста-

ется должным 15 пуд., то есть 30 руб. ассигн. Купец отсрочивает опять долг на год, но и в этот год инородец доставляет только 5 пуд.; таким образом, долг его возвысился в 25 пуд. орехов, или 50 руб. Если в следующий хороший год удастся ему доставить 30 пуд., то на второй год он должен только 40 пуд., и если в третий год доставит 30, то останется должен 20 пуд. *Но купец получает за 20 руб. ассигн. 100 пуд. орехов, которые он продает за 150 руб. ассигн.* Понятно, эта торговля должна обеднять народ, потому что купец шесть лет терпит долг на инородце, и все, что ему не заплачено в орехах, должно быть заплачено деньгами, мехами или скотом». Вот что сообщает потом г. Радлов о характере торговли на Алтае: «Китайские товары: чай, дабы продают наши купцы уж в самом Алтае и на Чуе подданным нашим калмыкам. Чай там ценится в два теленка или в одного большого барана; большие дабы, ян-дан-лан-бу, купленные за два чая, продаются за три. Большая часть купцов имеет на Чуе или в Алтае заимки, где на калмыцких землях держат свой скот на подножном корму. Там зимует и поправляется

худощавый скот; там вырастает мелкий скот и лошади, и верблюды, необходимые купцам для перевозки тяжестей; там они кормятся и вырастают без всяких издержек со стороны хозяев. Кроме того, купцы отдают целые стада для охранения по очень выгодной для них цене. Что такая торговля дает чрезвычайно много прибыли купцам — понятно из вышесказанного, но все-таки многие из наших торговцев не довольствовались этими выгодами и пользовались отдаленностью края, чтобы еще увеличить свою прибыль. Я уже гораздо ранее имел случай говорить об одном обычае, существующем при торговле с иностранцами. Это продажа товаров на мелкий скот, оставляемый на вырост у хозяев. Теленок, например, купленный за 1 рубль, остается у первоначального хозяина: это ему нужно потому, что корова без теленка молока не даст; в четвертый же год покупатель вытребует этого теленка уже в виде взрослого быка, так что из одного рубля у него делается 15 или 20 рублей; в случае же смерти скотины покупщику уплачивается стоимость теленка частью звериными шкурами и другими товарами, а частью —

мелким скотом, который оставляется у хозяев опять на вырост, так что купец собирает иногда от одного чая в течение многих лет скот и шкуры в стоимости нескольких быков. Такие же расчеты производятся за товары, данные вперед на осень за белковые шкуры и орехи. В 1860 г. я имел случай видеть процесс, где одному торговцу за нескольких белковых шкурок и за два шила, в общей сложности за 28 коп., присуждено было получить от двоеданца, живущего около реки Шибита, 81 быка! При собирании долгов торгующие наши часто были не слишком разборчивы в средствах: они, если должники оказываются несостоятельными, просто, как говорят, у кого-нибудь из соседей или родственников отнимают силою скот на том основании, что этому соседу или родственнику легче получить скот от должника, чем самому купцу. Калмыки — народ смирный, боязливый и не смеют жаловаться. Кроме того, я сам слышал, что некоторые торговцы не устрашились даже покупать скот и лошадей, приобретенных не совсем чистым путем, и сбывали с рук по обстоятельствам или в Монголию, или дальше в Сибирь.

Понятно, что торговля в таком отдаленном месте скрыта от всякого надзора правительства; производимая с народами боязливыми, как наши калмыки, она должна была кончиться с эксплуатировкой местных богатств. Алтай стал так беден, что я, проезжая в нынешнем году, почти не узнал тех местностей, которые посещал еще в 1860-м и в 1865 гг. Скота на дороге нигде не было видно; даже прекрасная Урускульская долина была пуста; а где есть скот, везде слышно: «Ходжаймын мапы» (купеческий скот). Особенно обеднели чуйские двоеданцы, отличавшиеся прежде своим богатством. Правда, и чума, и другие причины, не относящиеся к нашему предмету, виноваты в этом; но значительная часть вины падает на неправильность торговли, не огражденной законом. Впрочем, купцы наши вели неправильную торговлю не с одними нашими подданными; их торговые сношения с соседними монголами также не были чисты от насильства». Г-н Радлов приводит множество примеров этой бесправной торговли и силы купцов среди инородцев. Взыскание долгов, нарастающих до огромных размеров,

сопровождается отнятием имущества и скота — так приводится этому несколько случаев: «Монгол Д. с тремя товарищами пригнал 8 верблюдов в пикет Суок с казенным грузом; купцы захватили этих верблюдов и говорили солдатам, что они возьмут их в обеспечение долга, сделанного 15 человеками монголов из разных станций, и что Д. с товарищами легче могут взыскать с них долг. Обращение к маньчжурскому чиновнику Кя никак не помогло; русские не выдали захваченных верблюдов, но представили Кя список должников, который был передан им Дзялыну; но удовлетворения хозяев верблюдов до сих пор не последовало. Правда, тому, кто не знаком со здешним ходом дел, невероятным покажется такое поведение русских купцов у китайских пограничных пикетов; но мне самому привелось быть свидетелем, как русский купец бесцеремонно привязал монгольского солдата к своей юрте, потому что он был должен ему большое число сурковых шкур, хотя должник от долга своего нисколько не отказывался; купец мне сам сказал, что он только для того привязал должника, чтобы получить

от него законную расписку, которую монгол с самого начала согласен был дать». Как мы видим, купец не стесняется учинить подобную расправу даже с китайским солдатом. «Такие отношения, конечно, не могут содействовать развитию торговли; напротив, они могут привести ее к падению и совершенному уничтожению». По мере того, как выростала здесь торговля и растет число купеческих заимок, все более и более беднеет народ. Странная вещь: крестьянам запрещают селиться в Алтае будто бы для сбережений территорий инородцам, а купцам дозволяют заводить свои пауковые гнезда. Бывшие несколько десятков лет тому назад в Алтае уверяют, что в Алтае господствовало общее благосостояние, что алтаец, имевший 50–100 лошадей, считался за бедного. Описывая эти явления, г. Радлов приходит к заключению, что обеднение всего края лежит в тех формах торговли и злоупотреблениях, какие применяются к инородцам.

Ту же монополию, те же приемы торговли мы встречаем в Туруханском, в Березовском крае, в Нарымском и киргизской степи. До ка-

кой степени проявляется монополия и кабала временами среди русского населения, а также в какое она вошла обиходное, считаясь как бы законною, может служить примером следующий факт в Тобольской губернии, заимствуемый нами из корреспонденции 1872 года. «В Тобольской губернии был поднят шум рыбопромышленниками против березовского исправника, будто он запретил крестьянам наниматься менее, как за 25 рублей. Оказалось же, что он приказал не выдавать видов иначе, как крестьяне прежде не заплатят подати. Это было вызвано тем, что по Тобольскому округу накопилось 473548 рублей 47 коп. недоимки. Причинами этому было затопление лугов и падеж скота. В это время, конечно, приходилось думать уже не о податях, а как бы не умереть с голоду. Таких разоренных людей волостные и сельские начальники, не обращая внимания на наличное количество сил в семье, принуждали наниматься и даже отдавали насильно к рыбопромышленникам без всякого приговора, даже малолетних. Пригоняли народ к рыбопромышленникам гуртами, — говорит корреспондент, —

и все это делалось за полгода. Распоряжение исправника было только в ущерб 25 лицам монополистов, кулаков, которые и подняли гвалт. Рыбопромышленники, как оказалось, нанимают крестьян на сезон за 6-14 рублей, и таких было 2000 народу. Половина должна была платить подати за 2, 3, 4 и 5 душ. Подати приходилось по 10 руб., а рабочему же давали монополисты 13 р. 50 к.: ясно, что они были вечно в убытках и долгах» (Всем. иллюстр. 1872 г., № 190). Те же кабальные отношения мы видим и при ведении золотопромышленного дела: «Наемка капиталистами крестьян для перевозки тяжестей на прииски поставила последних в роль кабальных отношений к первым», — свидетельствует д-р Кривошапкин в «Описании Енисейского округа». Ремесла вообще, как и земледелие, были оставлены крестьянами, привлекаемыми золотопромышленностью, которая, по мнению г. Кривошапкина, более принесла вреда, чем пользы краю. Такое влечение к легкой наживе и надежда на будущее, оторвав население от труда, поставило его в стеснительное положение. Такое состояние крестьян, а также необ-

ходимость сдать подати непременно в сентябре месяце, когда еще у них не могут быть выручены деньги с продажи снятых в лето хлебов и сена, заставили крестьян с радостью принять заимодавческие услуги капиталистов. А лиха беда, как говорит народ, начат только: там уж спохватишься, да не скоро выкрутишься! Вот и пошло: за них платили подати, им доставлялись в числе платежа одежда, обувь, при недостатке — и самый хлеб, мясо, рыба, чай, сахар, масло, жир, кожа и проч. Поэтому товар отпускался какой ни попало (в Ирбители не смотрят на достоинства закупаемого товара); цены выставляют, очевидно, какие вздумают, а крестьян заусловливают при этом для перевозок вперед, с большим понижением цен, которые через полгода, когда придется везти, могут разыгаться вдвое; да, кроме того, так как крестьянам при перевозке нужен по дороге для корма лошадей овес, то богачи-перевозчики снабжают их натурою, и уж, конечно, к большому разорению крестьян (Енисейский округ и его жизнь. Кривошапкин. 1865 г. Стр.7–8). Из этого видно, что формы подобной зависимости проявляются

во всех отраслях сибирской промышленности, отражаясь самым тяжелым образом на хозяйстве населения.

Что замечательно, так это то, что явление монополии и кабалы выражается не в одном каком-нибудь сословии или группе в Сибири, но оно видно во всех слоях и проявляется также между крестьянами и кулаками, как и между крупными капиталистами. «Богатый крестьянин есть самый низший и самый многочисленный род хищников-эксплуататоров в Сибири, — пишет один исследователь, — и никто не пользуется такой дурной славой в Сибири, как богатый мужик. Эти люди составляют почти особое сословие в стране: есть целые деревни домов в 40, состоящие исключительно из богатых мужиков, которые в окрестных деревнях имеют своих «подшкыртников» и «десятинщиков», по местному выражению, то есть массу рабочих и кабальников. Черты из жизни сибирского крестьянства, убиваемого и разоряемого мироедством, кулачеством, кредитом и закабалением, лицами, выходящими из той же крестьянской среды, мы находим в любопытных быто-

вых очерках Н. И. Наумова, представивших замечательно ярко и правдиво эти явления крестьянской жизни. Из этого разряда людей в Сибири выходят монополисты целых обширных промыслов и округов; на таких монополистов нередко указывают путешественники, посещавшие Сибирь. Так, Шмидт упоминает о Сотникове, державшем в монополии Туруханский край. Другой путешественник, Коттрель, говорит о купчихе Б. в Минусинском округе, подчиняющей себе всю торговлю этого края. В Нарымском крае указывают монополиста В. На реке Кети славился священник, державший торговлю в своих руках и подчинявший всех жителей. Таких лиц множество. В городах существуют своего рода скупщики, кулаки и прасолы, держащие в руках своих рынки[113]. Те же формы монополии и кабалы поддерживают крупную промышленность: эксплуатация русско-американской компанией своих владений была основана на подобных началах; наконец, развившаяся золотопромышленность в Сибири выразила то же при помощи задатков с тою разницею, что только оформила кабалу в

стеснительные контракты, которые при кажущейся легальной форме имеют, однако, подкладку сплошь да рядом незаконную».

Нельзя подобные факты, как они не резки, принимать за исключительные, свойственные Сибири. Инстинкт корысти и наживы — черты, присущие всему человеческому обществу. Кулачество и то же мироедство, как и способы закабаления кредитом, существуют и во многих местах в России; особенностью этого явления на Востоке может быть разве то, что они проявляются здесь грубее и необузданнее благодаря неразвитою населения, его дикости и историческим условиям. Особенность сибирской жизни состоит в том, что перед русским населением на Востоке находится огромная масса инородцев, которая представляла удобную почву для эксплуатации и наживы всякого рода благодаря неразвитости, бесхитростности дикаря, низкой культуре и его бесправию, неумению и незнанию защитить себя русскими законами. О характере наживы насчет инородцев свидетельствуют следующие факты. В торговле русских с инородцами цены устанавливаются до сего вре-

мени стачками торговцев, которые берут страшный барыш и держат в руках покупателя. В низовьях Енисея до сих пор промышленники берут с инородца 12 р. за пуд пакли, 80 коп. за фунт черкасского табаку (Туруханский край, Третьякова). Капитал в киргизской степи учетверяется уже на другой год. Как ведется торговля в степи, можно судить по тому, что русский торговец брал за миткаль, стоящий 5 коп., — 30 коп.; плис дрянной выделки продавался за полбарана, то есть киргиз платил 1 р. сер. за аршин; деревянное блюдо продавалось за барана, то есть за 1 рубль (Описание киргизской степи. Красовский. Ч. II. Стр. 244). Кроме того, русские торгаши стараются навязать всегда товар в долг инородцу, причем при повышенных ценах накапливается огромный долг, ставящий инородца в кабалу. Спекуляция торговли в долг существует в Туруханском крае, где инородцы в неоплатных долгах за хлеб; точно то же совершается и в киргизской степи. Не одни купцы, но и сибирские казаки, на значительном протяжении вовсе не занимающиеся земледелием, спекулируют на счет киргиза.

Они берут у купцов товары и развозят их также в кредит киргизам, обмеривая и обвешивая их при этом. Г-н Красовский, составивший по официальному поручению описание положения киргиза, говорит, что казак спекулирует мелко, но с громадным барышом. Пользуясь всякою нуждою киргиза, он продаст ему хлеб или выдает в долг по невероятной цене. «В течение года киргиз не один раз придет в селение за хлебом, будучи готов за недостатком его в продаже на базаре отдать привезенную кожу первому знакомому казаку за полпуда муки; но видя нужду киргиза, казак купит у него за это количество муки две кожи. Между тем, полпуда муки стоит 15 и 20 коп., а две кожи — 6 руб. Пользуясь случаями самыми крайними, — прибавляет Красовский, — прибегая иной раз к обману, в другом — не пренебрегая и воровством, казак копит по мелочи киргизский товар до первой поездки на линию, где, сбыв его, купит для продажи в степи хлеба, чтобы снова сбывать его при крайности киргизам» (Опис. кирг. степи. Ч. I. Стр. 415).

Обратимся к Березовскому краю. Вот что

сообщает о торговле там автор медико-топографических материалов о болезнях и вымирании инородцев в Березовском округе д-р Соколов: «Русские купцы, снабжая остяков и самоедов, приняли за правило снабжать инородцев привозными товарами в долг до ярмарки или до следующего года, и это продолжается из года в год, так что инородцы постоянно закабалены не только за себя, но и за детей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы пользуются случаем продавать затхлую муку, так они сделали в 1862 году. Когда случился недостаток хлеба, начали инородцам вытаскивать из амбаров остатки прежней муки со всяким сором, пылью, мышиным пометом и продавали по каким угодно ценам».

Из этого видно, что на нашем богатом и щедро одаренном природою Востоке в лице кабальников теперь является пролетариат самого жалкого вида в лице инородца: над ним тяготеет какая-то историческая судьба; вслед за завоеванием он несет в себе презрение низшей расы; он поставлен в суровую обстановку дикой природы, которая давит его в си-

лу его невежества и беспомощности. Как дикарь, он не знает русских законов и форм быта, и вот при первом столкновении он испытывает самые грубые формы торговли и эксплуатации его труда и промыслов. По мере того, как потребности инородца растут, он становится все в большую зависимость и безвыходное положение. Быт его ухудшился даже сравнительно в прежним временем: когда инородец приучился к хлебу, он более почувствовал нужды в нем и чаще страдает от голода. Доктор Соколов свидетельствует, что самоеды, остающиеся при животной пище, здоровее остяков, которые снабжаются промышленной мукой дурного качества и при самых стеснительных условиях. Радлов, описывая быт телеутов, сравнивает с ними инородцев, которые уже вошли в соприкосновение с русскими, и приходит к неутешительным выводам. Виною этому, как мы указали, в его очерках он считает купеческое влияние и злоупотребление в торговле по отношению к инородцу.

Вот эти-то указанные причины и бесправие инородца и дают особенно резкое направ-

ление сибирской кабале. Те же способы кабалы, практикуемые среди инородцев, входят в нравы, обычай и прием торговли по отношению к русскому потребителю.

Факты эти во всей совокупности явлений не могут не заслужить серьезного внимания. Мы видим, что они не составляют редкого и единичного явления, но охватывают всю жизнь страны и выражают характеристическую сторону быта. Эти явления проникают во всю экономическую жизнь Востока с высших экономических ступеней до низших, имея во главе богачей и капиталистов, промышленников, ростовщиков, кулаков, крестьян и мироедов, пиявчески высасывающих своего брата мужика. Они отражаются в самых разнообразных способах наживы и монополии, начиная с захватов целого края на откуп до стачек на сельских и городских базарах, как и ярмарках; понятно, что они вызвали некоторые опасения и преувеличения. Если эти многие явления были свойственны старым формам хищнического хозяйства, то естественно желать, чтобы они не возникали под новыми формами хозяйства и промыш-

ленности.

Чтобы объяснить себе столь грандиозное и обширное развитие сибирской торговой монополии, кабалы и кулачества, становится необходимым изучить их в условиях местного быта. Рассматривая явление монополии и кабалу на нашем Востоке, рядом с историей промышленности мы находим, что оно коренится в истории Сибири довольно давно.

Развитие различных форм этой монополии здесь обуславливалось во многом особыми географическими, экономическими и историческими причинами.

Промышленный дух, например, имел более простора в Сибири. Когда Россия жила крепостным правом, в Сибири большинство населения отдавалось промыслу, торговле и спекуляции. Сибирь, таким образом, рано переживала промышленную горячку, и в характере ее жителей резко обрисовалось стремление к наживе всевозможными путями. Отдаленность и глушь способствовали зарождению таких явлений, которые не могли существовать там, где властвуют более законность и гражданственность; наконец, этому способ-

ствовали и особые исторические причины, к которым мы обратимся.

Сибирский промысел и нажива, как и торговля, получили свое начало в эпоху завоевания края. Грубые и бесцеремонные способы этой наживы обуславливались сначала войной и неприятельским обращением с инородцем, не изгладившимся и впоследствии: война и промысел шли здесь рядом. Отражение завоевательных воззрений и принципов можно проследить во всей истории промышленной жизни края. Самое завоевание Сибири не было плодом одного воинственного и рыцарского духа; это завоевание руководствовалось практическими целями промышленной наживы. Казаки обыкновенно убивали инородцев и делили добычу, впоследствии научились вдобавок обращать их в рабство. Промышленные люди следовали за казаками и также завоевывали и грабили[114]. В эту первую эпоху, можно сказать, «промышляли инородца» как зверя.

Когда край был покорен, завоевательные взгляды переставали действовать. Вслед за покорением Сибири и обложением инородца

ясаком, то есть с наступлением даже мирного времени, «промысел инородца», однако, не прекращается. Он принимает только новую форму усмирения бунтов. Побор ясака в казну, суд над инородцем, управление — все сопровождалось частною наживою, где об руку с казаком действовал и промышленный человек. Он приучился действовать грубо, дико, захватом. Смотря на инородца как на завоеванный народ, всякий побор, всякое обирание его считалось законным. Грабеж переходил в побор, побор — во взятку, нравы, перешедшие от казаков к воеводам, к служилым людям, перешли и к промышленникам. Не было сословия, не было учреждения в Сибири, которое бы не эксплуатировало инородца; пионеры колонизации, крестьяне-звероловчики, хмелевчики, отправлявшиеся на пограничную линию за промыслом, и те вели войну с инородцем. Кроме имущества инородца, он и сам делается на всю жизнь собственностью. Сибирь не избежала общего закона колоний, колонист здесь создал рабство инородца, и история этого рабства, проходившего через всю историю Сибири до XIX столе-

тия, достаточно выяснена ныне историческими документами. Рабами приучились сыздавна спекулировать. Первоначальный полон послужил предметом мены и торговли. «Даже закабаление инородок для наложничества и брака имело своею целью не одно удовлетворение половых инстинктов, но также и коммерческий барыш», — пишет автор «Истории рабства в Сибири» г. Шашков. Когда кончилась война, то усмирение бунтов также сопровождалось захватом ясырей, самое усмирение было только предлогом для добычи рабов. «Начиная от воевод и кончая последним купчишкой, — пишет историк рабства в Сибири, захватывали для той же цели дикарей совершенно мирных и ни в каких бунтах и замыслах не виноватых; личность самых мирных дикарей никогда ничем не была обеспечена от насильного захвата их в неволю». Точно так же рабы добывались и путем торговли. Для этого существовал вывоз рабов из-за границы воюющими между собой инородцами. Голод и бедствия способствовали тому, что русские покупали инородческих детей. В Березовском крае мальчиков продава-

ли по 25 к., а девочек — по 20 к. Правительство с Петра уже боролось против этого рабства. Но оно являлось под разными фикциями. Новообращенные в христианство обыкновенно присваивались в кабалу восприемниками[115]. На инородцев накладывали кабальные записи.

Такое положение дел продолжалось до 20-х годов нынешнего столетия и даже позднее. «С самого завоевания вплоть до наших дней, — говорит историк Словцов, — народонаселение Сибири разделялось на два класса: на рабский класс из невольников и лиц закабаленных, класс многочисленный, состоящий из инородцев, и зажиточный класс рабовладельцев-кабалителей». Рабов употребляли для домашних работ, на зверовании, на передвижении товаров, для земледельческих работ и прочее. Под влиянием подобных же взглядов устанавливались и торговые отношения к инородцу, когда начинались с ним торговые сношения. Когда запрещено было держать рабов, рабство, по-видимому, рушилось; оно в сущности не уничтожилось, оно приобрело только новую форму кабалы и существу-

ет в форме торговой кабалы до сего дня. Торговля с инородцами и мена с ними составляли выгоднейшую статью наживы для русского населения Сибири, торговля эта сыздавна сопровождалась бесчисленными злоупотреблениями. Головин застал в Камчатке разъезжавших подьячих и солдат, которые с вином разъезжали по инородцам и промышляли у них соболей. То же самое и еще больше делали купцы. «Всякий камчадал имеет между купцами кредитора, — писал путешественник, — у которого инородец берет, не спрашивая цены, разные безделицы, купец же записывает в книги десятерную цену, каждые 10 рублей пишутся в 100 рублей». И это также было во всех уголках Сибири. Купцы действовали по отношению к инородцу с военной бесцеремонностью при взыскании долгов. Например, в конце XVIII столетия купец Салтанов в Туруханском крае, развозя товары и закабаляя инородцев, был, по словам г. Третьякова, автора книги «Туруханский край», полным властелином. Он требовал себе здесь «божеских почестей», расправлялся с инородцами собственноручно, обращал в работы для

себя, запродавал другим и, когда свирепствовала здесь горячка, ездил по улусам, брал имущество мертвых и больных и производил чистый грабеж. Можно себе представить, до чего развивалась бесцеремонность такой наживы в прежней истории Сибири. Итак, инородцы явились первой жертвой эксплуатации и кабалы. Судьба их изображена яркими чертами в истории рабства в Сибири и истории Русско-американской компании (Историч. этюды. Шашков) Мы не имеем возможности передавать этой грустной повести наших столкновений с инородцами, кончившейся вымиранием целых племен в Сибири, так же, как голодом и людоедством, мы не остановимся на страницах, напоминающих подобные же столкновения испанцев среди диких племен Америки, но мы не можем не указать на те средства наживы, которые здесь употреблялись. Рассматривая экономические отношения инородцев к русскому населению, мы видим, что оно действовало здесь, во-первых, захватом угодий у инородцев, которое совершилось тремя путями: просто забиранием силой угодий, покосов, рыбных ловлей, пу-

тем грабежа и воровства» (Историч. этюды. Шашков. Стр. 251); путем заклада и отбирания угодий за долги (с. 252); долги эти накладывали на инородцев по 200 и 300 %; угодья закладывались за 1 р. 50 коп. и эти заклады с 1688 тот не могли быть выплачены по 1823 г., например, то есть инородец не мог выплатить 1 р. 50 коп. в 135 лет; наконец кончилось тем, что такие угодья, как рыбные березовские пески, перешли захватом в руки русских, а остяки разорились и потеряли ресурсы к жизни (стр. 258). Далее, эксплуатация инородцев и обирание их производилось под видом торговли и недобросовестной наживы, сопряженной со всеми злоупотреблениями, в контрабанде, фальсификации, поддельных расчетах и на стремлении закабалить инородца. «Инородцы — вечные рабы лукавых заимодавцев», — писал официально начальник алтайской миссии в 1853 г. Сыздавна были известны ужасные злоупотребления при торговле. Путем торговли и другими способами все инородческое имущество переходило к русским, а инородцы беднели до того, что не имели возможности добыть себе другой

пищи, кроме падали или толченой коры. В Туруханском крае муку продавали по 4 р. 90 к. на фальшивый безмен с примесью льда и песка.

Торговцы взяли на себя поставку инородцу хлеба, свинца, пороха и рыболовных припасов, задавая вперед или приобретая при нужде, во время голода, все, что мог инородец дать. Закабалив инородцев вперед, поставили их в такое положение, что те бросили заниматься звероловством самостоятельно, а пошли в работники к русским на хлеба и содержание, отдавая за это одно весь свой труд. Даже крестьянин стал приобретать в кабалу инородца, и чем беднее был наниматель, тем инородцу еще было хуже. «В таких работниках, — писал Осипов в 1864 году о Нарымском крае, — здесь люди гибнут материально и нравственно».

В таких условиях начинала развиваться сибирская кабала и монополия, находя широкое поприще на беззащитном инородце. Действительно, в XVIII столетии нам представляется готовая широкая картина монополии, охватившая весь Восток. После военной на-

живы вследствие завоевания и покорения завоеватели, казаки воеводы, промышленники стали искать наживы в торговле и спекуляции. Пример монополии в Сибири был показан казною. Сначала монополией пользовалась одна казна, она собирала в ясак пушнину, отыскивала руды, взяла в монополию мамонтовую кость, продажу вина, табаку и ревеня. Рядом с этим занялись торговлей для себя воеводы и служилые люди. Воеводы торговали всем, говорит история Сибири, вином, съестными припасами, скотом, невольниками, пушшиной, непотребными женщинами. Рядом с казаком промышленник наживался тем же торгашеством с инородцем, а подчас и грабежом. Даже сословия, стоявшие в стороне и не предназначенные к торговле, пустились в наживу под влиянием сибирской жизни. Дворяне, командированные в Сибирь на службу, поселясь в разных местах Сибири, «привилегии своего дворянства растратили», как пишет летописец, и занялись промыслами. Даже монахи, как авантюрист Козыревский, были и завоевателями, и промышленниками. Монастыри также увлекались про-

мышленной деятельностью, пишет автор «Очерков нравов в старинной Сибири». Они приобретали пашни, покосы, рыбные ловли, угожья покупались или отнимались у инородцев. Сюда вызывали гулящих людей, им давали лошадей, хозяйство и брали *кабальные записи*, что они должны вечно работать на монастырь и давать 5 снопов. Торговля точно так же увлекает и белое духовенство. В краях Березовском, Нарымском, Бийском, Туруханском и по всем сибирским окраинам духовные были первыми торговцами и монополистами, пишет автор «Нравов старинной Сибири». Это было явление столь частое, что указы ХVIII столетия предписывали светским властям «того смотреть накрепко, дабы духовные персоны под образом разъездов с требами для наблюдения к спасению человеческому *купечества* не отправляли б». Но светские власти сами вели торговлю. Торговля духовенства держалась до 1820–35 годов, но и теперь еще не везде искоренена. В Березовском округе около этих лет вся торговля была в руках протоиерея Ергунова. Он торговал вином, покупая ведро по 5 р. и продавая инородцам по 40

р. Торговые люди еще шире и необузданнее раскидывали сеть самой бесцеремонной наживы. Можно себе представить, какую выгоду представляла торговля, когда за медный котел давалось столько соболей, сколько их могло войти в самый котел доверху.

Вино составляло подмогу в торговле, и инородцев сначала спаивали и во время тяжкого похмелья склоняли на всякие условия. Кроме того, обычай кабалы с инородцев переносился очень быстро и на русских крестьян, но кабала русских имела и самостоятельное значение, занесенная из древней России и сохранившаяся на Востоке. Многочисленный след ее встречается в актах. Первые гулящие люди, эти русские гидальго, охотно давали на себя кабальные записи, иногда за несколько полтин на целую жизнь. Кабальные записи брались и с переселяющихся крестьян. С развитием в Сибири кое-какой промышленности, пишет историк, кабала усилилась. В XVIII столетии возникла Российско-американская компания с рабочими, состоявшими у нее в неоплатной долговой зависимости. Когда алтайские, уральские и другие заводы были у

частных лиц в зависимости, то здесь, рядом с каторжными, работали и *кабальники*. Монастыри имели кабальных крестьян. Промышленники закабалили рабочих на промыслы, не могли этим не воспользоваться и торговцы. Торговцы-монополисты при отсутствии конкуренции в Сибири, привозя и раздавая товары, обсчитывая, обмеривая, наконец, стараясь впутать в долги, поступали так же с земледельческим русским сословием, как с инородцами. По словам Радищева, в прошлом столетии разве *один из ста* барабинских помещиков жил не в долг, а то были все наемщики и получали задатки от купцов. Торговцы пользовались их трудом и обогащались. Надо прибавить, что в это время ставили в безысходную нужду и зависимость крестьянство беспрестанно постигавшие Сибирь в прошлом столетии бедствия, означенные у Словцова в виде особой главы «Народными бедствиями». Это были вторжения неприятеля, язва, оспа, пожары, мор и недостаток хлеба. Все это проявлялось разорением жителей и дороговизной хлеба. Тягостные повинности, исправление дорог, бесплатная поставка при-

пасов, почтовая гоньба, доходившая до того, что ездили на людях, когда не было лошадей, — все это разоряло и тяжело ложилось на крестьян. На крестьянах образовались недоимки, за которые следовала отдача на заработки частным лицам. Все это заставляло крестьян бросить земледелие, хлебопашество пало. Упадок земледелия привел к дороговизне хлеба, причем поживились спекуляторы, продавая его по 10, 12, 15 р. пуд. Пользуясь нуждою крестьянства и дешевым скупом сырых продуктов при этой нужде, торговцы захватили себе в руки целые округа. Так, во второй половине прошлого столетия купец Попов имел в руках Прикамский, Припечерский, Приуральский край и был здесь монополистом; приказчики его развозили товар; променивали на сырье и оставляли в долг. Богатство Поповых возрастало страшно. Они терпели при несчастьях, теряя по 180000 рублей, и это им было ничего. Около 5000000 рублей истратили они на попытки разыскать золото. При таких условиях росли быстро крупные монополисты в Сибири. Приказчики при громадных доходах с торговли и кабалы дела-

лись хозяевами, так, Поповы были сначала приказчиками у Зеленцовых, а Зеленцов — у откупщика Походящина. Капиталы накапливались при бесцеремонной наживе, и накапливались быстро.

Последствие таких явлений — рядом с наживой одних шло обеднение сельского и инородческого сословия. «Видно, что Сибирь, как страна, заключает в себе золотое дно, — писал Словцов, — но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Посадский, поселянин, промышленник или торгош туземный и инородец трудился, но *трудился как половник*. Sic vos non vobis nidificatis, felificatis и подобные припевы виргилиевы очень приличествовали тогдашней Сибири». (Истор. обзор. Сиб. Ч. I. Стр. 267).

Различные формы монополии, кабалы и торговых злоупотреблений, давая себя повсюду чувствовать, не раз вызывали вмешательство самого правительства, а также меры, стремившиеся к ограничению их.

Как в прошлом, так и нынешнем столетии мы встречаем борьбу администрации на сибирской почве с различными злоупотребле-

ниями и сопротивлением к преобладанию монополистов. Ранее правительство ограничивало промышленников и простирало свое вмешательство с одними фискальными целями, так, оно запрещало промышленникам и торговцам обирать соболя прежде сбора ясак, чтобы не было убытку «государевой казне», но впоследствии это вмешательство и ограничения потребовались уже в ограждение завоеванного инородческого населения от бесцеремонного грабежа и эксплуатации промышленных людей, кинувшихся спаивать, закабалить население и создавать рабство в Сибири. Только благодаря усилиям и законодательному вмешательству не развилось это рабство, как в Америке, и было прекращено покушение создать его в Сибири. Так, известны многие указы против закабаления инородцев, а именно: указы Петра 29 июля 1726 года, 1741 г., 1748 г. В половине XVIII столетия однако, рабская тенденция воскресла и укрепилась, найдя опору в крепостническом духе, перенесенном из России. Купцы сибирские просили, чтобы им дозволили иметь крепостных, видя готовый элемент для

этого в инородцах. Но дух Екатерининского законодательства был уже против этого. Тогда появились в Сибири нелегальная кабала и захват инородцев. В 1808 г. Высочайшим указом 23 мая был нанесен новый удар невольничеству в Сибири. Но, несмотря на то, еще в 1825 г. в Омске сибирские рабовладельцы в числе 31 человека избрали поверенного, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя, упомянув о «произвольных», по их мнению, «действиях присутственных мест по отбору невольников». Но правительство указами 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. окончательно прекратило эти рабовладельческие покушения и назначило срок освобождению всех инородческих невольников. Однако законодательная власть, преодолевая враждебные ей общественные элементы в виде рабовладельчества и кабалы, пробовавшей утвердиться на легальных основаниях, не могла изгладить покушений и инстинктов русского, и особенно торгового населения к закабалению инородца под всякою другою формою. Мы видим у правительства по мере замирения Сибири

точно так же постепенное стремление упрочить управление инородцем, устроить податную систему и по возможности оградить их от торговой эксплуатации и разорения. Это проявилось различными мерами: к первым мерам относится умеренный ясак по окладу 1763 г., оказавшийся, однако, с повинностями и благодаря тогдашним злоупотреблениям нелегким; работы ясачной комиссии Сперанского, пробовавшей установить управление инородцев; посылка двух ясачных комиссий при императоре Николае 1 для устройства инородцев и исправления недостатков уложения Сперанского, сложение недоимок с инородцев, накопившихся по 1 января 1832 года. Рядом с этим правительство не могло не обратить внимания на ту эксплуатацию, которую создавали по отношению к инородцу русские. Чтобы обеспечить инородцев от частной эксплуатации, казна пыталась сама брать на себя продовольствие их, но это не удалось. Вымирание и голода инородцев, происходившие до Сперанского, заставили предпринять систему казенного продовольствия хлебом, но она была в первое время в самом

дурном состоянии. Сперанский обратил на это внимание и усилил объемы и средства казенного продовольствия — организована была продажа в долг. Но едва сибирское уложение успело войти в силу, как на инородцах накопились уже громадные долги за казенный хлеб. Вопреки уложению начали взыскиваться эти долги с невероятной строгостью: у инородцев отбирали все, так что они пускались в бега. Хлеб в магазинах перестали брать. Скоро взыскания должны были прекратить, и тогда долги из года в год на инородцах только возрастали, доходя до 200 руб. на человека. Инородцы даже приучились не платить долгов. Кроме того, казенная продажа не только не устраняла частной эксплуатации, но оказалась орудием для нее же. В казенные магазины поставщиками явились купцы и набавляли на хлеб. Казенная торговля не умеряла, а иногда возвышала цены. Частные торговцы входили в стачки с чиновниками, с вахтерами. (Ист. сиб. инородц. в XIX стол. Шашков. Стр. 266, 267, 268, 269–271). Что купец давал вахтеру, то он брал с инородца за хлеб. Цена хлеба поднималась, и торговцы

склоняли к покупке частного хлеба искусственными мерами. Дело после Сперанского не поправилось, и казенное снабжение не помогало. В сороковых годах при ревизии Восточной Сибири граф Толстой снова обращает внимание на злоупотребления торговцев: он нашел, что иркутское купечество, выезжая в инородческие стойбища до сбора ясака, скупает все лучшие ясачные меха. Поэтому купцам было запрещено ездить до тех пор к инородцам для торговли и торговать только дозволялось с 1 июля по 1 сентября (время самое невыгодное), точно так же запрещалось у инородцев торговцам иметь склады и магазины. Закон 1844 года, однако, вызвал опять пагубные последствия. Казна не могла обеспечить инородцев необходимыми продуктами, а частная торговля пала. Падение частной торговли отозвалось еще хуже на инородцах. Кроме того, казенные магазины и вахтера их по-прежнему оставались агентами купцов и были с ними в стачке. Наживались вдвойне и вахтера, и купцы. Притом за неимением частных торговцев начинали заниматься ею исправники, а иногда даже посылаемая комис-

сия для исследования инородческого быта, как было в Туруханске (Сибир. инородц. в XIX в. Стр. 276). Запрещение 1844 года не осуществилось, потому что началась контрабандная торговля купцов через посредников, живущих между инородцами. Это еще больше увеличивало дороговизну товаров. Точно так же от торговой эксплуатации мало помогали и другие запрещения. Например, вино составляло предмет самого ужасного и беспощадного обирания инородца. За водку он отдавал все, и торговцы вели торг больше всего на водку. Ведро продавали им иногда за 40 р. Но достаточно было и одной бутылки, чтобы у пьяного отобрать всех соболей. Вино строго запрещалось продавать сыздавна, но это не помогало, и торговцы контрабандно всегда торговали им, торгуют им купцы и чиновники. Инородцы, кроме того, страстно любят мухомор, заменяющий водку. «Чрезмерное употребление мухомора, говорят, бывает часто причиною смерти, но торговля мухомором в Анадырске, например, укоренилась давно для чукчей а в 1866 г. извещали — она находилась в руках русского купца К...» (Сибир.

вестн. 1866 г., № 13).

Злоупотребления торговли продолжают и до сих пор. Все меры правительства к ограждению инородцев, как оказывается, не достигали цели, но рядом с этим мы видим все-таки постоянные усилия ограничить явные беззакония. Меры ограждения и покровительства инородцев доселе не имели, однако, ни постоянства, ни последовательности и впадали в беспрестанные ошибки. Чтобы прекратить грабеж и притеснения купцов, правительство предписывало местной администрации взять на себя продовольствие инородцев в отдаленных местах, но это приводило только к тому, 470 чиновники брали на себя торговлю и злоупотребляли вдвойне и за себя, и за купцов.

Как по отношению к инородцам, так и во всей своей промышленной деятельности на Востоке местное торговое сословие, как мы видим, следовало своим, особым путем наживы и обогащения. История показывает нам, что постоянными целями, к которым оно стремилось, была монополия. Тенденцию к этой монополии мы указали коренящеюся

давно в истории Сибири. До Сперанского могущество купцов в Сибири было страшное, купцы хотели монополизировать все. В начале нынешнего столетия откупщик Передовщиков взял на откуп половину России и всю Сибирь. Полуянов, тобольский купец, был в связи с ним и иркутскими купцами, которые все стремились к стачке, то есть к тому, чтобы ввести свой торг и монополию, устранив других. Старались ограничить торг мещан, убить мещанство — подавленное его состояние замечается и доныне, налагали пошлины, сияясь запретить торговлю крестьян, наконец, в 1810 г. в Иркутске монополизирована была даже мясная торговля в городе тремя купцами. Контракт начинался так: *«Никто, кроме нас и тех, кому собственно от нас будет дано сие позволение, не должен торговать мясом в городе»* (Изв. сиб. отдела Географ. Общ.).

Наконец, борьба монополистов с администрацией разыгралась при Трескине. Борьба и раздражение против трескинского времени во многом объясняется этими мотивами. Некоторые думают, что в это время купече-

ство стремилось заправлять общественными делами и добивалось власти, что на отдаленном Востоке зарождался древний Новгород. Но это едва ли так; факты говорят, что это во все не было стремление к правильному самоуправлению, а было стремление к монополии. Точно так же и, наоборот, напрасно видеть в борьбе Трескина с купечеством уничтожение монополии. Трескин сам хотел монополизировать все в пользу свою и подчиненных, на этом основании он имел стачки и с купцами, как показало следствие Сперанского. Словом, это была обыкновенная игра в сибирской истории, где купечество жаловалось на произвол не из-за произвола, хотя он и был, а из стремления к монополии; старая администрация выказывала злоупотребления купцов не для искоренения монополии, а затем, чтобы завладеть ей самой. Наконец прибыл в Сибирь Сперанский: из материалов о ревизии его видно, что он открывал также на пути повсюду злоупотребления частной наживы. Ленское и киренское население жаловалось не на одних исправников, а также и на самодурство купцов. Киренские купцы

считали за крестьянами огромные долги. Задолжавши раз, жители делались неоплатными должниками. Купцы немилосердно с них взыскивали долги, разъезжали по деревням без прогонов, нахально, бессовестно обманывали крестьян в своих обязательствах, притесняли и обедняли инородцев и проч. (Щапов. Сибирское общество. Изв. сиб. отд. Геогр. Общ.). Так было почти везде в Сибири. В книге г. Вагина о времени Сперанского мы видим, что раскрытие злоупотреблений в Нарымском крае показало, что торговля здесь была также монополизирована. В Тунке притеснялись буряты купцом Белозеровым (стр. 99). Из дел Тельцинской фабрики оказывались стачки чиновников с купцами (стр. 100). Ревизия Сперанского в Киренске показала монополию торговли вином (стр. 103). В Томске купцы стесняли крестьян и наложили на них сами пошлину за торговлю сельскими произведениями (стр. 154). Даже епископ Михаил протестовал против страшной монополии и злоупотреблений купечества (стр. 38, 39. Вагин. Ч. I). В Сибири образовывалась капиталистическая олигархия, тяготевшая страшно на

населении. Сперанский застал ее в борьбе с администрацией Трескина. Как ни желательно сочувственно смотреть на эту борьбу, как на подавление возникавшей буржуазии, кабалившей народ, но мы видим, что тогдашняя сибирская администрация вовсе не силилась подавить купцов во имя их злоупотреблений, а имела личные мотивы и побуждения. Сперанский взглянул на это, конечно, строго, он взялся прежде всего искоренить участие чиновничества в монополии и очистил администрацию. Он также отменил ту регламентацию в торговле, которая была предлогом для чиновнических притеснений, но в то же время в качестве образованного теоретика, последователя начала Адама Смита и приверженца особой торговли он снял всякие путы, всякую узду с торгового сословия и своими законами о невмешательстве дал ему впоследствии усилиться. Сперанский, увидя нелепую казенную монополию, созданную Трескиным, наживу чиновников, естественно, стал на сторону задавленной торговли, но он не был на стороне и частной монополии. (Меры его см. Свобода хлебной торгов-

ли и проч. См. Вагин. Ч. I. Стр. 178. Гл. X. Стр. 334, 337, 353, 355). Он отвергал просьбы купцов о монополизировании торгова, право думы на торговлю и прочее. Он пытался поощрить вообще развитие частной промышленности, поэтому старался покровительствовать купцам, вел знакомство с монополистом Кандинским и другими, не подозревая их злоупотреблений. Злоупотребления Кандинских остались необнаруженными, они продолжались до ревизии сенатора Толстого, даже отчасти долее, до Муравьева. Купцы Черные в Баргузине делали то же. В Якутске даже существовала система грабежа под видом торговли... (Вагин. Ч. I. Стр. 586–587). В развитии промышленности и поощрении торговцев Сперанский видел вообще благо края и в устранении опеки для торговцев — «свободу обмена», «libre echange». Но он не видел другой стороны сибирской жизни. Поэтому, думая покровительствовать свободе торговли, Сперанский не создал особых законов против происков монополии. Он устранял только при себе ее личным влиянием. Но как только уехал, торговцы начали действовать в прежнем на-

правления. «Мысль Сперанского, — пишет г. Вагин, — осталась непонятною» (Ч. I. Стр. 355). Мало того, эта свобода была для них поощрением действовать бесконтрольнее. Сперанский не подозревал, что под именем «libre exchange» сибирские промышленники будут разумеать только свои монополистические и кабальные цели. Впоследствии сибирское торговое сословие так привыкло к закабалению инородца и крестьянина, что стало считать это неотъемлемым своим законным правом и первым правилом всякого коммерческого предприятия. Выражением желаний и понятий сибирских купцов в XVIII веке служит просьба их и уполномочия, данные депутату Самойлову, отправленному из Енисейска в Екатерининскую комиссию. Они уполномочили своего доверенного просить «отдать им в монополию торговлю в Енисейском и Туруханском краях. Просят запретить торговлю иногородним. Просят дать им монополию водного сообщения между Иркутском и Енисейском, запретив иркутским купцам сплавлять по Ангаре товары на своих судах. Просят себе монополию винокурения и виноторгов-

ли. Просят о введении в Енисейской губернии крепостного права. Просят об юридическом признании *кабалы детей нищих*, чтобы за воспитание утвердить их в холопство. Наконец, город просит об *вспомоществовании* себе от казны. Впоследствии просьба *монополий* заменилась просьбой привилегий. Те же стремления торгового сословия и те же воззрения прошлого столетия отразились в 1855 г. в записке К. о Туруханском крае, Данилова в испрашивании *привилегии* пароходства на Енисейске и в просьбе Лавровского, просившего целый Туруханский край себе в аренду» (Енисейский округ. Кривошапкин. Стр. 14).

Из этого видно, что стремление к монополии шло издавна и сохраняется до последнего времени. Кабала сделалась спутником сибирской жизни и промышленности, составила подкладку ее и отразилась в различных промыслах. Так, между прочим, кабальные условия труда вошли целиком в золотопромышленность: задатки, выдаваемые рабочим, одежда и продовольствие, засчитываемые работой, не что иное, как тоже старинная форма

эксплуатации и прежних договоров. В золото-промышленных контрактах были даже такие права, по которым хозяин мог перепродавать рабочих на другой прииск, и в этом отражается явление торговли людьми. Контракты золотопромышленных рабочих носили до последнего времени самые стеснительные условия. Наконец, здесь существовало множество злоупотреблений: «В отношении к рабочим, — говорит автор одной статьи о золотопромышленности, — злоупотребления совершаются при найме, при продовольствии, при снабжении необходимыми вещами за дорогую цену, несмотря на дурное качество, при удовлетворении прихотей и потворстве дурным наклонностям (например, пьянству) за несоразмерную цену, при малой заботливости о санитарных условиях и при отсутствии всяких мер касательно обеспечения будущности рабочих.

Золотопромышленники жалуются большей частью и на администрацию, и на рабочих; но положительно свидетельствуется всеми близко знакомыми с делом, что без злоупотребления администрации и без эксплуа-

тации рабочих, наконец, без вреда местному населению и казне золотопромышленники не могли бы получать огромных выгод, какие получаются, по крайней мере, крупными из них» (О золотопромышленниках в Сибири. «Московск. ведом.» 1875 г., № 70).

Исключительные условия золотопромышленного труда и их монопольный характер давно обращают на себя внимание. Замечательно, что подобные же условия пробуют возникать в Сибири и в едва начинающейся заводской промышленности, по крайней мере этому представляют свидетельства следующие недавно опубликованные факты. В одной из тюменских фабрик условием найма ставилось: пользование продуктами от фабриканта исключительно из его лавки, хотя фабрика находилась около города; здесь существовали задатки и зачеты вперед, снабжение нанимаемых дурной провизией и затхлой мукой, отчего начали развиваться болезни, практиковались обсчитывания, масса злоупотреблений и бесправий, свойственных только прежнему быту (Корресп. С.-Петербур. вед. о фабрике Ядрышникова в Тюмени). Си-

бирская промышленность, таким образом, является как бы немислимою без кредита, за- датка и закабаления. Из этого видно, что обы- чаи старого быта пробуют просачиваться и под формами нового промышленного склада. Сами промышленные понятия формируются на Востоке совершенно своеобразно. В виде поощрения промышленности в Сибири при- нято просить только монополий и привиле- гий. Когда промышленники начали говорить о поощрении золотопромышленности для края, то они разумели всегда отдачу рабочего в их полную власть; мало того, они требова- ли, чтобы их предприятиям постоянно помо- гала администрация, так они вытребовали присутствие на приисках казаков, содействие администрации и сельских обществ в достав- ке рабочих и поимке беглых. Дурное содержа- ние на приисках естественно вызывало эти бегства, и предупреждение этого составляет до сих пор предмет искательств и хлопот зо- лотопромышленников. Эти предупреждения являются не в виде улучшения быта, а в виде желания прикрепить рабочего и возвратить его с помощью власти.

Подобные требования местных монополистов-хозяев считаются ныне обременительными для самой администрации и ставят власть в бесчисленные затруднения. Наиболее честные представители администрации, всмотревшись в условия этих отношений, почли своим долгом взять сторону не монополистов и эксплуататоров, а эксплуатируемых, как людей, находящихся в беззащитном положении. Таково было отношение генерал-губернатора Восточной Сибири Синельникова. Узнав о том бесправии и притеснениях, какие практикуются золотопромышленниками в сибирской тайге вдали от надзора, он делал попытки облегчить положение рабочих, обеспечить им их заработок, который весьма искусно вытягивается обратно при помощи водки и товара, а также при расчете. Для препровождения партий рабочих посылались особые доверенные лица, а заработок рабочих предлагалось отдавать на хранение. Такими мерами генерал-губернатор желал хоть сколько-нибудь сохранить трудовые деньги людей, работавших целое лето, сохранить от соблазнов и сетей, расставляемых им золото-

промышленниками и кабатчиками в то время, когда семьи этих тружеников голодали по деревням и ждали возвращения отцов и братьев с заработком, большею частью, к несчастью, доселе являвшихся обобранными хозяевами.

Принимая во внимание все эти явления, исследователи местной экономической жизни не могли не останавливаться на подобном характере деятельности местных экономистов и смотреть на него как на экономическое и гражданское зло. Один из исследователей, обрисовывая их значение в крае, сообщает, что сила, значение и смелость подобных эксплуататоров и монополистов растет по часам и достигает огромных размеров. «Действуя с бесцеремонностью, этот класс людей простирает претензии на все: на земли, леса, воды Сибири и недра земли. Он стремится захватить и эксплуатировать все, устанавливает свои цены на хлеб, мясо, водку, соль и старается захватить себе весь рынок. Есть города в Сибири, которые находятся почти в крепостной зависимости у подобного эксплуататора и кулака».

Весьма характерными примерами приводятся следующие факты из местной жизни. Зная, что железо привозилось с Урала, один промышленник в Восточной Сибири построил завод и конкуренцией вытеснил привозное железо. Подобное предприятие было бы, конечно, выгодно для края и населения. Но едва уральское железо было вытеснено, монополист разом поднял цену вдвое. Второй случай: тот же эксплуататор на винокуренном заводе предложил окружающим крестьянам брать барду по 15 коп. бочка, рассчитывая ею за поденные работы или за деньги. Когда скот привык к барде, цену подняли разом на 60 коп., и стали давать только тем, кто обещал работать на заводе. У крестьян, отказавшихся от покупки барды, начал падать скот, и кончилось тем, что пять деревень закабалились этому предпринимателю. Из этого видно, что даже местная заводская промышленность далеко не послужит с пользой для края, если будет руководима подобными монополистами. Такая наглая нажива и хищничество практикуются без всякой застенчивости. Подобный класс монополистов и спекулянтов

является ныне силою, давит на общество, ка-
баля массу людей, руководит общественными
делами, преследуя личные цели, заискивает у
властей, рисуется благотворителями, а в по-
следнее время — и просвещенными негоци-
антами, но на деле преследует цели монопо-
лии и грубейшего бесправия и наживы. Нет
сомнения, что указанный класс хищников не
мог не возбудить отвращения и негодования,
точно так же, как возрастание и усиление его
не может быть признано как благоприятное
явление в будущей гражданской жизни во-
сточной окраины.

Рассматривая причины ненормальных
экономических явлений на Востоке, мы при-
ходим к заключению, что они лежат в исто-
рическом прошлом края и в особых условиях,
созданных его исключительностью, отдален-
ностью, господством произвола, отсутствием
законности, наконец, коренящихся в торго-
вой зависимости края, культурной отстало-
сти и отсутствии собственной промышленно-
сти. Прежде всего мы видим общую эксплуа-
тацию области ее мануфактурным рынком, а
затем эксплуатацию внутреннюю посредни-

ками торговли и монополистами. Таким образом, это не столько явление местной безнравственности и особого характера сибиряков, как предполагали некоторые, сколько явление чисто экономического порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помочь ему.

Само собою, что наш Восток не должен остаться вечно страной монополий, мироедства и купечества, точно так же, как не может ему быть суждена вечно одна торговая зависимость. Чтобы избавиться от нее, страна должна позаботиться о развитии своего хозяйства и промышленных производств, начиная с ремесленных и кустарных. Но, устранив внешнюю монополию и кабалу, она, конечно, должна будет обратиться и к внутреннему устройству жизни. Злоупотребление и кабалу, как мы видим, во многом поддерживает на Востоке бесправие и отсутствие законности. Введение новых судов, широкая гласность, покровительство инородцу и гражданское полноправие на Востоке — вот лекарства от грубых захватов и злоупотреблений, но, кроме того, конечно, потребуются и некото-

рые экономические средства предупреждения монополии и кабалы.

Очень немудрено, что в будущем в жизни Сибири придется еще считаться с притязаниями монополистов и мироедов, как и со старой традицией наживы, если не явятся на помощь населению разумные силы общества и сознание здоровых путей экономического развития, гражданская доблесть и более нравственные основы общечеловеческой связи и солидарности интересов всего населения.

Общие условия цивилизации не могут не повлиять на местный строй жизни на Востоке и, конечно, установят более нравственные и морализующие общечеловеческие отношения. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы дальнейшая жизнь населения на могла быть гарантирована от известных экономических злоупотреблений, признаваемых правительством и обществом, и не было никаких путей более здорового развития. Мы видим, что наш Восток далеко не обделен природою при общей гармонии интересов и плодотворном направлении труда — он может рассчитывать на завидную будущность.

Сила и богатство его будут равняться обилию даров и производительности, географические условия указывают ему известную роль в мировой торговле, и от него будет зависеть при помощи развития своих внутренних сил и искусства занять первенствующее и царящее положение в экономической жизни народов на севере Азии.

Управление Сибирью и реформа Сперанского [116]

IX.

Затруднения в деле управления Сибирью за отдаленностью края. — Эпоха воеводского управления, ее недостатки. — Воеводский произвол и злоупотребления. — Петровский период. — Ревизия в Сибири. — Нравы чиновничества. — Пестель и Трескин в Сибири. — Борьба с городскими обществами. — Сибирский донос. — Назначение Сперанского, его ревизия, открытие злоупотреблений. — Взгляд Сперанского на управление Сибирью. — Законодательные работы. — Сибирские учреждения 1822 г. — Достоинства и недостатки учре-

ждений. — Результат 50-летней практики сибирских учреждений. — Новые административные проекты. — Современные задачи управления.

Управление Сибирью было сопряжено всегда с громадными затруднениями, так как она представляла собою завоеванный край, в котором приходилось удерживать новоприобретенные земли, усмирять инородцев, вести дипломатические сношения с азиатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обеспечивать ей продовольствие. К этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири от Москвы и Петербурга на целые тысячи верст, а следовательно — и от правительственного надзора. В этом и состояла всегда «особенность управления» этим краем. С одной стороны, свойство деятельности в крае вызывало особые полномочия, быструю распорядительность и обозрение дел на месте, с другой — отдаленность края требовала особенного контроля и надзора за правителями, так как в этом крае всего легче могли развиться злоупотребления, произвол и самовла-

стие. В преобладании того или другого из этих начал, в борьбе их и трудности соединить обе эти задачи заключается вся история сибирского управления и до Сперанского, и после него.

В древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью, им предоставлялось неограниченно заведывать всеми частями управления: войском, судом, сбором ясака, ссыльными[117]; кроме того, им поручались промышленные казенные монополии: торговля мехами, вином, табаком, реченем, мамонтовой костью и проч. Сначала правительство во взгляде на Сибирь руководствовалось завоевательными соображениями, потом — фискальными. Управление вверялось совершенно усмотрению воевод: «Делати по тамошнему делу и но своему высмотру, как пригоже и как Бог вразумит», — говоривалось в инструкциях. Воеводы определялись почти в каждый из городов, причем воеводы тобольские назывались иногда сибирскими, они не были подчинены друг другу и не имели между собою никакой связи на месте, сносясь с «Сибирским приказом» непо-

средственно. Воеводы переменялись очень часто, «независимо от смены отдельных воевод вследствие открывавшихся злоупотреблений по челобитным и доносам товарищей или дьяков, были еще общие раскассирования воевод, применявшиеся с воцарением нового государя или при иных обстоятельствах, пишет г. Фойницкий, изучавший сибирские дела этого времени. — Кажется, это было сознательной мерой политики, направленной к тому, чтобы воеводы долго не засиживались и не делались слишком смелыми в злоупотреблениях» (Управление ссылки. И. Я. Фойницкий). Полная перемена воевод повторяется в 1629-м, в 1635 г. и позднее. Другая мера обеспечения власти против чрезмерного усиления и неправильных действий воевод состояла в назначении им помощников, товарищей и дьяков. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дела не улучшились и соревнование властей вело только к интригам, не устраняя произвола и беззаконий. В первое же время бесконтрольность воевод породила такие злоупотребления, что высшее московское правительство должно было на-

чать борьбу с ними. Чтобы предупредить злоупотребления воевод, им запрещалось иметь мехов и имущества более, чем необходимо; по возвращении их из Сибири их обыскивали с женами, детьми и домочадцами; но столь наивные меры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначение они смотрели как на наживу. Сами нажива и хищничество считались совершенно законными, естественным в новозавоеванном крае и вырабатывались постепенно историей и жизнью этой страны. Военный побор и контрибуции постепенно переходили во взятку при гражданском управлении; «полон» переходил в кабалу и рабство инородца с татари-на переносилось на русского; военачальническая власть со всеми привычками оставалась и при гражданском управлении, резкой черты между ними не было; абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось и на колониста; промышленная монополия в пользу правительства возбудила дух той же промышленной наживы и в воеводах; эксплуатация всякого рода практиковалась как частными лицами, так и воеводами. Взгляд

на край, как на место наживы, был твердо усвоен сверху донизу. Страна эта не имела и тени гражданского полноправия и потому вплоть до настоящего столетия славилась громадным взяточничеством. Строгие указы против грабителей посылались сюда постоянно, воевод часто сменяли, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало делу. Разные «конфузии» и беспорядки в Сибири не прекращались, и от позднейших управителей обыватели терпели по-прежнему «несносное разорение». Петровская эпоха представляет дезорганизацию прежних учреждений и замену их новыми[118]. «В течение почти всего XVIII ст. ведение судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно изменяющуюся картину. Сибирский приказ с подчинением сенату утратил всякое значение. Со своей стороны сенат, обремененный массою дел, не мог иметь времени для разрешения текущих вопросов сибирского управления. Множество самостоятельных центральных ведомств, друг от друга не зависимых, решавших сибирские дела, породили разрозненность и спутанность в управлении. Власть,

потеряв единство, не нашла гармонии и в Сибири. Вначале местное управление раздвоилось: подле тобольского губернатора явился независимый от него иркутский вице-губернатор. В 1764 г. Сибирь разделяется окончательно на два губернаторства. «Введение губернского управления умножило в Сибири число инстанций, увеличило переписку, а с нею — медленность производства и преобладание канцелярии, открывавшие широкую дверь своеволию и злоупотреблениям» (Фойницкий). Общее губернское учреждение в Сибири введено было в 1782-м и 1783 г. без всякого соображения с местными особенностями края, прибавляет тот же автор. Оно не дало ни большого единства, ни гарантий от злоупотреблений. Сибирь разделилась на три наместничества, в которых учреждено два генерал-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всех наместничествах общее учреждение было введено на всем его пространстве, со всеми верхними и нижними расправами, надворными судами, совестными судами и проч. Границы уездов были назначены без соображений с местными условиями, и во мно-

гих пустынях появились полные уездные штаты. Число инстанций умножилось, но и медленность увеличилась. В 1797 г. генерал-губернаторства были упразднены, упразднено и Колыванское наместничество, в части которого — Алтайском горном округе — взамен учреждено горное управление, независимое от гражданского начальства. Тобольское и Иркутское наместничества были переименованы в губернии, но в Иркутскую губернию назначен военный губернатор с гражданской властью. Для сокращения производства все средние места закрыты и совместные суды также уничтожены. Таким образом, шла беспрестанная административная планировка. Смена наместничеств, генерал-губернаторств и проч. задачи управления не разрешала. «Отсутствие всякого надзора в центре, разрозненность власти на месте были характеристическими чертами этой эпохи, — говорит исследователь. — Злоупотребления служилых людей не только не унимались, а продолжались с большею силою». Власть воевод всецело переходит к наместникам и генерал-губернаторам, при этом она является на-

столько же обширна и бесконтрольна. Отсюда те же последствия — произвол, самовластие и развитие злоупотреблений.

Начиная с Петра I, наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы. Взяточничество и после петровской реформы осталось таким же, каким было и до нее. «Крестьянам, — писал де Геннин[119] Петру, — бедным разорение от судей, и в городах от земских управителей, и в слободах зело тягостно и без охранения, а купечество же и весьма разорилось, так что едва посадского капиталиста сыскать можно. И хотя здесь всем известен *экземпель*, учиненный князю Гагарину (то есть казнь его за взятки), однако здесь, в Сибири, не унимаются бездельники. От земских комиссаров лишние сборы чинят и обиды народу. Судебные комиссары делают великие пакости и неправды. И хотя челобитные и донесения на них от бедных людей есть, но никакого розыска и решения не чинится, и на кого бьют челом, те по воле ходят,

и известно (то есть известно), что таким вора́м потачки от надворных судей. Также об учиненных обидах от солдат рассмотрений и резолюций не чинится. А камериры[120] своим подчиненным, также надворные судьи и магистрат своим подчиненным потакают». Из этой картины, представленной де Геннином, видно, что взяточничество и побор охватывали в XVIII ст. в Сибири всех лиц, все учреждения, с высшего до низшего, все судебные и административные должности. Брали все, начиная с губернатора и кончая канцеляристом; брали всем, что имел обыватель. Так дело идет в продолжение всего XVIII столетия. Жолобов, казненный в 1736 году, «злохитростными вымыслами из великих себе взяток составил огромное состояние», он брал всем, начиная с золота и драгоценных мехов, кончая мясом и яйцами. Иркутский ревизор Крылов вымучил у иркутских жителей одними деньгами до ста пятидесяти пяти тысяч рублей. Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности. Правители, пока жили в

Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали внимания на царские указы и действовали наперекор им. Так, какой-то воевода Вяземский не только «дворов и пашен, и сенных покосов охотникам согласно царскому указу не дал, но и посыльщика, с которым была послана нарекая грамота, убил и изувечил». Власть над личностью и имуществом при таком порядке была полная. Воеводы и губернаторы в XVIII столетии отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Произвольные конфискации имущества, заточение и казни личностей, имущество которых хотел приобрести воевода, были в полном ходу. Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом столетии. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пир на весь мир, и кто к ним не являлся на торжество, должен был доставлять приношение. Генерал-губернатор Гагарин употребил свою власть в Сиби-

ри, чтобы скопить огромное состояние; он украсил дом свой как дворец, на потолке у него был аквариум с дорогими рыбами, лошади подковывались золотом и серебром. Наместники еще более кичились властью, и в 1782 г., когда Кошкин открывал наместничество, он стоял на императорском троне и принимал поклонение от всех сибирских народностей. При нем также задавались пиршества для народа с жареными быками. Дворы губернаторские были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуков; Якоби привез с собою 40 человек одних музыкантов. Немцов завел лейб-стражу под названием «глухой команды». В Иркутске один губернатор из подражания архиерею, которому звонили, приказал при своем выезде стрелять из пушек. Главный начальник нерчинских заводов Нарышкин устраивал пиры, разбрасывал казенные деньги, составил себе лейб-стражу из крестьян и каторжников, из бурят сформирован *красный гусарский полк* и брал мирные города. Словом, сибирские управители стремились постоянно к «вицеройству»[121], их охватывало упоение властью, и они желали

выказать себя безответственными и вполне независимыми. Генерал-губернатора Гагарина даже подозревали, что он хотел отделить Сибирь и сделаться независимым. Другие правители не уступали ему в пышности и гордости. Стремление к вицеройству отзывалось и далеко позднее в сибирской истории: оно вошло в привычку правителей. Сибирские правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убеждать, что они никому не обязаны отчетом, и не признавали являвшихся на смену личностей. Отдаленная провинция поэтому не раз повергалась в анархию. На смену взяточника Жолобова, например, в 1733 г. явился новый губернатор Сытин, но по приезде он захворал и вскоре умер, поручив исполнение своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольц, не имея предписания свыше, не смел ехать в Иркутск. Жолобов также не признавал своей смены. Тогда в Иркутске составилось временное правительство из подьячего Татаринова, атамана Лисовского и епископа Иннокентия. Члены этого временного правительства убедили иркутское общество про-

сить сибирскую канцелярию назначить губернатором *малолетнего сына Сытина*, под опекою полковника Бухольца. Но Жолобов путем интриг, упросив бургомистра и купцов подать голос за него, снова добился исправления должности. Получив указ опять о назначении, он обрушился местью на подьячего Татаринова и всех, кого считал врагами, в том числе Литвинцева. Он ставил их на правеж [122], бил палками и истязал. Покончивши с одними, Жолобов принимался за других. Наконец, приехал следователь, бригадир Сухарева, и положил конец этим гонениям. Для обуздания Жолобова и гонимых им лиц Сухарева дана была целая рота солдат. Подобно Жолобову и многих других правителей приходилось сменять только силою; точно так же только при помощи военной команды могли сменить следователя Крылова; сменяли таким же путем и других чиновников. Из этого уже видно, как разрасталась власть сибирских правителей. Нечего говорить, что перед такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. В случае сопротивления, при малейших жалобах и оппозиции, на жителей

обрушался террор правителей, каким ознаменовывали себя Жолобов, Крылов и другие. Не только пытки и кнуты были в употреблении, но прежние правители нередко применяли и смертную казнь.

В этот древний период единственным обузданием местных начальников для правительства служила их строгая кара. Но как их ни подвергали ответственности, как часто ни сменяли, положение дел не изменялось. Являлись изредка ревизоры для обследования дел на месте, но, подобно Крылову, посланному при Екатерине, преследуя предшественников, они сами доходили до величайшего своеволия и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною им силою. Словом, каждая власть, какая только не являлась в Сибирь, немедленно же в силу особых обстоятельств преобразалась, усваивала самовластие и предавалась наживе.

Мы уже указали, что причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, какое предоставлялось правителям в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия вдали от

контроля, при неограниченных уполномочиях, точно так же, как развитие злоупотреблений, не встречая ниоткуда препятствий, явилось естественным при отдаленности края и при тех искушениях к обогащению, какие представлял край. На это указал впоследствии Кородавлев в записке своей, внесенной в Государственный совет.

Конец и начало нынешнего столетия повторили характер и нравы предшествовавшей эпохи в сибирском управлении. В это время думали уничтожить зло большим доверием главным начальникам и усилением их власти. Для этого в 1783 г. было открыто в Иркутске наместничество. Первым наместником иркутским и колыванским был генерал-поручик Якоби. «Губерния была разделена на четыре области, и все это чиновначалие деспотствовало», — говорит иркутский летописец. Сам Якоби был сатрап-сибарит. «Одно осталось о нем в памяти иркутян: пышно-весело жил». Под конец он отдан был под суд и томился под ним десять лет. «Местное население, подавленное, истощенное самовластием и поборами, — говорит г. Вагин, — имело

только одно средство — бороться с ними жалобами и доносами». В прошлое столетие жалоба и донос наказывались весьма жестоко, тем не менее видим, как во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дело», чтобы как-нибудь добиться правосудия; тогда подсудимого заковывали, под строжайшим присмотром отсылали в Москву или в Петербург, где вновь ставили на правез, причем он должен был объявить, о чем знал. Иногда успевали подсудимые разоблачать, что делается в Сибири, и приносили свои жалобы, и тогда-то вот посылались ревизии, как при Жолобове. В конце прошлого столетия общество стало смелее в жалобах и доносах по поводу злоупотреблений. Вероятно, этому способствовало уничтожение «тайной канцелярии». Но проверка доносов была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средств оправдаться. Действительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дела. Пример можно было видеть на деле Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на нем: «Читано пе-

ред нами несколько тысяч листов под названием сибирского якобиевского дела, из коего мы иного ничего не усмотрели, кроме ябеды, сплетен и кляуз». Этими словами, было положено подозрение на сибиряков, подозрение совершенно не оправдавшееся, которое послужило к дальнейшим недоразумениям. «Слова эти были клеймом на сибиряков, — говорит иркутский летописец, — за которое они впоследствии дорого поплатились. Горе отдаленной провинции, — прибавляет он, — ежели правительство поставит между ей и собою оплот предубеждения». Тем не менее к правителям Сибири правительство начинало быть бдительнее. Так, Нагель при Павле I был привезен из Иркутска с фельдъегерем для личного объяснения с государем по поводу какого-то доноса и снова возвращен, когда имп. Павел вспомнил, что его знал в каком-то полку. В это время смены правителей делаются только чаще. Так, после Штрандмана был в Иркутске Леццано, гордый, надменный и сухой, как говорит о нем летописец. Леццано этот не поладил с комиссариатским начальником Новицким и вызвал жалобы иркут-

ских жителей, увлекшись разведением огородов, обсаживанием города березками и проч., чем тяготились жители. На ревизию прибыл немедленно сенатор Селифонтов. Он сошелся с Новицким и представил Иркутскую губернию «в таком бедственном положении, что на нее без слез взирать невозможно». Леццано был удален немедленно от должности, а Селифонтову приказано от правительства представить, какими мерами думает он исправить положение Сибири. Его мнение состояло в том, чтобы Сибирь разделить на три губернии и соединить ее под управление одного генерал-губернатора, облеченного *особенною высочайшею доверенностью*. Таким образом, Селифонтов вновь проектировал одно усиление власти. Оставался вопрос: кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этом дана была ему особая инструкция для управления, существовавшая 20 лет вплоть до назначения Сперанского. Сибирские правители в это время успевают склонить правительство к мнению, что все беспорядки в Сибири происходят от ябеды и кляуз местных жителей, а не от неистовств админи-

страции. Селифонтову говорится в инструкции, что «по духу ябеды, издавна замеченному между сибирскими жителями», тех, которые имеют беспокойный характер и могут влиянием своим на общество препятствовать благим мерам правительства, ссылатъ в отдаленные места. Это послужило для сибирских губернаторов правом карать челобитчиков. Опираясь на это право впоследствии, Трескин и Пестель развернули свою страшную систему. Селифонтов сочувствовал бедствующей Иркутской губернии, как видно, только до тех пор, пока не въехал в Сибирь. Облеченный громадною властью, он явился «как вице-рой, — говорит летописец, — все пало ниц и безмолвствовало». Селифонтов оставил жену в Тобольске, а в Иркутск привез свою наперсницу мадам Бойе; она остановилась в генерал-губернаторском доме. «Сейчас, — говорит тот же летописец, — догадались, через кого надобно обдѣлывать дела, и обдѣлывали». При Селифонтове управляли, таким образом, мадам Бойе и секретарь Бакулин, который, разделив Сибирь на комиссарства, продавал их управителям, кто больше даст. Порядки

явились прежние. При Селифонтове проезжало посольство Головина. Губернатор Корнилов, между тем, не ладил с Селифонтовым, как Новицкий с Леццано; он передал положение дел Головину. Дошло дело до Петербурга, и указом был сменен Селифонтов с запрещением въезжать в столицы. Так кончилось его вицеройство. После Селифонтова назначается Пестель[123] и привозит с собою Трескина. В эту эпоху мы видим, что сами смены управителей и обличение злоупотреблений, не прекращавшихся, в Сибири являются только орудием для чиновничьих интриг. Доносы и обличения сыпались из Сибири, но каждый обличал предшествовавший порядок с тем, чтобы сесть на место предшественника и, забрав власть, подражать ему и делать то же. Таким образом, самый беспорядок в России служил поводом играть в места для сибирских чиновников. Смена генерал-губернаторов не помогла делу, а усиление их власти и доверие становились только средством для них разделить отдаленную провинцию между своими любимцами. Управление Пестеля послужило завершением всего предшествовавшего и по-

следней попыткой приложить способ управления самовластия и подавления.

Пестель, понимая ошибки своих предшественников, решился первым делом упрочить свою власть в Сибири и обеспечить ее надолго. Он управлял Сибирью 14 лет до Сперанского и в это время возвел предшествовавшую систему до крайнего развития, опираясь на все предыдущие уполномочия и вытребовав новые. Пестель решился начать управление не с разоблачения злоупотреблений, как его предшественники, но с уничтожения жалоб и пресечения всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностям, но злой и самолюбивый, он явился в Иркутск с тем, чтобы вместо приветствия объявить обществу: «При назначении меня генерал-губернатором в Сибирь первая моя всеподданнейшая просьба была, чтобы переменить здесь белые воротники. Я был в Вятке на следствии, и там тоже белые воротники и все наголо ябедники». И Пестель засмеялся гнусливым, зловещим смехом». (Пояснен, к иркутской лет. в чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Таким образом, Пестель отнесся с явным недовери-

ем к обществу и объявил, что будет искать причины зла в нем. По убеждениям это был защитник всякого начальнического авторитета; утвердить такой авторитет он поставил своею целью, а общество должно было погрузиться в безмолвное повиновение. В помощники он выбирает расторопного и распорядительного почтамтского чиновника Трескина, без которого не решался ехать в Сибирь. Это был раб и наперсник Пестеля. Пестель ему безусловно верил во все время своего управления, он предоставил ему полную свободу и власть, какую только мог ему передать на основании инструкции; а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина так характеризует г. Вагин: «Это был человек умный и деятельный», до известной степени, конечно, «но его ум и деятельность были не государственного человека, а канцелярского и полицейского чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописание. Трескин был превосходный исполнитель, как большая часть людей этого рода, он мог быть только хорош в хороших руках. Его предоставили самому себе, облекли высокой властью. В нем

вполне развились полицейские замашки, и из него вышел невыносимый деспот». Как человек, как семьянин Трескин даже был добр; впрочем, подобных качеств не чужды самые кровожадные звери, любящие своих детенышей.

В своем управлении Трескин руководствовался вполне собственным усмотрением. «Законов он не исполнял, на министерские приказания не обращал никакого внимания», — сообщают исследования г. Вагина, он позволял себе величайшие самоуправства. Его защитник и поклонник Геденштром говорит, что «губернию он считал вотчиною, а себя — полновластным в ней приказчиком или управляющим». «Даже помещичий произвол никогда не достигал в России такого развития, как трескинский произвол в Иркутской губернии. Его можно только сравнить с произволом и мелочным вмешательством Аракчеева в военных поселениях». Оставив расторопного и самовластного Трескина распоряжаться в Сибири, Пестель уехал в Петербург и все время пребывал там. Здесь он влиял и направлял по-своему сибирские дела.

14-летнее управление Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотреблениями, которые достаточно выяснились благодаря ревизии Сперанского и собранным ныне материалам. Взяточничество в этот период не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресечение всякой гласности, всяких жалоб превратило его в обыкновенный порядок. «Трескин имел достойных сподвижников, — пишет г. Вагин на основании своих исторических материалов. — Жена и любимцы его бесчинствовали открыто. Агния Федоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», как о ней говорили, и весьма притом нестрогих правил». «К ней отправлялся всякий, кто хотел давать, — пишет иркутский летописец. — Исправники, комиссары без доклада могли входить в уборную, даже в спальню. Она называла чиновников своими детьми». В самом деле, места под конец все были заняты чиновниками, привезенными Пестелем и Трескиным «из Москвы» (Вагин. С. 11). Сам Трескин подозревался, что при заготовке хлеба в казенные магазины чрез комиссаров он имел *«знатный доход»*. Что касается

взяточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видеть, — пишет иркутский летописец, — в передней сидящего лакея, фаворита барыни самой, записывающего, кто что принес, и толпу купцов с кульками, со свертками, цибиками[124], с анкерами[125] и тому подобным». Жители Иркутска, имевшие дела, говорили, по отзывам старожилов: «Вот, Агнесе Федоровне надо поклониться. — Купи мех соболий! Принесут мех, сторгуют его за пять, за шесть тысяч, и мех возьмут, и деньги. Другому, третьему — то же. Один-то мех раз 50 продавали» (Рассказ Обухова, приложение к т.1. Стр. 565). Она брала соболями, муфтами, рассказывает другой старожил; взятки давали губернаторше, проигрывая часто в карты. «Она за взятки, — сообщает третий современник, — раздавала места. У нее был подставной Третьяков. У них в гостином дворе были и лавочки, где они продавали, что им надарят» (Посельский. Прилож. к исслед. Вагина. Т. I. Стр. 582). Агния Федоровна жила в связи с Белявским, секретарем мужа, который управлял не только за Трескина, а и за Пестеля; он был также взя-

точник. Кроме того, отличались взяточничеством главный доверенный жены Трескина, Третьяков, заседатель Геденштром, человек образованный, но в то же время, по словам Корфа, «доносчик и развратник». Г-н Вагин силился смягчить приговор Корфа за ум и образование Геденштрома, но в сущности это был образованный вор. Наконец, прославился Лоскутов, который, неистовствуя, нажил огромное состояние.

Такой порядок должен был прикрывать Трескин, участвуя сам в наживе, как свидетельствуют исторические материалы. Трескину оставалось на выбор — или изменить свою систему, или сойти со своего поприща, или стереть недовольных с лица земли, и он выбрал последнее. Белявский был правою рукой и злым гением Трескина. «Все бездельники, в бараний рог надобно согнуть», — беспрестанно твердил он губернатору. «И подлинно гнули», — говорит современник. Это было тем легче сделать, что, как мы видели, сам Пестель старался задавить всякий донос и преследовать недовольных. Начало своего управления Пестель ознаменовывает гонениями

двух губернаторов, тобольского и томского: Хвостова и Корнилова, за то, что те не соглашались с его мнением, и один подал, помимо Пестеля, записку министру внутренних дел об улучшении края. «К преданию их суду были выставлены не эти, а другие доводы, но они были так же ничтожны и грязны, как и первые» (Истор. исслед. Т. I. Стр. 6). Начальник провиантского депо в Тобольске генерал Куткин о чем-то поспорил с Пестелем, и тот нарочно выхлопотал право себе предавать суду провиантских и комиссариатских чиновников. Тогда он открыл *мнимые* злоупотребления по провиантской части и предал Куткина суду и домашнему аресту, устроив около дома его гауптвахту. Дом, имение его, фабрики около Тобольска были разорены. Сам он посылал постоянно прошения и ничего не мог добиться. Сенат несколько раз предписывал освободить Куткина, но Пестель оставлял без исполнения сенатские указы. 11 лет Куткин содержался под арестом, разорился, наполнил Сибирь воплями своих прошений и умер под стражею в 1817 г.; жена его умерла от горя, дочь ослепла от слез (Истор. исслед.

Стр. 7). На провиантских чиновников было открыто гонение, «как на жидов». «Употребляя во зло свое знание сенатора, а потом члена государственного совета, Пестель настойчивым образом требовал самых жестоких наказаний тем лицам, которых преследовал. Страсть его к преследованию доходила до мелочности. Нередко сибирские судные дела переходили в общее собрание сената и в государственный совет, единственно по несогласию Пестеля с решением других сенаторов» (Истор. свед. Стр. 7). «Крайнее самолюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, неумолимая мстительность — вот были отличительные черты Пестеля», — говорят материалы. Личное бескорыстие Пестеля было подвергнуто большому сомнению. «Не верьте бедности моего предместника», — писал Сперанский.

Но если Пестель мог простираť гонения на лиц сильных и значительных, то в преследовании менее значительных обывателей и подчиненных он переходил все границы. Произвольные действия Трескина на первых же порах вызвали сопротивление иркутского

общества. Хозяйственная регламентация жизни и вмешательство Трескина превзошли все ожидания, как ни приучены были сибирские жители ко всякому вмешательству предшественниками Трескина. Трескин вздумал распланировать и перестроить заново Иркутск, который не славился в это время опрятностью, и решился провести это дело необыкновенно энергично. Он приказал к такому-то времени все старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то к сломке приступила полиция (Т. I. Стр. 573–574). Он обходил город, заходил к жителям, вмешивался в хозяйство, пробовал кушанья, чинил расправу, ежели что дурно приготовлено (Стр. 573). Он преследовал, говорят, питье чая, запрещал в огороде садить табак, насильственно заставил бурят заниматься земледелием и, наконец, пробовал отвести реку, затопляя суда. В одной из жалоб, поданных на него, говорится: «Господин генерал-губернатор Пестель и губернатор Трескин приказали собирать в полицию в городе купеческих и мещанских, а по деревням крестьянских дочерей под тем предлогом, чтобы отдавать их в замужество

за поселенцев, и что одним только отцам, матерям и родственникам известно, чего стоила свобода, сопряженная с бесславием детей их» (Записка Сибирякова. Прилож. к истор. свед. Вагина. Стр. 547). Иркутское общество, причавшееся уже ранее заявлять свои жалобы и пытавшееся к обнаружению злоупотреблений и неправды в Сибири при Якоби и Леццано, выставило кандидатом в головы Михаила Ксенофоновича Сибирякова, личность умную и уважаемую в городе. Такой представитель общества не мог быть приятен Трескину; он видел, что общество хочет с ним бороться. Придравшись к прежней подсудности Сибирякова, он предложил выбрать другого, но дума объявила, что она «делает новые выборы единственно из повиновения распоряжениям начальства». В то же время дума и магистрат отказались исполнить требование назначения купцов при осмотре пушных товаров, опираясь справедливо, что это неустановленная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрыто неудовольствие Трескина и Пестеля. Но тайные причины состояли в подозрении Сибирякова

и Мыльникова в составлении доноса, посланного в министерство внутренних дел на действия губернского начальства.

Действительно, Трескин и Пестель выставили Сибирякова и Мыльникова «вредными нарушителями общественного спокойствия» пред высшим начальством. Пестель при этом решился оклеветать общество и указать, что благому его управлению мешают только безнравственность и пороки управляемых. «Какое местное начальство может установить порядок общественный там, где разврат и самовольство состязаются с законными распоряжениями, — писал он во всеподданнейшем рапорте 1808 г., — где уже меры кротких взысканий тщетно были испытываемы и где дерзость укоренилась в средоточии общественном? Одни только примеры неупустительного строжайшего взыскания с неповинующихся могут подать способы и надежду восстановить по времени колеблемое развратом спокойствие, которого желают многие, но которое теряется в собственном их расположении к заблуждениям». Пестель просил поэтому подвергнуть общество «чувствительным и

примерным взысканиям», Сибирякова же «за явное возмущение и проч.» в пример другим, как равно и Мыльникову, разослать по уездным городам Иркутской губернии. Добившись их ссылки как бы «в насмешку над сосланными», Трескин доносил, что им выбраны города, удобные для продолжения коммерческих оборотов, но вместо того им не выдавали даже паспортов, прошения не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали в Петербурге, Пестель храбро и бойко отписывался, что «иркутское общество только без них может находиться в спокойствии». Вступился за Сибиряковых Сперанский, бывший тогда в силе, вступился Державин, но Пестель умел представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряков так и умер в ссылке.

Установив в глазах правительства свои воззрения на ябедников, Пестель и Трескин уже смелее начали преследовать своих врагов. Мы не имеем возможности подробно излагать все случаи, занесенные в материалы, даже в сухом изложении полные самых потрясающих подробностей и напоминающих

какую-то мартирологию, да это и не относится к нашей цели, имеющей в виду рассмотреть только самую систему местного управления до Сперанского, не останавливаясь на частностях. Достаточно сказать, что так же, как в Иркутске, Сибиряков и Мыльников, в Тобольске нарушителем тишины выступал купец Полуянов. При Пестеле же был отдан под суд откупщик Передовщиков, взявший винные откупа в Сибири, которые Трескин предварительно отдал уездным местным откупщикам.

Председатель уголовной палаты Гарновский и прокурор Петров протестовали против неправильного начатия дела, но были удалены от должности. Передовщиков же притеснялся на допросах, его заставляли подписывать показания против себя и, наконец, разорив, сослали в каторжные работы (Ист. свед. Стр. 20–22 и прил.). Такие поступки власти не могли возбудить в местном населении особенного расположения к ней. Кроме того, у Передовщикова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось «*партией* недоволь-

ных», и употреблялись все меры, чтобы уничтожить ее. Из Иркутска были высланы брат Сибирякова в Жиганск и за ним купец Дубровский. Подвергся преследованию купец Киселев, человек умный, смелый и горячий. Не было благовидного повода поступить с ним, как с прочими, поэтому придумали другой способ. Киселева объявили сумасшедшим и посадили в больницу. Там он пропал без вести. Народная молва обвиняла в этой смерти Третьякова, доверенного и любимца Трескина, который был тогда смотрителем больницы. Гонения обрушились даже на людей мелких и незначительных, как, например, на какого-то титулярного советника Петухова; служба в уездном суде, он решил дело не так, как хотел Пестель. Петухов этот протестовал против решения уездного суда, постановленного в угоду губернатору: за это он был отрешен от должности, а когда он подал жалобу на высочайшее имя, — это послужило поводом к ссылке его в Туруханск, потом — в Мезень. Но и здесь преследует его Пестель. Когда он принят был в Мезени на службу, Пестель просит сослать его в Колу, «так как мезенская округа

граничит с Тобольской губернией, и потому пребывание Петухова вредно для Сибири». Это была последняя попытка повредить Петухову. Пятилетние преследования потрясли его, несчастный сошел с ума. «Мы сообщили только крупные факты, — говорится в конце материалов г. Вагина, — которые в свое время наделали большого шума, которые заверены и официальными актами, и записками современников, и преданиями. Но сколько личностей, подобных Петухову, страдало и гибло бесследно, не сохранив о себе известий даже в архивной пыли!» Множество чиновников отдавалось под суд по самым ничтожным причинам: один — за неправильную переписку прошений, другой — за продажу чужой телеги, третий — за неприличные проступки, короче, за пьянство. Основною же причиной были подозрения в недоброжелательстве начальству. Трескин держался в этом случае такой тактики: он дозволял чиновникам наживу и злоупотребления, но тем самым держал их в руках. При малейшем недовольстве он их упекал. В этом случае прощались взятки, и всегда наказывались донос и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась, таким образом, к тому, чтобы в Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрению и во избежание жалоб подавлять их на месте, а что доносится в Петербург — самому перехватывать и перерешать. Таким образом Пестель отрезал Сибирь от всякого правосудия. Во время своего управления он устроил строгий надзор за всем, что писалось из Сибири; он оцепил Сибирь таможенями, начал перехватывать письма, тушил прошения и бумаги в присутственных местах, наконец, обрушился на челобитчиков. Благодаря этому долго не доходило ничего до высшего правительства без веденья Пестеля, который всему давал свои объяснения. По словам старожила С.С.Щукина, Трескин не мог видеть, чтобы печатали что-нибудь из Иркутска в газетах, особенно о ценах на хлеб, которые он выставял по-своему. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь вел переписку с Петербургом, и, заподозривши, например, в этом монголиста Игумнова, «образованнейшего человека своего времени», как сообщает г. Вагин, его начали при-

теснять, отдали под суд, отрешили от должности и запретили въезд в Иркутск. «Ужасными мерами уничтожения непокорных, — говорит современник, выписка которого приведена в материалах, — при неограниченном доверии высшего правительства к представлениям Пестеля или — что все равно — Трескина в Иркутске наконец все части попали если не в формальную, то, по крайней мере, в политическую зависимость от губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I. Стр. 32). Таким образом, рядом с развитием злоупотреблений усиливались и самовластие, и сила Пестеля. Произвол и злоупотребления существовали не только в Иркутске, но и в других частях Сибири. Своеволие от губернаторов усваивали и подчиненные так бывает всегда. Енисейский городничий, по словам Корфа, катался по городу на чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу об его смене. Охотский начальник самовольно удаляет от должности своих чиновников. Третьяков, Геденштром берут пример расправы с Трескина. Лоскутов дошел до такой необузданности и смелости, что высек нижнеудин-

ского протоиерея Орлова плетьюми. «Но не одни только личные преследования были отличительною чертою сибирского управления за время Пестеля. Управление это представляло поразительный пример самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему», — пишет далее г. Вагин. Даже и там, где выражалось стремление к внешнему порядку: чистоте улиц, правильной постройке домов и т. п., даже и там стремление это выражалось действиями, явно противными тем самым законам, которые оно, по-видимому, старалось исполнить. Некоторые отрасли по управлению были крайне запущены. По всей северной окраине Сибири народ в буквальном смысле умирал с голоду. По Иркутской губернии Трескин ввел насильственные закупки хлеба и казенную монополию хлебной торговли. Наконец, повинности населения были в высшей степени обременительны. Средством скрывать эти беспорядки служило постоянно представлять отдаленный край в самом цветущем положении и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые был мастер Трескин. Все прикрыва-

лось самой наглой официальной ложью. Пестель и Трескин обманывали не только правительство, но они хотели обмануть и местное население в противность тому, что последнее видело собственными глазами. Так, например, в 1807 г. Трескин опроверг слух, разнесшийся между жителями, что начальство не впускает крестьян в город для продажи хлеба, а жителей принуждают закупать хлеб в казенных магазинах. Трескин публикует, что запрещений таких не было, и доносит Пестелю, что слухи эти идут «от известной и оглашенной ябеднической партии». А между тем принудительная закупка хлеба во все время трескинского управления вошла в систему. «Жители Иркутска и окружающих селений очень хорошо знали, знает и потомство, — говорят материалы, — что у Трескина на бумаге делалось одно, а на деле другое». «Публикация эта имела в виду одну цель: пустить Пестелю пыль в глаза и предупредить доносы на новые злоупотребления» (Т. I. Стр. 34). Трескин искусственно повышал цены на хлеб, завел страшный скуп его, монополии, отдал их в руки комиссаров и купцов, выстав-

лял фальшивые цифры о ценах и в то же время доносил об увеличивающейся производительности края и его благосостоянии. Последствием монополий и злоупотреблений по продовольственной части на отдаленных окраинах происходил ужасный недостаток в хлебе, начинался голод. Так, в 1811 г., а потом в 1815–16 годах, в Туруханском крае между инородцами обнаружилось людоедство. Но когда начали доноситься слухи об этом в Петербург, Пестель представлял огромные книги с бюрократическими отчетами и уверял в противном. Массами фальшивых сведений и перепиской он старался закрыть правительству глаза. Точно так же он отбивался и от всех жалоб, называя их клеветою и доносом. «Но если и был кто самым вредным и опасным доносчиком, — говорят материалы, — то разве один Пестель. В своих донесениях он осыпал клеветами сибирское население и показывал все правительству в превратном виде. В такое мрачное время стоном стонала Сибирь, и особенно Иркутская губерния» (Т. 1. Стр. 34).

Останавливаясь на этой эпохе, предше-

ствовавшей ревизии Сперанского, мы невольно поражаемся массою злоупотреблений, обрушившихся на этот отдаленный и бедный край. Управление Пестеля нам рисуется как-ким-то темным пятном на фоне сибирской истории. Оно действительно кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляем его отдельно, без связи с предыдущей историей, как оно рисуется нам в материалах. Но, смотря ныне более хладнокровно и с исторической точки зрения, мы не найдем в нем ничего более обыкновенного, ничего, принадлежащего исключительно системе Пестеля и Трескина. В сущности, оно руководствовалось теми же правилами и традициями, как и предшествовавшие; оно было плодом системы и отражало все черты управления, давно укоренившегося в Сибири. Управление Пестеля было только окончательным и более решительным применением системы, подготовленной ему в том же направлении предшественниками. Последствия этой системы отражались таким же образом и ранее. «Не в этой одной эпохе, которая подверглась ревизии, обнаружены злоупотребления, —

писал Сперанский Кочубею из Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнем управлении Сибирь была в другом или лучшем положении. Напротив, с переменною людей переменялись только виды и степень злоупотреблений». Таким образом, Сперанский с высоты государственной точки зрения уже определил управление Пестеля как часть предшествовавшей системы. В управлении Пестеля действительно как в спектре отразились все крайности сибирской истории. Приущие его времени злоупотребления были в связи с административным порядком целой эпохи и основывались на свойствах управления, давно принятого. Главными недостатками этого управления могут быть отмечены ясно самовластие и произвол. Произвол этот развился естественно при том просторе действий и власти, какие сыздавна им давали огромные уполномочия. Власть воевод, губернаторов и генерал-губернаторов постоянно усиливалась, расширялась и подчинила все ведомства. Все предоставлялось личной воле и усмотрению администратора, конечно, имея в виду сообразование с законами и спра-

ведливостью. Но правитель незаметно терял почву и приобретал привычки действовать по личному произволу. «Власть личная нередко обращается в самовластие, — писал Сперанский по поводу управления Сибирью. — Люди с лучшими намерениями могут ошибаться, могут увлекаться личными взглядами — и, действуя по совести, действовать противозаконно» (Истор. свед. Т. II. Стр. 321–322). Действительно, эти черты произвола быстро усваивали люди при огромной власти в отдаленной стране. Личность здесь пользовалась тем, в чем не была ограничена, ее поведение было продуктом того положения, в которое она ставилась. Правители, недурные в России, преображались, являясь в Сибирь. «До 1819 года нигде не было такой преклонности к самовластию и жестокостям над подчиненными, как в Сибири у некоторых начальников, высших и средних, — высказывал свое мнение граф Блудов. — Все они были посылаемы туда из внутренних губерний, и казалось, что не только со вступлением в отправление им данных в сем крае должностей, но непосредственно по переезде через

Урал в них исчезало всякое к ним сострадание» (Истор. свед. Т. I. Стр. 31–32). Тот же грозный Трескин является другим человеком в другой обстановке. «Долг справедливости обязывает сказать, — говорит историк, — что как частное лицо Трескин считался весьма добрым человеком и что впоследствии, когда он был уже отрешен от должности и жил в своей деревне, в нем не было и следов прежнего иркутского деспота» (Мат. Т. 1. Стр. 11).

Селифонтов, плакавший над Сибирью, точно так же преобразуется здесь. Правители вследствие своего положения понемногу сами начали убеждаться, что действительно все зависит от их личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу в управление они вносили свои личные страсти. Увлекаясь положением, они сами из себя создавали вице-роев, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютного поклонения, торжеств в честь свою и полного обожания. Закон и правительство они отодвигали на второй план, выдвигая только свою особу, внушая жителям, что только от одних их все зависит. Нигде так начальство

не приучало преклоняться себе, как в Сибири, нигде оно не упражнялось более в самовластии, как здесь. «Сибирь не испытывала крепостного права, — говорит один из историков, — но она испытала гораздо худшее — административный произвол, так же, ежели не хуже, воспитывавший общество». Привычки своеволия распространились и на низших исполнителей; они шли от губернатора до отдельного заседателя. Если первые ограничивались безусловным приказанием и требованием покорности, последние вводили дисциплину и внушали к себе уважение страхом. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутов был один из типов того времени. В Западной Сибири был подобный же заседатель Ярцев. Сам образованный Геденштром высказывает мнение после Сперанского, что «филантропия неуместна в Сибири», «она вреднее холеры», что положение алтайских горных крестьян лучше, ибо горные правители «управляют крестьянами как хозяева и лозами могут, если хотят, принуждать к добру» (Истор. исслед. Т. II. Стр. 317). Это был общий взгляд тогдашних администраторов.

Таковы были и средства управления. Результат самовластия заключался в неограниченности власти главных сибирских правителей и в примерах необузданности, подававшихся низшим.

Второю главною чертою управления этой эпохи является склонность к самой широкой регламентации, проходящей чрез всю историю. Новозавоеванный и пустынный край действительно сначала требовал устройства и деятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствием, основывать промыслы, водружать гражданственность, но впоследствии привычка распоряжаться общественною жизнью вошла в нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управления. На Сибирь постоянно менялись взгляды, а поэтому предписывались новые меры и производились беспрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колонией звероловной, затем с начала XVIII века на нее имеют виды как на колонию горнозаводскую, далее обращают ее в колонию штрафную, потом земледельческую, наконец, примешиваются

виды торговли с Азией и т. д. Все это давало случай каждому из администраторов вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такие опыты, как десятинную пашню Сомойнова с приписью 3400 бобылей в обязательные работы, обязательное сеяние пеньки, приписки и переселение людей на рудники и заводы, чичеринское проведение дорог на Барабе, неудавшуюся ланд-милицию Леццано, в Камчатке искусственное создание казачьего войска с приписью крестьян и поселенцев, бесчисленные опыты устройства ссыльных, принуждения бурят обращаться к земледелию при Трескине, учреждение и распорядок лоскутовских поселений, продовольственное снабжение инородцев, казенные монополии, поддержание монополии и привилегий частных, как русско-американской компании, кяхтинского торгова и проч., и проч. Регламентация частной жизни в прошлом столетии доходила до необыкновенной мелочности. В прошлом столетии делаются приказы не отлучаться крестьянам на ночь из дома; один управитель, как Леццано, заставляет обсажи-

вать города березками, другой, как Трескин, планирует вновь город, ломает дома, отводит реку, преследует сеяние табака в огородах, вмешивается в домашнюю жизнь, преследует питье чаю. Лоскутов приписывает молитвы крестьянам, дает инструкции, как печь хлеб, ревизует квашню и т. п. Губернатор Чичерин с командою ездил наблюдать около города за полевыми работами крестьян. Наконец, при Трескине казна покупает весь хлеб в магазины для продажи частным лицам по высшим ценам ввиду «поощрения к хлебопашеству». Можно представить при этом, какие размеры принимала регламентация, как действовала на общество и какой простор давала злоупотреблениям.

Развитию злоупотреблений в стране способствовали ее отдаленность, отсутствие контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правление могло менее всего способствовать надзору и выбору безукоризненных агентов. На Сибирь, кроме того, утвердились с самого древнего времени

воззрения, как на завоеванную и промышленную колонию. Нажива и побор развились сыздавна. Дух спекуляции переходил с частных лиц и на служилых людей. Воеводы торговали мехами, вином, зернью и проч. Они делали бесцеремонные поборы; впоследствии после преследований и кар, а также с учреждением бюрократического управления с Петра побор стал утонченный и скрытый. Нравы прежних служилых людей перешли и к старым приказным, при крутой реформе Петра, от бояр-воевод[126] к губернаторам. Отдаленная страна представляла все шансы скрывать злоупотребления. В случае доносов и жалоб канцелярский мир прикрывался целыми массами бумаг, запутывал дела перепиской, и казуистическая процедура облегчала выход взяточникам. Невозможно было уследить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главным начальником. Контингент служащих людей был постоянно один и тот же в отдаленной провинции, и людей добросовестных негде было взять. Существовало одно приказное словие, которое только постоянно перелива-

лось и перетасовывалось. Новые начальники привозили с собою свежих чиновников, но это всегда оказывались любимцы, на которых еще менее простирался контроль и которым еще более дозволялось, как Трескину. Надо заметить, что злоупотребления были источником настолько же обогащения и частных лиц. В Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословие жило монополиями. Все это было в связи с администрацией и взаимно друг друга деморализовало. Купцы в этом случае искали поощрения у правителей, закабалия крестьян и инородцев, а правитель опирался на общество и устраивал стачку с богатыми. Так было при Трескине, который давал случай наживаться одним купцам и преследовал других. В злоупотреблениях были замешаны целые сословия. Правительство не могло знать, что совершается в Сибири, и скоро администраторы здесь выработали целую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чем представлял край. Отсутствие гласности представило все удобства для развития злоупотреблений.

Когда начинались жалобы и доносы недовольных, и недовольные эти являлись часто из того же торгового сословия, которое искало наживы и монополий, то местные власти разоблачали подобных людей, как лиц, заинтересованных в злоупотреблениях, припоминали их грехи, а потому и правительство имело часто основание не придавать значения жалобам подобных людей. Этим воспользовались впоследствии Трескин и Пестель, чтобы зажать рот всяким жалобам.

Таковы были главные черты системы, существовавшей до Сперанского. Эта система, как мы видим, вырабатывалась из особенно-го положения края, вдали от центра управления. Кроме того, в начертаниях управления виден след участия самих местных правителей, проводивших свои мнения и требования на высшие сферы. Таким образом, взгляд исполнителей часто руководил и законодательством, и перевершал его для Сибири. Что ненормальности управления лежали в общем свойстве принятых начал, доказывает то, что порядки пестелевского управления существовали в начале либерального царство-

вания Александра I. Многие жалобы из Сибири находились в руках Сперанского, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положение дел.

Во все управление Пестеля и Трескина общество, конечно, пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были все средства гласности, оно прибегало к доносам. Под конец управления Пестеля жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнее, все важнее по содержанию, все разительнее по общему согласию в показаниях, пишет барон Корф. Сначала Пестель отворачивал эти доносы. По поводу доноса 1808 года министр просил Пестеля «прекратить незаконные действия местного начальства». Но Пестель, сообщив отношение министра Трескину, предписывал *не прекратить* злоупотребления, а принять меры против подобных «изветов». Представив свои объяснения министру, он пишет, что «объяснения его (Пестеля) принять с уважением», что в его усердии не сомневаются и что сообщение ему дошедших до правительства сведений служит доказательством доверия к нему. Содержание бумаги он сообщил

Трескину, чтобы «неблагонамеренные люди» знали, как правительство относится к их доносам (Мат. Стр. 35). Словом, Пестель угрожал, что все жалобы будут представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала их подавали купцы, видимо, не сошедшиеся с Трескиным в своих делах. Наконец, они проникают из всех слоев общества. Генерал Куткин пишет из своего заключения грозные послания, выдвигаются мелкие чиновники и, наконец, простолюдины. Донос в это время получает как бы общественное значение и сливается в едиனுдушный протест. Местное общество употребляет в борьбе этой все усилия, чтобы дать о себе знать. Доносы вывозятся в хлебе. В 1818 году иркутский мещанин Саламатов берет под величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить донос лично государю. Он пробирается через Китай, через степи и сибирские леса, добирается до Петербурга, подает лично донос государю и «просит приказать его убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Он был отдан на особую ответственность государем петербургскому государю генерал-губернатору Милорадовичу. Об этом

мещанине писал в 1819 году Сперанский Голицыну: «В числе доносителей по здешнему краю был некто иркутский мещанин Саламатов. Бумаги его мне препровождены от графа А.А. (Аракчеева), но где он сам — мне неизвестно. По слухам же, он должен быть в Петербурге под стражею или под надзором. Человек сей, — пишет Сперанский, — разорен здешним начальством до основания и разорен несправедливо; у него здесь семеро малолетних детей почти без пропитания, бумаги его написаны глупо и бессвязно, но главные статьи о поступках Лоскутова и других в существе своем теперь обнаружены и найдены справедливыми» (Ист. имп. публ. библиот. в пам. графа Сперанского. Стр. 259–260). Это предприятие бедняка, бросившего детей и идущего под страхом смерти в Петербург, носит печать как бы гражданского подвига. К этим протестам присоединился, наконец, кроткий архиепископ иркутский Михаил. Но независимо от жалоб до правительства доходили сведения о страшных беспорядках в Сибири и голодах у инородцев. При таком положении дел пребывание Пестеля в Петербурге

вызывало всеобщее негодование и насмешки. В 1815 г. в комитете министров предложено вернуть сибирского генерал-губернатора к своему посту или назначить ревизию. Но Пестель долго еще продолжал жить в Петербурге. По связям своим с Пакулевым он пользовался покровительством и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеев разошелся с Пакулевым, Пестель потерял поддержку. В то же время в кабинете министров было высказано решительное мнение, что в Сибири необходима ревизия и смена Пестеля. Вместе с этим подана была записка Козодавлевым о необходимости изменить самые начала управления Сибирью и дать ей новое учреждение.

Оставался вопрос: кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выбор пал на Сперанского.

Как ни печально было положение Сибири в XVII и XVIII столетиях, но, по мере заселения ее, она приобретала все более и более значения. Довольно давно уже правительство обращало внимание на богатство этой страны. Во все XVII столетие из нее вывозили меха,

устраивали рыбные и другие промыслы, добывали мамонтовую кость, отыскивали руду. Приток вольной народной колонизации в первое время был обширный: богатство соборей, лисиц, белки, песцов и т. п. привлекали сюда промышленников, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатством. В начале XVIII столетия сложилась поговорка: «Сибирь — золотое дно». Ряд путешественников, начиная с Мессершмидта, производил исследования над обширной страной и ее минеральными богатствами. Петр Великий сосредоточивает особенное внимание на Сибири ввиду развития здесь горных промыслов; в XVIII столетии заводятся повсюду рудники и заводы с припискою к ним крестьян; в XVIII же столетии присоединяется киргизская степь, и начинается торговля с азиатскими государствами, особенно с Бухарою; бухарцы наводняют Сибирь товарами, караваны тянутся из Китая. Рядом с этим страна приобретала более и более гражданского и оседлого населения; с половины XVIII столетия пионеры колонизации и промышленники выходят из лесов и селятся деревнями, остроги и поса-

ды обстраиваются. Сибирь, таким образом, превращалась из звероловной и горной колонии понемногу в земледельческую и вместе с прочной гражданственностью начинала показывать задатки промышленного развития, но в значительной части своей страны еще оставалась неизведанной: промышленные люди, купцы, мореходы, пионеры, казаки все еще продолжали делать открытия, то огибая мысы Ледовитого океана, то углубляясь на Амур и в киргизские степи. Страна эта поэтому была во многом загадочной, и эта-то таинственность еще более возбуждала ожидания таящихся в ней сокровищ. Петр Великий направляет экспедицию к Бухаре за поисками бухарского золота; при Екатерине точно так же снаряжаются военные экспедиции в глубь Азии, является мечта о сношениях Сибири чрез Среднюю Азию с Индией; при Павле, говорят, даже была мысль предпринять поход в Индию в союзе с Наполеоном; при Александре I точно так же обращается внимание на Среднюю Азию и Индию — между прочим, мы видим, что правительство намеревается приобрести кашмирских коз.

Все это заставляло государственных людей сооружать множество планов и вообще относиться восторженно к этой стране будущего. Козодавлев называл Сибирь в официальных бумагах не иначе как «Мексика и Перу наше». С назначением в Сибирь Сперанского по этому поводу возлагали на него обширные надежды в деле устройства и управления края. Козодавлев писал, поощряя Сперанского, что «история Сибири будет делиться на две только эпохи: первая — от Ермака до Сперанского, вторая — от Сперанского до X». Кочубей в письме к Сперанскому выражался так: «От вас, конечно, никто ожидать не может, чтобы вы остановились на каких-нибудь мелочах, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобно-го Селифонтову, останавливать могут. От вас ожидать будут видов государственного человека, и, если смею я сказать, виды-то сии и полезны быть могут, ибо при всех ваших способностях можно ли ожидать большого добра там, где не существует свойственных оснований к произведению оногo? Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образованию управления в

сих колониях наших и пр., и пр., и сим, так сказать, удивить людей, мало привыкших к произведениям сего рода». Козодавлев немедленно при отправлении Сперанского, приветствуя его, посылает записку свою, читанную в комитете министров, о новых основаниях сибирского управления и прилагает книгу Прадта «Sur les Colonies» о мексиканских колониях для руководства. Граф Нессельроде пишет Сперанскому, что «друзья его будут следить за ним с участием и симпатиями». Одним словом, от Сперанского, как от смелого реформатора, ожидали все «видов государственных» или установления новой государственной точки зрения на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандиозного.

Не так относился сам Сперанский к своему положению. Из его переписки и материалов видно, что он далеко не разделял восторженных увлечений своих друзей. Он нимало не увлекался новой ролью, назначенной ему, он даже не имел определенных воззрений на край, в который ехал. Из его писем к дочери из Сибири видно, что при въезде в Сибирь он питал к ней даже предубеждение. Мрачным

взглядом своим на страну он был обязан во многом исключительности своего положения. Известно, что поездка в Сибирь никогда не входила в план его деятельности. Самое назначение его сюда было случайно. Только что возвратясь из ссылки и находясь в Пензе губернатором, он ожидал ежеминутно своего возвращения в Петербург, и новое назначение его застало врасплох. Он принял его за приличное удаление. Хотя «поездка его была обставлена всеми наружными знаками доверия, обширными полномочиями, почетом, — говорит биограф Сперанского барон Корф, — тем не менее Сперанский понимал, что это назначение — продолжение ссылки. Все пребывание его в Сибири было отравлено этим горьким чувством[127]».

Само свое назначение в Сибирь Сперанский считал частным поручением и «последним испытанием», как он выражался в письме к дочери. «На Сперанского возложены были и ревизия края, — пишет г. Вагин, — и труды административные, и законодательные, наградю их указаны достижение цели — возвращение в Петербург».

По всему этому Сперанский смотрел на пребывание в Сибири, как на ступень к скорейшему приближению, но в то же время досадовал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно, что он к своему назначению относился без энтузиазма, без того увлечения, которое вдохновляло его в прежних реформах. Он спешит как бы выполнить формальность, показать свою деятельность в наиболее выгодном свете и потом поскорее оставить ее. Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской деятельности. Все, что он здесь видел, это «труд Геркулеса при очищении Авгиосовых конюшен», как выразился в письме к нему граф Нессельроде. Действительно, с самого начала въезда в Сибирь Сперанскому предстояла кропотливая ревизия, которой он посвятил свое пребывание здесь. Ревизия эта не представляла особенной важности ввиду других задач, возложенных на него, однако она заняла много времени. С государственной точки зрения сам Сперанский не придавал ей особого значения, и она может быть только характеристична для выяснения того положе-

ния, в каком застал Сперанский Сибирь, и личного его отношения в деле искоренения злоупотреблений. В этом случае она может быть примерна и замечательна только относительно тех приемов, какие употреблял он. Мы указывали, до чего в предшествующее управление Пестеля и Трескина развились злоупотребления и как они искусно прикрывались. Когда донесся слух о назначении Сперанского в Сибирь, в Иркутске произошла паника. Некоторые чиновники сошли с ума, как правитель дел Белявский, Кузнецов и другие. Трескин струсил. Никто не ожидал, чтобы Сибирь посетил человек бескорыстный; однако многие надеялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанский нашел средства разоблачить злоупотребления, он дал место гласности и постарался опереться на общество. Первым делом по приезде его в Тобольск было уверить жителей, что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что их можно приносить. Действительно, во все время проезда через Сибирь Сперанский сближается с местными жителями, останавливается у купцов,

идет часто пешком за экипажем, расспрашивая крестьян. Местное общество так привыкло ко взяточничеству и поборам, что в Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлеб был взят, блюдо возвращено», — отмечает он в дневнике.

Понемногу порядки сибирские открылись пред его глазами. Въехав в Тобольскую губернию, он замечает: «Главные жалобы были на земскую полицию, преимущественно на лихоимство, потому ревизия не вызвала здесь особенно строгих мер». Исправив важнейшие беспорядки, показав несколько примеров строгости и «доправив взятки» с земских чиновников, он двинулся далее. Но чем более он подвигался в глубь Сибири, тем положение края более поражало его. «Положение дел в Томской губернии было гораздо хуже, поборы тягостнее, чиновники дерзновеннее, преступления очевиднее, на самого губернатора падали сильные подозрения», — говорит он. «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, — писал Сперанский, — что и можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и по глупости гу-

бернатора Илличевского, по жадности его жены, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые...» «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого, — пишет он в другом письме к Столыпину, — слухи ничего не увеличивали, и дела хуже еще слухов...» «При обозрении Тобольской губернии представлялась еще возможность пресечь или, по крайней мере, ограничить злоупотребления и до времени охранять порядок средствами, в инструкции определенными, — доносит Сперанский государю 31 июля 1819 г. — Но в Томской губернии средства сии будут недостаточны. Здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников, не только способных, но и посредственных, еще менее и перемены их тем затруднительнее. Злоупотребления, доселе открытые, ведут к другим, еще не обнаруженным». Поэтому Сперанский спрашивал разрешения в случае надобности сменить томского и иркутского губернаторов. Из Томска уже назначаются следственные комиссии для расследования беспорядков в Нарыме и Туруханске. Из

Туруханска пишет посланный на следствие Осипов: «Беспечность здешних чиновников до того велика, что я с самого приезда не могу получить ответов на свои отношения...» «Бежал бы отсюда без оглядки», — восклицает в другом письме к Сперанскому этот следователь. В Томске также учреждена была комиссия, и Сперанский спешил в Иркутск. Настоящим гнездом злоупотреблений была Иркутская губерния. Вопль жителей продолжался только до границ Иркутского уезда. В этом уезде и в самом городе жалобы вдруг смолкли: таков был ужас перед местным управлением». Исправник Лоскутов перед приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу, говорят предания. На берегу Кана Сперанского встретили вопиющие жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили из лесов с прошениями. Лоскутова Сперанский арестовал немедленно. Говорят, что обыкновенно хладнокровный и сдержанный Сперанский здесь не выдержал. С.С. Щукин приводит в своих записках рассказ об этой встрече. Лоскутов был в мундире и едва произнес: «Исправник Лоскутов...» — «Лоскутов?... Аресто-

вать его, бездельника!» — воскликнул Сперанский. С него сорвали шпагу и арестовали. «На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, — писал Сперанский Столыпину, — пресловутым Лоскутовым, исправником нижнеудинским. С двух первых слов я его отрешил и тут же арестовал, оставил за границею губернии, за Каном, как за Стиксом[128]. Мера сия была нужна, — продолжает он. — Страх его десятилетнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов». Корф прибавляет: «Когда Сперанский приказал взять Лоскутова, бывшие при этом крестьяне упали на колени и, хватая за руки Сперанского, воскликнули: «Батюшка! Да ведь это Лоскутов!» Несчастные думали, что и Сперанский бессилен пред этим человеком. В Нижнеудинске Сперанский назначил сейчас же следственную комиссию и приказал описать имение Лоскутова. У него было найдено 138243 р., кроме разных вещей, серебра, мехов, которым оценка не сделана. Все это имущество было отправлено торжественной про-

цессией в Иркутск. «Иркутск ожидал Сперанского в волнении. Трескин приготовил иллюминацию и музыкантов. Показалась лодка, — пишет один современник. — Внимание было напряжено. «Не генерал ли губернатор? Кто такой?» — окликают иркутяне с берега. — «Имущество Лоскутова!» — отвечает прибывший офицер. Трескин побледнел. Кто-то заметил: первая батарея сбита». Из Нижнеудинска же Сперанский послал бумагу Трескину с запросом, правда ли, что приносить жалобы поселенцам на Лоскутова было запрещено самим Трескиным? Сперанский здесь был буквально завален жалобами. По день отъезда из Нижнеудинска их поступило 280. Сумма предъявленных на Лоскутова взысканий простиралась до 129000 рублей. Много жалоб поступило впоследствии. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принуждения к даровой работе, насильную продажу хлеба и скота по произвольным ценам, самовольные ссуды денег за неумеренные проценты, притеснения по закупкам хлеба и натуральным повинностям, чрезвычайные денежные сборы, наконец, что торг с инородцами был за-

хвачен исключительно в руки Лоскутова и двух его клеветов», — рассказывает г. Вагин.

По приезде Сперанского в Иркутск также были учреждены следствие и ревизия. Но жалобы в Иркутске в первые дни боялись даже подавать. При объявлении Сперанским, что Трескин устранен от должности, жители страшились, что впоследствии снова он займет место и отомстит. Иркутяне припоминали пример с губернатором Жолобовым. Трескин, кроме того, составил себе в Иркутске партию не только из чиновников, с которыми делился, но и из купцов, с которыми торговал. Но когда увидели, что подавать жалобы не опасно, то они последовали в страшном количестве. Число их достигало до 300 в день. В скором времени в иркутском казначействе была распродана вся гербовая бумага, так что делались надписи на простой, употребленной вместо гербовой. Крестьянам разрешены были словесные жалобы, и двор иркутской следственной комиссии не мог помещать просителей. Сперанскому в первое время приходилось «развивать клубок с медленностью и великим терпением», пока Трескин оставался

на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополия обличается гласом народным, — писал Сперанский, — но пред законом должно обличиться законными мерами...» «Злоупотребления очевидны, но должно доказать их. Трескин человек наглый, отменно смелый, неглуп, хотя плохо воспитан, но хитр и лукав, как демон»...

Сперанский, однако, успел открыть и разоблачить трескинскую организацию. Комиссия, учрежденная под председательством Цейера в Иркутске для раскрытия злоупотреблений, привлекла к ответственности до 216 лиц; сумма одних частных взысканий простиралась свыше *двух миллионов*. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, — писал Сперанский, — не только есть истина, но — и это редко бывает — истина не увеличенная». Злоупотребления были так велики, что, по мнению Сперанского, всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». «При открытии злоупотреблений даже Цейер, человек с добродушным характером, — говорит г. Вагин, — при виде ненавистных беззаконий ожесточился, рас-

строил свое здоровье, сделался мрачным нелюдимом, стали опасаться за его рассудок». Положение Сперанского было тем тяжелее, что он видел свою невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Он старался по возможности облегчить это положение. «Ревизия Сперанского была более собственная, нежели формальная, — говорит г. Вагин. — Он отбросил всякие формальности. Жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что Сперанский решил исключить слово *взятки* из сибирской ревизии. Большую часть дел подобного рода он обращал в гражданские иски и приказывал удовлетворять обиженных. Словом, он прекращал множество дел домашним образом. Многих виновных он прощал и старался сохранить полную бесстрастность правосудия. В этом случае он часто выказывал даже великодушие и отрешался от того личного чувства и страсти, с какой часто совершаются дела такого рода». Напротив, эта роль по его личному характеру была неприятна. «Мое ли дело разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления?» — не раз с горечью

воскликает он в письмах к Столыпину. «По совести я никого не обвинял, кроме тех, кои попускали злоупотребления, — пишет он ему, — но по закону *все без разбора виноваты*, и список их по сие время по всем трем губерниям составляет уже около 150 человек»... «Если бы успех порученного мне дела должно было измерять количеством обнаруженных злоупотреблений, — писал Сперанский Гурьеву, — то было бы мне чем утешиться. Но какое же утешение! Преследовать толпу мелких исполнителей, увлеченных примером и попусцием главного их начальника! Дела сего начальства приведены теперь в такую ясность, что мудрено было бы их затмить».

В этом случае Сперанский хорошо понимал, что причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе, что злоба и преследование тут не помогут. Несмотря на то, что Сперанский множество дел разрешил сам, он должен был предать суду двух губернаторов, 48 чиновников, всех же замешано было 681 человек. Взыскания насчитывались до 2847000 руб. Все эти дела были представлены в Сибирский комитет; лица, участвовав-

шие в злоупотреблениях, были разделены на категории, но к более строгому наказанию были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрешены от должности и должны были удалиться во внутренние губернии, но и тут были сделаны исключения. Трескин лишен был чинов и знаков отличия.

Как ни могла казаться снисходительной подобная ревизия по своим последствиям ввиду огромных злоупотреблений, лоскутовских неистовств и т. п., но враги Сперанского в Петербурге находили ее жестокою. До какой степени, между тем, слабы были взыскания, видно из многих фактов, приведенных в материалах. Между прочим, Сперанский сделал сначала распоряжение обвиненных в злоупотреблениях и отданных под суд отдать под надзор полиции, но вскоре и это отменил. Геденштром, уволенный за взятки, снова поступил на службу. Лоскутов отпросился в Иркутск и жил свободно. Сперанский отдавал даже такие распоряжения относительно подсудности изобличенных чиновников: «Если казенный недостаток пополнен или достаточно обеспечен, оставить дальнейшее исследо-

вание, тем более, что при настоящем положении дел и при недостатке чиновников и употребить к сему некого». И действительно, многие замешанные в делах совершенно были оставлены без взысканий, а когда были получены сведения о наложенных взысканиях, то некоторые из подсудимых, как Геденштром, задали даже пирушку.

Что Сперанский не преследовал с особенной яростью мелких чиновников старого управления, это, конечно, могло объясняться только высотой его взгляда и пониманием, что всякие преследования тут будут бесполезны; но не может не показаться странным, что в своей ревизии и изобличении Сперанский преднамеренно обошел главного виновника — Пестеля, а Трескина не обвинил даже во взятках, несмотря на улики. «Дела могли ему доставить множество материалов для обвинения Пестеля не только в крайнем произволе, но и в недобросовестности пред высшим правительством», — говорит г. Вагин. Из писем видно, что Сперанский хорошо знал ту связь, которая существовала между Пестелем и Трескиным. Он знал, что все бумаги составля-

лись для Пестеля в Иркутске, что Пестель покрывал Трескина и был его участник. В одном письме он говорит: «Связь с Трескиным у Пестеля другого рода, чем служебная. Не верьте бедности моего предместника». О талантах Пестеля он отзывался презрительно: «Не только Сибирью, мне кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губерниею; это самая слабая голова, какую я когда-либо знал». При всех уликах, однако, Сперанский пожелал «сделать исключение из общего правила и не говорить ничего худого или, по крайней мере, молчал о своем предместнике», как он выразился в одном письме Аракчееву. Он сначала умолчал было об ответственности Пестеля в сибирских беспорядках; но доклад его был возвращен от государя с повелением постановить заключение и о Пестеле. Действительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, каким образом главный управитель в продолжение нескольких лет скрывал и перерешал дела сибирского управления во всех инстанциях, пребывая постоянно в Петербурге. Но здесь, вероятно, обнаружили бы тесные отноше-

ния некоторых лиц к Пестелю, как, например, Аракчеева, а это не входило в план Сперанского, видевшего для себя за ревизией новые поприща в Петербурге. Одной ревизии, как человек государственный, Сперанский не мог придать какого-либо значения в улучшении дел и прекращении злоупотреблений в крае. Представляя краткий отчет о своей ревизии государю в 1820 г., Сперанский говорит: «Но сии меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении их непрочны. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края свойственный»... «Ревизия есть дело временное, — писал он там же Голицыну, — и повторять ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны; но и люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут». После ревизии люди остались те же в Сибири; страна терпела недостаток не только в чиновниках честных, но вообще в чиновниках. «Здесь во-

прос, — писал Сперанский, — не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных»... «Я не могу даже составить своей канцелярии, — жаловался он, — и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника»... «У меня управление без людей, обширное производство дел почти без канцелярии», — прибавляет он.

У Сперанского было немного своих помощников, так как остальной штат управления некем было заменить после Трескина. Вместо Трескина назначен был иркутским губернатором вице-губернатор Зеркалев, «человек без больших способностей и даже малограмотный», «в бумагах он терпеть не мог кавык». После него был определен комендант Цейдлер, человек добрый, но по своим понятиям об управлении он, как все современники, скорее приближался к Трескину. Томским губернатором оставался Илличевский, при котором было открыто столько злоупотреблений; о способностях его Сперанский отзывался довольно презрительно. Тобольским губер-

натором считался 70-летний фон Брин. Про начальника Якутской области говорят материалы, что бескорыстие его было, быть может, *небезупречно*, но он оставался потому, что в те времена и долго еще после на этот недостаток смотрели сквозь пальцы, если только он не выходил из известных границ». Этого начальника, между тем, считали еще за дельного человека. Но в это же время оставались на местах и такие начальники, как управитель Охотского порта Ушинский, о котором в 1823 году отзывался Рикорд: «Ушинский во всех действиях своих руководствуется одною только властью начальника, не подчиняясь ни чести, ни совести, и потому решительно осмеливаюсь объявить свое мнение, что дальнейшее его управление Охотским портом противно человеческим и божеским законам». Сперанский должен был большинство чиновников, изобличенных во взяточничестве по суду, оставить на местах, потому что «некем было заменить». Несмотря на всю строгость ревизии в Иркутской губернии, Сперанский и здесь по недостатку в людях удалил очень немногих наиболее обвиняв-

шихся чиновников. В отдаленных местах он принужден был смотреть снисходительно даже на явно виновных в злоупотреблениях. Сперанский, сменяя и заменяя другими, приходил к необходимости призывать уже отрешенных за взятки только потому, что они иногда казались менее жадными тех, кого сменяли.

Характеристический анекдот по этому поводу приводит один из старожилов С.С.Щукин. «Сперанский, ехавший по Сибири в качестве генерал-губернатора в 1819 г., изумлялся неслыханным злоупотреблениям разных лиц, — говорит Щукин в своих записках. — Он отрешил первого исправника Зинова, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 руб., следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Сказывали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как *честнейший из исправников*, приехал в Иркутск, где получил новое назначение». Самым разительным примером недостатка в чиновниках, говорит г. Вагин, служит дело об определении исправ-

ника в Туруханск. Назначив следствие в Туруханске в первом проезде по Сибири, Сперанский отрешил бывшего исправника Стыртова. Вместо него Сперанский определил Корсакова. Этот Корсаков, явившись, дрался с крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнял требований следователя Осипова, посланного Сперанским, хвастался тем, что брат его служит правителем дел у Сперанского, притеснял Стыртова в сдаче дел, а сам не занимался делами. О нем писал Осипов, что «ни малейшей нет надежды, чтобы по строптивости своей этот исправник приобрел любовь инородцев»... «От него уже бегают, я уж не понимаю, на что он походит», — прибавляет следователь. Сперанский предписал Корсакова сменить и назначить опять Стыртова, уже смененного по ревизии. Пока дело шло, «человек, о котором говорили, что «он не знаю, на что походит», оставался на месте почти год после этого отзыва и заменен был не лучшим. То же самое было и с другими перемещениями. Чиновники не могли изменить своих привычек и воззрений и при Сперанском. «Нравственный уровень тогдашнего чинов-

ничества был невысок, — замечает г. Вагин. — Пример продажности подавали высшие чиновники; кроме того, у средних и низших были свои пороки: пьянство и разврат, сопряженные с буйным разгулом...» «Этих пороков были не чужды и некоторые из способнейших людей того времени, — прибавляет исследователь (Матер. Вагина. Стр. 140). — Но лучшим примером, до чего могли пасть нравы в среде сибирского чиновничества, служит опять рассказ Щукина об ожидании Сперанского. В важных случаях у Трескина собирались для совета исправники и главные лица управления. Перед приездом Сперанского на чрезвычайном конгрессе один из приближенных Трескина Третьяков предложил следующий вопрос Трескину: «А что, Н. И., Михайло Михайлович ест хлеб?» — «Как же, Алеша, не ест?» — «А если ест, то трудно ли будет с ним познакомиться? Пусть кум Андрей (один из исправников) даст столько-то, Евстафий Фомич (другой исправник) столько-то». Таким образом пересчитал всех, и решено было собрать, как тогда говорили, несколько сот тысяч рублей и поручить их Лоскутову под-

несть при первом вступлении Сперанского на границу Иркутской губернии».

При таких условиях ревизия осталась почти без последствий. Мы видим, что Сперанский и сам понимал, что без учреждений, без более удовлетворительного контингента чиновников, наконец, без новых «оснований» управления невозможно дальнейшее управление Сибирью. Совершив ревизию, он и считал свое поручение конченным. «Считая пребывание свое здесь временным, — писал Сперанский, — я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вещей порядке есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, с здравым смыслом на сие не отважится»... «К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего. Смею даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство решится к себе последнего доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства; а введение сие от меня не зависит», — так пишет он к Кочубею.

В плане Сперанского было, раскрывши бес-

порядки и злоупотребления в сибирском управлении, немедленно уехать из Сибири и участвовать только в составлении для нее нового положения и новых оснований управления. Но он был оставлен еще на год управлять Сибирью в качестве генерал-губернатора на старом положении. Лично для себя, как мы указали, он получил с горем новую отсрочку, приняв ее за немилость, но, кроме того, он понимал и всю трудность что-нибудь сделать здесь при прежних средствах. Как ни предполагают биографы Сперанского, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел, но сам Сперанский справедливо не предавал такого значения своему управлению. В этом смысле он делает следующие характеристические замечания насчет своего управления в качестве генерал-губернатора Сибирью:

«Какою волшебною силою человек, брошенный сюда из Пензы, — пишет он Кочубею, — без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никаких новых и значительных инструкций, мог вступить в

борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Цейером обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составленные, и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманых и привычкою скрепленных? Мы не в том веке живем, и Сибирь не тот край, где бы истина могла произвести сии явления! Как я могу управлять без моральной власти? Скажут — законами, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род очарования: надобно знать его меру, чтобы им пользоваться. Вопрос: кто наиболее всего пострадает от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, мне данная, будет пренебрегаема, в сем не могу иметь я ни малейшего сомнения». Таким образом, Сперанский, поставленный в прежнее положение правителей, сознавал полную невозможность управления краем. Он понимал, что злоупотребления и

при его управлении по-прежнему будут развиваться. Свои воззрения на дальнейшее управление Сибирью он откровенно высказывает в письме к князю Голицыну: «Когда все дела, порученные мне (то есть ревизия) окончены, мне остается влачить здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, — говорит он, — но не истребить, *ибо порядок управления, краю сему несвойственный, остается тот же*, исправлять я его не могу; люди остаются те же, переменить их некем. Я не могу даже дать движение суду над ними; ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течения дел». Таким образом, Сперанский был достаточно откровенен в этом случае, чтобы не закрывать глаза себе и другим, и не желал быть рыцарем, выставляющим личную борьбу с злоупотреблениями за их искоренение и прекращение, а своим предписаниям и цир-

кулярам придавать значение, как бы дела от этого изменились.

Управление его действительно ничем особенным и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода деятелей, не могла изменить порядок дел, и в общем влияние ее было не особенно заметно. Проявление злоупотреблений не прекращалось. «В то время, когда Сперанский преследовал прежние, — замечает справедливо г. Вагин, — под его управлением, под самой грозой его ревизии, почти в его присутствии совершались новые злоупотребления и возбуждали необходимость в новых преследованиях». Так же дело шло во все время его управления. Если чем могло отличаться его управление, то разве некоторыми попытками ослабить прежний административный гнет, мелочность прежней регламентации и предоставить более свободы обществу. В этом случае весьма любопытны следующие его взгляды на управление. Первым долгом он пытается загладить вековой разлад между обществом и управителями. Он пробует жить в мире с обществом. В раскрытии злоупотреб-

лений он обратился к гласности, к общественному мнению, и только благодаря этому мог открыть многие злоупотребления, покрывавшие Сибирь. Он пользовался помощью общества кабинетным, частным образом и сближался с ним для своих целей. Во время поездок он знакомится с купцами, мещанами, выслушивает крестьян и пользуется их мнениями. Материалы, ныне собранные, указывают, что и его законодательная деятельность не лишена была частного влияния. «Сохранилось предание, — говорит г. Вагин, — что в Иркутске Сперанский советовался о некоторых частях своего законодательства с известными лицами из местного купечества. Некоторые из купцов и мещан, бывших в киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составлении учреждения о киргизах». Этот дух его управления, а именно: при помощи сближения с обществом и установления с ним солидарности, конечно, был делом его личной тактики и не перешел ни в законы, проектируемые им, не мог быть и передан его последователям и наместникам.

Далее видно, как говорит г. Вагин, что «он был решительный враг того полицейского хватания, до которого были такие большие охотники многие администраторы не только его, но и позднейшего времени; он отнюдь не видел в стеснениях личной свободы панацеи против всевозможных преступлений». Действительно, в своих распоряжениях он постоянно умеряет пыл исполнителей, приученных прежними порядками не щадить личность и не церемониться с ней. Вторую чертою его управления было ослабление прежней регламентации, к которой так склонны были его предшественники. «Крутые меры, принятые Трескиным, — сообщает г. Вагин, — частью были прямо отменены Сперанским, частью значительно ослаблены». Мы говорили, до какой степени регламентация въелась в нравы сибирского управления. Крестьяне обращаются с просьбами к Сперанскому, чтобы их пощадили от планировки селений и обязательной постройки каких-то форменных колодцев с валом и колесом. Некоторые города просят дозволять им навозом укреплять берег, так как это было запрещено,

несмотря на то, что это было единственное спасение от разливов рек. Трескин отводил устье Иркута под тем предлогом, что река имеет «*неправильное течение*», и старался дать ей новое русло, но река держалась своего «*неправильного течения*» наперекор Трескину. Сперанский, конечно, был других взглядов на управление, чем Трескин и предшественники. Он административные задачи не низводил до архитекторских обязанностей, до насильственного «устроительства», до крашения заборов, ломки домов, как это делали другие, даже позднее Сперанского; с высоты своего поста не лез для вмешательства в городское хозяйство, не обирал и не разорял городских дум в пользу любимцев. Он предоставлял самому обществу вести дела свои.

Из его распоряжений и предписаний видно, что он был приверженец свободы торговли, и в этом случае был поклонник Смитовской[129] школы. Он издавал постоянно инструкции и правила, и предметом их было, как он выражался, «всемерно благоприятствовать всякому свободному движению торговли и удалить все препятствия, какие при

прежнем управлении нередко возникали из ложного понятия о ярмарках, о сборе ясака и тому подобных мерах». В Сибири относительно торговли с инородцами существовали до 1819 г. две системы. Одна из них была основана на опеке администрации над инородцем в предупреждение кабалы и злоупотреблений купцов ввозом к инородцам водки и т. п. Но при этом полиция и местные чиновники в ограждение инородцев от злоухищрений купцов сами принялись за торговлю и вели ее к общему благополучию — и охраняя инородцев, и не забывая себя. Другой системы домогались постоянно купцы в своих выгодах, и ее привыкли понимать под именем «свободной торговли». Сперанский склонялся к этой последней и особенно способствовал ее развитию, покровительствуя местным купцам. В этом случае было не только замечательно его управление, но взглядами этими проникнуто и составленное им положение, послужившее основой к позднему законодательству для Сибири. Меры эти замечательны были по одному, а именно: по результатам, какими они отразились в сибирской истории. Систе-

ма запретительная и опека над инородцем, как мы видим, привели здесь к тому, что чиновники захватили в свои руки торг и стали купцами. Что касается новой «свободы торговли» и покровительства торгога купцов с инородцами по идее Сперанского, то она казалась тоже не особенно выгодной. Некоторые купцы, пользуясь покровительством и отсутствием всякой защиты инородца, взяли себе целые местности, как Нерчинский край, на откуп, закабалили торговлей население и делали с инородцами и крестьянами, что хотели». Купцы закабалили в Сибири при помощи долгов не только крестьян, но и мелких чиновников. Злоупотребления их остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанском. В Якутске существовала та же система грабежа под видом торговли, и это тянулось до времен Муравьева[130] (то есть до шестидесятых годов). Многие администраторы позднее Сперанского поэтому должны были начать борьбу с этим злом.

Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Из этого видно, что как система

вмешательства, так и дурно понятая «свобода торговли» в Сибири при известных порядках вели одинаково к печальным последствием, а поощрения Сперанского «свободе торговли» только проявили другое зло, не менее опасное. Не изменялись и другие злоупотребления сибирского быта при Сперанском. Система казенных подрядов при Трескине, сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребления эти не уменьшались и после Сперанского. Реформа Сперанского ничего тут не сделала.

Собственно управление Сперанского в Сибири, как мы сказали, не могло ни принести заметных результатов, ни послужить к изменению дел. Управление это прошло поэтому незаметно: ни дух его, ни меры Сперанского, ни личные качества не были оценены и поняты в Сибири даже теми, кому он наиболее покровительствовал, как, например, торговым сословием. Сибиряки так приучились к регламентации, к вмешательству администрации, к «строительству» Трескина и ему подобных,

что невмешательство Сперанского в дела общества и его сознательное «*lassiez faire, lassiez passer*»[131] просто было объяснено ленью, неисправлением своих обязанностей и поставлено ему иркутянами в вину. Трескин же, наоборот, превознесен за его распорядительность вместе со своею системою. «Трескин был прекрасный распорядительный начальник, — говорят старожилы Иркутска, рассказы которых помещены при материалах г. Вагина. — Трескин все-таки *хозяин* был, *административный* человек. Он город устроил, ведь это все, и улицы, и... все это Николай Иванович. До него — стыд сказать — «отходы» на улицу были. Братские даже, — на что уж! — и тех пахать заставил. Словом, он ввел всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были хорошие, и *заседатели...*» «Трескина я глубоко уважаю, — говорит другой. — Это был *гениальный администратор*». В этих отзывах извиняют даже деспотизм и взяточничество Трескина. Лоскутов, по мнению современников, был *тоже отличный администратор*. Он устроил нижнеудинские поселения, и тут же приводят рассказ в доказательство его спо-

способностей, как он учил поселенцев, «спарывая всю шкуру с головы до пяток»... «Сперанский же *не был администратором*, — прибавляет тот же мудрец-старожил. — Он был только умный человек на бумаге». Так управление Сперанского было понято современниками, выдрессированными Трескиным.

Об управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существовавшей обстановке, без солидных учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотреблениях исполнителей он и не мог произвести существенных изменений в ходе дел сибирской администрации. Как мы видим, он сознавал это и силился даже разъяснить другим, разрушая иллюзию, будто *одна его личность* могла что-либо сделать.

Составлением Сибирского учреждения [132] Сперанскому выпадало на долю рассечь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и раз и навсегда прекратить постоянно возникавшие беспорядки и злоупотребления в Сибири. Но в силах ли он был это сделать?

Управление Пестеля и Трескина отражало только вековой режим сибирской администрации. Таким образом, чтобы искоренить неудобство и беспорядицу управления, необходимы были не частные, а общие меры. Ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени, не помогла, как не помогало прекращению злоупотреблений его управление. Средство оставалось одно: создать новые основания управления, уследить причины зла. Общие недостатки сибирского управления состояли в самовластии, бесконтрольности, беззаконии и личном произволе, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство сыздавна сознавало, что управлять этим новоприобретенным и отдаленным краем на общих основаниях не было возможности, а потому давно старалось создать в нем особенный порядок управления, свойственный местным условиям. Попытки эти проходят через всю историю Сибири. Когда-то при воеводском управлении был учрежден в Москве особенный «Сибирский приказ», которому воеводы были обязаны отчетом и который был вроде колониального департамента.

С 1708 г. по 1764 г., то есть с Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившие в Тобольске. Вся Сибирь называлась сибирской губернией и имела пять провинций. В состав ее управления входили не только Сибирь, но и часть нынешних Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Этим огромным районом заведывал один губернатор с огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому из губернаторов князю Гагарину, создавшему из себя сибирского вице-роя. Губернаторская власть после Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тем, устроена была военная омская линия с особым начальством, и к России присоединено было новое инородческое царство в лице киргизов. Тогда, при Екатерине, вздумали и в Сибири устроить особое наместничество. Екатерина видела в Сибири обширную инородческую колонию и решила дать ей права подчиненного царства. Она принимает меры в улучшении быта инородцев, водворяет покровительство торговле бухарцев, обещает из них создать особую торговую думу для целой Сибири с де-

лопроизводством на бухарском языке, уничтожает казенные монополии, наконец, наименоывает Сибирь «царством», дает ему особый герб с двумя соболями и чеканит особую сибирскую монету. В Тобольске символом царской власти, под покровительством которого считается это инородческое царство, поставлен был трон, на котором сибирский наместник принимал свидетельство верноподданства от хана средней киргизской орды и остяцких князей. Конечно, было странно видеть, что край, все более и более заселяемый русскими, вдруг как бы обратно назван был инородческим царством, с предоставлением особого покровительства и даже автономии инородцам. Но это объясняется не столько тем, что Екатерина Великая хотела обратить Сибирь в первобытные формы татарского царства, сколько ее реформаторскими планами, которые она имела в виду относительно целой России и которые не могли не коснуться и Сибири. В этом случае она скорее пробовала здесь создать нечто вроде отдельного и местного управления наподобие колониальных европейских правительств.

План этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, зато от него осталась в Сибири обширная наместническая власть. Уже первый наместник вместо того, чтобы стоять на ступеньках трона, учрежденного в Тобольске и напоминавшего власть одной монархини, взобрался сам на него и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство; то же произошло и в деле управления. Наконец, в 1799 г. наместничество было отменено в Сибири, и трон отправлен в Петербург, а Тобольская и Иркутская губернии восстановлены в прежнем виде. Нечего говорить, что ни наместничества, ни губернаторства не могли вполне обеспечить хорошего управления. Уже иркутский наместник Якоби попал под суд, за ним Леццано, наконец, последовали ревизия Селифонтова и смена последнего. Мысль устроить в Сибири порядок управления, отдельный и сообразный с ее положением, высказанная при введении общего управления в 1775 г., снова повторилась правительством в инструкции Селифонтову. «Сибирский край требует изменения как в разделении его, так и в самом образе управле-

ния особенного постановления». С этой целью и был послан Селифонтов «для личного обозрения, собрания сведений, — как говорила инструкция, — статистических, географических и камеральных, и основания на самых достоверных сведениях разделения и порядка управления краем». Самое управление Селифонтову поручалось с временною целью, «прежде, нежели будут приведены к концу все предположенные к лучшему его образованию меры». Наконец, в 1803 г. учреждение комиссарств было предтечею более общих преобразований, причем опять упомянуто, что эта мера применяется «прежде — пока можно будет составить полное образование края».

Даже во время генерал-губернаторства в Сибири Селифонтова и Пестеля мысль об издании новых правил для управления Сибирью не оставляла правительство. По сибирским делам был учрежден особый комитет, подчиненный комитету министров. В 1814 году сибирскому генерал-губернатору предлагалось дать новую инструкцию. В 1816 году было предположено восстановить в России на всем пространстве наместничества — ко-

нечно, в этот план входила и Сибирь. Вероятно, в то время таким образом выражалась мысль о децентрализации. Сведения и материалы, в видах составления нового особого положения для Сибири, продолжали собираться и при Трескине. Правительство не могло только приступить к преобразованию сибирского управления, отвлекаемое войнами 1812–1814 годов. Несмотря на то, в видах удобства местного управления и быстрого решения дел правительство делало постоянно частные изменения в сибирском управлении, между прочим, предоставляя главным администраторам особые уполномочия. Это дало повод последним самим хлопотать об увеличении власти. Таковы, собственно, были особенности в основаниях сибирского управления в эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но в конце управления Пестеля взгляд правительства изменился: оно должно было усомниться в пользе увеличения этой власти, и министр Козодавлев выразил в своей записке решительное мнение против такого порядка. «В первое время открытия беспорядков в Сибири, — писал он, — они были приписыва-

емы слишком ограниченной власти начальников, а потому она была усиливается постоянно и всегда, как новые и сильнейшие беспорядки открывались». Таким образом, явилось вновь сознание о необходимости ограничения власти правителей. Мысли эти высказаны довольно определенно в проекте министра внутренних дел Козодавлева, который обыкновенно ставят в параллель с проектом Сперанского. Рассматривая причины существовавших беспорядков, Козодавлев приходит к заключению, что для предотвращения их возникновения «необходимо начертать более сообразное с местными условиями управление». Проект его заключал следующие основания: «не распространяясь в исчислении всех зол, происходящих от самовластия местных начальников, — пишет министр, — мне кажется, что власть их должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учреждение верховного в сибирских губерниях правительства совета или комиссии, частью определяемых из чиновников от правительства, частью избираемых из тамошних жителей разных сословий, может одно огра-

ничить власть начальника, который, как председатель сего места, имеет только перевес в случае равных голосов. Впрочем, в случаях, чрезвычайных и по делам, времени не терпящим, главный начальник может дело остановить или приказать исполнить без отлагательства, невзирая на несогласие совета, но в ту ж минуту без малейшего промедления он должен сообщить об оном тому министру, до части которого производимое дело касается». «Кроме того, — прибавляет Козодавлев, — мне кажется, что при ограничении власти местного начальника бесполезно будет усилить и власть магистратов и городских правлений. Магистраты городов остзейских губерний доказали и доказывают пользу, каковую они принесли и приносят промышленности, торговле и вообще образованности жителей тех губерний». Таковы были мысли министра, высказанные в заседании комитета, которые он предполагал положить в основание реформы и передал Сперанскому.

Что касается мнений Сперанского, то после совершенной ревизии он видел также необходимость произвести коренную рефор-

му сибирского управления согласно местным условиям края. Он сознавал, что управление на общем положении при отдаленности Сибири невозможно, и требуется создание особых оснований. «Если бы расстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными переменами, но Сибирь требует общего и совокупного во всех частях образования», — писал он, обзрев сибирские порядки. «Она не может быть управляема, как Новгородская и Тверская губернии, между тем настоящий порядок и правила одинаковы», — присовокуплял он в письме к Кочубею.

Трудность административных задач в Сибири состояла в том, что здесь не прилагались, не прилаживались вовсе те начала управления, которые проектировались в других областях, порождая совершенно иные результаты. Здесь не удавалось управление ни на общем основании, ни на особенном. При том и другом порядке являлись особого рода неудобства. Если при одном порядке страна терпела от самовластия при увеличении власти, которая предоставлялась местным на-

чальникам для скорейшего решения дел, то, с другой стороны, замедление дел и зависимость их от дальних центральных учреждений приводили в Сибири к другим затруднениям. Решения дел или каких-либо необходимых для края распоряжений приходилось ждать по нескольку лет; так, раз пришедший груз в Камчатку со съестными припасами должен был дожидаться разрешения о принятии их из Петербурга. Дела уголовные длились десятки лет. Таким образом, усиление власти и предоставление ей значительных полномочий поселило произвол, а уменьшение власти и подчинение хода дел отдаленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края. Одни меры парализовали другие; сибирское управление требовало, между тем, местного управления со всеми гарантиями от произвола администрации. Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории. Эти задачи должно было разрешить и примирить Сперанско-

му.

Сперанский хорошо видел, что доселе управление Сибирью основывалось на личном доверии к администраторам и что их власти не было положено оснований. Он поставил целью поэтому сибирских правителей подчинить законам и сделать орудием правительства. Но само ограждение законами не могло достигать цели, по его мнению, без особых прочных учреждений, могущих следить за этой властью. Самые лучшие начальники, предоставленные себе, могли ошибаться. Вот что чрезвычайно справедливо высказал он по этому поводу: «Если бы личная власть в Сибири, — говорит он, — предоставленная до 1819 года бывшим в Сибири главным правителям, и ограждалась подробными и самыми верными правилами, то и тогда, быв удалена от надзора и не имея вокруг себя ни преграды, ни предостережения, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным свойствам тут не защита, ибо в самовластие впадают постепенно, нечувствительно и не всегда с худым намерением. Напротив, при намерениях самых лучших, по самому усердию

к добру и желая дойти к нему кратчайшею дорогою или избрать решительнейшие меры, увлекаются в заблуждения, сперва для сокращения нарушают формы маловажные, потом идут к важнейшим, наконец, касаются и сущности дела и, таким образом, поступая всегда по добрым побуждениям, ниспровергают порядок, и, действуя по совести, действуют противозаконно». Главною программю и целью своей реформы он поставил поэтому: 1) преобразить личную власть начальников в установление и, соединив единство ее действия с *гласностью*, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами; учредить ее действия (то есть распоряжения), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усилить надзор, собрать раздробленные и бессильные его части в одно *установление*, и таким *учреждением* заменить, с одной стороны, удаленный от Сибири надзор высшего правительства, а с другой — недостаточный надзор общественного мнения; 3) разделить и определить те административные функции, которые были прежде смешиваемы в разных учреждениях;

4) привести в согласие все части управления; 5) приспособить управление к особенному положению тех сибирских областей, которые при огромном пространстве имеют весьма мало населения; 6) ввести простоту и удобство обрядов в видах успешности и быстроты разрешения дел.

Как ни были благонамеренны и соответственны обстоятельствам эти цели, но, конечно, при всяких благих намерениях важнее всего их выполнение. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанский стремился осуществить их? Имея в виду содействовать быстрому разрешению дел на месте и учредить контроль в сибирском управлении, Сперанский проектировал составить отдельное высшее управление для Сибири. Он предложил образовать в каждой части Сибири «главное управление под председательством генерал-губернатора»; главное управление должно было служить и высшим правительственным местом в Сибири. Генерал-губернаторская власть являлась исполнительной, она составляла только часть установления. Деятельность ее состояла только в надзо-

ре и исполнении. Таким образом, он проектировал ограничение власти и специальное ей назначение. В помощь генерал-губернаторам учреждались советы из чиновников местного управления и частью от министерств: «Мнение этого совета необходимо во всех важных предметах, присвоенных совету». *«Но мнения совета без утверждения председателя недействительны; члены совета не могут остановить исполнения, но они имеют право неприятое мнение представлять высшему начальству».* Роль советов была *совещательная*. Подобные же советы устанавливались в помощь губернаторам из чиновников главного управления по губерниям и окружные советы у окружных начальников.

Таков был план, на котором построено сибирское учреждение. План этот основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений другими. «Введением коллегиального управления, — говорит г. Вагин, — Сперанский имел в виду предохранить власть от ошибок и увлечений. Но это *нисколько не ослабляло*

исполнительной власти, от нее зависело, принять или не принять мнение совета. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имевшего в виду разом соединить и *ограничение*, и *независимость* исполнительной власти, то есть два противоположных начала. Присоединение советов к тому же не было собственной мыслью Сперанского. Еще в проекте наместничеств в 1816 г. предлагалось по всей России учредить при наместниках советы с правом совещательного голоса; в записке Козодавлева упоминается о применении совета собственно к Сибири. Самый совет притом у Козодавлева имеет более широкую программу, чем у Сперанского. Учреждение советов имело разительное сходство с теми учреждениями, которые Сперанский приводил в действие в первую счастливую эпоху своей деятельности в министерствах». Насколько они близки были этим учреждениям, по мнению Корфа, далеко не удавшимся и не соответствовавшим первоначальным планам Сперанского, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общего управления, с этим нельзя не согласиться, по-

тому что главное управление Сибири было сколком с обыкновенных губернских правлений, введенных в России с некоторым выделением совета и правом обсуждать только дела в большем размере. Точно так же они соответствовали и принятому принципу коллегиального порядка обсуждения дел в присутственных местах, принципу, существовавшему довольно давно и, как видим, не раз предлагавшемуся. Если чем и отличались проектируемые для Сибири губернские и главные управления с советами, состоящими в подчинении у губернаторов, то очень незначительно от прочих присутственных мест в России; принципиального же различия между ними не было. Сперанский старался примирить неудобства сибирского управления соединением коллегиального порядка с единоличным и гарантировать обыкновенной комбинацией при помощи зависимости одних чиновников от других.

В общем изменения и проекты Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко в комитете и

разномыслия здесь были незначительны, исключая его проект об освобождении подзаводских крестьян, что и было отклонено. Но Сперанский почему-то боялся, что его проекты и в этом виде не пройдут. Это дает повод г. Вагину задаться вопросом: вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены или были значительно изменены? «Некоторые сибирские старожилы, — отвечает г. Вагин, — рассказывали нам, что изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта, что в последнем, например, был дан простор выборному началу, которого вовсе нет в утвержденном учреждении, что сибирскому управлению предполагалось дать устройство, гораздо более свободное от централизации, что в Сибири предполагалось учредить особый департамент сената и т. п.». Некоторые из этих рассказов могли быть вымышлены, но другие согласны с мнением Сперанского, говорившем «о силе» своих предположений. Это дало повод заключить, что проекты Сперанского были увезены вчерне и что он «*по обыкновенной своей уступчивости*» решился

переделать их в Петербурге, видя невозможность провести их целиком. Из материалов, биографий, сведений и писем Сперанского ныне ничего, однако, не подает повода заключить, что его проекты были изменены. Опасался же Сперанский, вероятно, того, что вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты. Такое объяснение гораздо проще.

Как бы то ни было, из всех этих предположений видно, что новое учреждение сибирского управления не удовлетворило ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены. Учреждение это обвиняли в том, что оно ведет к последствиям, совершенно противоположным, чем было высказано в программе, начертанной на основаниях. Наконец, ставили в вину, что проект Сперанского основан был на одном бюрократическом начале. Обвинения эти раздавались как из лагеря консерваторов, недовольных заменю старого режима бюрократическими формами взамен приказного произвола, так и людьми, ожидавшими от Спе-

ранского большей реформаторской инициативы. Один из противников сибирского учреждения Геденштром замечал при его введении: «Сперанский должен был восстановить в Сибири действие законов и с ними навлек гибель на Сибирь, потому что исполнителями законов стали чиновники, чтящие только удовлетворение своей прихоти и корысти...» «Вместо общего железного века учреждение ввело бумажный, увеличив до крайности письменное производство». «Власть генерал-губернатора только по видимому ограничена советом, в действительности все дела решаются по его произволу». Такие и подобные отзывы раздавались об учреждении. Но мы остановимся на более современной критике сибирского учреждения, принадлежащей добросовестному исследованию г. Вагина.

«Сибирское учреждение имеет другие, более очевидные в наше время недостатки, возбуждает другие, более серьезные вопросы, — говорит он. — Первым условием программы Сперанского были гласность и публичность действия власти. Но именно этого условия и

не выполняет учреждение. Оно замыкает деятельность власти в тесный круг канцелярий и присутствий и тем самым налагает на нее характер бюрократизма, а не гласности и публичности. В сибирском учреждении нигде не постановлено того, чтобы постановления советов обнародовались во всеобщее сведение. Слова программы о публичности и гласности действий власти остались без всякого приложения в самом законе. При отдаленности правительственного надзора, при слабости общественного мнения недостаток публичности и гласности давал исполнителям возможность обходить и даже прямо нарушать его без опасения, что такие поступки их получат полную известность», — замечает г. Вагин.

Другой важный недостаток составляет, по мнению г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую по учреждению Сперанского представляет организация местных советов. Членам советов предоставлено важное право — право и единоличного, и коллективного протеста; но члены советов, хотя высоко поставленные в составе местной администрации, находятся в прямой зависимости от гене-

рал-губернатора или губернатора и потому не могут с полною свободой употреблять свое право протеста. «Всякий дорожит своим местом», — справедливо замечал Геденштром. Притом само право протеста было весьма ограничено. К тому же можно было всегда обойти протест и принять самую противозаконную меру, не внося ее в совет. По делам же, лично зависящим от начальника, право протеста вовсе не имеет места, и произвол может царить во всей силе. Таким образом, самое главное установление, на котором созидалось управление, не достигало своей цели [133]. Сибирское учреждение, кроме того, было составлено «наскоро», присовокупляет г. Вагин, и, ясное и понятное лишь для самого Сперанского, оно оставляло широкий простор для произвольных толкований другим.

Мало того, в своем проекте о сибирском управлении Сперанский не только не был прогрессивнее других, но стоял даже ниже в своих требованиях других государственных людей. Указывая главные и существенные недостатки в проекте Сперанского, г. Вагин говорит: «Невольно является вопрос: почему

Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева — ввести выборный элемент в высшее сибирское управление? Ему были известны личности, совершенно способные для выборов в этом случае, довольно недюжинного ума и порядочно образованные для того времени. Вероятно, он поразился, — говорит г. Вагин, — тем безмолвным, порабощенным состоянием, в каком даже ныне находятся служащие по выборам во всех смешанных учреждениях. Эта зависимость объяснялась, однако, очень просто как положением городских и сельских обывателей в общей лестнице условий, так и их невежеством». Но недостатки эти, по мнению г. Вагина, были исправимы. Тем не менее, участие выборных лиц, присовокупляет он, в местных главных советах могло быть устроено и на лучших началах. При хорошей организации выборов могли избираться лучшие люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положению. Так как таких людей требовалось бы немного, то и выбор их не был бы особенно затруднителен. Если бы даже большинство их и предавалось обычной на-

шей апатии к общественным делам, то из среды их могли время от времени выдаваться личности, которые вполне сознавали бы свое назначение и выполняли его с энергией и достоинством. Появление таких личностей в кругу зависимого чиновничества, участие их в делах и влияние их приносило бы несомненную пользу. Во всяком случае, участие выборных и в известной степени независимых лиц в высшем управлении страной служило бы обеспечением против произвола и — что еще важнее и что принесло бы положительную пользу — участие людей, близко знакомых со страной и тесно связанных с ней своими интересами, могло помогать высшей администрации в знакомстве с положением и нуждами края, особенно в экономическом отношении. По всему этому нельзя не пожалеть, что Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависело от него, а не от обстоятельств.

Из материалов видно, что проект Козодавлева был известен Сперанскому, что доказывается письменным ответом на записку его. «В теории я совершенно встретился с ва-

шими мыслями, — писал Сперанский, — *на практике — не знаю*, но употребляю все усилия согласить их». Но, вероятно, в это время убеждения Сперанского вообще не особенно клонились к выборному началу. Из его управления в Сибири видно, что он подавил и уничтожил его даже там, где оно существовало прежде, как в городской и земской полиции. «Сибирским обывателям выборы нередко *обременительны*», — писал он в сибирском положении. Подавление выборного начала было тем губельнее, что общество лишалось последней силы и средства защиты. Один из иркутских старожилов Н.П. Булатов говорит, что «купечество до Трескина было так сильно, что пять или шесть губернаторов сряду были сменены по их жалобам». После террора Пестеля и реформы Сперанского городские общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Меры его были совершенно противоположны в это время мыслям Козодавлева о значении выборного начала в городах.

В своем проекте, как видим, Сперанский не решился ввести в советы даже других

должностных лиц, кроме занимающих уже известные должности на месте. Совет предполагалось составить из губернатора и председателей губернских мест. Эти недостатки сам Сперанский признавал и делал такие объяснения в своем отчете. «*Правильнее* было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но, *во-первых*, составить его из дворянства и купечества невозможно потому, что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества; *во-вторых*, составить совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях. Впрочем, когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее придут в большое движение и доходы умножатся, тогда можно будет составить совет главного ее управления из людей *высшего сословия*, сие не сделает существенной перемены в предполагаемом ныне учреждении». Такое поведение Сперанского в Сибири, не оправдавшее ожиданий, невольно возбуждало удивление исследователей, припоминая прежнюю роль его как реформатора, а потому стараются объяснить эту непоследовательность Сперанского только исключи-

тельностью его положения.

Исторические материалы указывают, что положение Сперанского в Сибири действительно не было спокойным и уверенным. Из писем к Кочубею видно, что во время отъезда Трескина он даже опасается, чтобы тот не вернулся в Сибирь, снова оправдавшись. Точно так же он знал, что Пестель в Петербурге имел связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанского и в Сибири, как видно из той же переписки. В Петербурге интриговали и старались уверить, что он даже «безбожник, не верует во Христа» и т. п., хотя Сперанский был религиознее врагов своих. В одно время нападает на него отчаяние и решимость выйти в отставку и ехать умирать в Пензу. Такое положение для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремлении во что бы то ни стало добиться приезда в Петербург. Стремления Сперанского в эту эпоху ограничивались, как видно, устранением произвола и взяточничества в администрации, что он думал сделать, замкнув деятельность администраторов в строгие формы и правила, ограничив их законами и взаимным

контролем. Он полагал, что «точно определенные правила для чиновников поставят оплат от злоупотреблений и неразумения». Проведение строгого коллегиального и канцелярского порядка составляло постоянный предмет его деятельности. Принимая во внимание, что такой порядок в свое время составлял замену староприказного произвола и продажности, мы должны признать, что стремления Сперанского были до известной степени прогрессивны. В голове Сперанского выработывался новый административно-бюрократический тип бескорыстного чиновника. Он стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

Достигло ли учреждение Сперанского всех целей, к которым он стремился? Установление Сперанского существовало около 50-ти лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты в Сибири, чтобы судить о нем. Придуманые Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничива-

ли власть отдельных начальников. Советы явились вполне им подчиненными и были только «ширмами для генерал-губернаторской власти», как выразился один из критиков позднейшего сибирского управления Дм. Завалишин в письмах о Сибири, в «Московских ведомостях» 1865 и 1866 гг. Генерал-губернаторская власть, по-прежнему усиливаясь и сосредоточивая в себе все части управления, понемногу воротилась к прежнему вице-царю, к прежней регламентации, а губернаторская власть или была бессильна против злоупотреблений, или относилась равнодушно к ним. Таким образом, план Сперанского в главных чертах совершенно оказался практически несостоятельным, он имел слабые гарантии, а потому и начал разрушаться при его преемниках. Правила, начертанные Сперанским, никем не исполнялись, и один путешественник в Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченнейшему в мире обществу. После Сперанского Руперт, управлявший Камчаткой, выразился, что он так связан, что может зла сделать сколько угодно, а добра несколько

(Sibirien, Kottrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину в бездеятельности созданных учреждений трудно сваливать на одного Сперанского: этому было много причин, а между прочим и кратковременность пребывания Сперанского; его личное влияние в Сибири не могло еще укрепить в народе чувства законности и независимости от произвола. Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как *все другие условия сибирской жизни остались по-старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанского и провести их в свою деятельность, а те, кто понимал их, искал только орудия для своих интересов. Многие из преемников и исполнителей плана Сперанского далеко не стояли на высоте своего призвания. По отъезде Сперанского явились наместники, которые стремились парализовать его план и действовать противно ему. Уже первый генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич (протеже Аракчеева) с самого поступления в это звание стал ниспровергать те правительственные начала, коих

введение и охранение составляло его обязанность. Вообще мы не ошибемся, если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение. Так, например, особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян даже никогда не были изданы. Степные думы, проектируемые для инородцев, должны были доставить самостоятельное управление, подчиненное только общим окружным управлениям, на практике же они подчинились земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений. Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнее. Права хозяйственного самоуправления, данные Сперанским иркутским казакам, были нарушены на первом же шагу и впоследствии постоянно нарушались. Заселение ссыльными Сибири и приучение их к оседлости согласно уставу о ссыльных, проектированному Сперанским, вовсе не удалось. Кроме того, начинали развиваться прежние порядки. После Сперанского усилилась центра-

лизация министерств и парализовала власть и самостоятельность местных учреждений; последние же, по примеру министерств, стремились усилить местную централизацию. Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединение различных ведомств. Искусственная регламентация снова входит в привычки администрации. Капцевич создавал военные поселения. В Западной Сибири делались попытки введения опеки государственных имуществ, отживших свое время во внутренних губерниях. В Восточной Сибири целые населения зачислялись в казаки, которые напоминали аракчеевские поселения, и снова стали нисходить до трескин-ского строительства и вмешиваться в мелочи городского хозяйства и архитектурской части. Одни украшали город, другие ломали дома, третьи проектировали увеселения, а главные задачи управления ускользали. Проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений. Таким образом, даже те слабые предположения и облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались. Мест-

ная администрация не улучшилась, и дела шли по-прежнему. Уже в 1827 г. накопившиеся злоупотребления вызвали вновь ревизию в Западной Сибири. Эта ревизия произведена была сенаторами князем Куракиным и Безродным, в 1846-м и 1847 г. обстоятельства вызвали ревизию графа Толстого в Восточной Сибири и в 1851 г. следовала третья ревизия члена государственного совета генерал-адъютанта Анненкова. Все эти ревизии, и особенно последняя, открывали полный беспорядок в Сибири и множество злоупотреблений. После этого понятны отзывы местных жителей, приводимые г. Вагиным о времени Сперанского: «При нем было получше — тише несколько, а там опять все пошло по-старому». С 1851-го и до 1881 г., в течение 30 лет, в Сибири ревизий не было. Между тем, нельзя не припомнить выражения Сперанского: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию». Понятны отсюда беспрестанно несущиеся из этого края жалобы, как и создавшаяся идея своего рода мессианства, господствующая в

сибирском обществе. Каждый приезд нового генерал-губернатора вызывает здесь сенсацию и ожидания, но надежды эти постоянно разрушались, и общество терпело разочарования. До последнего времени с отъездом каждого генерал-губернатора из Сибири открывалась та же картина беспорядков. Так было с отъездом графа Муравьева, генерала Синельникова и генерала Казнакова. В последнее 25-летие бывали времена полной распущенности и злоупотреблений, напоминавших время до Сперанского[134].

Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, не опытный в сибирских делах, перед кучею злоупотреблений, веками утвержденных, когда за рутину стоит весь подчиненный ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества? Генерал-губернатор Сибири не оскверняет себя взяткой, а любимцы его ведут интригу и подтасовывают назначения. Целый сонм исправников, становых, урядни-

ков, распоряжающихся по-своему, сильнее генерал-губернатора. Они делают беззакония ежедневно, ежегодно, в тысячах сел и деревень, без всякого опасения. Риск попасться — самый ничтожный: из сотни тысяч беззаконий донесется одно; да и попробуйте уличить, найти свидетелей для опытного «старого воробья», хитрого на увертки и казуистику! Сибирский заседатель и исправник привык схватить куш, а там хотя бы и под суд: он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем.

Прямой интерес местной бюрократии и политики ее состоит в том, чтобы предубедить приезжего начальника края против местного общества и населения, чтобы закрыть дорогу к жалобам и доступ к правде.

И этого не раз добивалось местное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь изобильна и пристрастна к «ябедничеству». Такая политика практикуется с Пестеля и Трескина в Сибири. «Ябедник!» Известно, что значит прослыть в Сибири ябедником: это то же самое, что доносчиком на начальство, протестантом, крамольником,

который нетерпим в обществе, и всякий поймет, чего это стоит при всемогуществе сибирской власти. Ябедникам угрожают острог и высылка в места отдаленные, и не раз сибирские челобитчики и искатели правды платились таким образом. Наконец, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается уверить, что сибирское общество незрело, недоразвито, невежественно, грубо, что ему требуются «ежовые рукавицы», и, таким образом, играя властью и огромными полномочиями начальника, созданными на страх ему, обращает его силу в другую сторону. Такое предубеждение и борьба с обществом внушались в Сибири самым лучшим сановником, приехавшим принести пользу краю. Что же выигрывала от этого власть в Сибири? Во-первых, она оставалась одинокою, разъединенною с обществом, которое жило само по себе и питало только страх к этой власти, не умевшей вникать в его нужды. Во-вторых, управитель Сибири чувствовал полное свое бессилие, находился без почвы и вне жизни населения. Испытав горечь уединения, убедясь в бессодержательности, притворстве и низости

чувств местной бюрократии, окружавшей его, он спешил, как Сперанский, поскорее оставить эту неблагодарную страну». До правительства доходили одни частные случаи; более общие понятия о положении дел оно могло иметь только из отчетов. Но отчеты составляли сами исполнители, и поверять их на месте было невозможно. Ревизии захватывали только один известный период времени, и по окончании их все могло идти по-старому. Общественное мнение если и было, то не имело для себя выражения. Многие вновь вводимшиеся законы ослабили впоследствии прежние учреждения, силившиеся ограничить генерал-губернаторскую власть, а других учреждений не вводилось. Самые существенные, самые полезные реформы прошлого царствования после освобождения крестьян, как новый суд и земские учреждения и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало изменению к лучшему сибирского управления, и недостатки этого управления столь явно ныне обнаружались, что, по мнению правительства, требуется вновь рассмотрение более удобных и сообразных с

местными условиями начал управления. В последнее время в печати вновь начали появляться мнения о необходимости реформ в Сибири. Неудовлетворительное положение дел в сибирской администрации выражалось в последнее время циркулярами генерал-губернатора Синельникова, точно так же публикуемыми распоряжениями генерала Фридерикса, указывавшего на медленный ход дел и другие беспорядки. То же обнаруживалось в Западной Сибири: тобольский губернатор указывал недавно на накопляющиеся дела в судебных местах.

Настоящее положение администрации характеризуется, наконец, следующими отзывами местных начальников губерний.

Вот как отзывается начальник Иркутской губернии в своем отчете о положении дел: «В административных и судебных учреждениях губернии целиком сохранились прежняя централизация, смешение власти, неравномерность в распределении труда и бедность его вознаграждения. Судебные учреждения страдают скоплением дел в судах первой степени, так что дела лежат по пяти и шести лет без

движения; судебная деятельность полиции характеризуется тем фактом, что из ста семидесяти одного уголовного дела, представленного на утверждение начальника, отменено в 1872 году — 100». О сельском правлении говорится следующее: «В волостных правлениях головы безграмотны, выправляют за них писаря. Делопроизводство в волостных правлениях громадное, выпускают до 20000 номеров в год исходящих бумаг; разнообразие обязанностей требует такой всесторонности, какой не может добиться от своих органов даже губернская администрация. Кроме того, приносятся жалобы на злоупотребления в инородческих управах». Все это может исчезнуть, говорит начальник, когда будут в Сибири учреждения, коими пользуется и европейская Россия. Сибирские же учреждения отжили свое время. Относительно сибирского общества делаются им следующие замечания: «Общественные потребности здесь не сознаются; нет крепко организованного общества, которое признавало бы свою солидарность и умело управлять своими интересами. Недостаток этот обнаруживается тем, что золотопромыш-

ленники жертвуют сотни тысяч на устройство театра, богадельни и юнкерской школы, а между тем никто ничего не пожертвовал на дело изучения причин эпизоотии и проч.» (Отчет начальн. Иркут. губерн. за 1873 год)

Точно так же характеризуется положение дел в Томской губернии: «Главный недуг судебных и административных мест в Западной Сибири заключается в постоянной медленности и накоплении дел, — говорит начальник Томской губернии, — что происходит от недостатка развитых деятелей. Местные учебные заведения хотя и выпускают каждый год известное число воспитанников, окончивших курс, но лучшие из них отправляются в университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяет потребности. Ожидать приезда на службу способных людей из внутренних губерний империи невозможно, потому что там представляется ныне более обширное, нежели в Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошем вознаграждении. В Сибири же штаты прежние и ограниченные: столоначальник губернского правления полу-

чает 285 рублей жалованья в год; помощник его — 215 рублей. Между тем, по нынешним ценам лакей уже получает 10 рублей в месяц, итого: 120 в год». Волостные правления, по отчету, не представляют ничего отрадного; волостное начальство безграмотно, фактически управляют ими писаря из мещан и других званий, например, из ссыльных, не связанные с местным обществом никакими интересами, часто безнравственные и заботящиеся только о собственной своей выгоде; отсюда растраты, причем писарь остается в стороне, а отвечают волостные начальники. Устранить это может единственно развитие грамотности и выборы из местных крестьян, говорит начальник края. Административный и судебный строй остается для Сибири тот же со времени Сперанского, то есть с 1822 года, прибавляет он, особенно судебные учреждения, несмотря на увеличение населения и переполнение края элементом ссыльных; поэтому ныне действующие учреждения не могут справиться с громадным количеством уголовных и гражданских дел. До сих пор принимаемые меры оказываются паллиативными, и

все вызывает необходимость судебной реформы в Сибири во всем составе (Отчет начальника Томской губернии за 1873 год). Подобные же отзывы мы находим о других областях Сибири. Наконец, это свидетельствуется и другими фактами: последнее время генерал-губернатор Казнаков застаёт Западную Сибирь далеко не в утешительном виде, как об этом писалось. Приезд его напомнил приезд Сперанского в Сибирь, жители осыпали его прошениями и жалобами. Во время его ревизии обнаружены многие злоупотребления и недостатки. Не вдаваясь в подробности, мы можем заметить, что настоящий момент во многом сходствует с эпохой, которую пережила Сибирь перед приездом Сперанского — так же чувствуется потребность перемен и обновления. Как тогдашняя Сибирь во многом отставала от России, так и нынешняя отстает и не похожа на внутренние губернии, живущие после реформ прошлого царствования другой жизнью. Эпоха, на которую простирались учреждения Сперанского, как видно, оканчивает свое существование и отжила свое время, а с этим вместе является к учре-

ждениям Сперанского более независимое и критическое отношение.

Как бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учреждения Сперанского, которое было и не вполне введено, тем не менее мы приходим к заключению, что основные цели его программы — контроль, гласность и «публичность» управления — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им. И ошибка была в принципе. Сперанский слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать сами учреждения. Он мало придавал значения общественному развитию и подготовке общества и администрации к той деятельности, которую должен был всегда иметь законодатель в будущем. В этом случае нельзя не согласиться с замечанием г. Вагина: «Но жизнь народа зависит не от одних учреждений административных. Она развивается под влиянием самых разнообразных условий. Эти условия иногда гармо-

нируют между собою, иногда противодействуют одно другому. От взаимодействия и противодействия их зависит большая или меньшая быстрота народного развития, то или другое направление народной жизни; но ни в каком случае народная жизнь не может зависеть исключительно от одного из этих условий. Учреждение страны именно только одно из условий народной жизни — правда, одно из важнейших, но во всяком случае не единственное. Невозможно приписывать одним только учреждениям успех или упадок народной жизни; можно только показать место, какое они имели в кругу других благоприятных и неблагоприятных условий. Степень влияния одних и тех же учреждений на народную жизнь может быть совершенно различна; здесь многое, если не все, зависит от обстоятельств». По этому поводу автор указанного сочинения о Сперанском старается обратить внимание на те элементы, из которых слагалась сибирская жизнь и общее ее течение под влиянием различных условий. Сибирь никогда не знала крепостного права; но, к сожалению, влияние и привычки кре-

постного права отразились и в Сибири — они выразились в самовластии и опеке, переносимых из России разными деятелями. «Права и быт людей, — говорит г. Вагин, — под влиянием таких деятелей изменились далеко не к лучшему, и нередко появлялось между ними то царство террора, к которому были способны только начальники, воспитанные в духе аракчеевских поселений или бывших кадетских корпусов». К числу важных, задерживавших развитие общества условий, кроме того, автор относит отсутствие и недостаток на месте образования. Народное образование шло здесь чрезвычайно медленно. Сельские училища, так сильно поддержанные Сперанским, были большею частью закрыты при его преемнике. В Западной Сибири только после 50-х годов сделаны попытки к учреждению этих училищ. Кроме двух гимназий, существовавших при Сперанском, только в конце 30-х годов была открыта третья гимназия в Томске и затем в 1869 г. в Красноярске. Число училищ осталось то же, какое было при Сперанском!

При Сперанском была мысль о высшей

школе для Сибири, мысль об университете, которая существовала еще с 1803 года, но не была решительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, в местной администрации этот вопрос долго игнорировался, хотя потребность просвещения все более росла. Отсутствие высшего учебного заведения в Сибири лишало администрацию возможности приобрести на месте свой контингент образованных людей. Сперанский писал, что учреждения без людей тщетны и что законы не могут исполняться без исполнителей. Недостаток людей он считал величайшим препятствием к осуществлению наилучших даже узаконений; Сибирь же должна была довольствоваться только приезжими образованными людьми. Сам Сперанский думал не только о юридическом образовании для местных деятелей, сколько о преимуществах для привлечения чиновников; так, он проектировал раздачу земель на выслугу, которая не повела ни к чему и благоразумно была отменена правительством. В первое время Сперанский замечал уже с горечью, что в Сибирь едут только «титулярные советники», то есть люди неве-

жественные, которые вследствие указа, изданного об университетских экзаменах, не имеют никакой надежды служить в России. Впоследствии также вводились различные привлечения на службу в Сибирь, как двойные прогоны и половина годового жалованья, но контингент чиновников не был удовлетворительнее. «Большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что Сибирь — «золотое дно», — говорит г. Вагин, — что в ней можно нажать службой лучше и скорее, чем в других местах торговлей. Все эти господа не имели ничего общего с Сибирью; им были чужды ее нужды и интересы; они не имели ни малейшего понятия о положении и учреждении края, которому намеревались посвятить свою деятельность, ни желанья принести этой деятельностью действительную пользу краю. Они заботились исключительно о своих личных целях, а эти цели нередко стояли в разрез с пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно с личными их выгодами; при этом у них не всегда доставало и уменья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами дол-

гое время наполнялась низшая администрация Сибири». Одним словом, в Сибири выразилось резко явление, известное в наше время под именем *ташкентства* и носившее свое местное название. Являвшиеся на службу образованные люди точно так же не могли дать прочного развития обществу, так как они приезжали на время и далеко не сливались с обществом, не составляли ничего с ним единого. В силу этого недостатка людей самые лучшие администраторы оставались одинокими и бессильными в борьбе с сибирскими беспорядками. В таком положении находились граф Муравьев-Амурский, Деспот-Зенович и мн. др., пробовавшие искоренять местные злоупотребления. Местные начальники жалуются на постоянный недостаток людей и на то, что истинно образованных лиц сюда привлечь трудно. При недостатке образования само общество грубело; оно не имело у себя никакой интеллигенции, не могло создать ни ученых, ни человеколюбивых, ни литературных учреждений, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общем невежестве не могло выработаться ни здраво-

го общественного мнения, ни чувства собственного достоинства. То, что в других местах ограничивало произвол или самовластие, здесь потакало ему. Самый состав общества в отдаленной Сибири, состоящий из торгового класса, подчиненных чиновников, бедных мещан, безмолвных крестьян и диких инородцев, не имел никакого настоящего значения и не мог противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрий Завалишин в «Письмах о Сибири» выражается, что магическое слово «острог» могло наложить в Сибири всегда печать молчания на местного обывателя. Правдивого слова поэтому не раздавалось, а общество искало задних путей, что способствовало как развитию злоупотреблений, так и понижению нравов. Подобострастие, грубая лесть невежественного общества была всегда к услугам самого маленького начальника в Сибири и баловала его самого, если он только не был достаточно от нее гарантирован собственным достоинством. Обеды, торжества и овации начальству, как пишет один турист, вошли здесь в приятную обязанность. Эта лесть деморализовала обе стороны. Сибирь-

ских начальников уверяли, что остяки, например, желают поставить монумент в честь их и собрали на это пожертвования, или что иркутские буряты назначили стипендии в иркутском благородном институте девиц и т. п., между тем как подобные оболъщения давали повод к новым поборам. При невежестве, при забитости жителей Сибирь оставалась страной безгласности. Если в России с реформами развивались новые требования жизни, гласность, общественное мнение, мешавшее злоупотреблениям; если русское общество освежилось при помощи многочисленных университетов, то в Сибири ничего этого не было, и она жила, полная дореформенных нравов.

Ко всему этому надо присоединить крайне ненормальные условия экономической жизни в Сибири, точно так же дававшие особое направление жизни. Откупа, золото, винокурение, монопольное пароходство, разные спекуляции в 30-х годах наполняют сибирскую жизнь и овладевают ею. Чиновничество не могло удержаться от общего натиска, оно пускается спекулировать. Уровень его бескоры-

ствия сильно падает. В сороковых годах администрация Сибири представляет множество слабых сторон, а предания сохраняют грандиозные подвиги сибирского чиновничества на поприще обогащения. Подле сурового генерал-губернатора Корчакова под боком являются чиновники, которые составляют громадные состояния спекуляциями. Советники губернских правлений пустились в золотопромышленность. Полицмейстеры и жандармские штаб-офицеры получали доход от тайной продажи и контрабанды золотом, как и поборами с золотопромышленников. Горные исправники приобретали по сотне тысяч, потакая злоупотреблениям золотопромышленников и откупщиков, даже волостные писаря от найма рабочих приобретали по 6000 р. годового дохода. Были уголки в Сибири, потонувшие в неимоверной роскоши, как Алтайский горный округ с горным чиновничеством, расхищавшие промыслы и богатства кабинета[135]. Разные монополии, откупа, золотопромышленность развивали частные злоупотребления. Золотопромышленность приобрела вскоре преобладающее влияние на

весь экономический быт. Вместе с ней развились спекуляция, развращение нравов, подкупы. Благодаря ей, с одной стороны, сформировалось могучее сословие монополистов, с другой — эксплуатация населения. В общем своем влиянии, привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитие в Сибири некоторых наиболее свойственных ей отраслей промышленности.

В стране не развивалось долго прочной заводской промышленности, зато как в стране, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой в кредит, в ней распространилась громадная зависимость крестьян и инородцев от торговца и кулака и все злоупотребления долгового закабаления, в которое поставлены целые области, вроде Березовского, Туруханского края, Забайкалья и других мест.

Особенно было печально положение инородцев, обреченных на притеснения, бедствия и, наконец, вымирание. Иностранческий быт представляет самую мрачную картину местной жизни, и борьба администрации против угнетения инородца до последнего

времени была бессильна.

Подобные условия, задерживая развитие края, отвлекают жизнь общества в другую сторону, покрывают страну злоупотреблениями и ставят затруднения для администрации. Общество здешнее требовало поэтому особенных забот о его воспитании, пробуждения в нем законности, нравственных чувств, солидарности и общественной деятельности в помощь администрации. А этого и не могли дать учреждения Сперанского, напротив, они сами постоянно парализовались общественной жизнью. Чтобы пробудить общество к жизни и призвать его к деятельности, необходимы были другие средства, о которых не думал Сперанский и мысль о которых, может быть, не созрела в сознании тогдашнего общества. Только в последнее время высказывается, что Сибири необходимы университет, земство, гласный суд, просвещение, развитие литературы и науки, открытие путей гласности и создание здорового общественного мнения, могущих двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что считал необходи-

мым министр Козодавлев и имел в виду для будущего Сперанский, всего легче может быть ныне выполнено при посредстве земства. Там, где администрация, как убеждает трехсотлетний опыт, употребляет тщетные усилия к искоренению злоупотреблений, естественнее всего обратиться к самоуправлению и дать больший простор ему, создав из него самый действительный контроль.

Что касается установления вообще новых взглядов Сперанским на страну, то мы видим, по крайней мере в первое время, — они не отличались ничем особенным; взгляды его во многом сходились даже со старинными воззрениями на Сибирь. В первое время он смотрел на нее, как на место, «пригодное только для ссылки, но не как на место для жизни и гражданственности, основанное на хлебопашестве и промышленности». «Сибирь — просто Сибирь», — писал он к дочери.

Впоследствии более ознакомившись с краем и особенно объехав юг Сибири, он несколько разубедился. В это время о юге Томской губернии он писал Гурьеву, как о «крае — благословеннейшем не только в Си-

бири, но и в целой России». «Природа его назначила к сильному и богатому населению, — говорит он, — металлы составляют только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутреннего его достоинства. Все почти роды хозяйства и в самом большом размере могут быть в нем устроены». Впоследствии точно так же он переменял и другое мнение, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными. Наконец, он выражал мнение, что «Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных соображений», и говорит, что он открыл Сибирь как Ермак, для России; конечно, он разумел под этим то, что он установил своим управлением на нее гражданскую точку зрения, но ознакомиться вполне с нуждами края он, конечно, не мог. К сожалению, лучшие взгляды и воззрения Сперанского не получили популярности и не прошли в общество, зато другие взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и после него по-прежнему «просто Сибирью». В сороковых годах думали даже, что Сибирь не может приносить никакой выгоды России, что все пространство от Алтая до Ледовитого

океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не иметь никакого ни промышленного, ни гражданского значения. Мнения эти, конечно, были в высшей степени странны относительно местности в 240000 кв. миль с разнообразным климатом и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многие нужды и потребности края при Сперанском еще не были выяснены. Так, Сибирь остается штрафной колонией. Благодаря штрафному назначению гражданственность сибирских областей надолго задерживалась; точно так же они не могли воспользоваться многими правами, доступными другим областям России: для ссыльных, конечно, не полагалось реформ. Только ныне, по мере развития гражданственности и с лучшим выяснением промышленного, экономического и политического значения этого края, устанавливаются на него более благоприятные воззрения. Вместе с тем и жизнь края выдвигает целый ряд местных вопросов о значении ссылки, о свободной колонизации, о соединении края с Европой железными путями, вопрос инородческий, промышленный, вопрос о развитии

сил края и пробуждения общественной жизни и т. д. Вместе с тем краю придается все более государственное значение. В деле культуры, цивилизации и торговли в Азии ему указывается уже теперь видная роль в будущем, точно так же, как широкое и богатое развитие в условиях его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанского. Нынешний законодатель и реформатор может стоять уже на другой точке зрения: то, что при Сперанском могло быть главным, то может считаться побочным, и наоборот.

Немудрено понять поэтому, что современные нужды управления, а также административная реформа в Сибири рассматриваются ныне несколько с иной точки зрения. Препятствием сибирским учреждениям с их сложным бюрократическим механизмом и генерал-губернаторской властью не приписывается более всеисцеляющая сила[136].

Все соображения по этому поводу заставляют ныне склоняться скорее за упразднение и в крайнем случае за уменьшение генерал-губернаторств на Востоке, чем за их поддержа-

ние. Сокращение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 году делает весьма видный шаг в управлении восточными областями и степями по преимуществу. От подобных сокращений выиграет только бюджет и ускорится проведение гражданских и культурных начал в жизнь населения. Что касается управления сибирскими губерниями Восточной и Западной Сибири, то, обладая русским полноправным населением, они не нуждаются более в «особенностях управления». Весьма продолжительный опыт доказал ясно, что такие особенности не послужили гарантией ни от злоупотреблений, ни от самовластия, напротив, сибирские генерал-губернаторы со времени Сперанского наперекор духу «сибирских учреждений 1822 г.» и существующему законодательству стремились расширить свою власть, сосредоточить подчинение всех ведомств и этим уничтожить всякий взаимный контроль и почву правильного развития законности. Во все время трехсотлетнего существования края не было обстоятельств, когда бы генерал-губернаторские уполномочия явились необходимыми. Все, что мы видим в

истории управления края, — это постоянную борьбу центральной власти с наместническими наклонностями, вице-ройством и закононарушениями местных управителей. Такова история генерал-губернаторств, начиная с Гагарина, Якоби и кончая игрою в честолубие позднейших администраторов. Многие деятели, знающие историю края, с упразднением генерал-губернаторств на Востоке предвидят устранение последних препятствий и противодействующих сил гражданским реформам в Сибири. Такая власть, по существу, не могла переносить каких-либо самостоятельных и огражденных законом учреждений, в том числе даже и «Нового городского положения». Вот почему общественный голос и высшая власть одинаково признают своевременность упразднения сибирских генерал-губернаторств. Из этого следует, что административная реформа в Сибири не может ограничиться в данную минуту одною внешностью и размежеванием районов управления. Вероятно, потребуются изменения по существу и замены старых учреждений новыми. В Сибири, как и везде, предстоит выделение воен-

ной власти от гражданской, которые ныне соединены в лице генерал-губернаторов и военных губернаторов, выделение функций суда от администрации, что может быть достигнуто введением новых судебных учреждений, уничтожение особенностей административного управления и введение общего положения по управлению губерниями с подчинением губернских учреждений министерствам, а не генерал-губернаторам, наконец, выделение от администрации дел по земскому хозяйству и призвание общественных и земских сил к содействию и удовлетворению насущных своих потребностей. Одно губернское управление мало принесет еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильна совладать с многосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравью, ни регулировать повинности. Это сознают хорошо сами местные администраторы, представляя единственным оправданием, что у них нет других органов, кроме заседателей и исправников. Таким образом, одна реформа гу-

бернской администрации немислима ныне без помощи других учреждений, общественных и земских. Это те самые органы, о которых мечтали Сперанский и Козодавлев. К введению тех же реформ в Сибири, какие введены в европейской России, теперь не может встретиться препятствий, принимая во внимание гражданское развитие населения, земскую силу его, податные обязанности, общественные повинности, которые несет местное население наравне с другими областями империи. Только при участии земских сил достигнется тот контроль в земском хозяйстве, к какому стремится сиздавна высшая власть, уничтожатся существующие злоупотребления и устранятся другие затруднения по управлению. Вместе с тем администрация будет иметь под рукою живую силу общества, а не мертвый механизм. Призвание этих лучших земских и народных сил на общественную арену, соединение общих усилий администрации и общества на благо и пользу населения будет единственным разрешением административного вопроса в Сибири. На Востоке по причине его отдаленности, отсут-

ствию контроля и согласия в деятельности администрации, при отсутствии связи приезжих чиновников с местной средою призвание общественных элементов может оказать услугу более важную, чем где-либо. Рядом с этим апатичное доселе к своим делам общество лучше научится понимать свои гражданские обязанности, пробудит в себе самодеятельность, уразумеет цель своего существования и в идее гражданского развития осуществит залог лучшего своего будущего.

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири

Х

Недостаток знаний при открытии Сибири. — Характеристика сибирского общества в XVIII ст. — Попытки просвещения в XIX стол. — Время Сперанского. — Ощутительный недостаток учебных заведений. — Умственный уровень сибирского общества и общественная жизнь городов. — Пробуждающаяся любознательность и стремление к образованию. — Возникновение университетского вопроса на

Востоке, его история и время основания университета в Сибири. — Надежды, возлагаемые на него, и открывающаяся лучшая будущность края.

Рост и развитие наших окраин должны были находиться в зависимости от распространения знаний, высоты культуры и вообще умственного прогресса русского населения. Если бы знания и наука одушевляли первых открывателей, если бы они обладали знанием природы, то борьба в девственной стране досталась бы легче и не стоила бы многих жертв. При помощи знания русские люди легче бы открыли богатства страны, сумели бы более воспользоваться дарами природы и создали бы цветущий культурный мир из мира пустыни подобно тому, как развивались многие европейские колонии. Нечего говорить, что Сибирь и наш Восток при больших средствах просвещения могли бы уподобиться если не Индии, то составить богатейшие по источникам дохода владения, население же на свободных землях могло бы достигнуть замечательного благосостояния. Но при завоевании Сибири славянская народность и русское

общество не могли выдвинуть просвещенные знаниями силы, потому что в самой России просвещение только что зарождалось.

Знание и наука совсем не участвовали в наших открытиях на Востоке. Открытие Сибири и знакомство русских с Азией далеко не походило на открытие Америки ни по своим побуждениям, ни по своим последствиям. Если открытие Америки было плодом пытливого знания, если оно сопровождалось переворотом в промышленности, дало толчок европейскому прогрессу и оказало влияние на всю мировую цивилизацию, то открытия русских в Азии имели сравнительно весьма ничтожное значение и оказали слабое влияние даже по отношению к России. Чтобы определить, насколько научные знания участвовали в открытиях, сделанных нами в Сибири, достаточно вспомнить, что ее завоеватели были простые казаки, невежественные простолюдины, а колонизаторами — «гулящие люди», промышленники и беглые крепостные рабы, точно так же, как достаточно вспомнить о степени умственного развития России в XVI и XVII столетиях. Значение открытий на Восто-

ке долго не сознавалось самим русским обществом. Открытия Дежневым Берингова пролива, Атласовым — на льдах севера, Поярковым — в Охотском море и Хабаровым — на Амуре не имели европейского значения до тех пор, пока они не были исследованы Берингом, Врангелем и другими. Не пытливый дух знания, не интересы мировой науки двигали нашими открытиями в Сибири; вторжение в нее было последствием безотчетной и слепой отвага, энергии, искавшей выхода из стесненных обстоятельств, в каких жил русский народ в XVI столетии. Большинство же дальнейших открытий и завоеваний наших в этом крае руководил дух наживы и погони за богатством. Торговые и промышленные люди в XVII и XVIII столетиях, выселившиеся в Сибирь, занимавшиеся здесь промыслами и торговлей, были также люди, совершенно невежественные; начало сибирским поселениям было положено людьми без всякого образования, неграмотными. Даже те из них, которые стояли во главе обширных предприятий, как Шалауров, открывший Таймырский берег, или Баранов, глава русско-американской ком-

пании, были люди полуграмотные и грубые. Что касается крестьянства, то, понятно, оно представляло темную массу и стихийную силу, двинувшуюся на Восток без всякого сознания своей роли здесь. Культурное развитие населения в XVI и XVII стол. соответствовало тогдашнему положению невежественной Руси. Оно с собой принесло земледельческий промысел, и это было все. Словцов прав, давая следующий отзыв о первых колонистах Сибири: «Они не принесли мастерств, кроме навыка срубить дом и заготовить упряжь да пахотные способы; женщины их умели только соткать толстый холст и сермяжное сукно для своего обихода». При своих убогих средствах переселившееся крестьянство, отделенное тысячами верст от остального русского населения, долго находилось в Сибири оставленным на произвол и на борьбу с суровой природой в лесах и тундрах.

Жизнь Сибири до начала нынешнего столетия и даже долее была жизнью страны невежественной и варварской в полном смысле слова. Искание и разработка сибирских богатств совершались слепо и наугад;

рудодокопы, открыватели золота и серебра, были людьми без всяких технических знаний. Эксплуатация зверя, мехов, рыбных промыслов и минеральных богатств была, по выражению одного историка сибирской культуры, историей расхищения естественных запасов природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждал любознательности в переселенцах; известно, например, что некоторые из них чертили самодельные карты, по которым составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелем; некоторые являлись знатоками трав, вроде Эпишева, составившего первый травник, и т. д., но эта любознательность, этот порыв ума к знанию замирали, не находя средств опереться на науку. Русские открытия в Азии и приобретение нового неизвестного континента не освежили русского общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизации и культуры Сибири, то она также в XVI, XVII и XVIII столетиях не отмечается ничем замечательным, в ней также не участвовало знание. Рус-

ский простолюдин колонизовал Сибирь наугад, без всякого расчета; он занял сперва север, захватил тундры и оставил в пренебрежении юг, который начал заселяться долго спустя. К тому же едва ли не большинство колонистов состояло из бродяг и авантюристов, которым казна должна была впоследствии подносить хлеб, чтобы они не умерли с голоду. Масса народа гибла и терялась по лесам, бросаясь наобум вперед; русские часто оставляли уже занятые земли, как, например, по Амуру. При невежестве населения очень туго развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекал нашего внимания. Торговля с Джунгарским ханством и Бухарою, достигшая значительных размеров в половине прошлого столетия, внезапно прекратилась в начале нынешнего. Владения на Восточном океане нисколько не способствовали международной торговле и не создали у нас торгового флота. Русские долго эксплуатировали инородцев и кончили их разорением. Перенеся колонизацию в Северную Америку и дойдя в своих исканиях богатства до Калифорнии, русские в самой Сибири до начала

нынешнего столетия не могли завести торговли с киргизскою степью. Они не сумели воспользоваться ни своим географическим положением, ни топографическими условиями, ни естественными произведениями богатого и обширного края. Гражданственность в Сибири туго прививалась, население росло медленно: только с половины прошлого столетия оно начало выходить из лесов. На всем пространстве Сибири были раскинуты только бедные остроги; как население было ничтожно, можно судить по тому, что к началу нынешнего столетия оно составляло миллион с небольшим, а на всем Камчатском полуострове считалось только две тысячи мужского населения. Русские переселенцы не оказали никакого влияния на инородцев в культурном смысле. Самой России Сибирь приносила менее пользы, чем можно было рассчитывать. По мере приобретений на Востоке на Сибирь возлагались пылкие надежды, но после первых увлечений авантюризма вслед за обольщениями и ожиданиями выгод явилось полное разочарование, бывшее результатом нашей культурной несостоятельности, и Си-

Сибирь сделалась надолго забытым и захолустным краем, судьба которого вызвала следующую характеристику местного историка Словцова: «Сибирь, как страна, заключала в себе золотое дно, но, как часть государства, представляла ничтожную и безгласную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столетия. Проводниками просвещения здесь в XVI и XVII столетиях могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, к сожалению, воеводы и служилые люди редко чем отличались от массы остального населения; в Сибирь их привлекала та же нажива. Что касается духовенства, то даже в прошлом столетии в Сибири еще встречается масса священников безграмотных. В XVIII столетии старых служилых людей сменили приказные люди и старые подьячие, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятий и знаний в тогдашнем сибирском обществе характеризуется следующими примерами: когда Петр Великий предписал сибирскому начальнику собирать для музеев всевозможные «раритеты» из области

сибирской природы, доставлять замечательные экземпляры местной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены в величайшее недоумение, не понимая, чего от них требуют. При Екатерине II хотели предпринять топографическую съемку, но в Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающих людей; местное начальство не могло доставлять самых элементарных географических сведений. Первое духовное лицо в Тобольске в начале нынешнего столетия, по свидетельству аббата Шаппа, не хотело верить, что Земля обращается вокруг Солнца. Не богаче была научными познаниями Сибирь и впоследствии: в 1840-х годах в Сибири был разослан местным начальством циркуляр, приказывающий разыскать и доставить где-то будто бы убитого царька соболей, который по величине должен был равняться, по крайней мере, слону.

Жизнь сибирских городских обществ в начале XIX ст. обрисована в последнее время местными исследователями Вагиным и Щаповым по мемуарам и запискам старожилов. По сказанию современников Трескина, в об-

ществе иркутском в конце XVIII и в начале XIX в. «была дичь совершеннейшая, образования не было почти никакого». И это свидетельство действительно подтверждается фактами. Кроме существовавших некогда навигацких школ, в Иркутске до начала XIX столетия не было никаких училищ. Только при содействии Трескина в 1816–1817 гг. открыто было по Иркутской губернии до 18 кое-каких приходских училищ; но до Сперанского да и после существование их было самое жалкое и шаткое. Крестьяне желали вовсе избавиться от училищ, «как от некоторой обременительной повинности».

Не менее равнодушно относилось к образованию и городское общество. Еще в 1821 году иркутский губернатор Цейдлер писал: «Чиновники здешние стараются только обучать детей своих грамоте и спешат записывать в канцелярскую службу для достижения скорейшего офицерского чина, и потому обучаются они плохо и поступают без сведений и малолетние на службу, и потому нет надежды, чтобы кто сыну своему предназначил трудный путь наук, и потому скоро развраща-

ются и делаются неспособными к прилежанию и занятию трудною наукою; купечество, имея в виду только приобретение богатства, ведет детей своих особою дорогою, приучая ходить с обозами, закупать в Якутске белку, лисиц, соболей, отвозить их в Ирбит, и оно довольно, ежели 14-летний мальчик преодолевает трудности дальней дороги». В Сибири есть целые волости, не умеющие ни читать, ни писать, и только немногие имеют понятие о том, что делается за их околицей.

Еще недавно в Сибири были безграмотные священники, отправлявшие службу на память. До какой степени распространены здесь суеверия, свидетельствуют следующие, опубликованные местной этнографией факты. Так, например, в дневнике Тюменцова, домашнего секретаря Трескина, а впоследствии члена совета главного правления, следовательно, самой интеллигентной личности по положению, под 1819 годом записано: «Мая 21 докладывано губернатору, что леший в старом генерал-губернаторском доме давил часового. Происшествие случилось пополудни в 6 часов. Солдат сказывал, что сначала приходи-

ли к нему военный офицер, потом старик, который попотчевал его табаком, просил сделать на караул, что часовой исполнил, но старик не был этим доволен и ударил его по щеке. Затем полезли из старика маленькие безобразные чертенята. Они напали на бедного солдата и издавили его, и он к вечеру отправлен в лазарет. Предание говорит, что в наместническом доме давно показывались разные привидения: то старик с тремя глазами, то волк с пламенною пастью, то криворотый паперец и т. п. В полночь отворялись двери, под полом брэнчали кандалы, выходил Леццано и проч. В мае же часовой от казначейства видел в старом наместническом доме носимую большую свечу с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе». Иркутская духовная семинария, этот единственный вертоград[137] высшей сибирской интеллигенции, как ныне, так и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направлению науки не имела и не могла иметь живого влияния на умственное развитие иркутского общества. Но все-таки в прежнее

время при жалком состоянии губернской гимназии, при отсутствии интеллигентного класса в обществе наиболее любознательные граждане иркутские, по-видимому, интересовались несколько и семинарским учением. Впрочем, и тут для них, кажется, только и были интересны какие-нибудь высокаторже-ственные выражения семинарских муз или описания каких-нибудь особенных случаев, вроде посещения семинарии сенатором и т. п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношение к действительной жизни в сибирском обществе в начале XIX века, разумеется, были немыслимы. Граждане иркутские тогда еще без разбору и с одинаковым вкусом читали как и условия оптимистиче-ские, так и кое-какие критические статьи раз-ных сочинителей. Они увлекались всяким за-бавным балагурством, всякими смехотворны-ми изречениями и потешными афоризмами, имевшими некоторую претензию на юмор или сарказм, всякими песнями и одами, отзы-вавшимися хотя бы самыми слабыми сатири-ческими тенденциями. Об общественной жизни городов Восточной Сибири историк за-

мечает, что в Западной Сибири, в Усть-Каменогорской крепости, общественная жизнь даже, как видно, была живее иркутской, а Усть-Каменогорск, надо заметить, походил на ту линейную крепостцу, которая описана у Пушкина в «Капитанской дочке». В самой столице Сибири, в Иркутске, в этом центре сибирской интеллигенции, общественная жизнь была так же дика, как и на далеких окраинах Востока. Н.П. Булатов, современник Трескина и Сперанского, характеризует ее следующим образом: «В старину, я помню, здесь в общественной жизни была совершеннейшая дичь. Разделение полов было чрезвычайное не только в купеческом, но даже в чиновничьем классе. Если вы только знакомый или даже родственник хозяину дома, но не близкий, то вы могли быть с ним тридцать лет знакомы и никого не видеть из его женского семейства. Бывало, соберутся на вечер, даже не на простой, а на парадный, с танцами; мужчины сидят в одной комнате, женщины — в другой, и никто ни слова: слышно, как муха пролетит. Начинаются танцы: кавалер с дамой двигаются молча, как марионетки. Вздумали вы пого-

ворить со своей дамой — слышите от нее односложные «да» и «нет», а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетушка подойдет к вашей даме и скажет: «Пойдем, Дуняша, пора домой». Вы упрашиваете, чтобы по крайней мере позволили кончить танец. Вам отвечают: «Нет, батюшка, нам здесь не компания». С приездом Сперанского общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли в нашу житейскую обстановку новый элемент. Разумеется, при общей покорности Сперанскому принято беспрекословно и это нововведение. Бывали и скандалы, не крупные скандалы, а так, разные недоразумения, скорее, следствие нашей дикости взглядов на все новое. С его времени мы стали видеть новых людей; а прежде бывало, если пройдет по улице человек с крестиком, то за ним, наверное, бегут ребятишки». Сам Сперанский в одном письме из Сибири к дочери так описывал специальный склад и характер сибирского общества: «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли, любо-

пытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования. Худое управление сделало из Сибири сущий вертеп разбойников. Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать. Мы впервые завели здесь общественные собрания, и на собраниях этих я, например, польский веду со старухой, одетой в глазетовую юбку и шушун и повязанной платком. У вас спектакли, а у нас своего рода маскарады: это сущая история всех наших диких костюмов. Тут китайцы, японцы, алеуты, шаманы и Бог знает, чего тут нет, и все одето с большой точностью. *Умного разговора в обществе почти нет никакого.* Я привык здесь к уединению, *не с кем слова перемолвить.* Словцов, один здесь умный и некогда острый человек, болен и стар: это потухающий огонек, который изредка только вспыхивает... Какое невыносимо тяжелое положение! Три почти года не слышать ни одной ноты, прибавь к сему — *ни одного почти умного слова,* три года ни разу с удовольствием не смеяться. Видел я

здесь на бале у тобольского губернатора и *женское общество, сурок да крот, да две-три набожные лани*». Таково было мнение первого образованного человека своего времени о сибирском обществе и его жизни.

При господстве эгоистических, кулачески-приобретательных и семейно-родовых интересов в сибирских городских обществах крайне недостаточно было развитие общественной солидарности, социального общежития. Например, о городе Нерчинске иркутский епископ Михаил писал в 1821 году: «Тамошние граждане *столь же несогласны в сердцах своих*, как дамы их рассажены на больших расстояниях, подобно гнездам луковинным». О жизни и физиономии Иркутска после Сперанского мы можем судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имеющемуся у нас в руках: «Внешность города крайне непривлекательная: ветхие дома выходили на улицу углами, иные задними, надворными стенами, иные полуразвалившимися сараями; неуклюжие и дырявые тротуары существовали только на двух улицах; берег Ангары, великолепный по своему местоположе-

нию, начиная от триумфальных ворот до сибирского дворца завален был мусором». Этот же путешественник передает свои впечатления, произведенные на него городом, так: «Я не слышал нигде ни одного музыкального звука, ни одной рулады вокального пения. Все было тихо, как в пустой храмине, только изредка в торговых домах звучали цепи сторожевых собак и раздавался тревожный набат поволотки[138]. Если случались запоздалые дрожки, то они мчались по пустой улице опроретью и моментально исчезали во дворе за массивными воротами. Потом снова воцарялась могильная тишина — и какая-то безотчетная тоска закрадывалась в мою душу». Практически-узкий и эгоистически-деловой характер иркутского общества довольно хорошо обрисован одним местным поэтом тогдашнего времени:

*У нас пока в Сибири два предмета:
Мозольный труд и деловой рас-
чет.*

*Всем нужен хлеб да звонкая моне-
та,
Так любознание кому на ум пой-*

дет?

Купец сидит, как филин, на прилавке,

Его жена чаек с кумою пьет;

Чиновный класс хлопочет о прибавке

И прочного гнезда себе не вьет.

Сегодня здесь, а завтра — за Уралом,

Кто нажился, тот едет генералом,

Кто не сумел, тот с посохом идет.

Коробочник несет ярмо торговли;

Его девиз: труды, а не обман;

Он тоже спит в тени наемной кровли,

Его приют — походный балаган.

Он тож глядит на Запад, как астроном,

Он бредит иль Десной, иль Волгою, иль Доном;

Там у него отчизна, там родня
(И это все понятно для меня).

Приказные с утра до поздней ночи,

С пером в руках, хлопочут лишь о

том,
Как свесть итог круглей и покоро-
че,
В своем житье донельзя уж про-
стом...
А тот, кого судьба облобызала
И гнездышко птенцам его свила,
Гласит: не нам учить себя снача-
ла,
Молоденьким та очередь пришла.
Сумел нажить с немудреньким
умишком
И пенсию, и пряжку, и почет,
И кое-что в наследство ребятиш-
кам —
Концы концов! Закончен наш рас-
чет...[139]

Среди отсутствия всяких умственных и об-
щественных интересов местное общество,
прилипши к своему старому образу жизни,
прожило десятки лет как улитка в раковине.
Его не возбуждали ни интеллектуальные, ни
литературные и эстетические потребности.
Путешественники, как Шатт, Паллас и дру-
гие, отмечают эту жизнь безобразными куте-
жами. Одна туристка рассказывала, что, оста-
новившись в сибирском городе, она увидела

музыкальный «орган». «Что это, у вас играют?» — спросила она. «Нет, испорчен, не играет». — «Отчего?» — «Да в него шампанское лили». Оказалось, что перепившиеся гости избавлялись таким путем от угощения. Такова была судьба музыкального инструмента на Востоке. Иногда эта тупая жизнь на восточной окраине до того уже отупляла людей, что взгляда и мирозерцания их ничто не могло изменить; самый сильный свет и масса новых впечатлений не поражали человека: он был слеп и глух ко всему. Примером этого может служить сибирский купец Мальков, посетивший Петербург в 60-х годах, в то время, когда было все оживлено и одушевлено движением общественной жизни. Что же делает этот сибирский выходец среди этого движения? Вот что сообщают труды алтайской миссии о г. Малькове и его воззрении на Париж, куда случайно занесла его судьба.

«Вавилон, — говорит Мальков. — Вавилон, злейший древнего; котлы мяса и плоти услаждение всяческое; хождение в волях сердец своих, единый закон, кумир, задача, цель жизни! Либерализм, обладающий Вавилоном

этим, распоряжается так же верно и самовластно своими поклонниками, как бубен шамана и шести с навернутым на них тряпьем и конским волосом — своими; фасон и материалы другие, дух — тот же. Все неугомонно, тревожно, второпях и угорелой многопопечительности, почти неестественной, пекут этот «насущенный хлеб свой»; и высоко всходит и пучится это тесто из трех сотой муки: тщеславия, сластолюбия и самоволия; на закваске духа безверия и, следственно, безнравственности, глубокой, уже не признаваемой, вошедшей в натуру тамошнего человека» и т. д.

Таков взгляд сибирского купца на западноевропейскую жизнь. Он же обратится к благотворительности не под влиянием каких-нибудь гуманных или христианских побуждений, а потому, что ему сказала томская юрдивая Домна Карповна, что на него будет возложено дело, от которого он не смеет отказаться, и дала записку, повторяя: «Бия, Бия, будеши с хозяйками богатыми» и тому подобную чушь. Это прорицание сибирской кликуши решило судьбу сибирского купца.

Сперанский, явившись реформатором в Сибирь, думал хоть чем-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составлением для нее законов, он посещал общества, делал вечера, прививал вкусы и потребности социального общежития. Сперанский, видимо, проникнутый господствовавшим тогда в образованном русском меньшинстве сентиментально-филантропическим духом, считал первым долгом учредить и в Сибири эти примитивные «образчики филантропии», такие же благотворительные человеколюбивые общества, какие учреждались тогда и в России по примеру и образцу императорского человеколюбивого общества. В то же время он и в самом обществе сибирском, особенно в купечестве, всеми мерами возбуждал чувства и склонности к общественной благотворительности, поручая думам городским призывать общество «к делам человеколюбия и милосердия». Учреждением человеколюбивых обществ в Сибири он особенно интересовался. Далее, чтобы начать уничтожение общественных зол в Сибири в самом их корне — невежестве народном, Сперанский обратил

внимание и на дело народного образования. Как ни были велики усилия Сперанского, но это только одинокие попытки и мечтания; ни влияние, ни деятельность его не оставили в жизни Сибири никаких следов по многим обстоятельствам. В книге г. Вагина о Сперанском приведены многие отзывы современников, и один из них говорит: «Правление Сперанского в Сибири ничем не замечательно; была только запутанность и неразборчивость, целые возы просьб увезены, а некоторые даже не прочитаны». (Извест. с-пб. отдела, т. V, 1874 г., стр. 41). Сибиряки также не поняли Сперанского. Они, как видно из отзывов современников, отдавали и отдают до сих пор предпочтение Трескину, который имел на посылках Лоскутова, свирепствовавшего при пестелевском управлении Сибирью, распространил взяточничество, жена которого продавала места заседателям, который наполнял Иркутск ужасами, но настроил в Иркутске «ретирады»[140] и пробовал приучить бурят к земледелию. Так тупо относилось большинство сибирского населения к реформе Сперанского, замечает историк. «А после него все

пошло по-старому», — сказал один из современников, передавая г. Вагину свой рассказ о Сперанском. Конечно, Сперанский в роли организатора ничего не мог сделать там, где нужно было прежде расчистить черноземную почву и потом уже сеять. Он бессилён был создать и гражданские идеалы для этого общества и поднять его ум. Для этого нужны были громадные образовательные средства. С отъездом его все лучшие его начинания рухнули, и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла в свое прежнее стоячее положение. Если, по словам Сперанского, и в России, и в Петербурге остались излишними все его желания и предположения «сдвинуть грубую толщу, которую никак с места сдвинуть не можно», то тем более трудно было ему расшевелить азиатскую косность сибирского общества, вдруг смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извест. сибир. отдела, № 1, т. 5, 1874 г., ст. 42).

По этим характеристикам можно судить, до какой степени было важно и необходимо просвещение в Сибири. Обратим же внимание на историю развития образования.

Кое-какие школы начинают зарождаться в Сибири только в половине прошлого столетия. Вероятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношению к Сибири. В числе первых школ в Сибири учреждены школы специальные: навигационные в Иркутске и Нерчинске и геодезические в Тобольске и Томске. Навигационная школа в Иркутске была основана в 1754 году. В 1781 году здесь открыта городская школа, а в 1789 г. она преобразована в главное народное училище. Училища эти открывались и в других городах, но, говоря вообще, дело шло медленно и туго. Некоторые из школ, открытые в прежнее время, до приезда Сперанского, были или закрыты, или преобразованы; так, например, закрылся класс монгольского языка в Иркутске, приготавливавший переводчиков. К памятникам просвещения прошлого столетия относятся, кроме того, горные училища в Барнауле и Нерчинске. Эти специальные училища при своем формальном существовании и ничтожном влиянии имели чрезвычайно слабое значение в деле развития Сибири: в них

получали образование очень немногие туземцы, например, талантливый Лосев, вышедший из навигационной школы и выдвинувшийся при Сперанском своими дарованиями. Самыми крупными учебными заведениями в Сибири были в то время две семинарии — в Тобольске и Иркутске, но существование их точно так же не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения, кроме разве того, что при Тобольской семинарии сохранились некоторые сибирские летописи о покорении Сибири. Воспитание в этих семинариях в начале нынешнего столетия отличалось схоластичностью; они были рассадником семинарской педантичности; на своих экзаменах и актах они выгружали целую массу христей[141], од и напыщенных сочинений. Наука их ничем не была связана с сибирской жизнью. В 1791 году в Тобольске издавался даже при главном народном училище под редакцией Сумарокова литературный журнал «Иртыш», превратившийся в «Ипокрену»[142]; издание это наполнялось псевдоклассическими подражаниями и риторическим стихоплетством, за что получил достойный приго-

вор от образованного человека того времени — Словцова, сказавшего в своей истории, что «вместо того, чтобы заняться сообщением интересных сведений о Сибири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзии пошлой». Стремление к образованию в сибирском обществе в это время было еще очень слабо; иркутские чиновники, по словам Цейдлера, старались только выучить детей своих грамоте и отдать их поскорее на службу; купцы приучали детей с ранних лет ходить с обозами и торговать в Якутске и Ирбите, в образовании же не нуждались. В начале нынешнего столетия, перед приездом Сперанского, были основаны две гимназии: тобольская и иркутская в 1806 году. В тобольской до 1823 года число учеников не превышало 27; увеличению числа их препятствовала теснота училищных помещений. В иркутской гимназии при основании было 35 учеников, а в 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уездные и приходские училища в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Енисейске. В Томске продолжало существовать простое народное училище. Кроме того, в 1821 году учреждено

было в Тобольске училище для детей почтовых служащих на 40 воспитанников, которые должны были, окончив курс, поступать в почтовое ведомство. В Омске учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведение собственно для детей казачьего сословия, со средним гимназическим курсом. В некоторых местах Сибири открыты военно-сиротские отделения, преобразованные впоследствии в батальоны военных кантонистов[143]; по словам Вагина, из этих батальонов вышло немало людей способных, конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попытках устройства народных училищ. В 1816 году, по настоянию Словцова, бывшего директором иркутской гимназии, основано было в Иркутской губернии до 18 народных школ. На устройство училищ пожертвовано было 5003 р.; кроме того, инородческие крестьянские общества обязались содержать училища на свой счет. Училища эти, однако ж, не нашли сочувствия и поддержки в администрации Трескина и Пестеля. Открыв школы, Трескин отказался отпускать содержание учителям из

общественных сумм; общества также перестали заботиться о содержании училищ и, видя равнодушие к ним начальства, пожелали уничтожить их; вопрос об этом возбуждался несколько раз. Нельзя без удивления видеть, замечал по этому поводу губернатор Зеркалев, что губернское начальство, содействуя открытию училищ, в то же время возбуждало вопрос об их уничтожении.

В таком положении находились образовательные средства Сибири к приезду Сперанского.

Сделавшись генерал-губернатором Сибири, Сперанский обратил внимание на устройство учебной части в этом крае; деятельным помощником ему явился Словцов, образованный сибиряк, преданный душой и телом Сибири. Как образованный человек, Сперанский не мог не поразиться невежеством сибирского населения, точно так же, как почти нетронутым еще богатством края, его обширностью и значением для Азии; экономическое развитие русских владений на Востоке стало занимать его не менее, чем гражданское и политическое. 250 лет мы владели Сибирью, и

из этого ровно ничего не выходило. Сперанский пытался установить на Сибирь определенную политическую точку зрения. «Я пресек много вопиющих насилий, — писал он, — но, может быть, того важнее — открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Край этот заслуживает государственного внимания вполне». Сперанский нашел край в крайне беспомощном положении. Сибирь страдала от массы страшных злоупотреблений; в ней не было людей, кому бы можно было доверить управление, что сильно мешало реформам Сперанского. Невежество сибирского общества было поразительное. «Два года не видеть вокруг себя ни одного образованного человека, не слышать ни одного умного слова — это ужасно!» — писал Сперанский. За столом у себя он часто принимал людей, вернувшихся из Камчатки, с Алеутских островов, с Ледовитого моря, из Китая, прошедших Яблоновый хребет. «Сибирь — истинная страна донкихотов», — замечает он в одном из своих писем. Он видел в то же время, что необыкновенная энергия и предприимчивость пропадали бесплодно и самая кипучая деятель-

ность без знания дела, при темноте отважных предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна представляла богатый научный материал, но им никто не пользовался. Генерал-губернатор, занимаясь отправкой экспедиций то к полюсам, то в степи, принужден был сам показывать обращение с компасом и учить, как следует дрессировать верблюдов для путешествия. Он же первый ботанизировал около Иркутска. Понятно, до какой степени он должен был поражаться отсутствием даже самых элементарных научных знаний в Сибири.

Одною из первых попыток его было учреждение в Иркутске ланкастерской школы, за устройство которой он принялся с лихорадочной деятельностью, едва спустя месяц по приезде в Иркутск. «К счастью, со мной была книжка о сей методе, и все вскипело», — пишет он 23 сентября 1819 года. Он возобновляет устройство народных училищ, погибавших при Трескине, и поручает их попечению Словцова и Зеркалева. Снесясь с министром, он обеспечивает жалованье народным учителям, предлагает крестьянским обществам от-

крытие школ, дает толчок основанию инородческих училищ. Он оказывает свое покровительство всем, кто берет на себя заботу об открытии учебных заведений. Он поднимает упавшую навигационную школу в Охотске, заботу о ней принимают на себя князь Шаховский и Ушинский, по приглашению которых в нее начинают поступать дети казаков, мещан и якутов. Содержание этой школы было обеспечено Сперанским. В то же время в Гижиге основывается школа на пожертвование купца Баранова. Во время пребывания Сперанского в Кяхте тамошний бургомистр Игумнов изъявил желание основать училище и поддерживать на свой счет ремесленное воспитание для мещан. Словцов развивает мысль соединить ученье в сибирских сельских училищах с ремеслами, как было когда-то предложено для Камчатки. В изданных Сперанским сибирских учреждениях и уставах постановлено было заводить школы не только у казаков и кочевых инородцев, но и в полудикой киргизской степи, только что присоединенной к Сибири.

С отъездом Сперанского сибирские учили-

ща, основанные при нем, начали быстро падать: сельские училища Иркутской губернии были большею частью закрыты, так как теперь они не находили уже энергичной поддержки в местном начальстве. Скромный сибиряк Словцов, единственный способный сотрудник Сперанского в учебном деле, перестает пользоваться влиянием, оставляет практическую деятельность, поселяется в Тобольске и погружается в скромные архивные и исторические изыскания о Сибири. Учебное дело начинает опять двигаться чрезвычайно медленно на Востоке и получает безжизненный, казенный характер. 8 декабря 1828 года сибирские учебные заведения переданы в ведение губернаторов. Тогда же поведено было каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии. Как туго и медленно приводилось в исполнение это повеление, можно судить по тому, что, кроме двух гимназий, открытых в начале нынешнего столетия, только в конце тридцатых годов открыта третья гимназия — в Томске, а предписанная по указу 1828 года красноярская гимназия открылась только через сорок лет после проектирования — в

1869 году!

Число уездных училищ долго оставалось то же самое, какое было при Сперанском. По указу 1828 года было назначено их в Иркутской губернии 7, в Томской — 3, в Тобольской — 8 и в Енисейской — 2; прибавлялись они туго, и преподавание в них находилось еще в большем пренебрежении, чем во всех других училищах. Из остальных учебных заведений Сибирь имела только несколько узкоспециальных, и притом для известных условий: омское казачье училище, теперь военная гимназия; до последнего времени, как и при Сперанском, оно считается первым по средствам и объему преподавания учебным заведением края; горное училище и духовные семинарии, которых, кроме двух прежних — тобольской и иркутской, открыто в последнее время две — в Томске и Якутске. О женском образовании до шестидесятых годов в Сибири почти не было и речи; в 1838 году было учреждено первое женское учебное заведение в Иркутске — сиропитательный дом. По плану Цейдлера, он должен был положить основание женскому образованию в крае, но заведе-

ние это иркутским обществом под влиянием попечительства купеческого сословия было обращено просто в заведение для приготовления прислуги. В 1845 году открыт в Иркутске же девичий институт. Иркутский институт основан на началах, принятых в дворянских институтах внутренних губерний, и с самого начала стремился к аристократической исключительности, хотя в Сибири не было ни резкого разделения сословий, ни коренного дворянства, в силу чего некому было туда поступать, кроме разве детей приезжих чиновников да немногих почетных граждан. В шестидесятых годах, при общем пробуждении сознания необходимости женского образования, открыто было несколько женских училищ и гимназий в Омске, Красноярске, Томске и Иркутске. Сибирское образование не шло выше средних учебных заведений.

Какую пользу приносили Сибири поименованные учебные заведения в эти 50 лет, можно отчасти судить по числу учащихся в гимназиях. Из недавно опубликованных отчетов о числе учеников в разные годы видно, что в первые годы после открытия гимназий

В Сибири число учащихся в тобольской и иркутской гимназиях не превосходило 27–35 человек. В 1838 году число учеников едва доходит до 117 — в первой и 150 — во второй. Затем с конца тридцатых годов начинается такой же медленный рост томской гимназии; только в 1853 году в ней число учеников доходит до 95, а в 1861 году достигает 160.

В 1873 году в четырех сибирских гимназиях находилось следующие число учащихся: в тобольской — 179, в томской — 298, в иркутской — 238 и в красноярской — 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастание числа учащихся, далеко не пропорциональное росту населения, не говорит в пользу развития учебного дела в крае. Впрочем, этот медленный рост объясняется отчасти и тем, что сибирские гимназии далеко не удовлетворяли ни местным потребностям, ни местному складу жизни. Склад сибирского общества несколько иной, чем в русских губерниях. Элементов, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназий, сравнительно было очень мало. Потомственных дворян и помещиков в Сибири вовсе не

было; гимназии существовали преимущественно для детей чиновников, так как гимназическое воспитание мало удовлетворяло другие сословия. В одном из отчетов мы читаем, что на 688 гимназистов в сибирских гимназиях приходилось 431 гимназист из детей дворян и чиновников, 236 — городских сословий, т. е. купцов, мещан и разночинцев, и 21 — сельского сословия, которому гимназическое воспитание было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была исключительно промышленной; в ней господствовали материальные интересы; стремление к наживе исстари было преобладающим. Общество, невежественное, ничем не убежденное в пользах знания, не видело никаких наглядных примеров применимости гимназического образования в практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать детей своих в гимназии, а учило их в лавках. Выше мы привели отзыв губернатора Цейдлера, жалующегося на отсталость купцов. Один из путешественников по Сибири в тридцатых годах приводит следующие слова одного из даровитых представи-

телей иркутского общества: «Мальчишки наши, — говорит он, — научившись читать и писать и познакомившись с первой частью арифметики, принимаются за аршин и счеты; потом, съездив раза по два в Якутск и в Москву и, так сказать, оперившись торговыми опытами, замышляют жениться и сами производят детей». Другой старожил, жалуясь на ограниченность воспитания, говорит, что самым модным воспитанием считается у почетных и зажиточных граждан отдавать детей выучиться только грамоте, а потом пристроить их к коммерции, т. е. делать надзирателями за приказчиками (Путешествие Александра 1828 года).

Хотя формальное образование очень мало затрагивало сибирское общество, но последнее, тем не менее, отличалось переимчивостью, способностью к усвоению внешности, некоторого лоска и даже известной степени развития, более высшего по сравнению с соответственными слоями населения в русских губерниях. Это подмечено многими исследователями, сравнивавшими сибирское население с великорусским. Точно так же в сибир-

ском обществе встречались самородки, люди замечательно даровитые, пробивавшие себе дорогу к образованию из самых темных слоев, из школ, по-видимому, самых неблагоприятных для развития и узких по назначению. Все это обуславливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское население было свободным триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно покончившая с крепостным правом. Простор и богатство нового края, предприимчивость, кипучая промышленная деятельность — все это способствовало развитию умственных способностей населения. Благодаря материальному достатку оно познакомилось с внешним комфортом, а с ним приобрело и новые привычки жизни. Велико-русский ум, не связанный в Сибири ни традициями, ни преданиями, избавленный от закорюзлого староверства, способнее был к восприятию нововведений. Население в Сибирь стекалось со всех сторон, как в страну поисков за богатством; передвижение здесь было довольно значительное, а сношения поддерживались от Иркутска до Москвы по транзитному пути азиатской торговли. В Сибири жи-

ла масса людей бывалых, обмен сведений поэтому был более значительный. Граней между сибирскими сословиями было менее; жизнь с народом шла теснее; сибирское население составляет как бы одну народную массу, а поэтому все заимствования, всякие сведения, всякая мода доходят в нем быстро во все слои населения. Привычки сибирского населения, как замечено исследователями, ближе подходят к привычкам цивилизованного общества, чем во всех других местностях России. Интересы науки, случайно заносимые в сибирское общество, иногда затрагивали людей, по-видимому, не имеющих ничего общего с образованною и привилегированною средой, но это были большей частью самоучки или люди, всего менее обязанные сибирским учебным заведениям. Многие сибирские купцы как прошлого, так и нынешнего столетия отличались замечательными дарованиями, любознательностью и довольно высоким развитием[144]. Иркутский хроникер Александр указывает на некоторых иркутских купцов, обязанных самим себе известною степенью образования, людей замечательных во

всех отношениях. Таких людей можно найти и в мещанской среде, в которой они оставались до смерти; например, небогатый торговец Андрей Пичугин в Томске и другой, служивший приказчиком на приисках и конторщикам по откупам, люди, поражавшие дарованиями, смелостью ума, знаниями, особенно последний в области исторической. Лунины и Бабурины в Сибири были не редкость. Из сибирских убогих школ, из навигационных классов, из кантонистских полубатальонов выплывали личности, которые впоследствии делались образованными людьми. Недавно в Тобольске умер весьма замечательный по образованию человек, целую жизнь следивший за наукой, оставивший замечательную библиотеку, хотя вышел из полубатальона кантонистов и принадлежал к выкращенным в детстве киргизятам, когда-то покупаемым в нашей степи на положении рабов. Достаточно проследить имена ученых и литераторов, выходявших из сибиряков, чтобы получить понятие, откуда они вышли и как шло их воспитание. Здесь мы видим детей купцов, причетников, мещан и казаков; один из ученых ис-

ториков Щапов, составивший себе имя в литературе, сын дьячка и матери тунгuzки; один из выдающихся естественников — сын простого казака. Обращавший на себя внимание филолог Даржи-Банзаров был бурятом; талантливый путешественник в Кашгар Чокан Валиханов — киргиз[145]. Мы не считаем известных личностей, вышедших из среднего сословия. Большинство сибирских путешественников совсем не были в учебных заведениях, из литераторов многие не оканчивали курса в местных гимназиях — словом, здесь мы всего менее видим патентованной учености. Вообще, учебные заведения в Сибири играли второстепенную роль по своему влиянию. Жизнь и развитие общества шли независимо от влияния учебных учреждений, которые стояли в сибирской жизни как-то в стороне, и это будет совершенно понятно, если мы примем во внимание качество и ученое достоинство прежних сибирских гимназий. Эти гимназии основывались при самых убогих средствах; долго они не находили учителей, недостаток в которых чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайного

подбора, почему-нибудь претендовавшими в Сибири на педагогическую компетентность. В сороковых и пятидесятых годах эти гимназии имели учителей из отставных чиновников разных ведомств, из семинаристов, из частных приставов; в томской и тобольской гимназиях, по воспоминаниям вышедших учеников, между учителями были полупомешанные, слепые, хромые, страдающие запоем; понятно, что при таких педагогах сибирские гимназии не могли пользоваться никаким влиянием.

Если взять число грамотных в Сибири, то их оказывается очень немного. По сведениям военно-статистического сборника, в прибалтийских губерниях приходится 1 грамотный на 19 жителей; в губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168; в губерниях, не имеющих этих учреждений, — 1 на 471; в Сибири же — 1 на 664 человека всего населения. Относительно числа получающих среднее учебное образование Сибирь стоит также на последнем месте; сравнивая различные округа, мы увидим, что в Финляндии приходится 1 гимназист на 284 жителя; на Кавказе — 1 на

462; в Одесском округе — 1 на 467; в Киевском — 1 на 516, а в Сибири — 1 гимназист на 1100 жителей. Все это показывает решительную отсталость Сибири в учебном деле пред всеми другими областями России. Число учебных заведений в Сибири точно так же весьма ограниченное. По сведениям статистического временника за 1865 год, средних учебных заведений в Сибири было 3 с 575 учащимися; низших — 16 с 1321 учащимся; народных, приходских училищ 86 с 2671 учащимся; заводских школ 14 с 144 учащимися; приютов 5 с 414 учащимися; притом в Сибири не было ни одного технического, ни одного земледельческого и ни одного высшего учебного заведения. В настоящее же время в четырех гимназиях — 700 учеников; в уездных училищах по четырем губерниям — 1441 человек. Недостаток средних и вообще учебных заведений в Сибири выступает особенно ярко при сравнении Сибири с другими областями; когда на всю Сибирь приходится 4 гимназии, в Финляндии — их 6, на Кавказе — 6, в Одесском учебном округе — 9, в Киевском — 12. В Сибири между тем более 4000000 жителей; в

Кавказском учебном округе 4160000 жителей; в Одесском учебном округе 4200000, а в Финляндском всего 1200000 жителей. К тому же надо принять во внимание расстояния одной местности от другой в Сибири, что несомненно имеет большое значение для распределения учащихся в Сибири. Достаточно вспомнить, что четыре сибирские гимназии расположены на пространстве 250000 квадратных миль и присоединяются к Казанскому учебному округу, который сам равняется 26705 квадратных миль. Иначе сказать, сибирские гимназии растянуты по протяжению в девять тысяч верст.

По сословиям ученики сибирских гимназий распределяются следующим образом: детей дворян и чиновников 495, городских сословий — 184, сельских — 21, следовательно, сельскому населению почти недоступно гимназическое образование. В девяти уездных училищах Тобольской губернии по отчетам 1863 года видно, что детей крестьян было столько же, сколько и детей чиновников, т. е. ровно 18 % общего числа учеников. В 1861 году из 1441 учащегося во всех уездных учили-

цах Сибири было детей крестьян 275, а детей дворян — 276. Несмотря на значительную численность инородцев в Сибири, дети их почти совершенно не пользуются учебными заведениями. В других областях России, где инородцев значительно менее, чем в Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27 % всего числа учеников; в одесской гимназии из было 22 %; в Казанском округе — 2 %; в Сибири они не составляют и одного процента. В прежнее время инородцы принимались в омский кадетский корпус, преобразованный теперь в военную гимназию; сюда поступали дети киргизских султанов, но в настоящее время их перестали принимать и сюда.

Какое слабое влияние имели сибирские учебные заведения на увеличение образованного сословия, можно судить по числу окончивших курс в гимназиях: в иркутской гимназии в 1860 и 61 годах окончили курс по 14 человек; с 1862 до 1865 года среднее число выпущенных из гимназии было 9 человек; затем ежегодно выходило от 6 до 11. В томской гимназии в 1871 г. окончивших курс было 23;

в 1872 г. — 12 и в 1873 году — 3 человека. В 1872 г. было получено известие, что в классической тобольской гимназии окончил курс всего 1 ученик. В 1872 и 1873 годах в красноярской гимназии в VII классе находилось только 3 ученика; в 1874 г. кончивших курс было 3. Все это показывает, что прибыль образованных людей в Сибири из существующих там учебных заведений была ничтожна и почти незаметна. Гимназии, дававшие каждая от 3 до 9 лиц ежегодно на 4000000 население, едва ли могли оказывать заметное влияние.

Состояние учебных средств в Сибири, о котором в последнее время мы знаем из местных корреспонденций, далеко не приглядное. Об учебном деле в Томской губернии заявляются следующие достоверные сведения: число школ далеко не соответствует обширности территории и числу жителей; они находятся без надзора, с плохими учителями; школы в селениях государственных крестьян страдают отсутствием того же правильного присмотра. Содержание сельских учителей ничтожно — 100 р. в год; хорошие наставники не идут; в большинстве преподают священники, но они

исполняют требы на больших расстояниях, заняты домашними делами, а потому не имеют времени заботиться о школах и поручают обучение лицам, уволенным из низших духовных званий, людям неразвитым и сомнительной нравственности. При таких учителях дети получают отвращение к обучению, а родители берут их из школ и отдают ссыльнопоселенцам на выучку; оканчивает курс едва треть детей, остальные две трети выходят ранее. Поэтому чувствуется особенная потребность в учительской семинарии. Уездные училища существуют только в городах: Томске, Каинске и Кузнецке; они страдают недостатком учебных пособий. Томская гимназия поставлена в невозможность быть рассадником образования в губернии, говорит один официальный отчет, по скудости в ней преподавателей. Многие из учителей не соответствуют своему назначению. Губерния стоит вдали от университетов, способные люди не идут сюда, поэтому оканчивающие курс не приобретают достаточно основательных сведений; однако ж, несмотря на эти неблагоприятные условия, гимназия в последнее вре-

мя переполнена учащимися: в некоторых классах в 1873 году было до 70 учеников, тогда как по уставу допускается не более 40. Теснота здесь страшная, на каждого ребенка приходилась половина кубической сажени воздуха, между тем известно, что норма необходимого воздуха определяется тремя саженьями. Переполнение гимназий учащимися побудило начальство отказывать в приеме многим желающим. Томская гимназия до сих пор не имеет своего собственного дома. Осенью 1873 года, однако ж, открыто было в ней три параллельных класса.

О состоянии учебного дела в Енисейской губернии имеются такие данные: уездных и приходских училищ здесь 4; кроме того, открыта учительская семинария, в которую в 1873 году поступили 15 человек. Несмотря на то, по отчету губернатора, в семи первоначальных школах учение не производилось за неимением учителей. Открывшаяся красноярская гимназия находится в младенческом состоянии: она также страдает недостатком учителей; кроме окончивших здесь курс трюих учеников, все остальные, до пятидесяти

человек, выходили из II-го, III-го и IV-го классов.

Число учебных заведений в Иркутской губернии довольно значительно: в Иркутске считается 19 учебных заведений, но неудовлетворительность их рисуется следующими словами одного из местных корреспондентов: «Учебные заведения Сибири не имеют почти учителей, и их приходится набирать из людей, не подготовленных к учебному делу. Так, например, в личном составе иркутской губернской гимназии только четыре учителя носят по справедливости это имя; остальные — юристы, топографы, горные инженеры, музыканты и проч.; заведующий гимназией не получил высшего образования. Нынешний генерал-губернатор отнесся с большим вниманием к этому явлению сибирской жизни. По его настоянию в иркутской гимназии происходит ревизия, говорят, намеренно порученная тому лицу, которое производило ее в 1874 году и признало, что все обстоит благополучно; произведя же ревизию по предложению генерал-губернатора в 1875 году, оно признало, что не все обстоит благополучно».

Реальная прогимназия, преобразованная в технический институт, начинает падать за неимением средств и учителей.

Состояние учебного дела в Тобольской губернии лучше всего характеризуется тем, что Тюмень, большой промышленный город, не имел до 1879 г. гимназии, а сибирские богачи воспитывали детей в уездном училище. В городе Акмолинске только в 1874 году открыто первое городское училище. А вот что пишут из Барнаула, богатейшего города Томской губернии: «В Барнауле, при населении в 13529 человек, до сих пор нет среднего учебного заведения; население его, промышленное и торговое, нуждается в образовании своих детей и поставлено в необходимость отправлять их в томскую гимназию, за 400 верст, и в омскую, за 900 верст, которые до того переполнены местными учениками, что иногородним недостает места. Четыре года тому назад последовало высочайшее повеление об открытии в Барнауле гимназии, но до сих пор оно не приведено в исполнение». Нечего говорить о слабом развитии учебного дела в отдаленных областях: в Семипалатинской области, по

отчету 1873 года, число народно-учебных заведений сократилось на три.

О народном образовании в Якутской области говорится в одном отчете следующее: «В области недостаток начальных народных школ, в существующие или открытые школы невозможно приискать способных учителей по весьма ограниченному содержанию, им назначенному, сравнительно с ценами, существующими теперь на все вообще потребности. Инородческое население, и при желании распространения грамотности, как было замечено в самом отдаленном Колымском округе, по своим весьма ограниченным средствам и бедности жителей не может помочь делу образования открытием в своих селениях школ. Живя и имея хозяйство свое за несколько сот верст от городов, где учреждены учебные заведения, инородцы не имеют средств посылать туда детей; в самом отдаленном крае, как Якутская область, где большая часть населения находится почти в диком состоянии и исключительно в невыгодном положении, благодетельно было бы ассигновать из казны достаточные суммы на открытие и со-

держание начальных школ, тем более что якуты уже сознают пользу грамотности, как видно из того, что наиболее состоятельные отправляют детей в городские учебные заведения и при составлении приговоров на открытие школ ближайšie к Якутску по возможности дают часть денег на содержание при школе мальчиков из бедных семейств».

«До какой степени относительно образования и других необходимых для развития мер обездолены некоторые обширные части Восточной Сибири лучше всего можно видеть на Забайкальской области, — пишут в «Московские ведомости». — Население ее уже достигло 450000 человек, следовательно, уже далеко превосходит население губерний Архангельской, Астраханской, Олонецкой, Ревельской, которые все имеют гражданские гимназии, а первые три — и духовные семинарии. По положению своему Забайкальская область важнее всех сибирских губерний, потому что чрез нее идут все те торговые пути из Китая, на которых совершаются главные торговые сношения Китая с Россией; через нее же сообщаются с Сибирью и Россией и Амурский

край, и Великий океан. Политическое значение Забайкальской области еще значительнее: она одна может служить опорой Амурскому краю и через нее только можно действовать на Китай, а между тем Забайкальская область не имеет ни гражданской гимназии, ни духовной семинарии».

Между тем потребность образования в сибирском обществе с каждым днем чувствуется все сильнее и сильнее; гимназии переполнены учащимися и вынуждены отказывать многим желающим по неимению помещений для более обширного числа учеников. В Красноярскую учительскую семинарию явилось такое множество желающих, что их некуда было помещать. Особенно усилился прилив в сибирские школы с введением общей воинской повинности. Потребность образования обнаружилась за последнее время основанием на счет самого общества реальной гимназии в Иркутске, ходатайством об открытии такой же гимназии в Томске, в Барнауле, в Тюмени, из которых последняя теперь уже открыта. Енисейск просит об открытии в нем классической мужской прогимназии. В то же

время пишут из Акмолинска: «Открытие женской прогимназии было бы у нас величайшим благодеянием».

Все показывает, что стремление к образованию за последние годы в Сибири постоянно растет. «Местное население всегда сильно ощущало эту потребность, — говорит г-н Вагин в своей истории учебного дела в Сибири при Сперанском и позднее, — оно отдавало учить детей своих всем, кого хотя сколько-нибудь считало способным к этому; оно встретило всеобщим ропотом распоряжение последнего времени, которым обучение детей запрещалось сосланным полякам; оно открывало школы везде, где находило к тому средства и где ожидало пользы от школ. Только весьма немногие города отказывались заводить у себя народные и женские школы, частью — от недостатка средств, частью из буржуазной расчетливости, в надежде, что заведение этих школ примет на себя правительство. Частные лица время о времени жертвовали значительные суммы на народное образование, хотя и менее того, что жертвовалось на благолепие храмов. По мере увеличения числа сред-

них учебных заведений увеличивалось и число сибиряков, стремившихся к университетскому образованию. Стремление это достигло в последнее время весьма высоких размеров. Можно почти положительно сказать, что в последнее время не идут на университетский курс только те, кто или чувствует совершенную неспособность к тому, или принадлежит к тем счастливым, которым не нужно ни знаний, ни труда, чтобы занять известное положение в обществе, или, наоборот, находится в тяжелой зависимости от семейной обстановки... Одни из молодых сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие, иногда без всяких средств, пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, перебиваясь изо дня в день частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных земляков-товарищей. Любовь к науке доходила иногда у них до самоотвержения. Между тем недостаток средних учебных заведений по необходимости сдерживал стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как велико было бы оно при других, бо-

лее благоприятных условиях; можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти 50 лет оставалась одним только проектом», — замечает в заключение г-н Вагин.

Стремление облегчить доступ сибирякам к высшему образованию выразилось основанием в Сибири нескольких обществ для пособия нуждающимся студентам местного происхождения. Такое общество действует уже несколько лет в Тобольске; подобное же общество основано в Томске. Предположено было открыть общество содействия учащейся молодежи в Иркутске для поощрения как местного населения, так и для содействия высшему образованию. Учреждение это мотивировано следующим образом: «Неимение высших учебных заведений в Восточной Сибири при невозможности ожидать, чтобы край в близком будущем приобрел их, поставило и поставляет в крайнее, можно сказать, безысходное положение учащуюся молодежь. Так называемые казенные и общественные стипендии, во-первых, ограничены в числе, во-вторых, учреждены преимущественно в

столичных университетах и медико-хирургической академии; в специальных учебных заведениях их нет; в-третьих, рассчитаны исключительно на высшее образование, тогда как подготовка к нему на месте довольно затруднено, и, в-четвертых, ограничиваются по отношению к сумме пособием от 300 до 350 рублей, в полном смысле этого слова недостаточным для обеспечения материальных нужд учащегося, тем более, что, выдаваясь на руки юноше, часто совершенно неопытному, пособие это расходуется не всегда производитель-но...

Мы держимся того убеждения, — пишут далее учредители, — что важнейший недостаток настоящей системы заключается в том, что, высылая наших детей за пять тысяч верст, забрасывая их в незнакомую сферу, мы оставляем их без попечительного надзора, который, с одной стороны, служил бы центром соединения для юношей, с другой, не представляясь отнюдь каким-либо опекуном, стесняющим самостоятельность, являлся бы на помощь молодым людям всегда, когда они в этой помощи встретят нужду, притом без-

различно, будет ли это помощь материальная или чисто нравственная».

Сибирь много теряет от недостатка специалистов, в ней нет техников, почему промышленность находится в застое. Производства развиваются туго; Сибирь поэтому не может удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всем привозным, начиная с гвоздя, при массе своего железа, и кончая сукнами — при огромном количестве шерсти и скота. Все товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самого дурного качества; многие сорта русских фабрик и даже кустарной промышленности имеют сбыт только в Сибири. Сибирь находится под торговым игмом отдаленных местностей с их мануфактурными центрами. Между тем, потребности сибирского населения все более растут, и тяжесть, лежащая на потребителях в силу дороговизны привозного, за отсутствием своего, все более дает себя чувствовать. Не поможет Сибири и изобилие сырья, с которым она не знает, что делать, — меха, кожи, сало она не умеет обрабатывать, хлеб ей некуда сбывать; для основания металличе-

ского производства нет знаний и средств. Местное изобилие в виде скота и хлеба только понижает цены и дает прибыль одним приезжим торгашам, закабеляющим население. Таково экономическое положение Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдают отсутствием всяких рациональных способов ведения дела. Масса скота падает в Сибири от язвы, от эпидемий, от небрежного ухода, и пособить этому недостает знаний. Молочные и скотоводческие продукты пропадают даром; множество сортов морской и речной рыбы за неумением приготовить и солить ее гниет на берегах; самые богатые уловы не служат ни к чему для населения. Недостаток образованных людей дает себя знать во всех сферах труда и промышленности.

В Сибири большой недостаток учителей для учебных заведений. Недавно еще в наших газетах была публикация от министерства народного просвещения, которое делало вызов на вакантные и незамещенные должности штатных смотрителей и учителей в следующих городах: Ачинске, Нерчинске, Иркут-

ске, Красноярске, Нижнеудинске, Киренске, Енисейске, Верхнеудинске и Троицкосавске. Еще больший недостаток в Сибири медиков. На целые округа величиной в европейские государства приходится один медик, да и тот в разъездах; целые инородческие области находятся без медицинской помощи. В Березовском крае, по словам доктора Соколова, остиаки умирают от цинги, тифа, сифилиса и простуды; болезни здесь осложняются и принимают невиданные нигде формы. По официальным сведениям, в Восточной Сибири развитие сифилиса в Киренском округе принимает третичные формы, зараженными являются поголовно целые семьи и даже иногда рождаются дети с уже испорченными костями. Якутская область в 70000 квадр. миль с 230000 жителей имела только трех уездных врачей; в последнее время в этой части Восточной Сибири свирепствовала оспа на пространстве 7000 верст; инородческое население было заражено поголовно; в Камчатке, Гижиге и Охотске постоянно свирепствуют разные болезни; чтобы хотя несколько пособить бедствующему населению, из Петербурга коман-

дированы три врача. Мы не перечисляем подробно недостатков медицинской части в Сибири, так как это не касается предмета нашей статьи; мы упомянули об этом для того, чтобы показать, как страдает Сибирь от недостатка здесь образованных людей. Вопрос о расширении образования в Сибири стал теперь самым существенным жизненным вопросом. Но недостаток образования, кроме непосредственного влияния на практические стороны жизни, должен был отражаться и на всем умственном складе сибирского общества и его общественной жизни.

Обращаясь к современной общественной жизни сибирских городов, мы должны указать, что вообще проявление ее крайне бедно и печально. Приводим местные известия об этом предмете: «Наше сонное общество только изредка подает признаки жизни, — пишут из Омска в 1875 году, — но и то по поводу смены какого-нибудь начальствующего лица, местного скандала и т. п. Омск — тип провинциальных трясин. Проходят годы, десятилетия — и никаких признаков разумной жизни в нем не заметно. Там, где-то за Уралом, вда-

ли, за 3, за 5 тысяч верст, происходят события: человечество вырабатывает лучшие формы жизни, борется за идеи, страдает и побеждает или временно отдыхает, усталое и побитое врагами прогресса, а у нас что? Беспросыпная косность, непроглядные сумерки и никакой надежды!...»

«Судя по нынешнему благоустройству, никто не задумался бы назвать Красноярск городом вполне европейским, — пишут в том же году из другого места Сибири. — Но, всматриваясь глубже, не найдешь здесь и следа серьезных общественных интересов; в подтверждение достаточно привести следующее: у нас считается весьма естественным, что ежегодно очень значительный контингент учащихся задолго до окончания курса из женской гимназии выходит замуж, а из мужской — расходится по разным присутственным местам. В большинстве случаев это делается по настоянию самих родителей. Но это бледнеет перед тем, что совершилось на днях: закрылась публичная библиотека за неимением читателей... При этом самое закрытие для самого общества прошло незаметно...»

Подобные жалобы несутся из Томска, где также давно закрыта библиотека, из Тобольска, из Енисейска и других городов. Об одном из городов Сибири, Барнауле, Финч отозвался в своем дневнике, как о городе, где только любят вкусно поесть. Таков же отзыв дал о нем 100 лет назад Паллас.

Наконец, вот картина жизни Иркутска — столицы Сибири — нарисованная одним из недавно посетивших его путешественников: «Нет в Сибири города, о котором бы заботились так много и начальство, и общество, как Иркутск, — говорит г-н Ровинский, — а между тем, местные удобства жизни и гигиенические условия нигде не находятся в таком ужасном пренебрежении. Смотря на эту деятельность со стороны, нельзя не заметить, что все это было не что иное, как подражание. В Иркутске вы найдете много учреждений, которых нет ни в одном городе России, общество основывает приюты, благородные институты, юнкерские училища, театры, но дело в том, что все это делается обществом не добровольно, а по предложению начальства, и каждый жертвователю норовит, чтобы его

подачка подошла к стати, выставила бы его на вид. Таким образом, это со стороны некоторых людей составляет средство к достижению известных целей и к задабриванию начальства. Иркутск, по-видимому, создал ученые и учебные учреждения, имеет благотворительные общества, клубы, как бы общественную жизнь, но все это только так кажется. Общество тут ни при чем... Надеюсь, что никто не упрекнет нас в несправедливости, если мы скажем, — продолжает г-н Ровинский, — что в Иркутске между купечеством, играющим в общественной жизни самую важную роль, царствует крайняя необразованность, потому что им негде было получить образование, а многие из них вышли из простых ямщиков или обозных приказчиков. Что касается общественных проявлений жизни, то все это делается не коренным, туземным обществом, а чиновниками, которые нынче здесь, а завтра там, которые в Иркутск попали случайно, предаются общественной деятельности от скуки и потребности фигурировать там, где, по пословице, на безлюдье и Фома — дворянин. Осуществлению их планов помогает

только их влиятельное положение. Неумелость этих людей роняет часто дело и компрометирует его на будущее время, а более талантливые при удаче могут внести в общество такие воззрения, в духе которых действуя, можно внести в край громадное зло. Искусственно созданные, без сознания самого общества, учреждения поэтому беспрестанно падают; к таким принадлежат: отдел Иркутского географического общества, общество грамотности, юридическое, медицинское, несколько провалившихся иркутских газет и, наконец, местная публичная библиотека, на которую очень быстро была собрана сумма в 4353 рубля, не считая подписчиков, но в конце концов она пришла к полному недостатку средств для своего поддержания, а городское общество показало участие в ней только тем, что вотировало распродать ее с публичного торга на толкучку. Подобную же судьбу, говорят, испытывает ныне иркутская реальная гимназия, основанная на общественные суммы и на обещания, которые вслед за тем остались невыполненными».

Умственная жизнь Сибири при таком со-

стоянии городов ничем себя не заявляет. В Сибири, по сведениям «Военно-статистического сборника», 19 типографий и 4 литографии, но в них не печатается ничего, кроме официальных ведомостей, худших во всей России, и официальных бланков. Участь частных типографий, недавно основанных, еще плачевнее: в Иркутске только одна частная типография; она попыталась издать календарь и, глубоко разочаровавшись, потерпев убытки на первом шагу, бросила это предприятие. В Красноярске один чиновник выписал машину и литографский станок для развития местного книгопечатания и просвещения и принужден был печатать этикетки для водок и наливок; такая же участь постигла типографию в Тюмени. На всем протяжении Сибири до последнего времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг. Иногда достоинство книги ценится одним переплетом; только в Иркутске и Томске в последнее время основана специальная книжная

торговля. Мы отмечаем это потому, что по странной случайности в одном из русских статистических сборников нашли известие, что в Сибири находятся 11 книжных лавок и 12 библиотек. Что касается публичных библиотек, то, возникавшие в шестидесятых годах в некоторых городах Сибири, они давно прекратили свое существование. Значительное книгохранилище находится при Тобольской семинарии; богатая библиотека — при омской военной гимназии и довольно значительная — в Томске, куда жертвовали для общественного пользования книги даже богатые золотопромышленники, как Горохов, но все они остаются недоступными для публики. Есть только кое-какие библиотечки при разных ведомствах и батальонах для собственного употребления. Местное же общество довольствуется газетами при клубах, залитыми вином. Правда, при таких читальнях бывают и книги, но о подобных книжных богатствах можно судить по семипалатинской клубной библиотеке, имевшей в последнее время 15 периодических изданий и «18 разных наименований книг»! По всей Сибири нет музеев

[146], кроме небольшого горного кабинета в Барнауле, принадлежащего специальному ведомству и никем не посещаемого. Нет собрания сибирских горных пород в стране золото-промышленности; нет никаких образчиков местной минералогии, и на всем протяжении Сибири вы не увидите никаких доказательств алтайских и нерчинских богатств, хотя наш Эрмитаж хранит изящнейшие произведения из чудовищнейших яшм, выделанных в Сибири на колыванской фабрике, а Бийский округ изобилует 515 различными породами цветных камней. Четыре года тому назад одно частное лицо в Красноярске хотело основать музей, составленный из пород, взятых с золотых россыпей, но это ему не было разрешено, потому что одно ученое учреждение, разрешавшее этот вопрос, нашло, что подобные камни с содержанием золота должны быть оплачены пошлиной, но определить ее решительно отказывалось за незнакомством с удельным весом. Но и существующие уже в Сибири ученые учреждения ведут свое дело вяло за неимением умственных сил. Так, сибирские отделы географического общества

существуют только трудами приезжих путешественников и чиновников. Основанное в Иркутске техническое общество не имеет заседаний, а основанное в Омске общество для изучения Западной Сибири имело всего одно заседание со времени своего открытия, где произнесена была вступительная речь и придумана печать. На приглашение его никаких исследователей не последовало, и память о существовании его исчезла. Но не одни искусственно созданные ученые учреждения на Востоке терпят крушение: в последнее время в силу недостатка интереса к общественным делам, в силу неразвитости здесь не прививается даже новое городское положение, как извещают местные корреспонденции.

Нам оставалось бы сказать о судьбе сибирской печати, как характеристике местной умственной жизни. Попытки создать эту печать начались давно. Собственно периодическая печать серьезно зародилась в Иркутске, начиная с газеты «Амур». По странности, этот орган должен был служить Амуру прежде всего, а потом уже всему краю. Затем явился «Сибирский вестник» Б.А. Милютина, но продер-

жался недолго. Создавался «Кяхтинский листок» и небольшие газеты на Амуре, но это были скорее домашние газеты, чем публичные. С 1875 года в Иркутске местная печать явилась более постоянной. Частный орган «Сибирь», привлекая лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу. В 1880 году основалась частная газета в Томске.

Едва ли, однако, кто решится сказать, что печать получила прочную почву в Сибири. Потребность в ней чувствуется очевидно многими ввиду множества возникающих общественных вопросов, но для нее существует много неблагоприятных условий. Роль местной печати и важность ее далеко не вполне и не всеми еще осознаны. Эта печать переживает самый тяжелый кризис на почве самой элементарной гласности. То, что доступно обличениям в европейской России, то почти не допускается в Сибири. При существовании известной свободы печати в столицах положение печати окраинной представляет горький контраст. К тому же само общество или часть

местных сословий часто недружелюбным и враждебным образом относится к местной печати за разоблачение многих злоупотреблений. Сибирские кулаки и монополисты являются ее первыми врагами. Сибирское общество еще не сознает, что эта печать может оказать серьезные услуги, что она — залог будущей умственной жизни, залог разумного и сознательного движения, что пока она единственное выражение общественной мысли.

Роль местной печати в Сибири уже понемногу, однако, намечается. Многие местные вопросы исключительно обязаны разработкой этой нарождающейся печати на Востоке. Несомненно, что в будущем она окажет еще более гражданских услуг местному обществу и, главное, воспитает в нем его гражданские обязанности.

Но еще чувствительнее на Востоке и в Сибири вследствие недостатка образования является отсутствие местного образованного сословия или интеллигенции. Сибирь много терпит от недостатка в ней людей образованных: все лучшее, что воспитывается в местных учебных заведениях и стремится полу-

читать высшее образование, никогда уже не возвращается в Сибирь. В Сибирь же приезжают из прочих губерний России по большей части люди с изъяном или с сомнительным прошлым. Недостаток честных и образованных людей здесь давно чувствовался, на это жаловались Сперанский, Капцевич[147], это чувствуется до последнего времени[148]. В Сибирь вызывали искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощрения, но и эта мера почти не приводила к цели. Являлась масса людей, соблазненных содержанием и окладами, но самый мотив, побуждающий их ехать в отдаленный край, показывал, что сам край не играл никакой роли в их соображениях. Конечно, приезжали в Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служение стране, но их было немного, и деятельность их была временная; зато было слишком много авантюристов, которые наделали немало зла приютившему их краю. Представители интеллигенции и знания, забравшись в Сибирь, спешили как можно скорее выбраться из нее, вывозя очень много и взамен оставляя очень мало.

Ученые вывезли из Сибири редкости и опустошили архивы; инженеры и техники — лучшие образчики коллекций; предприимчивость, закинутая в Сибирь, богатство. Обмен, таким образом, не уравнивался, и край мало выигрывал. Из него вышло много даровитых людей, художников, писателей, государственных деятелей, ученых туземцев, которые много поработали для отечества, но вообще мало сделали в частности для Сибири. Сами учебные заведения при таком фатальном законе играли странную роль: отчасти они сами понижались в своих достоинствах под влиянием невежественной среды, а основываемые самим обществом под впечатлением каких-нибудь случайных импульсов не поддерживались им; с другой стороны, они способствовали выезду из края всего наиболее даровитого, оставляли его без последних ресурсов и ничем не могли вознаградить его за потери. Поэтому Сибирь представляла доселе странное и исключительное явление, это было общество без образованного молодого поколения, дерево без цветов и плодов. Положение образованного человека в сибирском

обществе было невыносимо тяжело: среди невежественной среды, полной грубых недостатков, он являлся одиноким, не имел почвы, не было даже небольшого кружка людей, к которым он мог бы примкнуть и признать в них свое отечество. Он не находил себе поддержки и сочувствия; ученые в Иркутском географическом отделе называют себя «закинутыми» в этот печальный край. Люди со слабыми силами сплошь и рядом погибали здесь и падали нравственно (так погибла здесь, например, масса медиков и учителей).

Один из погибших в Сибири поэтов, горный инженер Баульдауф, следующим образом выражает это одиночество:

*Как хотелось славой жить,
Славой чистой, славой громкой,
Но в Даурии с котомкой
Трудно славу получить.
Что певцу родные горы,
Что уступы диких скал,
Он Даурию узнал,
И из глаз катятся слезы.*

Отдел Иркутского географического общества заявил даже своей целью поддерживать

нравственные силы ученых, заезжающих в Сибирь. Понятно, что многие образованные люди находили единственным спасением своих сил бегство из Сибири, и только немногие труженики решались отдавать свои силы краю. Но самое трагическое положение доставалось на долю тех зародышей местной интеллигенции, какие временами проявлялись здесь, начиная со Словцова, друга Сперанского. Такой туземец, желая приносить пользу, находил самый упрямый отпор в нравах и жизни. Положение развитой, интеллигентной и одаренной сердцем личности среди грубого, невежественного, живущего исключительно промышленно-кулаческими интересами и пропитанного узкоэгоистическими взглядами и корыстными побуждениями общества с горечью обрисовано историком Щаповым в статье «Об отсутствии высших нравственных чувств у сибиряков». Положение это тяжело, невыносимо, но оно несравненно важнее было по своим социальным и историческим последствиям. Между местной интеллигентной личностью и обществом образовывался тот антагонизм и та грань нетерпимо-

сти, которые не приносили пользы ни той, ни другой стороне. Они обе страдали недостатками и ошибками. Общество в силу своего непонимания не пользовалось способностями и талантами человека, который мог принести ему большую пользу: человек же интеллигентный под влиянием раздражения презирал это общество, а с ним — и местные общественные вопросы. Таким образом, нарушалась та связь, которая необходима для гармонического развития; живые части его жили отдельно, не оплодотворяя друг друга. Между тем, нигде, может быть, образование не способно принести таких благодетельных плодов, как в Сибири. Русское население окружено инородцами и азиатскими народностями. К местному населению примешивалась масса элементов, понижавших его достоинства. В это общество входила масса сосланных сюда преступников, которые растлевали нравственность общества и постоянно разрушали понятия о собственности, о праве, о личной неприкосновенности и т. д. Все это способствовало только падению и регрессу общества, а в крае не было никаких средств про-

тиводействовать этому растлению и сколько-нибудь поднять это косное общество, не поднимавшееся ни до высоты гражданского долга, ни до понятия собственных интересов в целой совокупности, ни до собственного сознания. Здесь не было примеров гражданской честности, самоотвержения, возвышенных стремлений. В то время, когда Россия переживает реформы, изменяющие ее быт, сибирское общество остается в прежнем неподвижном положении. Вот каковы были последствия отсутствия местного образования.

Стремление к просвещению, однако, все сильнее чувствовалось, а потребности образования проникли в сознание общества. Что местное общество не чуждо этого сознания, доказало сочувствие и взлелеянная на сибирской почве идея о сибирском университете.

Вопрос о сибирском университете получил особенное значение в крае ввиду отсутствия в нем какого-либо просвещенного класса и отсутствия умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функциями жизни силы, которая составляет необходимое свойство социального живого организма.

Университетский вопрос, как вопрос гражданский, был хорошо понят местным обществом; отсюда в продолжение многих лет проявлялись весьма определенные стремления этой идеи занять свое место. Ход приготовления и состояния университета в Сибири составляет весьма видный акт в истории просвещения, чтобы не остановиться на нем.

Мысль об основании сибирского университета явилась весьма давно. Еще в высочайше утвержденных императором Александром I предварительных правилах народного просвещения, опубликованных при указе правительствующего сената 24 января 1803 года, постановлялось, между прочим (пун. 14), что в учебных округах учреждаются университеты «для преподавания наук в высшей степени», коих в то время назначалось 6, а именно, кроме существовавших уже в Москве, Вильне и Дерпте, в округе Санкт-Петербургском, в Казани и Харькове, и затем предназначаются для университетов городов: *Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие*, «по мере способов, какие найдены будут к тому удобными». Вследствие такого заявления правительства о

намерении учредить, когда окажется возможным, университеты в Киеве и Tobольске, известный П.Г.Демидов, делая свои знаменитые пожертвования на пользу отечественного просвещения, между прочим, пожертвовал в том же году 100000 рублей для предназначенных к открытию Киевского и Tobольского университетов. В письме министра народного просвещения графа Завадовского к Демидову от 6 июня 1803 года относительно этого капитала говорилось: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние моим училищам, то к тому ближайшее средство положить оные в воспитательный дом вечным капиталом, назнача доход от процентов, по мере капитала, каждому месту определенно; а доколе приспеет время к открытию университетов в Киеве и Tobольске, то капиталы, сим училищам от вас определенные, росли бы обращением своим, без прикосновения к оным».

Итак, уже в начале нынешнего столетия в правительственных сферах и в кругу образованных людей ясно сознавалась мысль о необходимости учреждения в Сибири универ-

ситета. Не приводилась она в исполнение целых 75 лет по многим причинам: отчасти ввиду более близких забот о просвещении в европейской России и о создании здесь университетов, отчасти потому, что самое осуществление сибирского университета казалось многим преждевременным по имевшемуся незначительному числу средних учебных заведений в крае и по незначительности населения в Сибири вообще, а также вследствие возникавших опасений, что в университете будет слишком малое число слушателей, что трудно будет привлечь достаточное число хорошо подготовленных преподавателей, и, наконец, что таким образом значительные расходы, потребные от казны на содержание университета и на возведение нужных ему зданий, не вознаграждаются в достаточной мере и не дадут желаемых результатов.

Действительно, просвещение в Сибири развивалось весьма медленно. Сперанский застаёт Сибирь с обрывками специальных учреждений, зиждущихся в крае без всякой системы, как когда-то навигационные школы [149] без мореплавания. Он увидел эту обшир-

ную страну страну «невежественной черни и отверженных преступников», хотя она представляла «все удобства для гражданского развития», как выражался он, и при умении пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественной колонией России.

Сделавшись генерал-губернатором и распорядителем судеб Сибири, Сперанский не мог не обратить внимания на жалкое и беспомощное положение учебной части в этом крае. Своими заботами и хлопотами о развитии просвещения в Сибири Сперанский привлек к этому делу генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича и вызвал сочувствие даже попечителя Казанского учебного округа Магницкого. Сибирский комитет согласился с предложениями Сперанского, Капцевича и Магницкого, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибирью правилами». Таким образом, мысль о сибирском университете снова возникает.

Генерал-губернатор Капцевич во всепод-

даннейшем рапорте 20 марта 1823 года указывал на недостаток нравственных начал в сибирском населении, на недостаток в крае просвещенных чиновников и на невозможность сибирякам по бедности получать образование в университетах европейской России. Он докладывал о необходимости учреждения в Сибири высшего учебного заведения. Тогда же Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в виде отделения Казанского университета с целью готовить в нем учителей для сибирских гимназий и училищ, студентов для пекинской миссии, детей сибирских чиновников — к гражданской службе, а купеческих детей — к торговле с Китаем. На содержание училища Магницкий исчислил 66750 рублей в год, кроме постройки здания и содержания пансионеров. При осуществлении своего проекта он, между прочим, имел в виду употребить пожертвованный Демидовым капитал в 50000 рублей на учреждение университета в Тобольске, который через приращение процентами в 1822 году представлял сумму в 121301 руб. 75 коп. и давал 6000 дохода. Изыс-

кивая новые средства, Капцевич проектировал отдавать в оброчное содержание рыболовные озера Западной Сибири, Чаны и оброчную плату обращать на содержание высшего училища. Предполагалось на сибирский университет употребить также доходы с имени бывшей Виленской иезуитской коллегии. Но Демидовское пожертвование было передано в Московский университет, и мысль о высшем учебном заведении в Сибири, возбужденная Капцевичем и одобренная сибирским комитетом, осталась, к сожалению, без исполнения надолго. Взамен университета в 1835 году повелено было содержать в сибирских гимназиях и в Казанском университете казенных воспитанников из сибирских уроженцев, число которых было ограничено. В представлении Капцевича мы находим все те мотивы необходимости высшего учебного заведения для такого отдаленного и богатого края, как Сибирь, которые вошли в позднейшие представления. Всякий сколько-нибудь дальновидный государственный человек не мог не предвидеть, что громадный край, изобилующий в большей его части разными есте-

ственными произведениями, обладающий несметными минеральными богатствами, должен был привлечь население, которое будет нуждаться в средствах образования для подрастающих поколений, не говоря уже о значительном числе людей, живущих в Сибири вследствие служебных обязанностей, и дети которых также нуждаются в образовании. Невозможность удовлетворения такой потребности в самом крае неминуемо должна была производить постоянный отлив молодого поколения из Сибири в европейскую Россию, где представлялись все средства для получения образования, и эта часть сибирского населения в большей части случаев для Сибири была потеряна навсегда, так как, свыкнувшись с большими удобствами жизни, лишь немногие из уехавших решались возвращаться в тот край, лишая его тем самым совершенно естественного и надежного элемента для занятия должностей по всем частям местной администрации и на всех поприщах разнообразной частной деятельности.

Несмотря на признанную потребность и постоянно ощущаемый недостаток в Сибири в

образованных людях, дело университета с 1835 года умолкло лет на 20. В это время на Сибирь всего менее обращалось внимания, она стала страной забытой, и даже период золотопромышленности в 40-х годах не привлек забот о просвещении края. Это был весьма темный период в жизни сибирского общества. Нечего говорить, что две гимназии могли дать самый ничтожный контингент людей среднего образования, даже если бы они стояли на уровне своего призвания. К сожалению, эти гимназии, отдаленные, не снабженные достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогого существования. В сибирские гимназии неохотно являлись преподаватели, а потому множество кафедр оставалось вакантными, остальные замещались людьми, случайно на них попавшими, или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди них встречались слепые, хромые, полусумасшедшие, спившиеся с круга, люди жестокого нрава и крайне скудных познаний. «Я помню свою гимназию, — пишет один сибиряк в своих воспоминаниях, — как собрание

монстров-преподавателей, которые ежедневно перед нами не столько излагали познания, сколько давали разные комические и эквилибристические представления; один рассказывал избитые анекдоты, над другим, немцем, глумились и хохотали до упаду, третий гонялся за нами с костылем; в коридорах и на окнах артель учеников ставила часовых, чтобы предупредить пьющих в коридоре водку учителей о появлении инспектора. Тут было не до науки!» Гимназии в таком виде существовали до 60-х годов. Кто же пополнял роль образователей в нескольких губерниях и областях Сибири за отсутствием просвещения? Состав местных канцелярий снабжали семинарии, бурсы, наконец, полубатальон военных кантонистов. Понятно, каких деятелей из них получала сибирская администрация. Если из низших школ выходили иногда люди способные и с дарованиями, как сообщает г-н Вагин, то не нужно забывать, что из тех же бурс и кантонистов выдвигались забитые розгами идиоты, воришки казенного имущества, безграмотные писаря, выслуживавшиеся иногда до высших должностей холопством и про-

нырствами. Другую часть сибирского общества воспитывали ссыльные преступники или заезжие спекулянты, которые вместе с просвещением развивали у детей пороки. Иные глумились над претензией сибирских жителей «обучаться», и какой-то ссыльный иностранец филолог обучил сына купца в насмешку татарскому языку вместо французского. Такова была судьба края, где не было правильной системы воспитания, где не было представителей настоящей науки, не было здорового воздуха умственной жизни. В такой среде настоящий просвещенный человек рисковал или задохнуться, или спешил бежать, бежать из нее, и из Сибири бежали.

Университетский вопрос между тем находился как бы под спудом. Это происходило оттого, что Сперанский и другие администраторы, мечтая о привитии просвещения, а также поднимая вопрос о высшем учебном заведении для края, к сожалению, слишком понадеялись на обыкновенный административный прием поднятия этих вопросов путем канцелярской переписки, забывая одно, что в таком деле, как просвещение, должно быть при-

влечено и общество своим участием, что в нем самом должна быть затронута потребность жизни — искра сознания, и что только на этом фундаменте прочны и осуществимы подобные учреждения. Мысль о высшем образовании в Сибири не могла, однако, совершенно заглухнуть, она появляется снова в половине 50-х годов. Это совпало уже с началом прошлого царствования.

Что мысль о сибирском университете не была совершенно забыта в официальных сферах, свидетельством служит всеподданнейший доклад министра народного просвещения Норова по некоторым вопросам народного образования, представленный им государю императору 5 марта 1856 года; из доклада видно, между прочим, что правительство в то время уже признало полезным учреждение в Сибири университета. Заявляя об этом, Норов присовокупил, что «эта благодетельная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия краю, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают также животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимы

выгоды». Но предположение Норова осталось невыполненным отчасти по причинам, приведенным выше, отчасти же вследствие того, что в течение 20 лет, протекших со времени его заявления, министерство было озабочено различными работами по устройству других училищ, преобразованиями их и учреждением новых учебных заведений в европейской России.

Среди непроглядных сумерек сибирской жизни можно сказать, что это был единственный вопрос, который временами освещал царивший мрак и соединял около себя общественные симпатии. В то время, когда вопрос об университете на Востоке временно замолк в Сибири и реже вызывал толки вообще в русском обществе, мы находим о нем статью в берлинском журнале, в «Архиве Эрмана», которая довольно подробно затрагивает вопрос о значении русской науки на азиатской окраине, говорит о предстоящем основании в Сибири университета, знакомит с пожертвованиями, сделанными на него, и довольно основательно разбирает преимущества различных городов, где его можно было бы открыть.

Таким образом, вопросу о сибирском университете суждено было возникать периодически. Пожертвование Демидовым было в 1803 году, представление Капцевича — в 1823-м; доклад министра Норова — в 1856 году, а последнее представление генерал-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытию особой комиссии, было в 1875 году. С 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведение в Сибири начали заявлять весьма часто как лучшие администраторы, так и лица, заинтересованные просвещением края. В Тобольской губернии сторонником этой мысли явился бывший тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович [150]; в Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось к этой мысли учебное ведомство. Шестидесятые годы, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданий и в отдаленной Сибири, сосредоточившейся на заветной идее об университете. В это время Иркутск, получивший значение наиболее интеллигентного и первостепенного центра Сибири, принял под свое покровительство и де-

ательно разрабатывал ту же идею. В Иркутске об этом шли учебные советы, и были делаемы неоднократные представления. В это время вся Сибирь была убеждена, что университет должен быть основан в Иркутске. Некоторые частные лица также пробовали поднять этот вопрос. Покойный профессор Эйхвальд в это время вел переписку по поводу сибирского университета с одним золотопромышленником. Г-н Сидоров предложил пожертвование 20 площадей приисков, а также до 10000 рублей в год на разработку этих площадей, но пожертвование это, о котором говорилось уже в печати, почему-то было отклонено. В тех же 60-х годах мысль об университете явилась любимой мыслью молодых выступавших сибирских писателей. Об этом писались статьи, читались публичные лекции в Красноярске, Томске и Омске, проектировалось целое общество для собрания пожертвований. Одним словом, университетский вопрос сосредоточил надежды и идеалы будущего, он отождествился вообще с лучшую будущностью края, на нем покоилась вся сила убеждения и жар молодого сердца. В 60-х годах создалась целая

литература о сибирском университете. Он сделался не чужд и массе населения. Последний горожанин, последний мещанин в глухом уездном городе говорил о нем. Бедные городские классы в Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано в нем более, чем кто-либо. Так как в Сибири нет крупного и богатого дворянства, то контингент гимназий наполняется в большинстве бедняками. Оканчивая курс средне-учебных заведений, эти бедняки не могли получить дальнейшего образования, так как проезд до университетов обходится дорого. В то время, когда только некоторые счастливцы благодаря средствам или казенным стипендиям пробирались в университет, люди способные, с жаждой знания, талантом и определившимся честопризванием тонули в безвестных сферах местных канцелярий или ехали в глухую сибирскую тайгу на прииски, уходили в приказчики и целую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенных желаний знания. Некоторые из сибирской молодежи без всяких средств путешествовали чуть не пешком, с обозами в дальние университеты; это было

своего рода пилигримство[151]. Отцы, расставшиеся надолго с детьми, глубоко чувствовали разлуку; некоторым уже никогда не было суждено увидеть детей своих. Лучшие силы из Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведение было на месте. Этого не могли не сознавать самые простые люди. От этого в вопросе о просвещении звучали давно наболевшие жалобы и семейные слезы, но университет сознавался в смысле и общих потребностей. Часто при недостатке знающих людей, специалистов, техников, химиков (золотопромышленники для анализа какого-нибудь камня или руды возили их в Петербург, отыскивая специалиста, и т. д.) само собою рождалось заключение: вот был бы университет, не то бы было!..

Но вопрос, столь понятный даже для простых людей, не всегда был доступен для людей, считавших себя авторитетными, но не разделявших интересов края. Некоторые умудрялись даже выставлять какие-то политические мотивы препятствием к обыкновенному общечеловеческому образованию. Так,

один из видных администраторов Восточной Сибири, приобретший громкое имя в 60-х годах, по поводу вопроса об университете в Сибири выразил следующую парадоксальную мысль: «Сибирякам опасно давать высшее университетское образование, гораздо более благонадежными могут быть здесь вызванные на службу из европейской России чиновники». Такое странное заключение, не говоря уже о том, что оно совершенно неуместно, выставляло сибиряков, таких же русских подданных, какою-то враждебной народностью и вдобавок отличалось светобоязнью.

Вот несколько точек зрения, с которых этот вопрос рассматривался в местной и столичной печати в течение последних восемнадцати лет.

1) Потребность высшего учебного заведения в Сибири обуславливается отдаленностью страны и затруднением для туземцев отправлять за 3–6 тысяч верст для обучения в русских университетах.

2) Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественноисторических знаний, без которых богат-

ства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения был крайне низок.

3) Необходимость высшего образования вследствие недостатка медиков и учителей.

4) В видах доставления лучших сил администрации.

5) В видах учреждения и поддержания таких ученых и общественных учреждений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

6) В видах вообще воспитания общества, создания в нем образованного класса и лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

7) В видах разработки науки на Востоке и открытий в области знаний географических, исторических, филологических и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во внимание обширность непечатого для науки азиатского материка.

8) В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

9) Ввиду воспитания инородцев и дипло-

матических сношений наших с соседними странами Востока.

10) Для усиления и сохранения русской национальности ввиду новых приобретений и присоединений на Востоке.

11) Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без этого являются немыслимыми.

Во многих статьях, посвященных этому предмету, выражались следующие мысли, рисовавшие в то время настоятельные нужды края.

«Число средне-учебных заведений в Сибири, — говорит г. Вагин[152], — до последнего времени было очень невелико, они страдали более или менее серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как оно было бы велико при других, более благоприятных условиях, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здесь обещанное уже с 1825 года высшее учебное заведение, особенно если учреждению его будет предшествовать увеличение числа и улучшение качества средне-учебных заведений. Можно судить и о том,

как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти пятидесяти лет оставалась одним только проектом...». «Потребность и жажда учиться у сибиряков в последнее время достигла весьма высоких размеров, — пишет тот же автор, — одни из сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие иногда без всяких средств пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, пробиваясь частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных своих земляков-товарищей. Любовь к науке доходит у них иногда до самопожертвования... Просвещением Сибирь должна была доселе пользоваться только от лиц заезжих, но большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что «Сибирь — золотое дно», что в Сибири можно *нажиться службою* скорее и лучше, чем в других местах торговлей. Еще Сперанский заметил, что в Сибирь едут одни «титularные советники, то есть люди, которым за недостатком образования была закрыта дальнейшая дорога».

«Мы предоставляем судить, — говорит по

этому поводу другой автор, — насколько подобный случайный заезжий контингент, часто с не совсем безупречной репутацией и воззрениями, мог удовлетворять действительным потребностям края; наконец насколько он окажется пригодным при введении новых учреждений в Сибири. Признавая важное значение университета на Востоке в связи с введением реформ, без которого они не достигнут своей цели, — говорит та же статья, — мы должны прийти к тому заключению, что этим учреждением должна начаться самая реформа. Создание высшего образования в Сибири будет иметь столь важное значение, что одно уже оно повлияет на изменение всего склада сибирской жизни. От университета создастся целая умственная атмосфера. Можно сказать, что только с ним наступит сознательная жизнь местного общества, а самый край вступит в новую эру исторической жизни. Те же статьи, представляя ненормальное положение общества, из которого лучшие интеллигентные силы уходят, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру вне родины, где они не находят

деятельности, указывают на недостаток гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов в крае, без которых жизнь становилась эгоистической, сухою, черствою и грубо животною».

Наконец по поводу будущего значения университета на Востоке в печати указывалась ему следующая роль: «Оставляя в стороне те благодетельные последствия, которые может иметь это учреждение для края, мы хотим определить, какое он будет иметь значение для цивилизации в мировом значении в смысле просвещения и изучения Азии. Известно, что материк Азия остается отчужденным от европейской жизни, европейская цивилизация имеет весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенах инородцев, целые миллионы азиатских народностей населяют соседние русским азиатские страны. Открытие этих народностей для европейской науки и призвание их к жизни может составить эпоху в истории человечества. Единственное европейское население, примыкающее с севера к Азии, — население русское, чрез него должен, между прочим, пролагать-

ся путь просвещения. Посмотрите же, какими средствами обладает это русское население для своей великой миссии. Население этого края невежественнее многих глухих провинций европейской России, оно не обладает никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственной силою. Русское население среди могучей девственной природы часто дичает и стоит беспомощным, окруженное инородческими племенами, влияющими на него более, чем оно на них. Понятно, что отсюда является постоянное отступление от культуры русского населения, понижение расы вследствие метисации, а также обыворочение русского элемента». Приводя многочисленные примеры этого поглощения русских инородцами, местный публицист заключает: «Ежели Сибирь еще на 50 лет останется в замкнутом состоянии и без образования, можно ручаться, что мы увидим вырождение и преобразование здесь русских в самоедов, якутов, бурят и киргиз...». «Единственное спасение сохранить нам свою национальность, укрепить ее и, усвоив цивилизацию, внедрить ее к другим народностям — это образование. Не

нужно забывать, что просветительная миссия на Востоке должна иметь в виду, кроме света знания, внесение гуманных христианских начал в жизнь азиатских народов, привитие идей человечности и равноправия. Сослужа подобную службу делу цивилизации и просвещения на Востоке, Россия окажет услугу не одной себе, но и всему человечеству».

Вслед за этим в печати указывались и примеры, как давно уже заботятся о развитии просвещения европейские народы в своих колониях, делались ссылки на пример английских университетов в Индии, Новой Голландии, в Капской колонии. Со взглядами наших противников просвещения на окраинах могли быть сопоставлены разве взгляды полуварварской Испании, когда в прошлом столетии явилось запрещение училища в Лиме для благородных индейцев, когда основание училища в Буэнос-Айресе было отвергнуто, испанским колониям запрещено было мечтать об университете, а епископ Санта-фе настаивал на том, что креолы для того, чтобы остаться верноподданными, не должны учиться ничему, кроме закона Божия.

Истоцив массу аргументации, литература об университете испытывала крайнее напряжение, и ее ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно к вопросу об университете, — говорит автор статьи «Сочувствие к науке на Востоке», — выражая наши желания, мы, жители Востока империи, можем утешиться одним, что среди нашего поколения есть души, которые стремятся к просвещению. Может быть, нам не удастся дожить до основания великого образовательного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинят все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспомнит всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке, она вспомнит добрые ей пожелания в день своих радостей, как они помнят ее в дни ее скорби».

Такою скорбью отзывались все эти долгие ожидания, и при таких условиях идея сибирского университета дожила до половины семидесятых годов; к ней все более примыкали чувства местных писателей, образованных

людей и местного общества, она становилась излюбленной мечтой и явилась потому не случайно, не плодом одной административной фантазии, без всякого отношения к жизни окраин, как думалось людям, в первый раз узнавшим о существовании этой идеи и не знакомым с жизнью края, напротив, вполне созревшая, она ждала благоприятной минуты для своего осуществления.

В 1875 году появилось радостное для сибиряков известие в газетах о том, что новый генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков[153], ознакомляясь с нуждами и потребностями края при вступлении в управление, решил сделать государю императору представление о необходимости высшего образования в Сибири. 25 апреля 1875 г. состоялось при назначении г-ад. Казнакова Высочайшее повеление: *«Подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из среды своей людей сведущих и образованных в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения, и по ближайшему и всестороннему обсуждению этого*

предмета подвергнуть чрез министерство народного просвещения на высочайшее воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета».

Начались приготовления, которые состояли в том, что генерал-губернатор предположил открыть новые гимназии для усиления среднего образования, как подготовительного средства для образования. С этою целью положено было открыть гимназии в Омске и в Тюмени. Но при этом новая администрация Сибири пришла к убеждению, что учреждение новых заведений этого разряда в числе, соответствующем действительным потребностям края, представляется в последнее время почти невозможным вследствие недостатка преподавателей. Без местного в Сибири университета вновь учреждаемые в ней, хотя бы в самом малом числе, гимназии, подобно тобольской и томской, будут затруднены в привлечении необходимых для них учебных сил, и по-прежнему лучшие воспитанники гимназий с выездом для получения высшего образования в европейскую Россию в большинстве случаев будут исчезать бесследно для Си-

бири. По-прежнему выписанные за тысячи верст и со значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже наполовину образованные чиновники, будут проживать в Сибири, тяготясь своим положением и помышляя после трехлетнего обязательного служения возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будет продолжать испытывать недостаток в образованных деятелях.

В новом представлении по поводу сибирского университета все эти затруднения были предвидены, и потому в нем говорилось, что к осуществлению сибирского университета приступить является вполне своевременным; в этом убеждают все чаще повторяющиеся заявления местных начальников и генерал-губернаторов о крайнем недостатке в Сибири деятелей на всех поприщах государственной службы и в особенности о крайней затруднительности замещения вакансий медиков и учителей в средних учебных заведениях, о весьма ощутительном неудобстве замещения всех этих вакансий исключительно пришлыми силами, которые в большей части случа-

ев оказываются не вполне соответствующими занимаемым им местам, и, наконец, о безвыходном положении родителей, вынужденных для предоставления детям их высшего образования посылать их в европейскую Россию, где они вполне отчуждаются от семейств и их родных обычаев. Сверх сего, Сибирь — страна, еще почти непочатая в научном отношении; ученые экспедиции, отправлявшиеся туда для исследования края, успели разработать только весьма незначительную часть имеющегося в нем научного материала; борясь с затруднениями, сопряженными с огромными переездами, экспедиции эти могли заниматься своим делом лишь урывками, извлекать научные сведения только частями. Научный центр в самой Сибири дал бы возможность сосредоточенным в нем ученым силам исследовать край с большим удобством и с необходимыми для успешности работ последовательностью и постоянством. Обилие подлежащего научному исследованию материала в Сибири доказывается уже тем, что она с издавна привлекала и привлекает в последнее время исследователей не только из евро-

пейской России, но и из некоторых стран Западной Европы. С начала прошлого столетия начали посещать Сибирь знаменитые путешественники. В начале нынешнего столетия посетили для изучения богатств ее Гумбольдт, Розе, Эренберг, Ледебур, наконец, в последние годы Миддендорф, Кота, Брем и другие.

Прошло более тридцати лет, заключает представление, с тех пор, как дарованы преимущества приезжающим на службу из европейской России в Сибирь, и тем не менее прискорбная действительность показывает, что ни администрация, ни суды, ни народное здравье, ни учебное дело в этом крае не обеспечено достаточным числом сведущих, образованных и преданных своему делу лиц. В подтверждение этого достаточно сказать, что в двух только гимназиях ведомства министерства народного просвещения, существующих в Западной Сибири, недостает в настоящее время *шести штатных преподавателей* по важнейшим предметам гимназического курса, древним языкам и русскому языку со словесностью, одного по истории с географией и

двух по новым иностранным языкам, и что недостаток врачей превышает 31 % штатного числа сих должностных лиц при разных учреждениях этого края, а именно: врачей положено штатами 122, недостает же 39 человек. Независимо от сего Сибирь и вне служебного поприща не менее, если не более нуждается в полезных деятелях, без которых ее производительные средства, связанные с естественными богатствами, остаются мало исследованными. Примеры такого явления очевидны; не имея университета, Сибирь из своих уроженцев не могла воспитать ни одного вполне образованного поколения, которое бы всецело посвятило ей, как родному месту, свои полезные силы. Мало того, в ней постоянно повторяется следующее неутешительное явление, общее для обеих половин ее: лучшие воспитанники, окончившие курс в местных гимназиях и поступившие в университеты империи, по приобретении там высшего образования в весьма редких случаях возвращаются в Сибирь, но несравненные в преимуществах службы с уроженцами не сибирскими и увлекаемые либо служебными

выгодами, либо неведомыми дотоле удобствами жизни в столичных и больших городах избирают местом своей деятельности европейскую Россию. Таким образом, Сибирь представляет то редкое и в высшей степени прискорбное зрелище, что учрежденные в ней средне-образовательные заведения вместо того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служат как бы средством для отвлечения из нее свежих живительных умственных сил в европейскую Россию, из которой взамен их нередко являются на службу, не без значительных для государства денежных затрат, искатели счастья, не успевшие в ней пристроиться по недостатку сведений, а иногда и сомнительной нравственности, в большинстве случаев люди, смотрящие на службу в Сибири, как на дело временное, и пытающиеся при первой возможности оставить ее и возвратиться в европейскую Россию. Со времени первого заявления мысли об учреждении университета, говорит представление, народонаселение в Сибири возросло до 5000000, открытых в ней *четырёх* гимназий ведомства министерства народного просвещения.

щения оказывается недостаточно для удовлетворения потребности края, а учреждение новых средне-образовательных заведений встречает затруднение по недостатку подготовленных преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается в людях с высшим образованием, и удовлетворить этой нужде не могут высшие учебные заведения империи, куда учащиеся должны следовать за 4–5, а иногда и более тысяч верст; словом, представляется ныне настоятельная необходимость возвысить уровень образования в Сибири, дать местным ее уроженцам средства развивать и оберегать свои умственные силы на пользу самой Сибири, что может быть достигнуто только учреждением университета в этом крае.

По вопросу о том, найдется ли достаточное число слушателей для сибирского университета, вопросу, служившему аргументом для многих противников университета в Сибири, выяснилось следующее: 1) в гимназиях Западной и Восточной Сибири в 1875 году выдержали испытание зрелости 38 молодых людей (в том числе в Тобольске — 9, Томске — 14, Ир-

кутске — 10 и Красноярске — 5) и 2) в 1875–1876 учебном году в четвертых классах духовных семинарий (где оканчивается общий курс и из коих дозволено поступить в университет) тобольской и иркутской числится 31 ученик и в среднем отделении томской духовной семинарии, соответствующем четвертому классу преобразованных по новому уставу семинарий, 34, всего в трех семинариях (из четвертой, благовещенской, сведений не имеется) 65 учеников. Имея в виду эти данные как более или менее постоянные, а также принимая во внимание стремление молодых людей к высшему образованию, что подтверждается, между прочим, тем, что из 23 выдержавших в минувшем году в гимназиях тобольской и томской испытание зрелости 20 заявили желание поступить в университеты и в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию, можно допустить, что и при нынешнем числе средне-образовательных учебных заведений университет в Сибири имел бы ежегодно от 60 до 70 новых слушателей, считая в том числе и воспитанников духовных семинарий. Такое число слушателей

вначале, бесспорно, небольшое но сравнению с другими университетами, впоследствии, по мере открытия новых гимназий и выпуска из них воспитанников, возросло бы, и во всяком случае университет в Сибири в самом начале своего открытия не остался бы без такого контингента учащихся, при котором возможна его деятельность с довольно значительными результатами для края. Поставив, таким образом, вопрос об университете и при объясненном выше небольшом составе слушателей на почву практической возможности его осуществления, представление полагает, что отсрочить учреждение сего заведения до времени подготовки большего числа слушателей значило бы замедлить открытие новых средне-образовательных учебных заведений и оставлять на долгое, если не на неопределенное время, неудовлетворенными потребности края в образовании достойных для него деятелей. Вот данные, которые приведены были в проекте 1875 года[154].

Затем были выражены следующие предположения: а) университет полезно бы было учредить из четырех факультетов: истори-

ко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского; б) число кафедр по каждому факультету можно было бы на первое время ограничить наиболее необходимыми и основными с тем, чтобы со временем, по мере приискания достойных профессоров и увеличения числа студентов, число их постепенно пополнялось до нормы, положенной общим уставом университета; в) согласно ограничению числа кафедр предполагалось уменьшить число преподавателей, а следовательно, и сумму падающих на государственное казначейство расходов, произведя также возможные сокращения издержек и по некоторым другим статьям, определенным действующими штатами университета; г) за необходимыми изъятиями проектируемый университет подчинить действию общего устава университетов в империи.

Вообще по составленному в Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительные сокращения расходов сравнительно со штатами 1863 года, например, сокращение 63000 рублей вследствие уменьшения числа профессоров и доцентов,

12985 рублей — от предположения не учреждать на первое время факультетских клиник; на стипендии студентам назначалась сравнительно небольшая сумма — 10 тысяч рублей. Всего относительно штата среднего по стоимости содержания университета (Харьковского) расход сокращен на 126609 рублей. Таким образом, сумма, необходимая для содержания университета в Сибири, исчислена первоначально в проекте в 212220 рублей. Сумма эта, по мнению генерал-губернатора Западной Сибири, может быть еще сокращена на 6000 рублей, отпускаемых ныне на 20 сибирских стипендиатов в университетах по мере окончания курса или вообще выбытия этих стипендиатов.

Кроме того, ввиду экономической и финансовой стороны дела обращено было внимание на слишком крупные издержки, которые в настоящее время несет государство вследствие преимуществ, предоставленных приезжающим из европейской России на службу в Сибирь. Собранные по этому предмету сведения показывают, что в одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую

службу жалованье ассигновано к расходу в 1875 году 67032 руб. 81 1/2 коп. и что в 1874 году выдано пособий (окладов годового жалованья) вновь определенным на службу в этот край 12804 руб. 80 коп. По полученным же от генерал-губернатора Восточной Сибири сведениям назначено в этой части Сибири на 1875 год на прибавочное жалованье за сибирскую службу 65430 руб. 86 коп., а на выдачу годовых окладов жалованья вновь определенным на службу в Восточную Сибирь чиновникам употреблено в 1874 году 21687 руб. 73 коп. Таким образом, в совокупности издержки эти простираются для обеих частей Сибири до 167000 рублей в год. Необходимо допустить, что с учреждением сибирского университета и по мере приготовления в нем деятелей из уроженцев Сибири потребность в пришлом элементе служащих постепенно падала бы, а с тем вместе и расход на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, в представлении сибирского начальства была исчислена в 500000 рублей, причем первоначально университет должен был

быть без клиник с заменой их местными госпиталиями. Сумма эта была слишком ничтожна даже по местным средствам, принимая во внимание, что в то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназии было ассигновано 425000 рублей[155]. Сверх того было указано, что часть необходимых для постройки денег находится уже в пожертвовании Демидова, и капитал этот достигает 151000 рублей; затем на этот предмет может быть еще обращено пожертвование г. Цибульского в 100000 рублей, а следовательно, в 1875 году от казны понадобилось бы не более 350000 рублей. Наконец, в изыскании средств к сокращению издержек казны на этот предмет генерал-губернатор Казнаков указывал на могущую произойти экономию для казны 200000 рублей при введении вольных почт. Хотя соображения относительно вольных почт не оправдались[156], но они служили свидетельством всей напряженности в изыскании средств к облегчению казны в этом деле. Одним словом, требования по расходам на создание сибирского университета были доведены, как указывают документы, до последне-

го минимума. Относительно предоставления прав и преимуществ для привлечения профессоров и доцентов в новый университет не испрашивалось ничего, как только те преимущества, которые установлены вообще для служащих в Сибири; затем предполагалось открытие на первое время лишь самых необходимых кафедр[157]. Сумма на личный состав должна была по смете не превышать 212220 рублей. Основание отделения восточных языков, столь необходимого для Сибири, отлагалось на неопределенное время.

Предположения и требования эти были до того умалены, ограничены, и состав университета мог явиться столь неполным, что министерство народного просвещения в своих замечаниях сочло нужным указать, что при недостаточных штатах едва ли можно рассчитывать на привлечение достойных профессоров и доцентов, без чего самый университет не станет на подобающую высоту, почему необходимо для привлечения профессоров и доцентов увеличить оклады в полтора раза более, чем в других университетах. Относительно состава и числа кафедр министерство,

соглашаясь в общем, нашло нужным сделать только некоторые изменения; так, на филологическом факультете вместо шести кафедр и восьми профессоров назначить до семи кафедр и девяти профессоров; на юридическом факультете прибавить также по кафедре и по профессору. Вместе с тем высказано было желание не устранять для сибирского университета кафедру истории иностранных законодательств, а включить ее в состав энциклопедии права; нельзя также исключить международное право, так как оно имеет не один исторический интерес, а потому, чтобы дать хотя бы общее понятие о нем, положено соединить в один предмет «государственное право» и «общую теорию международного права». Сочтено нужным прибавить также несколько профессоров и доцентов на медицинском факультете. В общем же увеличение против представленного проекта генерал-губернатора предполагалось только до четырех профессоров, двух доцентов и одного помощника прозектора. Относительно постройки университета без клиник министерство народного просвещения также не нашло удоб-

ным согласиться и в общей смете полагало бы на постройку университета определить не менее 600000 рублей. Размер статей расходов на лабораторию и кабинет до 1000 руб., на ботанический кабинет 400 руб. и выписку журналов 750 руб., найден уменьшенным, так как по отдаленности сибирского университета и затруднительности высылки и получения необходимых предметов расходы эти должны бы быть увеличены. Вообще министерство нашло нужным на постройку университета увеличить расход до 600000 рублей, а на личный состав и на учебные принадлежности просить 307820 рублей[158]. Министр финансов со своей стороны не встретил препятствий к внесению в смету министерства народного просвещения 1878 и 1879 гг. потребных на постройку университета сумм, но с тем, чтобы в число их были зачисляемы не только суммы, уже пожертвованные на сибирский университет, но и те, которые ввиду окончательного решения вопроса об учреждении университета вновь поступить могут. По мнению министра народного просвещения, предполагалось открытие сибирского

университета с 1 июля 1879 года в составе четырех факультетов. Министр же финансов находил, что отпуск денег следует назначить с июля 1880 года с ассигнованием 100000 рублей на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось к 1880 году. Местом основания университета по первоначальному проекту был избран Омск. В таком виде согласно высочайшему повелению 24 апреля 1876 г. вопрос о сибирском университете внесен был в министерство народного просвещения, а последним — в государственный совет.

Проект сибирского университета при таких условиях не встречал, по-видимому, особых препятствий к своему осуществлению. Можно было ожидать, что открытие университета после долгих ожиданий наконец осуществится, и надежды Сибири сбудутся, но и на этот раз ожиданиям сибирского края суждено было исполниться не столь скоро, как ожидалось. Славянское движение и война с Турцией, как и финансовые обстоятельства России еще раз отодвинули этот вопрос, почти решенный, на второй план и приостано-

вили практическое осуществление начатого дела. Самый проект учреждения университета, к сожалению, далеко не привлек должного внимания столичной печати и общества и не вызвал всестороннего обсуждения, может быть, благодаря тому, что самый проект не был опубликован. Один только пункт этого проекта вызвал внимание общества и печати, напомнив, что проект этот рассматривается. Пункт этот касался избрания города для сибирского университета и, играя, по-видимому, второстепенную роль, получил тем не менее первостепенное значение для края. При этом нужно иметь в виду обстоятельства, которыми избрание места для университета сопровождалось.

Когда-то по мысли жертвователя Демидова предполагался местом для основания университета Тобольск, но город этот давно потерял свое значение центра и митрополии Сибири. В 60-х годах предполагалось основание университета в Иркутске как пункте, получившем особенное развитие в крае, но впоследствии не раз высказывались преимущества Томска, как центрального пункта для обеих

частей Сибири. При поднятии вопроса об университете в 1875 году большинство полагало, что выбор падет на Томск, как на самый видный город Западной Сибири, обладающий всеми необходимыми для университетского города условиями. Таково же было ожидание жертвователя, давшего в числе первых 100000 рублей на основание Томского университета. Но административные соображения заставляли проект высказаться за Омск — город, находящийся на окраине, а не в центре Сибири. Несмотря на все аргументы в пользу Омска как города будущего и его административные преимущества, мысль избрания его резиденцией университета, противоречащая вообще интересам сибирского края и общества, явилась вдобавок неожиданностью для сибиряков и, понятно, вызвала самые горячие протесты. Омск представляет в Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничий город, имевший когда-то военное и административное значение при завоевании киргизской степи; но и это значение с покорением степей в значительной степени утратилось. Находясь в стороне от главного Сибир-

ского тракта и центра населения, он угрожал сделать университет пустым. Наконец, город Омск переполнен исключительно элементом наезжим, временным и никакой связи с стра-ною не имеющим; для самих приезжающих он играет роль только временной станции [159]. Вот почему общественное мнение Сиби-ри весьма решительно выступило против Ом-ска, а местная и столичная печать решитель-но отдавали преимущество городу Томску.

История этой борьбы и соперничества го-родов за университет составляет яркий эпи-зод и живую страницу общественной сибир-ской жизни. Сибирские городские общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представления. Вот что писал, на-пример, томский городской голова: «Послед-ние петербургские газеты и телеграф прине-сли в Томск давно ожидаемую с нетерпением весть о близком окончательном решении во-проса относительно дарования Сибири перво-го университета. Такое важное, можно ска-зать, историческое событие для Сибири побу-дило нескольких гласных, как представите-лей всех слоев общества, обратиться ко мне с

заявлением назначить в одно из заседаний думы вопрос об обсуждении обстоятельств, относящихся к этому делу. Разрешая учреждение в Сибири университета, правительство в благом попечении о нуждах края имело несомненно целью предоставить жителям Сибири дать детям своим высшее образование без излишних затрат, неизбежно сопряженных с отправкою для обучения в университетские города европейской России. Для достижения этой цели местопребывание университета, конечно, должно быть избрано в том из городов, который не только находился бы в центре Сибири по своему географическому положению, но в то же время был бы в тесной связи со всеми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Таким центральным пунктом является город Томск».

Разобрав все аргументы за Томск и Омск, а также указав значение этих городов вообще для края, представитель томского городского сословия говорит в заключение: «Все эти доводы и факты приводят, с одной стороны, к несомненному убеждению, что учреждение университета в гор. Томске было бы далеко

полезнее для обеих частей Сибири, и указывает, с другой стороны, что университет г. Омска рискует остаться вовсе без слушателей и быть закрытым или переведенным в тот же Томск. Но газеты сообщают за положительное, что университет учреждается в Омске. По предложению генерал-губернатора Западной Сибири, последовавшему в декабре 1875 года, об уступке в гор. Томске места под университет, граждане этого города с глубокою признательностью и готовностью в 19 день января единогласным решением думы сделали уступку 35000 квадратных сажен лучшего места под университет, и в тот же день гражданин города Томска Цибульский пожертвовал 100000 рублей на устройство предполагаемого в гор. Томске университета. Если бы даже отведенное место по каким-либо причинам было признано неудобным, то граждане Томска ввиду того громадного значения, какое имеет университет для Сибири, не затруднятся отвести другое место, которое будет избрано, лишь бы только учреждаемый университет по своему месторождению удовлетворял удобствам жителей всей Сибири; причем

можно надеяться, что в таком случае местное купечество не затруднится на пожертвования, и пример Цибульского найдет многих подражателей. Известие о предполагаемом открытии в городе Томске университета было встречено сочувственно всеми жителями Восточной Сибири, как это было видно из личных заявлений и отзывов в газетах. Зная убеждение всех сибиряков, что г. Томск есть центральный город Сибири, граждане города Томска не сомневались, что университет будет учрежден здесь, и потому не принимали никаких ходатайств и им до сих пор неизвестны причины перемены первоначального взгляда правительства, если таковая действительно состоялась, как видно из газет. Если принять за основание учреждение университета в Омске большую возможность надзора за учащимися высшего центрального управления, находящегося в том городе, то граждане города Томска полагают, что было бы удобнее перевести высшую учебную администрацию в город Томск, чем рисковать университету остаться без студентов».

Точно так же характеристичен и другой

документ, адресованный министру народного просвещения от имени жертвователя на сибирский университет Захара Михайловича Цибульского:

«Ни в одной части России общество не почувствовало так глубоко недостаток высшего образования, как в отдаленной от умственных центров Сибири. Поэтому известие о намерении правительства учредить в Томске университет было встречено сибиряками с невыразимым восторгом. Наши начинания, касались ли они науки и воспитания, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вследствие недостатка знания; мы желаем исследовать Сибирь для себя, а между тем к нам приезжают норденшельды, бремы, представители чужих интересов. Мы жертвуем деньги на приюты, городские и сельские школы, но заведения эти не приносят всей ожидаемой от них пользы по неимению хороших преподавателей. Нам должно заботиться о городском благоустройстве, ассенизации наших жилищ и улиц, но где взять исполнителей? Неисчерпаемые естественные богатства

Сибири лежат нетронутыми, ожидая умелых рук для их разработки. Приведенные и другие подобные задачи не вымышленные, а действительные и насущные, разрешаются в благоприятном смысле, когда в Сибири будет рассадник высшего образования. Вот почему весть об университете была встречена единодушным сочувствием, которому в особенности содействовало удачное избрание Томска университетским городом... Не буду повторять доводы за Томск, — говорил жертвователю, — изложенные в представленном ходатайстве Томской городской думы. Взгляды Томской думы разделяют другие города Сибири, из которых некоторые присоединились к ходатайству за Томск. Услышав о намерении избрать Омск университетским городом, Енисейская дума по постановлению 15 июня 1877 года ходатайствовала чрез местного губернатора и посылала телеграмму вашему сиятельству, доказывая преимущества Томска. То же сделала Верхнеудинская дума по постановлению своему 12 июля. Красноярский городской голова в письме от 5 июля за № 1169 выражал томскому голове, что его общество

сочувствует устройству университета в Томске, но что, к сожалению, время для ходатайства о том, по мнению этого общества, упущено. Барнаульский городской староста писал в июле, что тамошнее общество, безусловно, разделяет воззрение Томской думы, но оно не может официально высказаться, потому что там не введено городское положение. Это ясно доказывает, что сочувствие к Томску не вытекает из эгоистической заботы одних лишь его граждан о выгодах своего города; такое узкое воззрение не заслуживало бы поощрения. Пусть откроют в Сибири две подписки на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посильные приношения деньгами, учреждением стипендий и т. п. потекут широкой рекой. Ошибаться в выборе пункта для университета значило бы дискредитировать здесь самую идею высшего образования, отдалить ожидаемые для Сибири от университета благие результаты, может быть, на целое столетие».

Таким образом, в Томске сосредоточива-

лись сочувствующие ему заявления со всех городов Сибири. Иркутская дума сделала в полном собрании открытое заявление и представила министру народного просвещения следующий адрес: «Учреждение университета в Сибири будет, без сомнения, признано третьей эпохой в исторической жизни этой страны... Университет с начала нынешнего столетия был заветным желанием Сибири, и город Иркутск может с уверенностью сказать, что в нем и зародилась, и долгое время зрела мысль об университете. Но когда эта мысль вполне созрела и стала близка к осуществлению, когда возник практический вопрос: где быть университету, город Иркутск, движимый чувством справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступил свое право Томску. Никто в Восточной Сибири не возражал против преимуществ географического положения Томска. Не то произошло, когда прошла весть, что местом основания сибирского университета предполагается Омск. Если нам придется посылать своих детей за три тысячи верст, то не лучше ли по-прежнему отправлять их в Казань или

в столицы, где более и образовательных средств, и самая жизнь удобнее и поучительнее. Таково общее мнение Восточной Сибири. Иркутская городская дума вследствие сношения Томской думы уполномочила меня почитатьнейше заявить вашему сиятельству, что основанием университета в Омске только вполнину будет исполнено желание Сибири, жаждущей высшего образования, что университет в Омске далеко не будет иметь того значения, какое имел бы, находясь в центре и на великом пути от Атлантического к Тихому океану, и что, наконец, если Иркутск охотно уступил Томску великое право иметь в своих стенах рассадник высшего образования, то уступить это право отдаленному и малоизвестному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя поручение Иркутской городской думы, имею честь заявить вашему сиятельству о желании моих сограждан, чтобы дело о даровании университета Сибири завершено было в духе общих желаний сибиряков, которые питают надежду, что в деле такой важности голос их будет выслушан и их соображения приняты во внимание при указании ме-

ста, где быть сибирскому университету. Заступающий место иркутского городского головы Николай Лаврентьев».

Значительная часть городов Сибири и обществ сгруппировались, таким образом, около Томска, города Восточной Сибири, все высказались за него; из городов Западной Сибири только Тобольск и Тюмень заявили некоторый партикуляризм. Тобольск по традиции решился сам заявить себя в кандидаты, а Тюмень высказалась за Омск, как ближайший к ней город. Комиссия, учрежденная для рассмотрения вопроса о выборе города для университета, взвесила все аргументы, высказанные за тот и другой город, оценила их вполне беспристрастно и отдала предпочтение центральному пункту Сибири — Томску.

Вслед за результатами суждений комиссии и окончательным решением вопроса государственным советом в пользу Томска[160] местные симпатии общества к сибирскому университету выразились новыми пожертвованиями. Томское общество внесло 25000 рублей на клиники и 5000 рублей на покупку книг для библиотеки. На приглашение гене-

рал-губернатора Западной Сибири А.М. Сибиряков пожертвовал 100000 рублей на устройство кабинетов, он же внес на покупку библиотеки 10000 рублей. Из других жертвователей Трапезников внес 10000 рублей, Пермикин — 1000 рублей, Богданович ассигновал сумму на стипендию; наконец несколько лиц заявили желание пожертвовать библиотеки, вместе с тем начали стекаться приношения для музеев. Вопрос, таким образом, снова приобрел прежние симпатии и сочувствие сибирского общества. Нельзя было упрекнуть в этом случае сибирское общество в равнодушии. Весть об утверждении университета в Томске принята сибирским обществом с живою радостью и восторгом. «Да будет эта радостная весть для Сибири действительной радостью», — писала одна местная газета. При всяком благоприятном известии об университете телеграфные депеши в Томске печатались золотым шрифтом, выставлялись в лавках и расходились по рукам. Частные пожертвования производились без всякого вынуждения, добровольно и с сознанием важности дела.

Финансовая сторона университетского вопроса между тем находится, как известно из опубликованных данных, в следующем положении:

демидовский капитал составляет ныне 150000 руб. с проц.[161]

пожертвование коммерции советника Цибульского 100000 руб.

пожертвование А.М. Сибирякова 100000 руб.

им же пожертвовано на библиотеку 10000 руб.

томским обществом на устройство клиник пожертвовано 25000 руб.

томскими жителями на покупку книг для университета 5000 руб.

Трапезниковым пожертвовано 10000 руб.

Пермикиным 1000 руб.

красноярским почетным гражданином Кузнецовым 500 руб.

Пожертвования эти, не считая стипендий, как Богдановича и томского общества, а также жертвуемых библиотек, простираются одними деньгами более 400000 рублей.

Как бы в ответ, однако, на выраженные

опасения и высказываемые затруднения жертвователю на университет З.М. Цибульский внес в 1879 году вновь 40000 рублей для осуществления скорейшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капитал[162]. Правда, некоторые находят, что предполагаемая сумма по смете 500000 рублей на постройку слишком ограничена даже для Сибири, принимая во внимание постройку клиник, кабинетов, музеев и т. д., но на это отвечают: «Пусть будут заложены первые камни на университет, в крайнем случае в Сибири найдутся средства окончить дело, этому ручательство — уже существующие пожертвования. Пусть университет наш не будет отличаться пышностью, говорят местные патриоты, — пусть это учреждение будет на первое время скромным и небогатым, как дом пионера-колониста. Высшее учебное заведение должно блистать не внешностью, пусть оно блистает ярким лучом знания и истины».

Действительно, слишком много пропущено времени, чтобы не желать самого скорого осуществления этого учреждения. Открыть

его предположено было по внесенному проекту в 1880 году. Как видим, университетский вопрос в Сибири пережил много перипетий, чересчур долго ждал своей очереди, и как бы ни было неразвито и незрело сибирское население, едва ли на нем одном лежит за это ответственность. Причина, почему университетский вопрос в Сибири, выступая не раз, не мог получить надлежащего направления и разрешения, заключалась не в том, что вопрос этот являлся преждевременным и недостаточно выясненным, но в том, что на него не было обращено достаточно внимания, и что стремление сибиряков и ожидание ими реформ не всегда совпадало с ходом и настроением общественной жизни в европейской России. Это объясняется отдаленностью сибирских провинций, где жизнь несколько отстает, а требования ее опаздывают. Положение окраин между тем нисколько не улучшилось, и нужды просвещения дают себя по-прежнему чувствовать.

Вот что говорит по этому поводу один из официальных отчетов Сибири за 1878 год: «Народное образование в Западной Сибири

далеко не находится на надлежащем уровне. Стремление к образованию проявляется во всех слоях общества, но желающие учиться поставлены в весьма неблагоприятные условия по недостаточному числу учебных заведений. Большинство населения, особенно женщины, до сих пор еще остаются безграмотными. В развитии общественной жизни явно сказывается недостаточность местных средств высшего образования. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу в Сибирь образованных лиц, предоставляя им разные льготы, но эти усилия не достигают цели. Если в Сибирь и попадают вполне достойные лица, то они скоро до такой степени начинают тяготиться суровыми, непривычными для них условиями ее быта и отдаленностью от центра империи, что при первом удобном случае покидают Сибирь. Даже уроженцы ее, более способные из учеников местных учебных заведений, уезжая для своего образования в европейскую Россию, свыкаются там с лучшей обстановкою жизни и редко возвращаются на родину. Вследствие этого население остается без врачей, сельские

и городские училища нуждаются в учителях, судебные места в лицах, имеющих юридическое образование.

Но, кроме практических целей, еще важнее является наряду с высшим образованием поднятие вообще уровня общества и создание образованного класса, которое сознательно отнесется к своей жизни, выдвинет передовые задачи развития и, может быть, изменит самую будущность края, создав зародыши цивилизации в Азии.

В университете, таким образом, лежит все будущее страны и нашей роли на Востоке. Это весьма плохо понимали люди, не принимавшие во внимание положение края и не знавшие историю сибирского просвещения. К сожалению, университетский вопрос в Сибири имел своих антагонистов и противников.

Некоторые находили, что университет для Сибири преждевременен, потому что она еще мало населена, что ей недостает гимназий, другие же относились к вопросу совершенно равнодушно, так как были в Сибири людьми временными, заезжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать о

его нуждах. Во всех этих мнениях сквозила та грустная черта нашего характера, которая делает нас непростительно невежественными в разрешении наших народных и внутренних вопросов. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать наших окраин и в провинциях, связанных тесными узами с остальной Россией, не хотели признать прав на человеческое развитие и образование, доступное каждому человеческому обществу. Кроме консервативных и реакционных аргументов, слышались нередко мнения о рановременности университета для Сибири и из другого, более либерального лагеря. Так, одним из серьезных и заслуживающих внимания выставляется тот довод, что при малочисленности слушателей университет для Сибири будет слишком дорогой роскошью, что средства, предполагаемые на него, лучше употребить на стипендии в других университетах или на народное образование, в котором масса населения более нуждается. Опыт России доказывает, говорили по этому поводу, что одно высшее образование не составляет полного развития страны, что университетская наука ча-

сто дает одностороннее развитие, и университеты воспитывали «баричей»; в Сибири университет также будет достоянием богатых классов, а не народа. Сами учреждения приносят пользу только при подготовке народа, доказательством чего приводили неудачи земского сельского самоуправления за недостатком народного развития и воспитания. Преувеличенные надежды сибиряков на университет поэтому люди такого сорта старались охладить. Напротив, как молодой колонии и юному обществу, начинающему свое развитие, ей предлагали сделать *опыт развития* на иных началах. Ей предлагали все средства и силы направить на первоначальные школы, предпочтя их всем реформам: земской, судебной и самому университету; подобно Американским Штатам, ей советовали широко раскинуть сеть первоначального народного воспитания, а потом на этом фундаменте устраивать дальнейшую судьбу свою и строить другие учреждения.

Как ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли переменить сложившегося убеждения и не всегда

выдерживали критику. Местные жители, правда, возлагали чересчур большие надежды на университет и выставляли его пионером реформ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упускали из виду и другие реформы. Напротив, они смотрели на университет, как на могучий рычаг, который дает средства создать и другие учреждения. Сравнение отдаленной Сибири с Америкой и рекомендация следовать ей в деле подготовительного народного воспитания как ни были лестны для местного патриотического чувства, но они слишком расходились с грустной действительностью и положением края, чтобы быть принятыми.

Кто мог явиться творцом народной школы в широком смысле, и какие для того существовали средства в Сибири? Заботы о сельской школе здесь должны были выпасть на долю тех же заседателей и земской полиции. Насколько бы подобные школы удовлетворяли своему назначению — это вопрос. Большинство сельских школ в Сибири существует номинально, крайне искусственно и не достигает цели при крайне неудовлетворитель-

ном составе преподавателей. Творцом настоящей народной школы могло явиться только земство, которого в Сибири еще нет. Поэтому совет сосредоточить все внимание на народной школе, обойдя все реформы, без средств и учреждений, которые должны бы были руководить ею, являлся весьма мало практичным. В ответ — не обольщаться реформами земской, судебной и другими так же, как ролью русских университетов, сибиряки с полной справедливостью могли ответить своим противникам: «Вам хорошо говорить о недостатках этих учреждений и относиться к ним критически, когда вы их достигли и ваши идеалы и требования расширились, позвольте же нам самим достигнуть тех же учреждений, которым вы обязаны своим более широким мирозерцанием». Говоря о народной школе, не нужно забывать, что земство, гласные суды такая же школа в народном воспитании и что первая без последних точно так же будет весьма мало действительна...

Недостаток средне-учебных заведений и гимназий хорошо ощущался сибиряками, но само увеличение гимназий, а стало быть, и

контингента лиц для будущего университета, зависело не от них, оно было немыслимо без учреждения высшего учебного заведения, так как создание гимназий не подвигалось за недостатком в существующих гимназиях преподавателей. Таким образом, устранение университета и недостаток гимназий ставили Сибирь в безвыходный *cercle vicieux* прежнего существования. Вот почему сибирское общество и местные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми им возражениями, а самые идеальные обещания заставляли их только горячее желать вместо заоблачных журавлей получить реальную синицу в руки. Желание и стремление местного общества стояли на более действительной почве местных нужд и формулировались в определенные тезисы.

Трудно, конечно, сказать что-либо против первоначального народного образования Сибири, на важность которого указывают многие опекуны, но оно не устраняет вопроса среднего образования и вопроса университетского. Напротив, именно при развитии последних оно должно будет сосредоточить осо-

бое внимание общества ввиду особенностей сибирской жизни. Просвещение массы и рабочего населения совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованных центров и вблизи больших городов просвещение проникает в сельскую массу всеми путями. В стране, изолированной и отдаленной, как Сибирь, где нет больших просвещенных центров, не имеется этих условий. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населению в Сибири, правда, замечается в крестьянине и простолюдине несравненно большая развитость и сметливость, но оно малограмотно [163]. Культурные привычки хотя и быстро принимаются, но редко проникают. Нравы населения грубы. Поэтому знание здесь более чем необходимо, ибо борьба с природой выступает здесь сильнее: благодаря удаленности жизни в лесах и промыслам одичание совершается быстро. Местное население при том находится в соприкосновении с инородческими племенами, которые, невольно влияя, понижают расу и заставляют еще ниже отступать невежественного человека. Кро-

ме того, она живет под влиянием деморализующего ссыльного элемента. Вследствие того здесь происходит усиленное развращение и разнуздывание природы, ничем не уравновешиваемое и не смягчаемое. Распространение же народного образования должно иметь, по всем вероятностям, значение гуманизирующее.

Мы имеем основание говорить о нуждах народного образования в Сибири, особенно теперь, когда идет дело о создании университета; причем необходимо позаботиться, чтобы само знание не стало достоянием одного класса общества; чтобы сам университет не сделался орудием, которым воспользуются одни люди, ставящие своей задачей эксплуатировать труд, иначе — чтобы он не послужил для одних промышленных целей монополистов и богатого торгового класса. Без сомнения, плохой бы был выигрыш, если бы из грубых кабалителей образовались в стране только более утонченные. При односторонности развития местного общества этого можно опасаться. Вот почему необходимо желать, чтобы распространение народного обучения и образования дало ту же возможность зна-

ний и для трудящегося населения. Оно явится полезным дополнением и помощью самому университету.

Если в европейской России можно еще мечтать — и только мечтать — об одном культурном классе из землевладельцев, то в Сибири по историческим условиям, по составу населения, по условиям земледельческого хозяйства даже и мечтать об этом невозможно. Здесь образование должно составить силу и средства народной жизни, непосредственно разделяемое всем населением.

Только при известном развитии население найдет средства помочь себе.

Не забывая девиза, что от просвещения и привития знания на Востоке зависят наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора нам обратить внимание на наш Восток, пора сделать что-нибудь и для него. Обширный сибирский край с его разнообразными нуждами требует разрешения в нем многих существенных вопросов, касающихся не только его одного исключительно, но и целого русского общества. Край богатый и разнообразный, пролежавший века без пользы,

требует, наконец, разработки. Неизбежное соединение железною дорогою Дальнего Востока с центром России, т. е. Азии с Европой, должно вызвать в крае предприимчивость; необходимо, чтобы на помощь ей пришли наука и знания, иначе предприимчивость будет направлена не туда, куда следует, а задохнется под давлением невежества. В жизни края выступает целый ряд вопросов: колониционный, торговый и промышленный, вопрос о прекращении ссылки, об уничтожении кабалы инородца и эмансипации азиатского раба наряду с освобождением других дает здесь другой жизни и света!». Не пора ли в самом деле дать свет этому краю?..

Будущность страны и условия ее преуспевания

XI.

Наступающий момент сознательного отношения к своей истории. — Сибирь, как колония России. — Характер земледельческих колоний по определению Рошера. — Успехи развития колоний у различных народов. — Английская и испанская колонизация. — Всякая национальность вносит свой характер и институты. — Общие черты колоний. — Чего недостает русским колониям. — Необходимые условия процветания. — Будущность края.

Обозрев современное положение Востока и Сибири с ее современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будет подвести итог ее прошлому существованию и выразить взгляд на будущее. Сделать это тем своевременнее, что край оканчивает 300-летие и вступает в новый фазис исторической жизни. Наступает время сознательно отнестись к его жизни, определить момент, переживаемый им, создать ему роль в будущем и

рассмотреть те условия, которые могут благоприятствовать его развитию.

Русский народ своим расселением на севере и Востоке достаточно доказал свои колонизационные способности. Что России суждена по положению колонизаторская роль и что она сама похожа скорее на огромную колонию между Западом и Востоком, это угадывают европейские писатели, занимающиеся ее судьбой. Такой взгляд проведен Леруа Болье в последнем его сочинении о России[164]. Тем более характеристика колонии приложима к Сибири. Действительно, сравнение Сибири с Америкой весьма часто встречается и, так сказать, само напрашивается. «Вместо края, пригодного только для ссылки, Сибирь, и особенно Западная, — говорит одна статья по поводу трехсотлетия Сибири, — представляется обширным запасом земель для переселения того избытка русского населения, который, естественно, будет образовываться при существующей системе земледельческой культуры. Здесь наши «Соединенные Штаты» и ни одно государство не поставлено так выгодно, как Россия, в отношении возможности посы-

лать своих эмигрантов не за моря, а селить у себя рядом»[165]. Другая статья по тому же поводу делает то же сближение. «Мы обращаемся к сравнению Сибири с другой страной, которая имеет много общего с ней в своем физическом устройстве и в первоначальной истории. Мы говорим о североамериканских Соединенных Штатах, которые отличаются от Сибири только своими южными провинциями и широким развитием береговой линии. Но причины быстрого развития Соединенных Штатов лежат не на юге, и притом близкое соседство с двумя океанами для американской республики важно только в торговом отношении; для Сибири есть другие выгодные условия, которые, может быть, даже перевешивают преимущества Америки: близость и соседство разных азиатских государств, которые надолго еще могут быть обширными рынками для нашей внешней торговли, обмен произведений собственно с европейской Россией и т. д. Рассматривая карту Америки, невольно любуешься на ее равнины, горные цепи и могучие речные системы, которые имеют так много общего с равнинами, гора-

ми и реками Сибири; затем резко континентальный климат, орошение, обширные пространства, богатство царства растительного и животного, сокровища, скрытые в недрах гор, и здесь мы видим много общего с Сибирью, конечно, не выходя из пределов аналогии, которая, как всякая аналогия, не может быть приведена до мельчайших подробностей» [166].

Сибирь представляет колонию земледельческую, и в этом скрываются значительные ее преимущества. «Земледельческие колонии, — говорит знаток колоний Рошер, — отличаются от военных и торговых, колоний тем, что они развиваются в местах пустынных, редко населенных звероловными или пастушескими народами; им свойственно произрастание злаков и обилие лесов, поэтому земледельческие колонии до прибытия колонистов представляю! лесистую страну, и колонисты начинают свою жизнь с трудной, опасной для здоровья обработки новин. Колонисты должны быть здесь оседлы со всем своим имуществом и семейством и оставаться на всю жизнь колонией, потому что только дети

могут пожать то, что посеяли отцы. Таким путем из колонии нередко вырастает нация — самостоятельная отрасль метрополии. Эти колонии происходят от излишка накопления рук в метрополии и потому к созданию их способнее густонаселенные страны. Обыкновенно вследствие трудности отдаленных путешествий большими массами и неудобства перевозки земледельческих продуктов такие поселения основываются вблизи метрополии, примеры тому — Северная Америка и Англия, Южная Америка и Испания, Сибирь и Россия, северные малоазийские греки и Эолия[167], южные малоазийские греческие колонии и дорийцы[168]. Климат подобных колоний должен быть не слишком отличен от климата метрополии. Рошер приводит в пример климат плато в Мехико, одинаковый с климатом Кастилии. Еще лучше, если колонии прилегают непосредственно к метрополии, как долина Миссисипи к Атлантическим штатам. Внутренний характер таких земледельческих колоний, по словам Рошера, демократический. Кто шаг за шагом завоевывает в поте лица свой двор, кто каждую минуту должен

быть готов защищаться от набега диких людей или хищных животных, тот не имеет ни малейшего желания отправлять барщину. При избытке земли, которую можно брать даром, редко создается поземельная зависимость; что касается личности, то культиватор в девственной стране воспитывает замечательную самостоятельность и независимость характера. Принимая во внимание, что богатые люди считают тяжелым принимать участие в земледелии колоний, пролетарии же — дорогим, земледельческие населяются преимущественно людьми среднего состояния, людьми равного достатка. Снабженные просвещением земледельческие колонии достигают весьма быстро гражданственности и известного совершенствования. В древности такую колонию представляла Сицилия, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здесь процветали земледелие и скотоводство, победителями на конских ристалищах были сицилиане, здесь даже расцвела буколическая поэзия[169] Феокрита. В новейшее время тип земледельческих колоний представляют Северная Америка, Сибирь

и Новая Голландия». Проводя подобную аналогию, не должно забывать, однако, что это сравнение только внешнее, так сказать, в общих типических признаках всех заселенных стран.

В частности же жизнь и история колоний до бесконечности различествует. Каждая нация создавала свой тип колоний и вела свою колониальную политику. Так, с давнего времени отличают греческие земледельческие колонии (клерухии) от римских военных колоний (апоекий). Английские колонии отличаются от испанских. Сравнения жизни и условий существования этих колоний у различных народов ввиду изучения колониационного вопроса весьма поучительны. В истории европейской колонизации мы видим несколько периодов, точно так же, как и различные побуждения, которые руководили нациями в основании колоний. Прежде чем выработалась определенная колониальная система и политика, различные народы пользовались колониями различно, назначая их военными пунктами, торговыми факториями, местами ссылки, наконец, делали колониями

горнозаводскими или плантаторскими. Колонии торговые и плантаторские были первыми формами поселений. Нации кидались на редкие произведения новой страны и стремились вывезти ее богатства; так, испанцы и англичане кинулись на золото и меха Америки, на табак, сахар в Вест-Индии, слоновую кость и пряности в Индии, алмазы в Бразилии и т. п. Скоро потребовалось для разработки этих богатств привезти рабочие руки. Так образовывались плантаторские невольничьи колонии. Характеристика их сделана также Рошером. В XVII столетии спекуляция на колониальные богатства явилась страстью. Испания, Португалия, Голландия, Франция и Англия одинаково соперничали в этом. Старая колониальная политика сводилась к обширным спекуляторским компаниям в метрополии, игравшим на богатство колоний и к системе кредита вывоза и насаждения рабства в колониях. Способы эти соответствовали времени грубости и невежества наций и основывались единственно на самой жадной эксплуатации. Увлечение богатствами и хищнический способ в колониях был, однако, не ве-

чен. Несостоятельность и невыгода поверхностного извлечения сокровищ была признана, она повела к опустошению и расхищению. Сами колонисты сознали все невыгоды погони за золотом. «Честные и достойные сограждане, — говорил один из первых виргинских поселенцев, знаменитый Смит, — да не пугает вас простое слово «рыба», рыба вам даст такое же хорошее золото, «как рудники Гвианы и Потози». Действительно, новая Англия через несколько лет давала доходу уже 100000 фунтов в год.

Помбаль скорбел о тех богатствах, добывание которых влекло за собой разорение Бразилии. Основанием земледельческих колоний, покровительством торговых обществ, созданием караванного судоходства он надеялся добыть сокровища, драгоценнее тех, которые доставались работами в золотых рудниках.

Таким образом, в рудных и горных колониях являлась реакция и стремление вывести их на лучшую дорогу земледельческой и промышленной деятельности, одновременно началась борьба против рабства в колониях.

Вместе с тем колонии из первичных форм плантаторских, горнозаводских превращаются понемногу в колонии земледельческие. Судьба колоний земледельческих также была незавидна в первое время. Англия и другие нации создали колониям торговую зависимость. «Когда поселения были уже заведены и получили такое значение, что обратили на себя внимание метрополии, — говорит Адам Смит, — то первые заботы последней постоянно имели своим предметом захватить в свои руки монополию их торговли, стеснить их рынок и расширить на их счет свой собственный, и, стало быть, они не только не содействовали и не ускоряли движения колоний к благосостоянию, но подрывали и замедляли его» (Смит, о богатстве народов).

Такова была система протекционизма и меркантилизма, господствовавшая в XVIII в. во всех колониях. В это время Англия стремится быть единственным фабрикантом для своих колоний, создать из них рынок для сбыта своих произведений и искусственно запретить все отрасли промышленности в колониях — вот что было ее целью. Колонии обрека-

лись, обыкновенно, производить одно сырье. И барыши падали на долю фабрикантов метрополии. За эту систему грубой эксплуатации как Англия, так и Испания поплатились горькими уроками, когда колонии созрели.

Иное отношение к колониям является в XIX веке. После отпадения Америки Англия провозглашает принцип «свободы торговли». Укрепив за собою рынки, подняв свою мануфактуру и набрав «колонию покупателей», она обеспечивает свои рынки, ей незачем запрещать промышленность колоний, когда ее убийственная конкуренция господствует. Она смело становится на этот путь. Оставляя за собою экономическое господство, в то же время она предоставляет колониям полную политическую свободу, девизом ее новой колониальной политики является «покровительство гражданскому развитию колоний»[170]. Этот оборот обнаружил блестящие результаты. Английские колонии представляют ныне сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

Не то представляли испанские колонии, где опека, влияние феодальных начал, дух

каст, монополии, католическое духовенство и гражданские стеснения и невежество населения сделали владения эти гораздо менее полезными. Как в английской, так и в испанской системе колонизации отразились свойства и характер наций, их создававших. Англосаксонская раса принесла свой дух независимости, личной свободы и представление о лучших учреждениях. «В успехах североамериканских колоний обнаружилось главным образом превосходство английских политических учреждений», — говорит Адам Смит. Английские колонии поселялись отборными элементами реформаторов в лице пуритан, вслед за колонистами перенеслись понятия и просвещение Англии. Все, кто мечтал осуществить лучшие формы жизни, стремился в Америку. Англия в первое время предоставляет устраиваться колонистам, как они хотят, и не вмешивается в их дела. Американские общины устраиваются самобытно и оригинально. Опека является чуждой английской политике. Англия для поднятия сил колонии даже более расширила их права, чем в самой метрополии. Совсем наоборот происходит в ис-

панских, португальских и французских колониях, где господствовали старые воззрения, где стеснения жизни явились сильнее, низшие представители администрации пользовались неограниченной властью, в таких колониях произвол был шире и управление хуже за отдаленностью. Строгая регламентация жизни, опека развивались до крайней степени, метрополия стремилась руководить экономической жизнью колонии, назначая ей быть то звероловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилия), то земледельческой низшей формы, обрекая ее на выделку только сырья и препятствуя развитию промышленности. Иногда целые отрасли занятий запрещаются, как, например, земледелие или заводская промышленность, на привозную и отпускную торговлю налагаются произвольные пошлины. «Стеснение всякой промышленности, небрежность в проложении дорог и судоходства по великолепнейшим водным пространствам, наконец, обречение колоний на невежество было как бы систематической политикой Испании обессилить колонии и тем удержать их в зависимости», — говорит

Гервинус. Но такая ложная система повела к обратным результатам. Колонии действительно представили ничтожные и невежественные владения, они были истощены, но Испания все равно потеряла их и не сохранила с ними связи. Мало того, испанские владения в Америке, предоставленные себе в силу предшествовавшей истории, явились полуварварскими.

Различаясь в системе политики, колонии различались и в учреждениях. Каждая из наций стремилась насадить в своих колониях свои национальные учреждения. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизм, протекционную систему своей мануфактуры, Англия пробует утвердить в колониях поземельное владение и крупную собственность. Попытки эти начались в Северной Америке, перенеслись в Австралию и в Индию. Плодоноснейшие земли Америки раздавались при Карле II вельможам. Те же привилегии и раздачи земель продолжались при Стюартах. В Австралии средством к созданию крупного землевладения явилась система Уэкфильда распродажи земель и привоза ра-

ботников в колонию, как необходимых рук для обработки. В Индии Англия стремится разрушить древнюю общину и создать особый класс из земиндаров и англичан. Система землевладения, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторские колонии Англии и южных штатов Америки, что породило впоследствии все бедствия рабства и междоусобной войны. Напротив, в северных штатах колонисты впоследствии должны были выкупить розданные земли и создать государственную систему более равномерного распределения земель[171]. Американские Соединенные Штаты склонились к мелкой поземельной собственности. Когда новая Голландия сделалась собственной законодательницей и в колониях были созданы избирательные палаты, она издала законы, ограничивающие расхищение земель и установившие более благоприятные для переселенцев условия (Land — act., 1862). Но раз совершенная раздача и продажа земли сильно затормозили земледельческое хозяйство в колониях.

Как Англия проводила свою экономическую систему протекционизма, а потом фри-

тредерства, как создавала крупный класс землевладельцев и затем привила свои учреждения[172], так Испания внесла в колонии свои нравы, воззрения и институты. Прежде всего она привела испанскую опеку в управление и свои завоевательные взгляды, создала рознь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майоратов в колониях, внесла господство духовенства в лице иезуитов, приобретших огромное влияние, и образовала полутеократическое правление. Последствием этого в испанских колониях воцарились суеверие, деспотизм, невежество и рабство туземца. Жизнь колоний и окружающие условия только понемногу ослабляли и уничтожали эти традиции метрополии.

Кроме свойств племени и наследственных черт метрополии, в колониях развертывается, однако, под влиянием новых условий самобытная жизнь, эти новые факторы в девственной стране совершенно претворяют общество, изменяют его характер и придают ему небывалые подвижность и энергию, которые не доступны старым обществам. Уже Адам Смит замечает, что обширные земли и

плодородие их создают широкое поприще для применения труда каждому переселяющемуся. Девственная природа производит ободряющее впечатление и воспитывает отвагу, поиски за богатствами, предприимчивость, отсутствие сословной розни и возможность всем одинаково трудиться, воспитывают равноправность и придают демократический характер новому обществу, отсутствие предрассудков и традиций, склонность к новизне, восприимчивость и необыкновенный практический ум — вот отличительные черты колонии. При благоприятных условиях подобные общества весьма быстро развиваются, усваивая же просвещение, так быстро прогрессируют в духовном отношении, что в короткий период жизни не только сравниваются, но и переживают старые общества.

Успехи развития земледельческих колоний замечены еще в древности.

Известно положение древних греческих колоний, как Сиракузы и Агригент в Сицилии, Тарент и Лакры в Италии, Ефес и Милет в Малой Азии, которые не уступали в духовных качествах блестящей метрополии сво-

ей — Греции. Несмотря на то, что существование их началось позже, мы встречаем в них науку и искусство, философию, поэзию и красноречие в те же эпохи и на той же степени развития, как где бы то ни было в их метрополии. Школы Фалеса и Пифагора были основаны не в Греции, а в колониях[173]. Еще более блестящие примеры представляет рост новейших колоний. Развитие американских штатов в три столетия и успехи Австралии, сформировавшейся в одно столетие, слишком известны, чтобы повторять о них.

Из всех европейских колоний самые быстрые успехи были сделаны американскими колониями. Успехи эти заключались не столько в применении старого, сколько в создании новых форм жизни, имевших огромное значение в истории мира и оказавших влияние на судьбу Европейского континента. Своим процветанием эти колонии обязаны гражданской свободе, дарованной Англией. В числе других условий, способствующих развитию, видную роль играет просвещение и степень распределения образования среди колонистов. Англосаксонская раса и в этом случае

имела все преимущества перед полуварварской Испанией. Она выселила в Америку, начиная с пуритан, лучших и просвещенных граждан в лице Пэна[174] и других. Это была великая мать великих мужей — «*magna virorum mater!*». При таких условиях колонии могли быстро прогрессировать; благодаря новой почве они достигают замечательного благосостояния, и развитие их идет быстрее старых обществ. Вот откуда приговор А. Смита, что колонии просвещенного общества, утверждающиеся в малолюдной и богатой стране, туземные жители которой уступают место новым поселениям, скорее всякого другого человеческого общества двигаются к богатству и благосостоянию.

По мере гражданского развития зарождаются и высшие духовные потребности колонистов. «В первый период колонизации мысли колонистов исключительно направлены к приобретению богатств, — говорит Леруа Болье. — Наклонность к накоплению и бережливости является главным стимулом, стремление к материальному благополучию есть почти единственная цель. В жизни колониста

нет места умозрительным идеям; частная жизнь переполнена событиями и трудом до того, что для жизни общественной не остается ничего. В эту эпоху замечается поразительное равенство между колонистами; нравы их бывают грубы, отсутствие высшего образования порождает невежество». Но с ростом колонии являются все потребности гражданского общества, в которых трудно отказывать. «Плохо знает человеческую природу тот, — пишет Болье, — кто воображает, что с нее достаточно одних материальных благ и пассивного счастья. Это может быть и справедливо в периоде детства или истощения, последовавшего за каким-нибудь кризисом, но это временное состояние не обратится в нормальное и постоянное. Настанет момент, когда человек, сознав в себе силу и свободу распоряжаться собою, пожелает лучше ввериться своей звезде и на свой риск отдаться всем случайностям темного будущего чем вяло плестись по торному пути под руководством другого, к спокойному и верному благополучию. К чести человеческой природы, есть чувства более могучие, более неодолимые и плени-

тельные, чем склонность к спокойному, доставшемуся без труда наслаждению. Есть другие удовольствия, кроме стремления к наживе, и хотя в первый период существования колоний жажда прибыли, по-видимому, преобладает над всеми другими интересами, но наступает время, когда после устранения величайших препятствий и образования достатка, а иногда богатства являются другие побуждения, овладевающие душой и сердцем колониста» (Колонизация новейших народов. Леруа Болье, с. 514–515).

Надо заметить, что жизнь колоний бьет сильнее; зарождающееся общество кипит избытком сил, это молодой организм, в котором слагается гражданская жизнь, и поэтому здесь требуется более простора. Организм детей для своего развития требует более деятельности для упражнения сил, чем организм взрослого. От напряжения этой деятельности зависят рост и накопление богатств, выгодное прежде всего для метрополии.

Современная колонизация, таким образом, дает важные уроки и разрешает вопрос как относительно выгоды колонизации, так и

условий процветания колоний. Когда-то являлся вопрос о том: 1) получает ли государство выгоду, лишаясь значительной части своего населения путем эмиграции, и 2) «стоит ли хлопотать об основании поселений, которые при достижении гражданской зрелости в силу исторического закона могут выделиться в отдельные государства?». Опыт показал всю неосновательность подобных возражений. Метрополия, выселяя излишек населения, избегает экономических кризисов и дает возможность выселяющимся лучше устроиваться; выселение в собственные колонии предпочтительнее всякой чужеземной эмиграции; убыль выселяющихся быстро пополняется приростом населения, создание же колоний в новых местах, в смысле расселения племен и народов, приносит новые выгоды для всего человеческого рода. Успехи развития благосостояния и процветания колоний выгоднее для метрополии, чем их бессилие и жалкое существование. Мы видим, в конце концов, что успехи этого развития зависят: 1) от внесения труда, прилива колонизации и обогащения колонии силами; 2) от

свободы пользования землей и низкой цены на нее; 3) свободы экономического и промышленного развития, устраняющего монополии; 4) от переносимого капитала старой страны в страну новую; 5) от просвещения колонистов и 6) от прав гражданских, даруемых им по мере их зрелости.

Обращаясь к русским колониям на Востоке, мы видим, что они ничуть не менее обладают благоприятными природными задатками для развития. Тот же простор, те же привольные места и еще шире, чем у других народов, богатая природа, девственная почва, предприимчивость и смелый ум русского колониста — все благоприятствует новой жизни и, однако, едва ли мы можем сказать, что наши колонии достигли полного развития и совершенства.

Несмотря на то, что русский народ своим расселением на севере и Востоке ясно доказал свои колонизационные способности, что перед нами находятся обширнейшие владения в мире, молодой край, полный задатков жизни, способный к развитию, край, которому предстоит, может быть, великое будущее, мы

не можем скрыть от себя, что мы далеко еще не воспользовались всеми благоприятными условиями своего положения, или, лучше сказать, колонизаторской позиции. На многих страницах современной жизни и истории этого края звучит горькая нота и рисуется мрачная картина его настоящего положения. Вот что говорит одна статья по поводу 300-летия, и ее слова звучат особой укоризной. «Америка в течение одного столетия достигла таких успехов и развития, о которых мы не смеем и помыслить еще; даже краснокожие индейцы перестали скальпировать своих белых собратьев, и между ними уже есть лица, с высота кафедры проповедующие научные истины; недавние рабы-негры также цивилизовались, и немного времени им нужно будет, чтобы сделаться культурным народом. Австралия, и та в текущем веке далеко шагнула вперед, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вероятно, ничего не знают даже по слухам. Таитяне, еще недавно отрицавшие необходимость листика стыдливости, заседают уже в парламенте и решают весьма прилично и благоразумно

свои дела; даже смертную казнь отвергли, как не отвечающую понятию о человеческом достоинстве. А Сибирь?..». При всей отсталости этой страны мы мало заботились об обновлении ее колонизацией. Колонизационный вопрос у нас только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселять ли нам наши окраины? У нас часто люди передовые и государственные говорят против заселения окраин[175]. Вопрос о колонизации Сибири, разрешаемый в настоящую минуту, может иметь роковое влияние. От него будут зависеть рост, сила и прочность наших владений. Должно помнить, что колонизация есть союз народов, а не разъединение их. Тропа, проторенная русским народом, и из года в год тянущиеся переселения в обетованные места, на свободные земли, указывают сами собой разрешение этой задачи.

Нельзя не признать, что в этих пространствах свободных земель созданы самим народом гарантии, которые надолго обеспечивают судьбу славянского населения от случайностей будущей истории. Русские колонии отличаются от западных: английских, испан-

ских и голландских той счастливой случайностью, что в них более, чем где-либо, сохраняется за колонистом и переселенцем право *дарового пользования землей*. Это великое божье право. Другой стороной, отличающей наши колонии, служит общинный быт нашего крестьянства, зарождающийся и в новых странах. Эта типическая общественная форма может получить богатое развитие при общем довольстве в новой стране на богатых землях. Как англосаксонская раса отразила лучшие черты своей природы и характера в своих колониях, так славянская раса должна выразить те же лучшие черты в своих.

Чего недостает нашим колониям, это еще полного гражданского развития, и мы еще недостаточно обратили на это внимания. Без этого гражданского развития они могут остаться вместо цветущих и богатых владений, приносящих огромные выгоды своей праматери, жалкими областями, отстающим от цивилизации, глухими и забытыми, какими оставались до сих пор. Весьма странно видеть, как после временных восторгов и патристической гордости приобретением и вели-

чиной завоеванных владений мы как будто забываем о них и нимало не заботимся о их внутренней жизни. Страна будущего, «наша Мексика и Перу», наше «золотое дно» завтра является забракованным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и краем, не имеющим политического значения.

Поэтому преемник Миллера, друг Сперанского историк Словцов произнес над историей ее следующий горький приговор: «Из черт, живописующих быт сибирский, видно, что Сибирь, как страна, заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область». («Ист. Сибири», Словцов, гл. V, стр. 265).

Вопрос в том: надолго ли она такую останется?.. Не наступает ли время дать этой области развитие, создать в ней внутреннюю жизнь и гражданственность. Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жиз-

ни создали в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих. Задерживать гражданские потребности этого общества мы будем не в силах, хотя бы и хотели.

Необходимыми условиями дальнейшего существования этой страны, как *sine qua non* [176], ее развития и жизни являются: 1) колонизация и заселение, 2) право на безвозмездное пользование землей каждого прибывающего, 3) свобода земледельческого труда и поощрение развития местной промышленности, 4) облегчение и создание внутренних путей для обмена жизни на огромных расстояниях Востока, 5) предоставление полных прав гражданства жителям этих областей наравне с гражданами метрополии, 6) просвещение и простор духовной жизни.

Мы окончим несколькими мыслями, высказанными нами по поводу 300-летия Сибири.

Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, мы видим период завоеваний, покорений, усмирений, бунтов, далее период

колонизации, заселения, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа. Между тем вложить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающаяся на очереди.

В настоящую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя миллионами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил; гражданские и образовательные потребности в этих стремлениях начинают занимать известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории.

В последнее время выдвигается несколько

весьма видных местных потребностей и нужд этого общества, которые не могут остаться без ответа в государственной жизни России. Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные европейской России. Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования.

Дарование самоуправления, водворение правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимым, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала много притеснений, несправедливости и неурядиц. Эти бедствия начались с воеводского управления; произвол господствовал в Сибири более чем где-либо; край подвергался всевозможным злоупотреблениям, и жизнь его остается далеко не устроенной до последнего времени.

Между тем ныне выступают многочисленные общественные вопросы и нужды, требующие настоящего удовлетворения. К таким принадлежат: отмена уголовной ссылки, ме-

шающей безопасности и развитию гражданской жизни, организация переселений, устройство быта инородцев, принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих и многие другие. Наконец, в крае является потребность умственной жизни, стремление к гласности, желание разрабатывать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола. Выражение всех этих нужд проявляется в последнее время довольно определенно и ясно не только в печати, но в ряде заявлений представителей обществ, выраженных ко дню трехсотлетия. Такие заявления сделаны Енисейской, Иркутской и Томской думами, причем положено ходатайствовать о введении реформ. Как выражение этих общественных желаний мы приведем предложение гласного Енисейской думы Скорнякова, принятое думой:

«В нынешнем году, как известно, минет 300 лет Сибири; период, кажется, слишком долгий для того, чтобы развиться, окрепнуть и встать на ноги; но, оглядываясь на про-

шное, сердце невольно сжимается, не видя ничего отрадного и ничего прочного. Есть только слабые кое-где зачатки, но все это бледно, чахоточно; видно, что чего-то для развития недостает. Мертвенность эта может удовлетворять только человека, долго жившего исключительно личными интересами, которому чужды всякие интересы своей родины; но для человека, который хоть сколько-нибудь заглядывает в будущее, для человека интеллигентного, для человека, так или иначе заботящегося о благе своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергию к деятельности, вселить опасное чувство равнодушия к жизни своей родины и таким путем убить в ней всякую жизненность и способность к развитию. Не пора ли очнуться нам? Не пора ли заявить свои кровные нужды теперь, на рубеже трехсотлетия Сибири, на ее трехсотлетней тризне? В чем состоят ваши нужды, нужно ли говорить об этом; нужно ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ее представительницею — печатью? Мне кажется, говорить об этом всегда нелишне, а тем бо-

лее теперь, когда правительство выступило на путь преобразований и улучшений, когда лица, стоящие во главе управления, призывают общество к совместной с ними деятельности и, наконец, когда с высот престола раздались радостные слова государя, что, вступая на него, он посвятит себя прежде всего делу внутреннего развития, будет служить России, ее благоденствию, надеясь заслужить любовь. Наше трехсотлетнее существование дает нам право говорить о своих пользах и нуждах, и теперь, мне кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишком велики и обширны, велики потому, что мы дома почти 300 лет были пасынками России, были обделены всем, за исключением лишь известного законодательного акта 16 июня 1870 г., распространившегося и на сибирскую окраину. Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая от наших неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требования и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать нас, потому что, приобретая коренные изменения

и улучшения в нашей жизни, мы приобретем залог для нашего лучшего будущего, вступим в общечеловеческие права, делающие жизнь человека похожей на жизнь человека в полном смысле слова.

Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь.

Приобретая их, мы приобретем нужную и великую силу для борьбы с невежеством, с бедностью нашей жизни, произволом суда и администрации, обезопасим свою личность и имущество от вторжения разных хищников Сибири. Вот об этих-то нуждах наших наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Нам предстоит об них ходатайствовать пред государем на рубеже нашего 300-летия, чтобы с новыми полномочиями вступить на новый путь общественной самодеятельности для служения благу нашего края»[177].

В этих заявлениях сказываются те ожидания, которые волнуют общество, а также сказывается вся важность переживаемого исто-

рического момента.

Нет никакого сомнения, что развитие страны достигло в настоящее время известной гражданской зрелости, и момент трехсотлетнего юбилея совпадает с моментом ожидаемого полноправия. Необходимость сибирских реформ до такой степени ясно сознается ныне правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были удовлетворены. Русский народ, совершивший немало заслуг на окраинах, приобретший целую страну, доставивший в эти три столетия огромные богатства государственной казне, конечно, не будет лишен общих гражданских прав. Его способности к самостоятельной жизни, его таланты к самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились в новой стране при самых трудных обстоятельствах. Сибирское население, жившее вне опеки крепостного права, давно приобрело навык к самоуправлению, а борьба с обстоятельствами сделала его развитым, бойким и предприимчивым. В правоспособности свободного сибирского населения едва ли могут встретиться сомнения:

к этому самосознанию и самодеятельности уже призывал сибирское общество Сперанский 50 лет тому назад.

Таким образом, после предшествовавшей работы для этого края ожидается еще большее развитие внутренних сил. Если до сих пор народная жизнь и народные стремления в обширной колонии России, слагаясь инстинктивно и почти бессознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основание предполагать, что те же силы, призванные к более сознательной жизни, способны будут тем более доказать свою жизненность при условиях внутреннего самоусовершенствования.

Пробуждение общественной самодеятельности, развитие образования на Востоке и осуществление подготовляющегося университета может создать иную, лучшую роль сибирской окраине, а европейские условия существования придадут этому безжизненному краю свет и тепло цивилизации.

Должно принять во внимание, что, несмотря на трехсотлетие, сибирское общество все-таки исторически молодое общество,

а судьба молодых обществ и колоний весьма часто представляет завидное существование сравнительно со старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первые изжили многое, потерпели много разочарований и огорчений, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны к сохранению старины и к косности, обладают часто предрассудками старчества, принуждены бороться с неодолимыми препятствиями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторые свободны от многих из этих неудобств. Они кипят избытком сил производительности, обладают многими дарами природы, стоят у начала истории; дорога их торная, может быть, не сулящая многих превратностей; они не имеют предрассудков старого мира и, так сказать, на обломках старых цивилизаций свободны создать новую, лучшую жизнь, обвитую свежими розами.

Нередко великие идеи и плоды человеческого прогресса доступнее колониям, и они прогрессируют быстрее метрополий. На Западе нередко из них разворачиваются новые государственные организмы, создающие новые

цивилизации. Мы далеки, чтобы мечтать о подобном будущем и сближать судьбы европейских колоний с нашей, далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, как она стоит неизмеримо их ниже, здесь нет даже отдаленного сходства. Америка и Австралия, на которые часто указывают, в гораздо кратчайший период оказали величайшие успехи в смысле развития гражданской и культурной промышленной жизни. Но тем не менее и здесь есть известная разница в прожитых периодах, в условиях нового существования и в задачах жизни, и здесь не может не чувствоваться жизнь молодого, восприимчивого организма. Культурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может явиться пышнее и богаче, общественный склад — самобытнее и оригинальнее, в новом положении страны могут явиться и новые задачи.

Географическое положение в Азии, связывающее европейский мир с азиатским, указывает этому краю некоторую своеобразную политическую роль и значение в будущем. Конечно, азиатские народности не всегда оста-

нутя в периоде косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здесь предвидится великая общечеловеческая работа. Для того чтобы выполнить ее, необходимы все средства цивилизации, и прежде всего собственное развитие.

Нельзя не предсказать, таким образом, для этого края все-таки известного значения и участия его в мировой истории. Стоя у начала исторического процесса, у колыбели нарождающегося существования, естественно остановиться мыслью на его будущем и сознать задачи, налагаемые современностью.

В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время призвать наши окраины к новой жизни, побудить их общественные силы к самодеятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой, развивающейся на ее руках стране: великая обязанность налагается на нее Провидением пе-

ред лицом всего человечества и будущей истории.

Какова бы ни была история этого края, у него нельзя отнять известной будущности. С верою в его жизнь, в его призвание соединяются ныне лучшие ему пожелания. Они окрылят вдохновением людей, ему преданных, и придадут энергию труду в новой стране. Нет сомнения, что русским колониям на Востоке при условиях просвещения и цивилизации не менее, чем другим народам, суждено будет пожать плоды общечеловеческого счастья.

Статистические сведения современном состоянии Сибири

Пространство и население азиатской России в 1879 г.

	Кв. верст	Кв. миль	Жителей	
			об. пола	на 1 кв. в.
Тобольская губерния	1297853*	26749,8	1206430	0,92
Томская губерния	759068	15688,6	1032579	1,36
Акмолинская область	479200	9903,9	454205	0,94
Семипалатинская область	428528	8856,7	525979	1,22
Енисейская губерния	2259562	46699,8	428517	0,19
Иркутская губерния	703650	14542,8	383578	0,54
Якутская губерния	3452656	71358,2	242001	0,07
Забайкальская область	547966	11325,2	488000	0,89
Амурская область	544984	8163,4	34859	0,06
Приморская область	1661373	34336,7	73217	0,04
	12134840	247625,1	4869365	0,4

* Пространство Сибири определяется в 226924,2 кв. мили, или 10979687 кв. верст, включая две области — Акмолинскую и Семипалатинскую, 245701 кв. мили, или 11885415 кв. верст. По исчислению Венюкова 268855 кв. миль, но сюда присоединены земли Пермской и Оренбургской губерний за Уралом и земли оренбургских, сыр-дарьинских киргизов и зачуйские, без них протяжение равно 246158 кв. миль.

Нельзя не заметить, что все вычисления делаются доселе весьма приблизительно.

Тобольская губерния по Кеппену	28028 кв. м	
Тобольская губерния по Готскому альманаху 1864 г.	27000 кв. м	
Тобольская губерния по исчислению Венюкова	25663 кв. м	
Тобольская губерния по календарю Суворина	25021 кв. м,	или 1210677 кв. м
Тобольская губерния по Стрельбицкому	—	или 1297853 кв. м
Тобольская губерния по губернскому показанию	—	или 1295758 кв. м
Томская губерния по Кеппену	15714 кв. м	—
Томская губерния по альманаху Гота	15733 кв. м	—
Томская губерния по Венюкову	15566 кв. м	—
Томская губерния по Швейцеру	15713 кв. м	—
Томская губерния по календарю Суворина	15476 кв. м,	или 748819 кв. м
Томская губерния по Центр. стат. комитету	15688 кв. м,	или 759068 кв. м.
Томская губерния по военно-стат. сборнику	—	или 725000 кв. м
Томская губерния по свед. И. Завалишина	—	или 732027 кв. м

Сведения

о количестве земель и крестьянских наделах в Западной Сибири

Земли государственные	Вообще земель по межевым сведениям*	Удобных земель	В пользовании крестьян	Наделы по волостям			
				Удобных земель на одну душу крестьянского населения	Многоземельные более 18 десятин	Малоземельные менее 18 десятин	Неизмеренные
Округа:							
Тобольский	11119062	487714	284884	15,5	3	6	23
Тюменский	1775208	609973	370935 ¹ / ₂	20,7	6	11	5
Туринский	7967708	475068	169948	21,3	6	6	12
Ялуторовский	2057916	1193168	784855	16,4	5	23	—
Тарский*	7339791	1039852	645231	25,6	8	—	109
Тюкалинский (бывший Омский)	6183332	2916339	985793	51,5	10	—	7
Ишимский	3769792	2283299	1488159	26,7	16	2	10
Курганский	2147917	1511943	1043760	17,4	7	22	—
Березовский	} 92616069	—	—	—	—	—	—
Сургутский							
Итого	134976795	10517356	5773565 ¹ / ₂	24,8	61	70	166
Томская губерния:							
Томский	} 25721190	552283	703589	22,6	5	—	5
Марининский		1341111	391107	59,4	5	—	—
Каинский		7303460	1349870	1460914	28,6	7	—
Итого	33024650	3243264	2555610	34,5	17	—	9

* Сведения эти разработаны нами по местным межевым данным ввиду полного отсутствия поземельной статистики в Сибири.

Земли Кабинета Его Величества	Земель в пользовании крестьян	Сколько приходится на крестьян - скую душу	Пропорция земли по волостям
<p>Алтайский Горный округ включает часть Томского</p> <p>Барнаульский Бийский Кузнецкий</p> <p>Инородческий район Алтайского округа</p>	<p>7264787</p> <p>11401400</p>	<p>по 44 д. 1529 саж.</p> <p>494,9</p>	<p>в 21 вол. с 77 селениями в 47 сел. по 100—150 дес.</p> <p>в 14 сел. с 200 дес. в 10 сел. по 300 дес. в 2 сел. по 500 дес. в 4 сел. по 1000 дес.</p> <p>в 34 волостях с 106 сел. в 18 сел. по 2—7 дес. в 88 сел. по 7—14 дес. в 33 сел. не измерены.</p>
<p>По всей Западной Сибири земель государственных</p> <p>Земель кабинета</p> <p>Казачьих земель</p>	<p>2533999 кв. в.*</p> <p>328000 кв. в.</p> <p>48058 кв. в., или 4995233 д.</p>	<p>на каз. насел. по 76,6 дес.</p>	

* Из числа этих земель пожаловано и продано до 250 000 десятин в частную собственность и 769545 десятин в числе оброчных статей.

Движение переселений в

Из каких губерний переселенцы	в 1846 г.	в 1847 г.	в 1848 г.	в 1849 г.	в 1850 г.	в 1851 г.	в 1852 г.	в 1853 г.	в 1854 г.	в 1855 г.	в 1856 г.	в 1857 г.	в 1858 г.	в 1859 г.
	Вологодской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воронежской	—	—	973	551	—	—	3224	10	—	54	65	—	—	543
Витебской	—	—	—	46	—	—	—	1700	139	—	—	—	199	185
Владимирской	—	—	—	—	—	—	91	—	—	—	—	—	—	—
Вятской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Курской	—	29	318	419	—	—	1512	1809	297	29	19	—	114	453
Калужской	—	—	—	—	4	—	1596	2636	—	15	—	—	—	—
Орловской	63	46	135	164	284	143	528	1193	36	—	9	—	657	390
Оренбургской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московской	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пензенской	140	—	—	—	—	842	149	163	—	—	—	80	—	338
Псковской	6732	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	299
Пермской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полтавской	—	—	—	—	—	128	398	—	—	—	—	—	—	—
Рязанской	186	—	8	—	—	63	37	—	—	—	6	—	—	238
Смоленской	185	—	397	—	—	—	2679	4668	3	—	—	320	—	—
Саратовской	—	—	—	—	—	—	230	124	419	—	3	67	—	—
Самарской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—
Тульской	—	—	—	—	—	—	417	—	—	—	12	—	—	—
Тамбовской	—	—	—	141	17	—	69	16	—	4	—	—	—	—
Уфимской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черниговской	11	—	—	—	—	—	116	253	—	—	—	—	—	—
А всего	7317	75	1831	1343	305	1176	11046	12572	894	130	114	467	970	2446

Тобольскую губернию с 1846 по 1878 гг.

в 1860 г.	в 1861 г.	в 1862 г.	в 1863 г.	в 1864 г.	в 1865 г.	в 1866 г.	в 1867 г.	в 1868 г.	в 1869 г.	в 1870 г.	в 1871 г.	в 1872 г.	в 1873 г.	в 1874 г.	в 1875 г.	в 1876 г.	в 1877 г.	в 1878 г.	А всего
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	763	197	—	—	8	—	—	968
—	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5427
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2343
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42
158	150	30	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5337
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4251
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3662
—	—	—	—	—	5	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	218
—	—	—	—	—	—	213	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
—	—	87	505	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2312
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7031
—	—	—	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	526
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	539
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8252
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	843
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	429
—	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	287
—	—	—	—	—	—	67	—	—	—	552	—	—	—	—	—	—	—	—	619
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	380
232	157	117	506	—	149	486	—	42	2	552	—	763	197	—	—	8	—	—	43753

В какие округа переселенцы переселились

С какого времени	Ялуторовский	Курганский	Ишимский	Тарский	Тюкалинский	А всего
С 1846 г.	5	7141	140	31	—	7317
С 1847 г.	—	75	—	—	—	75
С 1848 г.	8	1339	4	82	398	1831
С 1849 г.	464	80	599	57	203	1343
С 1850 г.	305	—	—	—	—	305
С 1851 г.	128	—	—	1019	29	1176
С 1852 г.	2004	64	3997	662	4319	11046
С 1853 г.	3567	4935	1739	1925	406	12572
С 1854 г.	—	3	741	38	112	894
С 1855 г.	7	—	4	82	37	130
С 1856 г.	—	—	21	25	68	114
С 1857 г.	—	58	—	342	67	467
С 1858 г.	—	—	—	313	637	970
С 1859 г.	—	157	36	1999	254	2446
С 1860 г.	6	—	13	213	—	232
С 1861 г.	—	—	—	157	—	157
С 1862 г.	—	—	3	114	—	117
С 1863 г.	—	1	367	138	—	506
С 1864 г.	—	—	—	—	—	—
С 1865 г.	—	5	—	—	—	5
С 1866 г.	—	371	67	—	48	486
С 1867 г.	—	—	—	—	—	—
С 1868 г.	—	—	—	—	42	42
С 1869 г.	—	—	—	—	—	—
С 1870 г.	—	—	—	2	552	554
С 1871 г.	—	—	—	—	—	—
С 1872 г.	—	—	—	—	763	763
С 1873 г.	197	—	—	—	—	197
С 1874 г.	—	—	—	—	—	—
С 1875 г.	—	—	—	—	—	—
С 1876 г.	—	—	—	—	8	8
С 1877 г.	—	—	—	—	—	—
С 1878 г.	—	—	—	—	—	—
Итого	6691	14229	7671	7199	7963	43753

Ведомость
о перечислении крестьян в Томскую губернию
с 1870 по 1879 г.
по сведениям Томской казенной палаты

Из каких губерний переселенцы	в 1870 г.	в 1871 г.	в 1872 г.	в 1873 г.	в 1874 г.	в 1875 г.	в 1876 г.	в 1877 г.	в 1878 г.	в 1879 г.	Всего
Вятской	349	374	299	210	310	120	184	358	236	289	2729
Тамбовской	206	241	440	185	184	94	131	202	191	303	2177
Тобольской	30	147	79	303	256	125	254	303	230	377	2104
Воронежской	86	171	441	225	129	27	138	171	235	232	1855
Пермской	31	250	157	140	96	76	157	122	272	338	1639
Самарской	43	123	118	218	311	31	51	60	64	35	1054
Оренбургской	—	39	98	—	127	72	54	52	102	30	574
Пензенской	55	47	108	12	10	28	34	26	24	45	389
Курской	13	—	109	—	54	92	25	23	19	52	387
Владимирской	250	12	8	13	5	36	26	13	5	15	383
Тульской	4	2	254	—	2	9	8	16	37	24	356
Рязанской	3	28	13	4	67	42	43	64	49	38	351
Вологодской	119	9	36	46	14	9	55	18	21	9	336
Симбирской	105	—	10	—	2	13	34	10	31	32	237
Орловской	18	—	2	—	17	38	3	11	2	34	125
Нижегородской	5	17	13	—	3	21	26	9	4	10	108
Уфимской	—	37	—	2	—	40	8	5	—	4	96
Енисейской	7	32	4	2	14	3	—	—	10	12	84
Костромской	—	4	—	—	—	45	1	2	6	6	64
Казанской	25	17	11	3	—	2	6	7	1	3	75

Из каких губерний переселенцы	в 1870 г.	в 1871 г.	в 1872 г.	в 1873 г.	в 1874 г.	в 1875 г.	в 1876 г.	в 1877 г.	в 1878 г.	в 1879 г.	Всего
	Саратовской	54	—	—	1	1	—	—	—	—	
Харьковской	—	—	—	—	—	9	1	5	28	12	55
Смоленской	9	—	1	23	—	11	5	—	1	4	54
Тверской	—	8	1	—	—	16	1	—	—	—	36
Семиреченской	—	—	—	—	—	—	—	—	13	19	32
Архангельской	—	3	5	—	5	10	2	—	—	3	28
Семипалатинской	—	1	—	—	—	—	—	—	12	16	29
Калужской	—	1	—	—	—	15	2	—	—	—	18
Могилевской	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Гродненской	—	—	—	—	—	6	2	—	—	—	8
Амурской	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	8
Астраханской	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Виленской	—	—	1	—	—	3	1	—	1	—	6
Московской	—	—	1	—	—	3	—	—	—	—	4
Акмолинской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
Екатеринославской	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	4
Иркутской	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
Минской	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	3
Новгородской	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2
Черниговской	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	2
Якутской	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Ковенской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Витебской	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Тифлисской	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Киевской	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Итого	1419	1574	2210	1393	1608	1008	1254	1477	1606	1952	15501

Из каких губерний	В какие округа Томской губернии на алтайские заводские земли				Всего
	Барнаульский	Бийский	Кузнецкий	Томский	
Всего в 12 лет переселившихся:					
Пермской	393	566	96	76	1131
Самарской	315	591	—	—	906
Вятской	450	203	207	63	953
Владимирской	20	23	—	—	43
Оренбургской	281	151	—	—	432
Вологодской	28	112	1	—	141
Тульской	40	27	—	—	67
Воронежской	244	972	1	—	1217
Нижегородской	5	6	—	—	11
Пензенской	30	29	—	—	59
Курской	162	53	—	—	215
Уфимской	—	—	1	—	1
Тамбовской	364	936	72	4	1376
Астраханской	—	11	—	—	11
Костромской	—	2	1	—	3
Тверской	—	9	—	—	9
Архангельской	15	3	—	—	18
Могилевской	—	10	—	—	10
Московской	—	4	—	—	4
Орловской	15	104	—	—	119
Симбирской	—	1	—	—	1
Саратовской	1	4	—	—	5
Харьковской	28	33	—	—	61
Иркутской	1	—	—	—	1
Тобольской	484	586	37	4	1111
Енисейской	36	24	11	2	74
	2912	4460	427	150	7979

Статистические сведения о ссылке

	Препровождается ссылных ежгодно	Распределение по категориям за 10 лет					
		Каторжных	На поселение	На жительство	Административных		
				18582	23383	2551	78686
				123202			
		Распределение ссылных с 1870 по 1877 гг.					
				В Западную Сибирь	В Восточную Сибирь		
		Каторжных	1195	11925			
		На поселение	1488	21711			
		На водворение	292	12444			
		На жительство	1543	336			
		Административн.	57249	6193			
			61767	52609			
		Распределение ссылных по полам по сведениям 1876 г.	Семейства, добровольно следовавшие за ссылными				
			взрослых		детей		
		муж.	женщ.	муж.	женщ.	муж.	женщ.
		1993	157	4	248	210	219
		3252	139	2	398	358	344
		185	11	—	18	26	30
		1335	59	—	4	5	4
		5687	231	7	1367	1514	1266
		12442	597	13	2035	2113	1863
		14568	4495				
		83%	17%				
Всего или							

Болезни и смертность в партиях по сведениям 1878 года

	Заболело	Умерло
В Тюменской пересыльной тюрьме на 17191 ссыльных	767 муж. 276 женщ. 479 детей	80 21 220
В Томской пересыльной тюрьме на 9425 ссыльных	1798	321
На баржах до Тюмени в 1878 г. на 10440	624	27
В Ачинске	1074	56
В Красноярске	1205	96
В Каинске	982	27

Число ссыльных в Западной Сибири			Число прописанных ссыльных в городах Западной Сибири		
Округа	Ссыльных	И ссыльн. на число душ мест. селск. населения		Ссыльных	Мещан старожил.
Тобольский	2309	13 ¹ / ₂	В Тобольске	539	2545
Тюменский	2014	14 ³ / ₄	В Ишиме	632	345
Туринский	2965	7 ¹ / ₂	В Ялуторовске	688	249
Ялуторовский	4866	15 ¹ / ₂	В Таре	955	1436
Курганский	6145	14	В Кургане	789	696
Тарский	8737	4 ¹ / ₂	В Тюкалинске	180	397
Тюкалинский	15931	3 ¹ / ₂	В Туринске	416	749
Ишимский	16167	5 ¹ / ₂	В Мариинске	1501	1497
	59134		В Каинске	1149	693
В Томской губ.			В Нарыме	387	917
Томский	13642	1 ³ / ₄	В Томске	1050	4470
Каинский	7343	4 ³ / ₄			
Мариинский	7843	2 ³ / ₄			
	28828				

	Число ссыльных		Недоимок на ссыльных		Число ссыльных
			руб.	к.	
В Тобольской губернии по сведениям 1876 г.		В Тобольской губ.	641930	23	
Было прописано	46756	В Томской губ.	191496	—	
Налицо было	34293	В богадельнях обеих губерний	—	—	181
В неизвестной отлучке	16829	На попечении сельских обществ	—	—	1347
В Томской губернии в 1878 г.		Содержалось в тюрьмах за новые преступления с 1870 по 1876 гг.			
Прописано	28828	В Тобольской	—	—	9828
Налицо	19032	В Томской	—	—	6728
В неизвестной отлучке	9796				

Статистические сведения об инородцах Западной Сибири*

Тобольская губерния Округа:	Тюрского племени		Финского племени		самоедов	Всего инородческого населения	Процент инородцев на число русских
	бухарцев	татар	вогулов	остяков			
Тобольский	3774	11010	2158	1270	—	18212	16,92
Тюменский	2844	6255	—	—	—	9099	9,34
Тарский	1975	6755	—	—	—	8730	7,06
Ялуторовский	134	5133	—	—	—	5267	3,05
Туринский	—	—	3913	—	—	3913	6,72
Березовский	—	—	—	15160	7916	23076	445,90
Сургутский	—	—	—	5923	—	5923	354,67
	8727	29153	6071	22353	6916	74220	13,12

Томская губерния Округа:	Тюрского		Финского		Алтайцы монгольского племени			Всего инородцев	Процент инородцев на число русских
	татары	бухарцы	самоседы	остяки	телеуты и потомки их смешавш. с русскими	черноязычные татары	калмыки		
Томский	5891	152	2916	4211	1285	—	—	14155	7,94
Барнаульский	—	—	—	—	1236	—	—	1236	0,56
Мариинский	1870	—	—	—	—	—	—	1870	2,42
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17803	—	20788	16,48
Бийский	—	—	—	—	225	5791	17018	22034	12,84
Каинский	2225	—	—	—	—	—	—	2225	1,83
Всего	9986	152	2916	4211	5731	23594	17018	63608	7,0

Области	Киргизы				Всего	Процент инородцев на число русских
	у них аулов	кибиток	муж. п.	жен. п.		
Семипалатинская	560	106411	254528	218228	472656	428,04
Акмолинская	349	66106	171185	154629	325814	854,92

* Настоящие сведения составляют результат наших самостоятельных исследований о современном числе и положении инородцев

Земледелие

В 1879 г.	Тобольской губ.		Томской губ.		Акмолинской обл.		Семипалатинской обл.		Всего в Западной Сибири	
	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято
	Четвертей									
Озимой пшеницы	3382	4954	5488	24818	—	—	—	—	8870	29772
Озимой ржи	257496	1042971	162886	720628	9836	38903	1146	4353	431364	1806855
Яровой пшеницы	284661	1037953	255138	1227934	21269	50461	12678	53544	573746	2369892
Овса	695297	2192140	320383	1404956	14065	29397	6360	36988	1036105	3663481
Ячменя	58875	181035	52436	234663	971	3476	1212	8362	113494	427536
Гречихи	10706	24017	4919	31315	20	75	5	8	15650	55415
Картофеля	154415	616428	66603	335013	4309	20529	3386	16450	228713	988420
Прочих яровых хлебов	75704	321107	126282	536829	870	1788	1060	9507	203916	869231
Итого	1540536	5420605	994135	4516156	51340	144629	25847	129211	2611858	10210602
									Средний урожай — 3,95	

Скотоводство

В 1879 г.	В Тобольской губ.		В Томской губ.		В Акмолинской обл.			В Семипалатинской обл.			Всего в Западной Сибири					
	у оседлого населения	на 100 душ об. п.	у оседлого населения	на 100 душ об. п.	у оседлого населения	на 100 душ об. п.	у киргизов	на 100 душ об. п.	у оседлого населения	на 100 душ об. п.	у киргизов	на 100 душ об. п.	у оседлого населения	на 100 душ об. п.	у киргизов	на 100 душ об. п.
Лошадей	622899	52,9	800000	77,4	48051	41	703261	208	45843	88	589119	124	1516793	36,5	1292380	159
Рогатого скота	564293	48	650000	63	53610	46	194595	57	34662	66	240112	60	1302565	55	434707	54
Верблюдов	—	—	—	—	148	0,1	95957	28	238	0,4	74318	15,6	386	0,01	170275	21
Овец простых	855965	72	750000	72	66616	59	1258200	372	35298	68	2606215	549	1709879	72	3864415	476
Овец тонкорунных	1190	0,1	—	—	3345	2,8	77	0,02	—	—	—	—	4555	0,19	77	0,009
Свиней	220649	19	200000	19	3782	3,2	—	—	359	0,7	—	—	424790	18	—	—
Коз	43286	3,7	25000	2,2	2384	2	93891	28	—	—	—	—	70670	2,9	93891	11,5
Оленей (в Березовском и Сургутском окр.)	93579	312	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92579	312	—	—
Итого	2401861	199	2425000	234	179936	155	2345981	694	116400	224	3509764	740	5123197	215	5855745	721
															10978942	

Промышленность

Наименование фабрик и заводов. 1880 г.	Тобольской губ.			Томской губ.			Акмолинской обл.			Семипалатинской обл.			Всего в Западной Сибири		
	число заведений	сумма производи-тельности в рублях	число рабочих	число заведений	сумма производи-тельности в рублях	число рабочих	число заведений	сумма производи-тельности в рублях	число рабочих	число заведений	сумма производи-тельности в рублях	число рабочих	число заведений	сумма производи-тельности в рублях	число рабочих
Бумажных	1	2505	24	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2505	24	
Винокуренных	11	714374	669	15	1269915	514	1	62992	80	1	211728	117	28	2259009	1380
Воскобойных	—	—	—	21	13287	63	—	—	—	—	—	—	21	13287	63
Водочных	5	173000	33	—	—	—	3	87479	20	—	—	—	8	259479	53
Гончарных	26	4580	45	25	4801	57	—	—	—	—	—	—	51	9381	102
Для выделки муки	80	956560	522	—	—	—	1	3429	13	—	—	—	81	959989	535
Канатных	15	7690	51	13	6060	53	—	—	—	—	—	—	28	13755	104
Кафельных	—	—	—	2	574	4	—	—	—	—	—	—	2	574	4
Кирпичных	178	16199	190	78	47621	1006	24	20093	238	60	9060	182	340	92973	1616
Кожевенных	397	2324060	1117	81	255612	592	27	322217	226	23	124644	66	528	3026533	2001
Картофельно-паточных	17	137905	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	137905	234
Колокольных	4	4487	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4487	8
Клееваренных	4	7700	36	—	—	—	5	7800	24	—	—	—	9	15500	60
Лосиных и оленьих	3	800	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	800	6
Маслобойных	159	57194	266	84	18868	202	1	900	2	1	150	1	240	77112	471
Мыловаренных	19	132800	50	30	37597	107	3	6651	3	7	4073	9	59	181121	169
Медеплавильных	—	—	—	—	—	—	1	248000	183	1	1404	23	2	249404	206
Овчинных	6	1773	10	—	—	—	10	111940	49	—	—	—	16	113713	59
Для трепания шерсти	—	—	—	—	—	—	2	200000	211	—	—	—	2	200000	211
Табачных	—	—	—	1	30456	56	—	—	—	—	—	—	1	30456	56
Пиво- и медоваренных	5	22020	22	17	204785	117	3	17897	15	—	—	—	25	244702	154
Пимокатных	26	8400	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26	8400	37
Свечных восковых	—	—	—	8	90982	45	1	20200	4	—	—	—	9	111182	49
Свечных салыных	19	73390	51	15	45450	58	4	11320	8	—	—	—	38	130160	117
Салотопенных	92	918394	279	17	41500	58	43	871426	183	5	16275	14	157	1848595	534
Содовых	—	—	—	1	54000	39	—	—	—	—	—	—	1	54000	39
Спичечных	3	3740	11	3	13469	35	—	—	—	—	—	—	6	17209	46
Стекольных	14	56600	196	2	37530	238	—	—	—	—	—	—	16	94130	434
Суконных	1	193446	329	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	193446	329
Скипидарных	3	792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	792	3
Судостроительных	2	свед. нет	496	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	496
Чугунодетейных	3	138750	381	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	138750	381
Экипажных	—	—	—	14	11689	128	—	—	—	—	—	—	14	11689	128
Итого	1093	5958164	5066	427	2184196	3372	129	1991344	1259	98	367334	412	1747	10501038	10109

Провещение

К 1880 г.

	Тобольская губерния					Томская губерния				
	Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
	в губернк. городе	в окружн. городах	в округах	мужчин	женщин	в губернк. городе	в окружн. городах	в округах	мужчин	женщин
Мужские гимназии	1	—	—	239	—	1	—	—	230	—
Военная гимназия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские гимназии	—	—	—	—	—	1	—	—	—	369
Духовные семинарии	1	—	—	149	—	1	—	—	80	—
Учительские семинарии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Военная прогимназия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские прогимназии	—	6	—	—	518	—	2	—	—	1
Реальные училища	—	1	—	42	—	1	—	—	203	—
Духовные окружные училища	1	1	—	289	—	1	1	—	238	—
Горное окружное училище	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
Женское училище	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 разряда	—	1	—	—	16	—	—	—	—	—
Уездные училища	1	7	—	439	—	1	2	—	224	—
Войсковые окружные училища	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Марининская женская школа	1	—	—	—	253	—	—	—	—	—
Городские приходские училища	2	15	—	894	48	9	10	—	1022	554
Горные сельские училища	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—
Сельские училища	—	—	199	3632	792	—	—	137	2609	42
Войск. станич. и пос. школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Миссионерские школы	—	—	2	53	20	—	—	—	—	—
Ветеринарные и фельдшерские школы	1	—	—	23	—	1	—	—	20	—
Повивальные школы	1	—	—	—	39	1	—	—	—	20
Ремесленные школы	1	—	—	23	—	—	—	—	—	—
Приюты и благотворительные школы	2	1	—	126	160	—	—	—	—	—
Магометанские школы	—	1	26	435	125	2	—	—	80	3
Интернаты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Киргизские школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Еврейские школы	—	—	—	—	—	1	—	—	17	6
Народные школы	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
Итого	12	33	227	6344	1971	21	16	148	5465	1146

Акмолинская область			Семипалатинская область						Всего в Западной Сибири					
Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся		Число учебных заведений			Число учащихся	
в областном городе	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин	в областном городе	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин	в губернских городах	в уездных городах	в уездах	мужчин	женщин
—	1	—	160	—	—	—	—	—	—	2	1	—	629	—
—	1	—	332	—	—	—	—	—	—	1	1	—	332	—
—	1	—	—	349	—	—	—	—	—	1	1	—	—	718
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	229	—
—	1	—	88	—	—	—	—	—	—	1	1	—	88	—
—	1	—	224	—	—	—	—	—	—	1	1	—	224	—
94	2	—	—	293	1	—	—	—	99	1	10	—	—	1056
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	245	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	527	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	16
—	1	—	145	—	1	—	—	92	—	3	10	—	900	—
—	—	1	48	—	—	1	—	27	—	—	1	1	75	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	253
2	9	—	581	97	1	7	—	337	131	14	41	—	2834	830
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	336	6241	1213
—	—	80	1494	445	1	5	47	1028	167	1	5	127	2522	612
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	53	20
—	3	—	114	—	—	—	—	—	—	2	3	—	157	—
—	1	—	—	30	—	—	—	—	—	2	1	—	—	89
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	23	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	126	160
1	7	2	213	80	7	5	—	642	92	10	13	28	1370	300
2	6	2	92	76	—	1	—	20	—	2	7	2	112	76
—	1	—	9	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—
—	—	—	—	—	1	—	—	10	—	2	—	—	27	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
130	35	85	3500	1730	12	19	47	2156	489	50	103	507	17465	5349
										660			22814	

